Отто Браун

КИТАЙСКИЕ ЗАПИСКИ

1932-1939

16/4 78

11/v 78

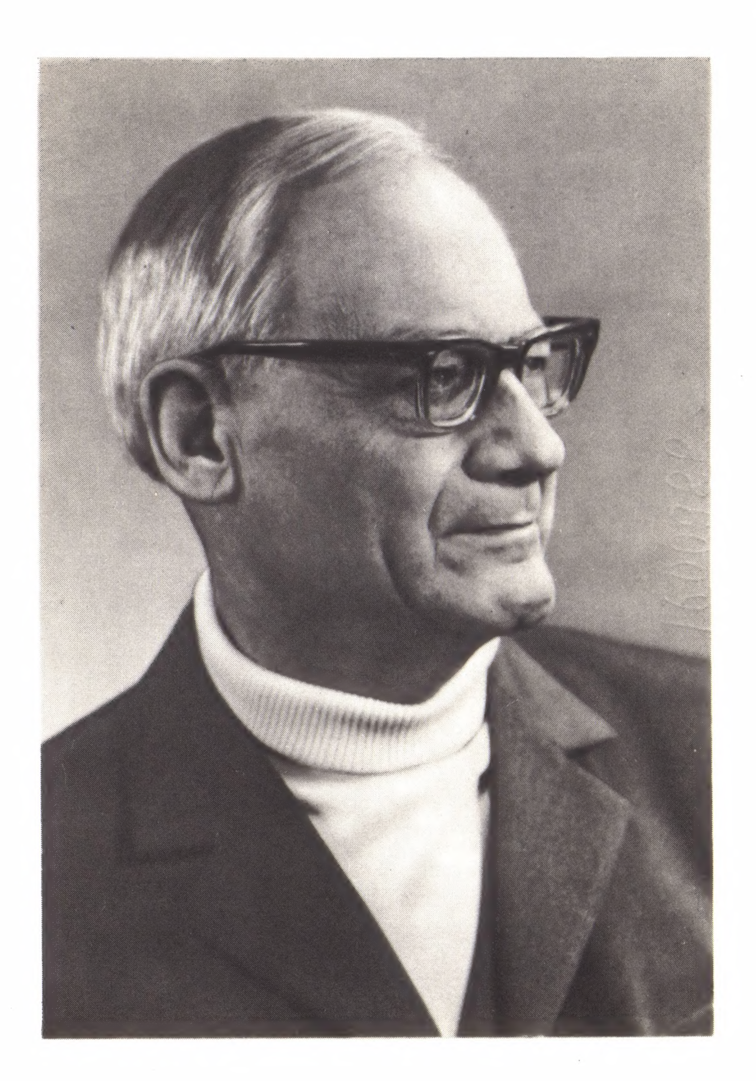
28/8 78

78
10 v 11

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА
1974

Otto Braun

李德

1932
1939

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · МОСКВА · 1974

Браун О.

Б87 Китайские записки (1932—1939). [Пер. с нем.] М., Политиздат, 1974.

367 с. с ил.

Немецкий коммунист Отто Браун в 1932 году был послан Исполкомом Коминтерна в Китай в качестве военного советника при ЦК КПК. Он пробыл в стране семь лет, принимая активное участие в освободительной борьбе китайского народа.

Автор рассказывает о героической борьбе китайского народа против отечественных и иностранных угнетателей, за победу народной революции.

Вместе с тем его воспоминания свидетельствуют, что уже в то время Мао Цзэ-дун и его сторонники, игнорируя принципы марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, выступали носителями великодержавных, шовинистических взглядов и настроений.

Мемуары Отто Брауна особо актуальны в свете той борьбы, которую ведут в наши дни марксистско-ленинские партии против теории и практики маоистов.

Книга рассчитана на массового читателя.

Б $\frac{11103-222}{079(02)-74}$ БЗ—70—2—73 **9(М)71**

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Недавно в Германской Демократической Республике были опубликованы воспоминания немецкого коммуниста-интернационалиста, большого друга Советского Союза Отто Брауна.

Ветеран международного коммунистического и рабочего движения Отто Браун (он же Карл Вагнер, Ли Дэ, Хуа Фу) принимал непосредственное участие в вооруженной борьбе китайского народа за новый, свободный Китай. До того, как Отто Браун оказался в Китае, он прошел славный и героический путь революционной борьбы в рядах немецкого рабочего класса. Он поехал в Китай, будучи уже опытным революционером и военным специалистом. По прибытии в Шанхай, где в то время в подполье, в условиях жесточайшего террора и преследований со стороны объединенных сил империализма и гоминьдановской реакции находился боевой штаб китайской революции — Центральный Комитет Коммунистической партии Китая, Отто Браун приступил совместно с руководством КПК к разработке военно-оперативных мероприятий по отражению четвертого карательного похода гоминьдановских войск против советских районов и китайской Красной армии.

Находясь в Центральном советском районе, он принимает активное участие в разработке и осуществлении военно-оперативных мероприятий китайской Красной армии. Одновременно он занимается организацией и налаживанием учебного процесса в первой военной академии китайской Красной армии, а также подготовкой военных кадров и постановкой военно-научной работы.

Немалый вклад внес Отто Браун в организацию боевых действий китайской Красной армии и во время пятого похода Чан Кай-ши, который был предпринят осенью 1933 г. Он участник Великого похода китайской Красной армии через одиннадцать провинций с юга на северо-запад Китая.

Отто Браун внес большой вклад в разработку и осуществление военно-оперативных мероприятий

по сдерживанию натиска гоминьдановских войск, по выводу из окружения в Центральном советском районе главных сил китайской Красной армии, организации прорыва четырех сильно укрепленных гоминьдановцами заградительных линий, а также принимал активное участие в руководстве военными действиями во время Великого похода.

В воспоминаниях Отто Брауна дана яркая и правдивая картина героической борьбы китайских коммунистов и их вооруженных сил против внутренних и внешних врагов за национальное и социальное освобождение китайского народа, за победу народной революции. Книга проникнута глубоким уважением к китайским коммунистам и бойцам китайской Красной армии, с которыми автор делил все тяготы и лишения, связанные с борьбой за новый и свободный Китай. Книга написана с марксистско-ленинских позиций и повествует об очень важном и трудном периоде борьбы Коммунистической партии Китая. В ней содержится много малоизвестных или вообще неизвестных данных о событиях, которые имели место в тот период.

Со времени описываемых событий прошло четыре десятилетия, и поэтому вполне понятно замечание автора о том, что ему «не удалось избежать неясностей, неточностей и пробелов», но это, конечно, нисколько не умаляет огромных достоинств его труда.

Автор ярко и правдиво показывает фракционную, антипартийную деятельность Мао Цзэ-дуна, к каким приемам и методам он прибегал в борьбе за узурпацию руководства в партии и армии, в чем конкретно проявлялись шовинистические и антисоветские взгляды Мао Цзэ-дуна, когда и как началось предательство марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

До конца жизни (он умер в августе 1974 года) не прекращал Отто Браун работу по разоблачению антисоциалистической, антимарксистской сущности внутри- и внешнеполитического курса маоистского руководства.

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ

Автор этой книги — видный коммунист и интернационалист Отто Браун родился в 1900 году. Более 50 лет тов. Отто Браун являлся членом революционной партии рабочего класса. В апреле 1919 года он сражался на баррикадах Баварской советской республики. В 20-х годах Отто Браун, как активный член КПГ, всегда находился в центре классовой борьбы, выполняя ответственные задания партии. Классовая юстиция Веймарской республики преследовала его и подвергла аресту. В 1928 году ему удалось бежать из тюрьмы. По решению партии он уехал в Советский Союз.

В 1932 году опытный революционер Отто Браун уезжает по заданию Коминтерна в Китай. Там он провел семь лет наполненной борьбой жизни. Верный принципам пролетарского интернационализма, тов. Отто Браун выполнял функции военного советника Коминтерна при Центральном Комитете Коммунистической партии Китая в Шанхае, в тогдашнем Центральном советском районе Южного Китая, а также во время Великого похода и в освобожденном районе Северного Китая. Отто Браун — единственный иностранный участник Великого похода, во время которого китайская Народно-освободительная армия с боями пересекла Китай.

В последнее время Отто Браун был научным сотрудником Института общественных наук при ЦК СЕПГ. За большие заслуги перед революционным рабочим движением он удостоен орденов Карла Маркса, Отечественной войны и других высоких наград ГДР и СССР.

Автор, непосредственный свидетель важного этапа китайской революции, в своих воспоминаниях рисует яркую картину тяжелой борьбы китайского народа против внутренних и иностранных угнетателей, за победу народной революции. Вместе с тем из описания автора видно, что уже тогда внутри КПК шла острая борьба между марксистско-ленинскими силами и мелкобуржуазно-националистическими элементами. Уже тогда у Мао Цзэ-ду-

на и его окружения проявлялись великодержавно-шовинистические и антисоветские взгляды, уже тогда началось их предательство принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

Поэтому и сегодня «Записки» тов. Отто Брауна имеют большое значение. Они представляют собой важный вклад в борьбу братских марксистско-ленинских партий за дальнейшее укрепление единства и сплоченности мирового коммунистического движения и всех революционных сил, против антисоциалистической теории и практики маоистов.

1932
1933

ГЛАВА

1

НА ИСХОДНЫХ ПОЗИЦИЯХ В ШАНХАЕ

Весной 1932 года я окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе в Москве. Вскоре ИККИ (Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала) направил меня в Китай. В общих чертах моя задача заключалась в том, чтобы в качестве военного советника помогать Коммунистической партии Китая в ее борьбе на два фронта: против японских агрессоров и против реакционного режима Чан Кай-ши.

Недели через две я, с австрийским паспортом в кармане, уже сидел в транссибирском экспрессе, который доставил меня на пограничную станцию Маньчжурия. Оттуда направился в Харбин, где провел некоторое время. Чтобы ознакомиться с обстановкой, я совершил ряд поездок, в том числе в Шанхай. Осенью 1932 года я переселился туда окончательно. Эта поездка прошла без происшествий.

Поездом я доехал до Дайрена (ныне Далянь). Наш состав охранялся японскими солдатами, так как с полей, засеянных гаоляном по обе стороны Южно-Маньчжурской железной дороги, на поезда постоянно нападали китайские патриоты. Из Дайрена я пароходом отбыл в Шанхай. Русские белогвардейцы и японские агенты, шпионившие за мной в дороге, оставили меня в покое.

В Шанхае я сначала остановился в «Асторхауз» — гостинице для иностранцев, выдержанной в старом английском колониальном стиле. Через несколько недель обосновался в Американском пансионе. Это обеспечило мне общественное положение, необходимое для свободного, не вызывающего подозрений передвижения, поскольку, в отличие от других иностранцев, я не открыл собственного дела и вообще не имел определенных занятий.

Шанхай представлял собой типичную картину портового города, где хозяйничают империалисты. Там, где Хуанпу впадает в Янцзы, стояли на якоре японские, американские, французские и английские военные корабли. В «международном сеттльменте» и во «французской концессии» управляли иностранные власти с собственной полицией. Рынок был наводнен импортными товарами, в основном американскими. Эксплуатация женского и детского труда приносила миллионные прибыли, не менее наживались на торговле оружием и контрабанде опиумом. Иностранцы забавлялись игрой в поло, собачьими гонками, кутили в бесчисленных ночных барах, дансингах и портовых кабачках.

И тут же, рядом, порт и улицы кишели изнуренными кули и нищими. В получасе езды от центра города лежали развалины Чжабэя (Чапэя). В начале 1932 года японские агрессоры, пытаясь захватить Шанхай, превратили этот район в пепелище. Находясь в полной безопасности, иностранцы, как театральные зрители, в полевые бинокли наблюдали тогда с крыш отелей и домов за этой битвой, длившейся неделями.

Теперь Шанхай казался спокойным, но это спокойствие было обманчивым. Поддерживаемые международной полицией, ищейки Чан Кай-ши каждый день устраивали облавы на крупных текстильных предприятиях, а ночью — в китайских кварталах. Они охотились за коммунистами. У тех, кого схватывали, был один выбор: предательство или смерть. В то время в Китае тысячи лучших партийных работников были обезглавлены, расстреляны или задушены. Уничтожались не только они, но и их семьи. Эти акции истребления начались в 1927 году, сразу же после поражения национальной революции и разгрома восстаний в Шанхае, Ухани, Кантоне и других городах, и проводились систематически, с неослабевающей силой. В них наряду с полицией участвовали и гангстерские банды, давно сотрудничавшие с гоминьданом, и «синерубашечники» — члены фашистской организации, незадолго до этого созданной Чан Кай-ши. Они загнали коммунистов в глубочайшее подполье. В таких условиях было очень трудно представить себе подлинную картину социальных конфликтов, созревавших где-то в глубине и проявлявшихся в виде отдельных забастовок и других акциях протеста.

Гораздо легче оказалось понять настроения средних городских слоев, мелких буржуа и интеллигентов и особенно студентов. Они были откровенно националистическими и проявлялись в нескрываемой ксенофобии, которая была направлена отнюдь не только против японских агрессоров. Эти настроения, выражавшиеся в самых разнообразных формах, свидетельствовали, несомненно, о глубоком национальном кризисе. Однако этот кризис расценивался и представителями Коминтерна, и товарищами из ЦК КПК как новый революционный подъем. Отсюда вытекали политические ошибки при определении сложившейся ситуации и постановке задач, никак не соответствовавших реальному соотношению сил в Китае в 1932—1933 годы. Однако об этом пойдет речь ниже.

* * *

Белый террор вынуждал и нас строго соблюдать все правила конспирации, тем более что мы были предупреждены об этом. В 1930 году был арестован сотрудник представительства Коминтерна Ноленс-Ругге, причем было захвачено много документов. Только путем подкупа продажных китайских судей удалось тогда предотвратить вынесение ему смертного приговора и казнь.

Через несколько дней после приезда я связался с Артуром Эвертом, являвшимся в то время представителем Коминтерна при ЦК КПК. Его я хорошо знал по партийной работе в Германии. Несколько лет спустя он вместе со своей женой Сабо был арестован в Бразилии и зверски замучен. Кроме него в представительство Коминтерна входил русский товарищ, выдававший себя за эмигранта,— он был работником ОМС (отдел международных связей) и отвечал за безопасность и за все технические и финансовые вопросы, а также два американских товарища — от КИМ (Коммунистический Интернационал Молодежи) и Профинтерна (Интернационал красных профсоюзов).

Вести работу, как уже отмечалось, приходилось в условиях чрезвычайной конспирации. Правда, мы, некитайцы, могли встречаться сравнительно безопасно, так как у нас были «чистые» паспорта и жили мы на территории «международного сеттльмента» или «французской концессии». Однако нужно было соблюдать необходимую предосторожность: открыто общаться только с иностранцами, посещать время от времени какой-нибудь клуб и вообще вести себя как можно незаметнее.

Гораздо труднее было поддерживать связь с руководящими китайскими товарищами. Поэтому непосредственный контакт с ними имели только Эверт и я. Мы регулярно (обычно раз в неделю) посещали ЦК, который находился в новом жилом квартале и, разумеется, был тщательно законспирирован. В конспиративный дом ЦК разрешалось входить только по условному знаку (например, лампа, стоящая на одном из окон, или приподнятая штора в освещенной комнате и т. п.). Дважды нам пришлось возвращаться ни с чем, потому что сигналы безопасности отсутствовали. Для подобных случаев существовал пункт связи вне этого дома, где мы договаривались о следующей встрече. Кстати сказать, оба раза сигнал о безопасности не был дан по небрежности. А в общем за все время моего пребы-

вания в Шанхае связь действовала безупречно. Не произошло никаких инцидентов или арестов.

В конспиративном доме ЦК Эверт и я обсуждали с секретарями ЦК Бо Гу (Цинь Бан-сянь) и Ло Фу (Чжан Вэнь-тянь) актуальные политические и военные вопросы. Оба они учились в Советском Союзе и прекрасно говорили по-русски, а Ло Фу, длительное время учившийся также в США, владел еще и английским. Поэтому переводчика нам не требовалось. Иногда, правда редко, в этих обсуждениях участвовали и другие китайские товарищи. Среди них, несомненно, был Кан Шэн, хотя я его и не помню. Позже появились Славин (Ли Цзу-шэнь) и Мицкевич (Шэн Чжун-лян), которые в 1933 году вернулись из Советского Союза, а после ареста в 1934 году стали предателями.

Секретариат ЦК КПК в Шанхае поддерживал регулярную связь по радио и, при случае, с помощью курьеров с Исполкомом Коминтерна в Москве, а также с Центральным советским районом, где находилось Временное революционное правительство Китая, и который был базой главных сил китайской Красной армии — так называемой Центральной армейской группы.

Радиосвязь представительства Коминтерна с ИККИ из-за отсутствия собственной радиостанции осуществлялась также через приемо-передаточную станцию ЦК. С другими советскими и партизанскими районами у ЦК не было постоянной связи. Она поддерживалась от случая к случаю уполномоченными и курьерами, которые неделями находились в пути, что крайне тормозило работу. Так же обстояло дело со связью с партийными организациями в других крупных городах и промышленных районах, находившихся в сфере власти гоминьдана, в том числе и с местными бюро ЦК в Пекине, Ухане и Кантоне.

Артур Эверт свел меня с Агнес Смэдли, собиравшей в Шанхае материал для своей книги «Китай борется». Секретари ЦК всячески помогали ей встречаться с товарищами, приезжавшими из Центрального советского района. Их сообщения о боевых действиях и настроениях на местах она записывала почти дословно и мне первому давала читать свои записи. Хотя эти сведения носили довольно субъективный характер и часто оказывались сильно искаженными, все же они очень помогли мне понять специфические особенности китайской революции. Еще важнее был личный контакт Смэдли с Сун Цин-лин, вдовой Сунь Ят-сена,

которая находилась в оппозиции к Чан Кай-ши и поддерживала связь с другими оппозиционно настроенными гоминьдановцами, в частности с Цай Тин-каем, командующим 19-й армией, с представителями правительств провинций Гуандун и Гуанси, а также с эмигрировавшими в Гонконг китайскими политическими деятелями.

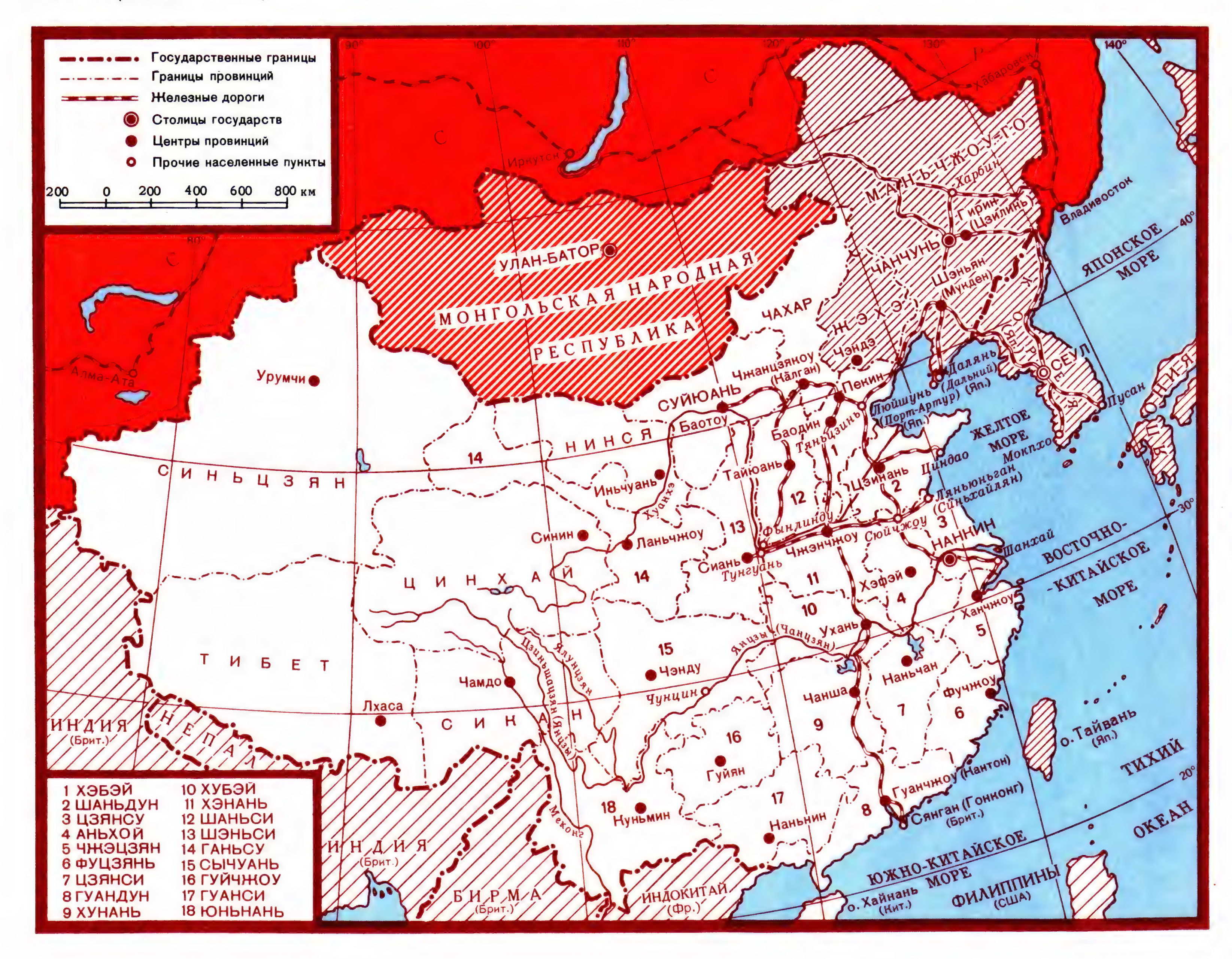
* * *

Начиная работать в Шанхае, я еще не имел достаточно ясного представления о политическом положении в Китае и о положении внутри партии. Военная же информация, которой я располагал, была недостаточной и подчас противоречивой. Я, правда, знал, что из Москвы выехал главный военный советник, но он очень задержался в пути. Поэтому с первых же дней мне пришлось давать оценки и рекомендации по военным вопросам.

Из бесед с Артуром Эвертом, Бо Гу и Ло Фу я получил приблизительное, далеко не полное представление о политическом положении. Китайская революция и Коммунистическая партия Китая — говоря упрощенно и не претендуя на четкую историческую периодизацию — переживали в это время третий этап, или третью фазу, своего развития. Первый этап длился примерно от основания Коммунистической партии Китая в 1921 году до измены Чан Кай-ши национальной революции в 1927 году. Для этого периода характерно прежде всего наличие единого фронта Коммунистической партии и гоминьдана, который возглавлял Сунь Ят-сен до своей смерти в 1925 году. Эту политику союза действенно поддерживали Советский Союз и Коминтерн. Несмотря на левосектантские и особенно правооппортунистические ошибки, идеологически еще не окрепшей партии удалось создать довольно сильные организации в промышленных центрах и крупных городах и приобрести известное влияние в гоминьдане, а также в сформированной в Кантоне Национально-революционной армии.

Серьезные недостатки, однако, выявились в руководстве антифеодальным движением крестьян против крупных землевладельцев и деревенских ростовщиков. На волне революционного подъема, охватившего всю страну, Национально-революционная армия во время Северного похода в 1926—1927 годах завоевала политическую власть в Южном и Центральном Китае.

КИТАЙ (начало 30-х гг.)

Когда же Чан Кай-ши, возглавивший после смерти Сунь Ят-сена гоминьдан и занявший пост главнокомандующего Национально-революционной армией, в 1927 году вступил в сговор с англо-американскими империалистами и местными милитаристами и феодалами, антиимпериалистическая, антифеодальная революция потерпела поражение. В 1928 году VI конгресс Коминтерна и VI съезд Коммунистической партии Китая, состоявшийся незадолго до конгресса, охарактеризовали китайскую революцию как незавершенную буржуазно-демократическую революцию, которая не разрешила ни национального, ни аграрного вопроса и не носила, несмотря на определенную антифеодальную направленность, ярко выраженного классового характера.

Попытка продолжать политику союза с левым крылом гоминьдана, или, иными словами, попытка расколоть гоминьдан, не удалась. И дальнейшую борьбу КПК вынуждена была вести одна, опираясь только на рабочих и крестьян. Это был исторический перелом: начался второй этап развития китайской революции. Призыв к национальной революции был заменен призывом к социальной революции. Хотя ее сутью продолжала оставаться аграрная проблема, многие члены КПК, даже среди руководства, понимали ее как более или менее четко выраженную пролетарскую, социалистическую революцию. Реакционными силами объявлялись теперь не только компрадоры, то есть крупная финансовая и торговая буржуазия, но и национальная, и даже мелкая городская буржуазия, в которой до тех пор видели одну из движущих сил революции. Рабочие же и крестьяне, ошибочно объединенные общим названием «пролетариат», рассматривались как единственная движущая сила революции. Это означало полный отказ от политики союза со средними слоями. Так возникла оформившаяся к 1930 году левосектантская, путчистская линия, которая победила в руководстве партии и вошла в историю под названием лилисаневщины.

Формированию этой линии благоприятствовали два обстоятельства.

Во-первых, в результате массового белого террора поредели рабочие кадры партии в крупных городах и промышленных центрах. Во-вторых, в результате восстаний революционных частей бывших национальных армий, объединявшихся с партизанскими отрядами крестьян, во внутренних

районах страны возникали вооруженные силы и территориальные базы революции. Центр тяжести классовой борьбы перемещался из города в деревню, с рабочего класса на крестьянство и с политических действий на военные. Безмерно переоценивая собственные силы, партийное руководство взяло курс на завоевание политической власти сначала в одной или нескольких провинциях, а затем — во всей стране. Предполагалось, что это будет достигнуто путем вооруженных восстаний в городах и крупных наступательных действий революционных вооруженных сил, которые, действуя со своих сельских баз, должны окружить и взять штурмом крупные и крупнейшие города — опорные центры противника. Только к концу 1930 года ИККИ удалось приостановить осуществление этой авантюристической ультралевой линии, стоившей тяжелых жертв. Однако полностью исправить этот курс не удалось.
В январе 1931 года ЦК КПК собрался на свой 4-й после VI партсъезда пленум. Он осудил путчистскую наступательную линию Ли Ли-саня и обновил состав Политбюро и его Секретариата (Постоянного комитета), пополнив их марксистски подготовленными кадрами, людьми, зарекомендовавшими себя интернационалистами. Таким образом, КПК вступила в третью фазу своего развития.
В новый Постоянный комитет вошли, по моим сведениям, Ван Мин (Чэнь Шао-юй), Чжоу Энь-лай и генеральный секретарь партии Сян Чжун-фа. После убийства классовым врагом Сян Чжун-фа генеральным секретарем был избран Ван Мин, но уже в 1931 году он уехал в Москву, где до 1937 года представлял КПК в ИККИ. В конце 1931 года в советский район Цзянси — Фуцзянь отправился Чжоу Энь-лай, чтобы возглавить там вновь созданное бюро ЦК. До него туда же уехал член Политбюро Сян Ин. Бо Гу, сменивший Ван Мина на посту генерального секретаря, вместе с Ло Фу руководил из Шанхая деятельностью ЦК. У новых руководителей партии также не было единой точки зрения относительно политического положения в стране и дальнейшего хода революции. На 4-м пленуме ЦК говорилось о начавшемся новом революционном подъеме и выдвигался тезис, что только Советы могут спасти Китай. Это поддерживалось представительством Коминтерна в Шанхае и, по-видимому, ИККИ в Москве.
Признаки нового подъема усматривали в бурно растущем народном движении против постоянно расширяющейся

после 1931 года японской агрессии, в несомненном росте революционных вооруженных сил, их баз, советских и партизанских районов.

Это усугублялось слабостью партии и вообще рабочего движения в районах, подвластных гоминьдану. Поэтому, вопреки официальной оценке положения, все чаще поговаривали о застое или даже спаде революционной волны.

Такие настроения исходили главным образом из советского района Цзянси — Фуцзянь. Мао Цзэ-дун, который до прибытия Сян Ина и Чжоу Энь-лая осуществлял там всю политическую и военную власть, использовал их всякий раз, когда Чан Кай-ши удавалось ликвидировать конфликты, периодически возникавшие между Центральным гоминьдановским правительством в Нанкине и местными милитаристами. Мао Цзэ-дун утверждал, что советские районы являются красными островами в белом море и могут существовать лишь до тех пор, пока белые властители дерутся друг с другом. Поэтому необходимо использовать существующие между ними противоречия и бить их поодиночке, но избегать столкновений с объединенными силами врага. С чисто военной точки зрения такая стратегия в партизанской войне была вполне приемлема, пока стабильных советских районов еще не существовало. В плане же политическом, как мне стало ясно позднее, она привела к весьма сомнительным последствиям.

Между тем шатания по вопросу о «подъеме» или «спаде» имели гораздо меньшее значение, чем расхождения и даже диаметрально противоположные взгляды по коренным вопросам революции. Представительство Коминтерна и партийное руководство в Шанхае отвергали установку на пролетарскую революцию. Они отстаивали прежнюю программу демократической, то есть антиимпериалистической и антифеодальной, революции, но под лозунгом Советов, которые рассматривались как революционно-демократическая диктатура рабочих и крестьян, с перспективой перерастания демократической революции в социалистическую. Правда, о некапиталистическом пути развития Китая после победы демократической революции всерьез никто не думал. В конкретных условиях начала 30-х годов это было вполне понятно.

Мы считали, что лозунг Советов послужит средством вовлечения широких масс города и деревни в борьбу за национальное и социальное освобождение. Из этой борьбы на

два фронта вытекала и двойная задача. Необходимо было, несмотря на белый террор, вести в крупных городах и промышленных центрах интенсивную пропагандистскую и организационную работу и одновременно укреплять и расширять революционные вооруженные силы и базы в сельской местности. Уже в 1932—1933 годах главным врагом для нас был — и это я хотел бы особо подчеркнуть — агрессивный японский империализм. Непосредственными же противниками, особенно в вооруженной борьбе, выступали гоминьдан и милитаристы различных провинций.
Данное обстоятельство и определило то, что в советских районах, которые ежедневно имели дело с этими непосредственными противниками, особенно в районе Цзянси — Фуцзянь, врагом номер один под влиянием Мао считался Чан Кай-ши, глава гоминьдановского правительства и верховный главнокомандующий вооруженными силами гоминьдана. Чтобы разбить Японию, заявлял Мао, необходимо сначала разгромить Чан Кай-ши. Поэтому, как и во времена Ли Ли-саня, гражданская война велась под знаменем пролетарской революции. Это же нашло отражение и в практической деятельности Советов, например в неправильной сектантской политике по отношению к кулакам и середнякам, в законе о земле, по которому полностью конфисковывалась вся земля, в том числе и крестьянская. Этим обусловливался и террор, направленный не только против классовых врагов, но и против потенциальных союзников и даже инакомыслящих коммунистов и т. п. В результате коммунистическая партия, оторвавшись от масс, оказалась в советском районе Цзянси — Фуцзянь во временной самоизоляции.
Разногласия о направлении удара в борьбе на два фронта — против империализма и против феодализма в известной степени были сняты в условиях суровой действительности, особенно походов Чан Кай-ши, которые он регулярно проводил против советских районов с 1930 года. Под давлением чрезвычайных обстоятельств представительство Коминтерна и Политбюро ЦК также все больше склонялись к односторонней ориентации на советские районы и гражданскую войну. Отдельные заявления об антияпонской борьбе ничего не меняли. В советском районе Цзянси — Фуцзянь, который стал тогда называться Центральным советским районом, в 1931 году по рекомендации ИККИ и решению 4-го пленума ЦК был созван I съезд ра-

бочих, крестьянских и солдатских депутатов, образовано Временное революционное правительство во главе с Мао Цзэ-дуном и Революционный военный совет, руководителем которого стал Чжу Дэ. Главной задачей партии съезд провозгласил: реорганизацию революционных вооруженных сил в регулярную Красную армию, консолидацию и расширение советских районов и усиление партизанской войны в гоминьдановских районах.

По двум важным вопросам, по которым также высказывались, хотя вначале и в завуалированной форме, противоположные точки зрения, представительство Коминтерна и руководство партии остались непреклонными.

Гегемонию рабочего класса и в такой, и даже именно в такой отсталой аграрной стране, как Китай, мы считали закономерной и неизбежной. Поэтому надо было усилить подготовку пролетарских руководящих кадров, тем более что в специфических условиях Китая (массовая неграмотность, безудержный белый террор и т. д.) руководящие кадры партии подбирались почти исключительно из интеллигенции, происходившей из мелкобуржуазных, буржуазных и даже феодальных слоев. Мао Цзэ-дун, напротив, после 1927 года все чаще высказывался, что рабочий класс утратил свою руководящую роль, что главной силой революции является крестьянство, а ее оплотом — деревня.

Поэтому он считал, опять-таки вслед за Ли Ли-санем, что центр мировой революции теперь переместился на Восток, в Китай, подобно тому как в 1917 году он переместился из Германии в Россию. В качестве главного противоречия в мире, следовательно, выступало не противоречие между социалистическим Советским Союзом и капиталистическими государствами, а противоречие между империалистической Японией и китайской нацией. Отсюда Мао Цзэ-дун делал вывод, что Советский Союз обязан любой ценой помочь революционному советскому Китаю, не останавливаясь даже перед войной, ибо победивший революционный Китай призван двинуть вперед дело мировой революции. Как уже отмечалось, все это вовсе не являлось законченной концепцией. Скорее, это были афористические высказывания, столь любимые Мао Цзэ-дуном, которые доходили до нас от случая к случаю. Поэтому никто и не придавал им сколько-нибудь серьезного значения, и, как позже выяснилось, совершенно напрасно.

Нет нужды говорить, что мы все единодушно отстаивали противоположную точку зрения. Главное противоречие в мире мы видели как раз в антагонизме между силами социализма во главе с Советским Союзом и империалистическими государствами, наиболее агрессивными из которых все явственнее выступали Германия, Италия и Япония — будущие страны оси. СССР, в то время единственная социалистическая страна в мире, являлся для нас символом пролетарской революции. Мы считали своим священным интернациональным долгом защищать его как от авантюрных планов, так и от вражеских ударов.

* * *

На фоне этой довольно запутанной политической ситуации, какой она мне тогда представлялась, я сконцентрировал свою деятельность как военного советника в Шанхае главным образом на том, чтобы получить возможно более реальное представление о расстановке сил и боевых действиях, с одной стороны, между японскими войсками и китайскими вооруженными силами — антияпонскими партизанами и частями антияпонски настроенных гоминьдановских генералов, а с другой — между Красной армией и действующими против нее гоминьдановскими войсками. Конечно, последнее было важнее. При этом конструктивная работа по оценке обстановки и выработке рекомендаций волей-неволей ограничивалась Центральным советским районом, ибо только с ним имелась регулярная связь. Кстати говоря, я много раз посылал курьерской почтой в Москву микрофильмы с докладами о положении дел, схемами и т. п.
Как это ни парадоксально, труднее всего было правильно оценить вооруженные силы китайской Красной армии. Относительно гоминьдановских войск я в общем был осведомлен довольно неплохо, причем нередко черпал информацию из радиограмм, приходивших из Центрального советского района, где систематически прослушивались и расшифровывались почти все радиопередачи противника. И напротив, сведения о наших собственных соединениях, об их нумерации, дислокации и боевых действиях были часто довольно туманными, противоречивыми, а нередко явно преувеличенными. Тем не менее спустя некоторое время мне удалось получить довольно полное представление о революционных вооруженных силах и их террито-

риальных базах. По возвращении в конце 1939 года в Москву я составил по памяти подробный отчет, из которого в основном взяты данные, приведенные ниже, и считаю, что они довольно точно отражают истинное положение вещей.

Итак, китайская Красная армия в ряде сельских районов Южного и Центрального Китая в период 1927—1932 годов создавалась прежде всего из восставших крестьян, местных бандитских групп и мятежных частей как Национально-революционной армии, так и других армий, близких к гоминьдану.

Первые крестьянские партизанские отряды возникли еще в 1926—1927 годах в районах, через которые прошла Национально-революционная армия, прежде всего в провинциях Хунань и Цзянси. Во время Восстания осеннего урожая 1927 года, организованного по решению ЦК КПК (в провинции Хунань его возглавил Мао Цзэ-дун), крестьянские партизанские отряды превратились в значительную силу. Поговаривали о 4—5 тысячах человек, которые затем объединились под командованием Мао в 1-ю дивизию. В результате безуспешных, стоивших больших жертв нападений на города и после похожего на бегство отступления в горы в этой первой революционной крестьянской дивизии осталось всего несколько сот человек. Остатки дивизии засели в Цзинганшане, естественной горной крепости Цзянси, и оттуда совершали вылазки в окрестности.

К отряду Мао присоединились две бандитские группы, длительное время пользовавшиеся Цзинганшанем как убежищем. Если с военной точки зрения они, возможно, и представляли что-то, то в политическом смысле это было весьма сомнительное приобретение.

Здесь стоит сказать о китайских тайных обществах и бандитских группах, к которым в период десятилетней гражданской войны (1927—1936 годы) классовые враги причисляли также коммунистические организации и революционные вооруженные силы. Эти группы издавна создавались преимущественно из беднейших крестьян, которые убегали от феодальной долговой кабалы и вели малую войну против помещиков и деревенских ростовщиков.

Под командованием одаренных вожаков они вырастали в крупные отряды и соединения, с которыми нередко считались местные милитаристы и которые даже вливались в их

регулярные части. Впоследствии многие из них перерождались в обыкновенных мародеров, грабителей и убийц. Они окончательно деклассировались и превращались в люмпен-пролетариев, враждебных народу. Другие же, а именно те, кто наиболее преуспели в малой войне, присоединялись к крестьянским партизанам. Так поступили, например, уже упоминавшиеся две банды в Цзинганшане. Другим аналогичным примером могут служить, хотя мне и неизвестны подробности, воинские части под командованием Хэ Луна, влившиеся вначале в местные гоминьдановские войска в Северной Хунани и Южном Хубэе. Возможно, аналогичное явление имело место и в пограничном районе Хэнань — Хубэй, ставшем впоследствии базой 4-го корпуса. Вообще же бандитские группы не играли в Красной армии сколько-нибудь значительной роли, и со временем их члены идейно перевоспитались. Костяк и главную силу китайской Красной армии, несомненно, составили восставшие части Национально-революционной армии, к которым в последующие годы примкнули мятежные войска национальной армии маршала Фэн Юй-сяна и южнокитайских милитаристов. После августовского восстания 1927 года в Наньчане бо́льшая часть этих войск (около 10 тысяч человек) под командованием Чжу Дэ, Е Тина, Фан Чжи-миня и других коммунистов — генералов и офицеров — двинулась на юг, в Хунань, Цзянси и Гуандун. Поскольку это в основном были части бывшей 4-й так называемой «железной» армии гоминьдана, то в первое время они сохраняли это наименование. В ходе постоянных боев они мобилизовывали крестьян и создавали временные базы. В начале 1928 года Чжу Дэ привел их в Цзинганшань, где они соединились с силами Мао Цзэдуна, имевшего тогда не более тысячи человек. Отряд Мао Цзэ-дуна был включен в 4-ю армию как 1-й полк. Эти силы, известные как армия Чжу — Мао, позднее стали основой 1-го корпуса Центральной армейской группы.

В июле 1928 года на сторону Красной армии перешла 5-я самостоятельная гоминьдановская дивизия, одним из полков которой командовал Пэн Дэ-хуай. Так возник 3-й корпус, пополнившийся впоследствии несколькими восставшими полками местных войск провинции Цзянси. Позже, по-видимому в конце 1929 года, вспыхнуло восстание в бригаде национальной армии Фэн Юй-сяна в Нинду, ставшей ядром 5-го корпуса, которым командовал

Дун Чжэнь-тан. Так были сформированы в 1930—1932 годах главные силы Красной армии в Южном Китае. Аналогичным образом проходил процесс формирования революционных вооруженных сил и в Центральном Китае. Отдельные части национальной армии, принимавшие участие в Наньчанском восстании 1927 года, под командованием Сюй Сян-цяня пробились в пограничный район на стыке провинций Аньхой — Хэнань — Хубэй. Из них был создан 4-й корпус Красной армии. А в пограничном районе Хубэй — Хунань в среднем течении Янцзы Хэ Лун создал базу для своих частей, из которых позднее сформировался 2-й корпус.

Первоначально боевые действия Красной армии, которая не имела постоянных баз, носили типично партизанский характер. Захватывались и отдавались города и деревни, выигрывались и проигрывались бои и сражения. Единого командования практически не было. Лишь спустя некоторое время оно было создано в районе Цзянси — Фуцзянь, где в 1929 году Мао Цзэ-дун, получивший от ЦК широкие полномочия, организовал фронтовой партийный комитет. Этот комитет подчинил себе, не без применения террористических методов, провинциальный и местные комитеты партии и стал осуществлять своего рода главное командование над всеми революционными вооруженными силами. Ему должны были подчиняться и гражданские органы власти. Только в 1930—1931 годах возникли связанные между собой более или менее стабильные советские районы и регулярные войсковые соединения (фронты, армейские группы, армии и т. п.).

К этому времени положение изменилось. До сих пор основным противником были войска местных милитаристов и губернаторов провинций, обладавшие незначительной ударной силой. Теперь Чан Кай-ши, которому удалось распространить власть Центрального правительства на большую часть Китая и благодаря огромной экономической, политической и военной помощи империалистических держав, особенно США, Англии и Германии, создать сравнительно хорошо обученную и оснащенную современным оружием армию, предпринял (в 1930—1931 годах) три похода против важнейших советских районов. Все они потерпели поражение, хотя вражеские части иногда вторгались в глубь советских районов и даже захватили в Цзянси красную столицу Жуйцзинь.

Этого следовало ожидать, так как походы предпринимались без достаточной подготовки, без учета экономических, политических и географических факторов. Прежде всего, военная тактика врага не соответствовала новым условиям организованной партизанской войны. Противник большей частью быстро продвигался растянутыми колоннами, как правило, по сильно пересеченной местности, без боевого охранения, подставляя себя под внезапные удары. Внутри советских районов удавалось, обойдя или окружив отдельные вражеские колонны и даже целые полки и дивизии, заманивать их в ловушку и уничтожать. Это облегчалось еще и соперничеством между военачальниками, которые почти не поддерживали друг друга.

Такая тактика, вполне оправданная с военной точки зрения, стоила, однако, многих жертв. Потери наших войск в боях, особенно при отступлении, были непомерно велики. Еще большими они были среди гражданского населения, так как противник совершал неслыханные зверства на временно захваченной территории советских районов. К гибельным последствиям вела и авантюристическая наступательная стратегия ЦК в лилисаневский период, когда совершались бессмысленные нападения на вражеские центры. Такие нападения предпринимались 4-м корпусом на Ухань, Центральной армейской группой — на Чанша, Ганьчжоу и другие крупные города.

Слабой еще была и политическая работа среди населения и в воинских частях, что отрицательно сказывалось на укреплении Красной армии. Как мне рассказывали, во многих соединениях, особенно в 5-м корпусе Центральной армейской группы и в 4-м корпусе, еще долго сохранялись некоторые феодальные замашки: насилие над населением, палочная дисциплина в войсках, грубое оскорбление и телесные наказания подчиненных и т. п. В этих явлениях, которые я, разумеется, не мог контролировать, несомненно проявлялись пагубные последствия старых милитаристских традиций, а отчасти, вероятно, нравы бывших бандитских шаек. Только в последующие годы удалось с этим покончить.

Следует еще раз упомянуть о таких перегибах, как массовые аресты и казни не только классовых врагов, но и военнопленных и даже партийных работников и красноармейцев, сожжение помещичьих дворов и целых населенных пунктов и т. п. Правда, после 1931 года в этом отношении

наступил резкий перелом, что в значительной степени способствовало укреплению советских районов и усилению Красной армии.

Красная армия почти исключительно состояла из беднейших крестьян и профессиональных солдат, причем последние составляли главный контингент командиров всех рангов. Кроме того, имелись, правда в значительно меньшем количестве, люмпен-пролетарские элементы. Промышленных рабочих насчитывалось буквально единицы. Это были выходцы главным образом из Гуанчжоу, а также из Цзиани, Ганьчжоу и Чанша, некоторое время находившиеся в руках Красной армии. Социальный состав не изменился и позднее, даже стал менее благоприятным.

Коммунисты и комсомольцы составляли в 1932 году, по полученным мною сведениям, менее 20 процентов рядового и командного состава Красной армии, хотя одно время в партию и комсомол коллективно принимали население целых деревень и отдельные воинские подразделения.

Однако, несмотря на все трудности и препятствия, Красной армии к 1932 году удалось создать прочные советские базы со своими органами власти и закончить формирование крупных регулярных соединений. Правда, некоторые изолированные районы смогли утвердиться только как партизанские базы.

На январском пленуме 1931 года было создано новое Политбюро ЦК, и вскоре после этого сформированы Временное революционное правительство и Реввоенсовет в Жуйцзине, что способствовало более тесному контакту между вооруженными силами и руководящим ядром партии. Немалую роль в этом сыграло то, что в Центральный советский район были направлены Сян Ин и Чжоу Эньлай, а на базу 4-го корпуса — Чжан Го-тао. Эти члены Политбюро взяли на себя все политическое, а затем и военное руководство в двух крупнейших советских районах, что вскоре привело к трениям с Мао Цзэ-дуном и его сторонниками.

В 1932 году уже не было постоянной связи с другими базами и соединениями Красной армии.

В 1931—1932 годах произошла реорганизация вооруженных сил, начавшаяся еще в 1929—1930 годах. Был ликвидирован разнобой в наименованиях и нумерации войсковых соединений, беспорядочно складывавшихся на протяжении ряда лет. Прежние армии, а их насчитывалось

около дюжины, были преобразованы в полки и дивизии, а армейские группы и фронты — в корпуса. Была создана служба тыла, упорядочены службы обеспечения и снабжения, медицинского обслуживания и боевой подготовки.
Конечно, я не могу сказать, как проходила реорганизация за пределами Центрального советского района, особенно в изолированных районах и базах, где существовали фронты, армейские группы и армии, насчитывавшие, как правило, всего несколько тысяч человек, а иногда и того меньше.
Согласно информации, полученной мною от ЦК, к началу 4-го похода Чан Кай-ши в 1932 году советские районы, их население и вооруженные силы выглядели следующим образом.
В Центральном советском районе находились Временное революционное правительство и Реввоенсовет. Площадь этого района, располагавшегося в Восточной Цзянси и Западной Фуцзяни, составляла 50—60 тысяч квадратных километров, а население — 4—5 миллионов человек. Регулярные вооруженные силы этого района — Центральная армейская группа — имели в своем составе 1, 3 и 5 корпуса, включавшие сначала пять, а позднее шесть дивизий общей численностью около 25 тысяч человек с 15—20 тысячами винтовок. Кроме того, существовал ряд местных самостоятельных полков и дивизий, насчитывавших 30—40 тысяч человек с 15—25 тысячами винтовок. Боеспособность их, разумеется, была неодинаковой и значительно уступала боеспособности регулярных корпусов. И наконец, имелись почти невооруженные отряды крестьянской самообороны — Красная гвардия, Молодая гвардия и другие. Их боевая деятельность ограничивалась отражением нападений миньтуаней (банд, содержавшихся помещиками). В основном же они несли вспомогательную службу по обеспечению и снабжению регулярных войск.
Севернее и западнее Центрального советского района имелось еще три базы самостоятельно действовавших соединений, с которыми, однако, не было постоянной связи.
На стыке провинций Цзянси, Чжэцзян и Аньхой находился мощный изолированный партизанский район площадью около 15 тысяч квадратных километров с населением всего 1 миллион человек. Здесь действовала 10 армия под командованием Фан Чжи-миня численностью 5—6 тысяч человек с 3—4 тысячами винтовок. На южном стыке провинций Хунань и Цзянси, где проходила трасса строя-

щейся гоминьдановским правительством железной дороги Ухань — Гуанчжоу, действовали 17-я и 18-я самостоятельные дивизии, впоследствии сведенные в 6-й корпус под командованием Сяо Кэ. Площадь их базы составляла также 15 тысяч квадратных километров с населением 1—2 миллиона человек. В дивизиях насчитывалось 10 тысяч человек с 7—8 тысячами винтовок. Фан Чжи-минь и Сяо Кэ, испытанные военачальники-коммунисты, осуществляли в обоих районах четкое политическое руководство. Иначе обстояло дело в партизанском районе отдельной 16-й дивизии на стыке провинций Хунань, Цзянси, Хубэй. Его площадь временами достигала 12 тысяч квадратных километров с полумиллионом жителей и 3—4 тысячами бойцов. Но здесь не было создано твердое политическое руководство, не проводилась правильная политика по отношению к населению и отсутствовали действующие советские органы. В результате дивизия, предоставленная самой себе, вскоре распалась, а ее база была утрачена.
Второй по величине советский район площадью 40 тысяч квадратных километров и с населением около 3 миллионов человек находился на стыке провинций Хэнань, Хубей, Аньхой, севернее реки Янцзы и восточнее железнодорожной магистрали Пекин — Ухань. Регулярные вооруженные силы этого района составлял 4-й корпус (именуемый также 4-й армией, фронтом или армейской группой) численностью 12—15 тысяч человек с 10 тысячами винтовок. Кроме того, здесь имелись самостоятельные и местные части численностью 5—6 тысяч бойцов, которые позднее, после ухода главных сил, были сведены в 15-й корпус (в действительности в 25-й корпус, о чем я узнал только осенью 1935 года в Шэньси. Пока же я буду именовать его 15-м корпусом. См. стр. 191). Политическое, а впоследствии и военное руководство от имени и по поручению Центрального Комитета осуществлял здесь Чжан Го-тао. Мне ничего неизвестно о существовании там регионального бюро ЦК.
И наконец, на стыке провинций Хубэй и Хунань, в среднем течении Янцзы, существовал советский район 2-го корпуса. Его площадь составляла около 20 тысяч квадратных километров, где проживало 1—2 миллиона человек и насчитывалось более 10 тысяч бойцов.
Таким образом, по грубым подсчетам, имелось шесть крупных советских и партизанских районов общей площадью

около 150 тысяч квадратных километров. Эти районы располагали боеспособными, более или менее регулярными вооруженными силами численностью 65—72 тысячи человек с 45—50 тысячами винтовок. Весной 1932 года, то есть к началу 4-го похода Чан Кай-ши, территория советских баз, не считая мелких, изолированных и неукрепленных партизанских районов в Гуандуне, Фуцзяни, Сычуани и Шэньси, достигла своих наибольших размеров. Что же касается вооруженных сил, по крайней мере регулярных частей, то они к тому времени не достигли еще своей максимальной численности.

Территория советских баз составляла 3,5—4 процента общей территории 18 провинций Внутреннего Китая, а их население — 2,5—3 процента. Советские базы находились в гористых, редко населенных пограничных районах провинций, которые сильно пострадали за годы гражданской войны и в результате истребительных вражеских походов. Таковы были сводные данные, которыми располагали в Шанхае при принятии политических и военных решений. Конечно, эти данные имели относительную ценность и могли служить только для общей ориентировки, так как ситуация постоянно менялась в результате динамичного развития событий как в «красных», так и в «белых» районах. Особенно это характерно для 1932 года, который ознаменовался резкими переменами политической и военной обстановки.

* * *

Чан Кай-ши удалось еще больше укрепить центральную власть, ограничить власть генералов и губернаторов в провинциях, а их войска подчинить, по крайней мере формально, своему командованию. Разумеется, повсеместно в гоминьдановском Китае подспудно продолжались местничество и интриги, которые то и дело прорывались наружу. Именно на этом строили свои расчеты не только Мао Цзэдун, но и во все большей степени ЦК КПК. Слова: «Использовать противоречия во вражеском лагере» — превратились чуть ли не в заклинание, с помощью которого надеялись преодолеть все трудности и даже решить главную задачу в гражданской войне, поставленную тогда ИККИ,— укрепление и расширение советских районов. Утверждению этой точки зрения способствовало растущее сопротивление народа японской агрессии, которое обнажило старые

и новые противоречия внутри гоминьдана. Но к этому я еще вернусь.

Внутренние трудности возникли прежде всего в Центральном советском районе. После учреждения бюро Центрального Комитета и роспуска маоцзэдуновского фронтового партийного комитета начались серьезные столкновения внутри руководства. Это были первые свидетельства зарождения двух группировок, или фракций,— марксистско-интернационалистской и мелкобуржуазно-националистической, хотя, должен сознаться, тогда этого еще никто не понимал. На состоявшемся в августе 1932 года в Нинду расширенном заседании бюро ЦК Мао подвергли резкой критике за его левосектантские ошибки, особенно в отношении кулаков и середняков, а также за его аграрную политику и террористические методы. Были осуждены как его односторонняя ориентация на военную борьбу — политика, основанная на принципе «винтовка рождает власть», так и сдача без сопротивления советских территорий в результате тактики постоянных отступлений, чтобы не сказать бегства, в горы. Хотя Мао остался председателем Временного революционного правительства, членом бюро ЦК и Реввоенсовета, он, однако, утратил свое господствующее положение и былой авторитет. Был ли он отстранен от руководства или ушел сам, как он не раз поступал в прошлом в ожидании благоприятной возможности для «возвращения», было трудно понять, находясь в Шанхае. Во всяком случае, в Военном совете его заменил Сян Ин, а во фронтовом командовании Центральной армейской группы — Чжоу Энь-лай.

Этот конфликт не раз обсуждался зимой 1932/33 года во время наших встреч в доме ЦК в Шанхае. Представитель ИККИ Артур Эверт и партийное руководство в лице Бо Гу и Ло Фу не согласились с «отставкой» Мао Цзэдуна. В директиве, адресованной Бюро ЦК в Жуйцзине, они подчеркивали «необходимость переубедить Мао Цзэдуна» и настоятельно рекомендовали активнее привлекать его к работе. В марте 1933 года ИККИ высказался в том же духе. Мне казалось, что все они: и представители Коминтерна, и секретари ЦК в Шанхае, а на основании их информации — ИККИ исходили главным образом из того, что Мао Цзэ-дун имеет в Центральном советском районе большое влияние и много сторонников. И поэтому следует пойти ему навстречу во избежание раскола, который

пагубно отразился бы на судьбе Центральной армейской группы и всего Центрального советского района. Нелегко было, находясь вдалеке, ясно представить себе действительное положение дел в Центральном советском районе. Это обстоятельство явилось мотивом, хотя и не главным, побудившим партийное руководство весной 1933 года перебраться в Центральный советский район.

* * *

Несмотря на внутренние распри, расхождения во взглядах, консолидация Центрального советского района в 1932 году, а точнее, в 1931—1933 годах шла весьма успешно. Это проявлялось во всех областях: в экономической политике, в укреплении партийных и советских органов и прежде всего в строительстве регулярных вооруженных сил. Шел оживленный обмен радиограммами между Шанхаем и Жуйцзинем. После того как я перебрался в Шанхай, все радиограммы, касавшиеся военных вопросов, проходили через меня, поэтому я был очень хорошо осведомлен о важнейших мероприятиях.
При Реввоенсовете был создан Главный штаб. Он ведал пополнением и снабжением армии, боевой подготовкой и тыловыми службами, а также руководил действиями самостоятельных местных и партизанских частей. Центральный советский район был разделен на четыре военных округа: южный с центром в Хойчане, восточный, или Фуцзяньский, с центром в Динчжоу (или Нинхуа), северо-западный с центром в Нинду и северо-восточный с центром сначала в Наньфыне, а затем в Личуане. Округами командовали коменданты, имевшие с Главным штабом телефонную или радиосвязь. Поэтому сообщения о положении на границах поступали быстро, и можно было соответственно координировать боевые действия местных частей. Начальником Главного штаба стал Лю Бо-чэн, опытный боевой генерал, тогда как общее руководство осуществлял Сян Ин, член бюро ЦК, заместитель председателя Временного революционного правительства, исполняющий обязанности председателя Военного совета.
Укреплялся институт комиссаров во всех войсковых частях — как регулярных, так и местных. При Реввоенсовете было создано Политуправление, которое возглавил член Политбюро Ван Цзя-сян. Генеральным политкомиссаром Центральной армейской группы был назначен Чжоу Энь-

лай, который одновременно ведал работой штаба. Подготовка командиров и политработников осуществлялась в двух пехотных училищах и одном специальном училище для технических войск, которое выпускало главным образом артиллеристов и саперов. В этих училищах к осени 1934 года прошли краткосрочное обучение 3—4 тысячи человек. Предполагалось открыть военную академию для высшего командного состава и комиссаров, однако сделать это удалось лишь в конце 1933 года.

Осуществлению этих и других мер, направленных на создание мощной регулярной армии и всемерное укрепление ее территориальной базы, благоприятствовало то обстоятельство, что Чан Кай-ши после провала 3-го похода не предпринимал крупных наступательных операций против Центрального советского района вплоть до конца 1932 года. Правда, это не означало, что он и его генералы бездействовали. Как раз наоборот: они сделали выводы из своих военных неудач в последние годы и тщательно готовились к следующему, 4-му походу.

Для финансирования похода они изъяли из обращения все серебро, на котором строилась валютная система страны, поместили его в центральные банки и произвели эмиссию бумажных денег, которые быстро обесценились. Империалистические державы предоставили Чан Кай-ши крупные займы. От США Чан Кай-ши получил два займа на сумму 90 миллионов долларов. Половина этих денег предназначалась на поставку американцами по крайней мере 850 разведывательных самолетов, истребителей и бомбардировщиков. Англия дала 25 миллионов фунтов стерлингов, Франция — 40 миллионов франков золотом, Германия — 40 миллионов марок. На вооружение гоминьдановской армии поступила современная военная техника — артиллерия, броневики, гранатометы и автоматическое оружие, огромное количество боеприпасов, технические средства для строительства дорог и укреплений, а также средства связи. Даже японцы приостановили наступательные действия, чтобы дать возможность Чан Кай-ши без особого ущерба своему политическому престижу бросить все свои войска против советских районов. В Нанкине и штаб-квартирах армий засели сотни иностранных военных советников, большей частью немецкие офицеры во главе с такими известными генералами, как фон Сект (в 1933 году его сменил фон Фалькенхаузен), Ветцель и Крибель, а также

американцы, как, например, знаменитый летчик полковник Линдберг. Они осуществляли реорганизацию гоминьдановских армий, прежде всего армии Центрального правительства, обучали личный состав обращению с современной техникой и новой тактике. Они разработали и план похода, в котором уже можно было увидеть зачатки оперативных принципов, усовершенствованных и претворенных в жизнь во время 5-го похода. Важнейшими из них были: политические и дисциплинарные меры, направленные на поднятие боевого духа войск, концентрированные удары мощными колоннами нескольких дивизий, последовательное закрепление местности и путей продвижения.

4-й поход Чан Кай-ши начался летом 1932 года и продолжался до начала 1933 года. 12 отборных дивизий Центрального правительства, в том числе одна кавалерийская, общей численностью 100—150 тысяч человек, были брошены против 4-го корпуса Красной армии. Против 2-го корпуса были выставлены четыре дивизии Центрального правительства и несколько дивизий провинции Хунань общей численностью 50 тысяч человек. Другие войска провинции Хунань численностью 60—80 тысяч человек действовали против 6-го корпуса и 16-й отдельной дивизии. 10-й армии противостояли две отборные дивизии Чан Кай-ши и войска провинции Чжэцзян численностью 20—30 тысяч человек. Попутно отмечу, что сведения о провинциальных войсках всегда менее точны, чем о войсках Центрального правительства. Большинство дивизий, как и в немецкой армии, имели три пехотных полка, один артиллерийский полк и специальные части, а некоторые дивизии состояли из двух-трех бригад, имевших в общей сложности от шести до девяти полков. Да и действительная численность личного состава значительно отличалась от штатной. Отсюда и разнобой в цифровых данных.

Наибольшие силы противника были сгруппированы вокруг Центрального советского района. На Северном фронте, восточнее и западнее реки Сюйцзян, стояло не менее 12 отборных дивизий; на западе, вдоль реки Ганьцзян,— три, на востоке — 19-я армия, включавшая пять дивизий, и, кроме того, местные фуцзяньские войска; наконец, на юге — гуандунская армия в составе шести — восьми дивизий. Эта группировка из 30 дивизий общей численностью 250—300 тысяч человек все теснее смыкала кольцо вокруг Центрального советского района. Правда, гуандунские и

фуцзяньские войска после нанесения первого удара вели себя довольно пассивно, очевидно не желая таскать для Чан Кай-ши каштаны из огня. Отборные же дивизии на севере и западе продвигались вперед, хотя и крайне медленно, в основном занимаясь строительством дорог и укреплений.

Главный удар в 4-м походе Чан Кай-ши нанес сначала по 2-му и 4-му корпусам Красной армии, опираясь на крупный промышленный город Ухань и на водную артерию Янцзы, которая обеспечивала ему бесперебойное снабжение и свободу маневра.

Я не мог узнать подробностей о ходе операций на первом этапе 4-го похода, поскольку уже в конце лета 1932 года связь с обоими корпусами прервалась.

Из газет и агентурных донесений стало известно, что 4-й корпус был вытеснен с его позиций на юге и юго-востоке и отошел на запад. При этом корпус пересек железную дорогу Пекин — Ухань, которая тут же была занята крупными силами противника, что отрезало 4-му корпусу пути возвращения на базу. Главные силы 4-го корпуса продолжали двигаться вдоль границы провинций Хубэй и Хэнань на запад до тех пор, пока не удалось найти новую базу в пограничном районе Северной Сычуани и Южной Шэньси, где уже действовали мелкие партизанские отряды. На старой базе остались местные и самостоятельные части, которые вели партизанскую войну и позднее влились в 15-й корпус. Территория советского района сократилась примерно на одну треть. Но и она год спустя в результате истребительных походов гоминьдановских войск была утрачена. Причины потери этого советского района никогда не анализировались в Шанхае. Когда я спросил об этом, Бо Гу указал на две возможные причины. Во-первых, политическая работа как в армии, так и среди населения велась не на должном уровне. Поэтому не были ликвидированы «феодальные пережитки» и не были мобилизованы население и экономические ресурсы базы. Во-вторых, 4-й корпус вел маневренную войну по всему внешнему кольцу окружения и распылял свои силы на второстепенных направлениях. В итоге 4-й корпус оказался не в состоянии защитить советский район и дать врагу решающее сражение. При этом Бо Гу заметил, что эта оценка не может считаться окончательной, так как основывается не на достоверных сведениях. И он, и Ло Фу решительно отвергли

версию о том, что 4-й корпус якобы действовал по директиве шанхайского партийного руководства.

Тот же вопрос я позднее задал в Жуйцзине, поскольку ответ на него представлялся мне важным для выработки стратегии Центральной армейской группы на период 5-го похода. Чжоу Энь-лай согласился с оценкой Бо Гу, воздержавшись, однако, от каких бы то ни было комментариев. Мао Цзэ-дун, вместо прямого ответа, стал превозносить «великие победы» 4-го корпуса во время похода на запад. Такая позиция Мао Цзэ-дуна объяснялась тем, что Чжан Го-тао, политкомиссар 4-го корпуса, и Сюй Сян-цянь, командующий корпусом, следовали той же партизанской тактике, за которую ратовал сам Мао Цзэ-дун. Однако после разрыва с Чжан Го-тао летом 1935 года тот же Мао квалифицировал эти действия 4-го корпуса как «бегство от врага».

Не смог противостоять внезапному нападению противника и 2-й корпус Хэ Луна. Корпус также покинул свою базу южнее Янцзы и двинулся на запад, в пограничный район на стыке провинций Хунань — Гуйчжоу — Сычуань, где уже действовали небольшие партизанские отряды. Там в 1932 году Хэ Лун создал новый советский район и удерживал его на протяжении целого года. Что касается оценки военного руководства Хэ Луна, то никто на этот счет не высказывался, в том числе и Мао Цзэ-дун. Позднее он превозносил Хэ Луна до небес, видя в нем своего верного приверженца.

6-й корпус и 10-я армия удержали свои базы, хотя сильный натиск противника вынудил их оставить часть территории. Иначе обстояло дело с 16-й отдельной дивизией. Даже под сравнительно слабым нажимом хунаньских войск дивизия без боя покатилась назад и распалась на отдельные отряды, не больше батальона каждый. Правда, они продолжали вести малую войну, но это напоминало, скорее, набеги бандитских групп, от которых, разумеется, больше всего страдало население. Забегая вперед, замечу, что Гун Хэ-чун (?), командир 16-й дивизии, в 1934 году прибыл в Жуйцзинь и представил доклад, в котором в радужном свете представлялись действия его войск. Чжоу Энь-лай, очевидно сомневаясь в достоверности этого доклада, направил Гун Хэ-чуна на учебу в военную академию. Там мне случилось беседовать с ним. Он был страшно недоволен тем, что его отправили учиться. Говорил, что

ВАЖНЕЙШИЕ СОВЕТСКИЕ РАЙОНЫ В ПЕРИОД ЧЕТВЕРТОГО ПОХОДА ЧАН КАЙ-ШИ 1932—1933 гг.

СССР
МАНЬЧЖОУ-ГО
МНР
ИНДИЯ (Брит.)

ГАНЬСУ
Сиань
ШЭНЬСИ
Хуанхэ
ХЭНАНЬ
ЦЗЯНСУ
АНЬХОЙ
НАНКИН
Шанхай
СЫЧУАНЬ
Янцзы (Чанцзян)
ХУБЭЙ
Ухань
4.К
2.К
ЧЖЭЦЗЯН
10.А
Наньчан
Чанша
ХУНАНЬ
ЦЗЯНСИ
ЦАГ
ВОСТОЧНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ
ГУЙЧЖОУ
6.К
Жуйцзинь
ФУЦЗЯНЬ
Фучжоу
ГУАНСИ
ГУАНДУН
ЮНЬНАНЬ
Сицзян
Гуанчжоу (Кантон)
Сянган (Гонконг) (Брит.)
ИНДОКИТАЙ (Фр.)

Старые советские районы до четвертого похода Чан Кай-ши 1932 г.
Новые советские опорные базы после четвертого похода, начало 1933 г.
ЦАГ Центральная армейская группа
А Армия
К Корпус
100 0 100 200 км

сам знает, как надо воевать: дай мне пару пулеметов — и никто не устоит, а вся эта болтовня о регулярной армии, современной технике и тактике не стоит выеденного яйца. Он требовал, чтобы его направили обратно в дивизию. За него походатайствовал Мао Цзэ-дун, и просьба Гун Хэчуна была удовлетворена. А вскоре он предал революцию и переметнулся к врагу.

Какими бы неполными и противоречивыми ни были наши сведения о первом этапе 4-го похода, которые мы черпали, как уже говорилось, преимущественно из газетных сообщений и агентурных источников, одно не вызывало никаких сомнений: 2-й и 4-й корпуса, хотя и оставили свои базы, сумели сохранить живую силу. Более того, 4-му корпусу, который, ведя успешные бои против провинциальных войск, прорывался на запад, удалось даже значительно пополнить свои ряды. 6-й корпус и 10-я армия сохранили прежние базы, хотя их территория несколько уменьшилась. И только 16-ю дивизию пришлось списать со счета и как боевую единицу, и как базу; правда, ценность того и другого была весьма относительной.

Чан Кай-ши значительно переоценил свой частичный успех. Он полагал, что главные силы 2-го и 4-го корпусов уничтожены. Об этом сообщалось не только в газетах, но и в секретных документах. Поэтому он вел преследование слабыми силами, перепоручив эту операцию главным образом провинциальным войскам, которые терпели одно поражение за другим. Большинство же своих отборных дивизий Чан Кай-ши перебросил в Цзянси. К изменению первоначального плана похода его, безусловно, побудило и положение в Центральном советском районе, военный потенциал которого к этому времени резко возрос. Заслуга в этом принадлежала, бесспорно, Чжоу Энь-лаю, Сян Ину и Ван Цзя-сяну, составлявших тогда марксистско-интернационалистское ядро в правительстве и в армейском руководстве. Летом 1932 года Центральная армейская группа предприняла наступление на Ганьчжоу, которое, хотя и не завершилось взятием города, тем не менее привело к укреплению советского района и расширению его территории восточнее реки Ганьцзян. Мао Цзэ-дун и его приверженцы, державшиеся в то время с оскорбленным видом в стороне, заклеймили эту операцию как военную авантюру. Осенью 1932 года стало ясно, что Чан Кай-ши намеревается нанести решительный удар по Центральному

советскому району на Северном фронте. Наступил второй этап 4-го похода. Мы были прекрасно информированы о концентрации и развертывании гоминьдановских войск. Партийное руководство в Шанхае по моей рекомендации и с согласия представителя Коминтерна предложило бюро ЦК и Реввоенсовету в Жуйцзине нанести превентивный удар по изготовившимся к наступлению гоминьдановским войскам. Для этого Центральная армейская группа была переброшена на Северный фронт, главным образом в северо-восточный оборонительный район, где противник еще не успел достроить систему укреплений. Перед ней была поставлена задача расширить территорию советского района в Северо-Восточной Цзянси и соединиться с 10-й армией. Это создало бы удобный плацдарм для ударов во фланг и тыл противника. Операция развивалась успешно. Был взят город Личуань, расположенный в северо-восточном оборонительном районе, и авангардные части армейской группы установили связь с 10-й армией.

Тем временем мы узнали, что мощные силы Чан Кай-ши под командованием его лучшего генерала Чэнь Чэна начали наступление в междуречье Сюйцзян — Ганьцзян в направлении Лоань — Нинду. Поэтому в январе 1933 года операция в Северо-Восточной Цзянси по предложению партийного руководства в Шанхае, принятому по моей рекомендации, была приостановлена, и Центральная армейская группа (1-й и 3-й корпуса) двинулась на Лоань. У города Наньфын части Центральной армейской группы скрытно от противника форсировали реку Сюйцзян и внезапно атаковали на марше 11, 14 и 52-ю дивизии 18-й гоминьдановской армии. Первые две дивизии были уничтожены, а 52-я во главе с командиром почти целиком взята в плен.

Так закончился 4-й поход. Чан Кай-ши прекратил дальнейшее продвижение и приказал всем войскам заняться строительством укреплений на позициях и вдоль коммуникаций. Его немецкие советники принялись за разработку плана нового похода. Центральный советский район получил передышку, которая продолжалась до осени 1933 года.

* * *

Относительная пассивность войск центрального гоминьдановского правительства объяснялась не только военными причинами, но и политическими. В 1932 году японские

милитаристы, нарушив заключенное с Чан Кай-ши соглашение о перемирии, возобновили агрессию. В начале 1933 года их части из Маньчжурии вторглись через Шаньхайгуань в Северный Китай и через Жэхэ в Чахар. Чан Кай-ши практически ничего не предпринимал против этого вторжения. Он с головой ушел в подготовку 5-го похода, который должен был принести ему окончательную победу над коммунистами. При этом Чан Кай-ши не без удовольствия наблюдал, как ослаблялись слишком уж самостоятельные генералы и губернаторы в северных провинциях Китая, в одиночку противостоявшие натиску японцев.
Дальнейшее расширение агрессии вызвало мощную волну антияпонского народного движения по всей стране, особенно в Северном и Центральном Китае. В силу тех или иных причин этому движению открыто или тайно симпатизировали такие гоминьдановские генералы, как Чжан Сюэ-лян, который после оккупации всего Северо-Восточного Китая японской Квантунской армией отошел вместе с маньчжурской армией в северо-западную провинцию Шэньси; Цай Тин-кай, которого Чан Кай-ши после героической обороны Чжабэя, китайского пригорода Шанхая, словно в наказание, направил вместе с находившейся под его командованием 19-й армией в южную провинцию Фуцзянь для борьбы с коммунистами, и Фэн Юй-сян, сфере власти которого — Внутренней Монголии — непосредственно угрожали японцы.
Представительство Коминтерна и партийное руководство в Шанхае решили использовать благоприятную ситуацию, чтобы мобилизовать широкие массы против империалистической Японии и вынудить Чан Кай-ши прекратить гражданскую войну и повернуть фронт борьбы против Японии. Даже если бы этого и не удалось осуществить, все же можно было надеяться, что Чан Кай-ши, по крайней мере временно, откажется от планов наступления и сократит численность войск, направленных против Центрального советского района, чтобы усмирить своих строптивых генералов.
Директива ИККИ, полученная в январе 1933 года, подтвердила правильность нашей оценки ситуации. Она конкретно указывала, что перед лицом быстро нараставшего национального кризиса необходимо, опираясь на широко развернувшееся антияпонское народное движение, вступать в союз для совместной борьбы против японской

агрессии с любой китайской армией или группировкой, если они будут соблюдать, однако, три обязательных условия: прекращение нападений на советские районы и Красную армию, обеспечение демократических прав и свобод и вооружение народа.

В оценке политического значения этой директивы мы в Шанхае были абсолютно единодушны. Она рассматривалась как первый шаг к образованию нового единого национального фронта. По решению ЦК был издан за подписями Мао Цзэ-дуна и Чжу Дэ манифест, в котором провозглашалась готовность Временного революционного правительства и Верховного командования Красной армии вести общую борьбу против Японии. Проект манифеста был разработан, если не ошибаюсь, Ло Фу и обсуждался на одной из наших еженедельных встреч в доме ЦК. Тов. Эверт согласовал его с другими членами представительства Коминтерна.

Действие манифеста не замедлило сказаться. В гоминьдановских кругах, даже в Нанкине, все громче раздавались голоса в пользу сплочения всех политических и военных сил, в том числе коммунистов, для борьбы против Японии. С соответствующими заявлениями выступили Фэн Юй-сян и Цай Тин-кай. По агентурным данным, в том же духе высказывались и губернаторы провинций Гуандун и Гуанси, хотя они предпочитали держаться в тени. Борьба против Японии волновала их меньше, чем сохранение традиционной независимости от центральных властей, серьезную угрозу которой они усматривали в успешном походе Чан Кай-ши против Центрального советского района.

Практическому осуществлению нового лозунга мешали два обстоятельства. Китайские товарищи, в том числе и партийное руководство, сомневались, что можно выполнить все три условия директивы. Они были склонны рассматривать антияпонский манифест не как призыв к действию, а скорее как средство пропаганды, при помощи которого можно ослабить центральную власть Чан Кай-ши и тем самым помочь Красной армии. Сами того не подозревая, они становились, по существу, на точку зрения Мао Цзэ-дуна, который в качестве непременной предпосылки для успешного продолжения гражданской войны рассматривал использование противоречий внутри гоминьдана. Кроме того, имелись объективные трудности в установлении непосредственных контактов с антияпонски настроенными гоминь-

дановскими генералами и вступлении с ними в переговоры. Весной 1933 года Фэн Юй-сян объявил о своем решении начать борьбу с японскими оккупантами и переименовал свои вооруженные силы в «Объединенную антияпонскую армию». Представители Коминтерна и партийное руководство в Шанхае, детально обсудив положение дел, решили рекомендовать Пекинскому бюро ЦК установить связь с Фэн Юй-сяном, вступить с ним в переговоры и поддержать его, мобилизовав широкие массы. Кроме того, было принято решение установить контакт с Цай Тин-каем при посредничестве вдовы Сунь Ят-сена Сун Цин-лин. Чжан Сюэ-ляна китайские товарищи не принимали в расчет, поскольку он пользовался репутацией человека, которому политически нельзя доверять.

Я принимал участие в соответствующих переговорах, и мне было поручено поехать в Пекин, встретиться там при посредстве присланного китайского связного-переводчика с представителем Пекинского бюро ЦК и вместе с ним посетить Фэн Юй-сяна в Чжанцзякоу (Калгане) для ведения переговоров в соответствии с директивой ИККИ. К сожалению, связной не явился в условленное место встречи, поскольку, как я узнал по возвращении в Шанхай, его арестовали. Целыми днями в ожидании его я просиживал в баре, где за мной пристально наблюдали какие-то подозрительные личности. В конце концов один из этих типов даже заговорил со мной по-русски. Этого было достаточно. Чтобы замести следы, я посетил американского журналиста Эдгара Сноу, к которому на всякий случай у меня было рекомендательное письмо Агнес Смэдли. Я хотел уговорить его, поскольку он был легальным корреспондентом, поехать вместе со мной к Фэн Юй-сяну, но он не согласился. Вместо этого он и его жена совершали со мной прогулки по окрестностям Пекина. При этом мы приглядывались друг к другу и вели ни к чему не обязывающие разговоры. Не солоно хлебавши я вернулся в Шанхай.

Задуманная операция с Фэн Юй-сяном окончилась неудачей. По неизвестным мне тогда причинам не удалось вступить в контакты и с Цай Тин-каем. Возможно, сыграли свою роль разногласия и интриги в шанхайском доме Центрального Комитета. Но вероятнее всего, как мне кажется, Цай Тин-кай просто не хотел рисковать, так как в то время его положение в командовании 19-й армии вследствие происков сторонников Чан Кай-ши было весьма шатким.

Как бы то ни было, возможность, пусть слабая, превратить гражданскую войну в национально-революционную освободительную войну не была использована. Правда, работа по созданию единого антияпонского национального фронта в гоминьдановском Китае продолжалась, но основное внимание партийное руководство теперь, больше чем когда-либо, уделяло Центральному советскому району и его вооруженным силам.

* * *

Условия работы в шанхайском доме ЦК все более усложнялись. В конце 1932 — начале 1933 года встал вопрос, не целесообразнее ли перевести Политбюро ЦК и его Постоянный комитет в Жуйцзинь, так как большинство членов ЦК находилось в Москве или в советских районах Китая и в Красной армии. Бо Гу и Ло Фу сначала усматривали в этом вынужденную организационную меру. Но позже они пришли к выводу, что тем самым значительно укрепится политическое руководство в Центральном советском районе, главном оплоте революции, и можно будет ликвидировать разногласия между двумя группировками — Чжоу Энь-лая и Мао Цзэ-дуна,— которые после совещания в Нинду углублялись.
В начале 1933 года ИККИ дал свое согласие на переезд, так как считал, что это избавит партийное руководство от угрозы провалов и будет способствовать улучшению партийной и советской работы в Цзянси. Весной 1933 года Бо Гу, Ло Фу, Чэнь Юнь (по-моему, он тогда отвечал за профсоюзную работу) и некоторые другие товарищи из центрального партийного аппарата перебрались в Центральный советский район. В Шанхае осталось бюро ЦК, которым сначала руководили Кан Шэн, а после его отъезда в Москву — Славин и Мицкевич.
Перед отъездом Бо Гу и Ло Фу потребовали у тов. Эверта откомандировать в советский район и меня. Эверт спросил мое мнение. Учитывая резкое сокращение возможностей моей работы в Шанхае и зная о скором прибытии главного военного советника, я согласился при условии получения соответствующей санкции ИККИ. Об этом Эверт и Бо Гу неоднократно запрашивали по радио Москву. Наконец весной 1933 года согласие было получено. Я направлялся в распоряжение ЦК КПК в качестве советника с ограниченными полномочиями. Никаких конкретных директив

или указаний я при этом не получил. По техническим причинам мой отъезд был отложен до осени, и я использовал это время для основательной подготовки: изучал всю доступную мне литературу о Китае и стал заниматься китайским языком.

Примерно тогда же, весной 1933 года, в Шанхай прибыл главный военный советник. Это был Манфред Штерн, или, как его называли, Фред. Во время войны в Испании он стал известен как генерал Клебер. Он добирался через Европу, Америку и Японию, поэтому опоздал на несколько месяцев, пропустив все установленные сроки встречи. К счастью, я его хорошо знал еще по Москве. Однажды он подошел ко мне прямо на улице, и я помог ему связаться с Артуром Эвертом. Хотя Фред, как главный советник, был моим начальником, связь с шанхайским домом ЦК по конспиративным соображениям продолжал поддерживать я.

К сожалению, между Фредом и мной чуть ли не с первых дней возникли разногласия по вопросу, имевшему большое значение как с политической, так и с военной точки зрения. Речь шла об отношении к 19-й гоминьдановской армии. Как уже упоминалось, в январе 1932 года эта армия героически обороняла от японских агрессоров китайский рабочий пригород Шанхая Чжабэй. Тогда коммунистическая партия поддержала 19-ю армию и вместе с пополнением направила в ее ряды многих членов партии. Затем Чан Кай-ши вступил с японцами в переговоры, приостановил военные действия и перебросил 19-ю армию в Фуцзянь, чтобы высвободить находившиеся там собственные силы для 4-го похода. Его «синерубашечники» и военная жандармерия провели чистку в рядах 19-й армии. Тем не менее среди солдат и офицеров по-прежнему сохранялись сильные антияпонские настроения, чему способствовал и гнев против Чан Кай-ши, которого обвиняли в национальном предательстве. Осенью 1932 года 19-я армия предприняла единственное крупное наступление против Советского района, захватив значительную территорию. Как это произошло, я объясню позже. В дальнейшем армия, в сущности, бездействовала. Она больше не предпринимала наступательных действий против Центрального советского района и не проявляла особого усердия в строительстве укреплений, которые должны были замкнуть кольцо блокады в Фуцзяни. Весной 1933 года, после выступления Фэн Юй-сяна, появилась некоторая возможность создать

единый антияпонский фронт, но Цай Тин-кай ничего для этого не сделал. Однако, по моему мнению, а также по мнению тов. Эверта, он все еще оставался потенциальным союзником в том смысле, который вкладывала в это понятие директива ИККИ от января 1933 года. Поэтому я полагал, что Центральной армейской группе следует отказаться от наступательных боевых действий против 19-й армии и сконцентрировать все свое внимание на Северном фронте — против войск Чан Кай-ши. Фред же, напротив, вскоре после своего прибытия предложил использовать передышку на Северном фронте для наступления в Фуцзяни. Он приводил два основных аргумента, впрочем мало связанных между собой. Во-первых, он рассчитывал на возможное поступление в Центральный советский район Китая оружия из Советского Союза. Руководствовался ли Фред собственными соображениями или располагал соответствующими директивами из Москвы, на что он прозрачно намекал,— это мне неизвестно. Получение такой помощи представлялось тов. Эверту и мне, при тогдашнем международном положении и внутренней обстановке в Китае, совершенно иллюзорным.

Незадолго до этого СССР восстановил дипломатические отношения с гоминьдановским Китаем. Транспортировка оружия, помимо прочего, была связана с серьезным политическим риском. Эту трудность, по мнению Фреда, можно было преодолеть путем доставки оружия по воздуху или захвата одного из морских портов на побережье провинции Фуцзянь. Второй его аргумент состоял в том, что Цай Тин-кай во время выступления Фэн Юй-сяна проявил себя как ненадежный человек. По мнению Фреда, следовало продемонстрировать нашу мощь, чтобы обеспечить поддержку Цай Тин-кая в борьбе против Японии и Чан Кайши. «Сначала нанести удар, а потом разговаривать!» — так отвечал Фред на мои возражения. При этом он добавлял, что даже если не удастся добиться послушания Цай Тин-кая, то, во всяком случае, успешная наступательная операция против 19-й армии обеспечит тыл и фланг в предстоящей решительной схватке с Чан Кай-ши в Фуцзяни. А затем можно было бы перейти к активным действиям, чтобы помешать сосредоточению и развертыванию на севере войск центрального правительства. Предложение Фреда получило энергичную поддержку Шанхайского бюро ЦК. О своем согласии с этим планом радировали

из Жуйцзиня Политбюро ЦК и Реввоенсовет. Тов. Эверт, который сначала более или менее разделял мою точку зрения, после этого присоединился к предложению Фреда. Бо Гу, у которого первое время тоже были сильные сомнения, уговорили согласиться в Политбюро, о чем он мне позже сам рассказывал, причем главную роль в этом сыграло одобрение операции Мао Цзэ-дуном.

Короче говоря, решено было наступать, и летом 1933 года Центральная армейская группа была переброшена в юго-западный оборонительный район. Операцию против гуандунских войск на юге обеспечивал 5-й корпус. 1-й и 3-й корпуса широким фронтом стремительно продвигались вперед в Западной Фуцзяни, не встречая серьезного сопротивления. Правда, из строя выбыло несколько тысяч человек, в основном из-за малярии и потертостей ног, чего и следовало ожидать в условиях субтропического лета. Потери убитыми и ранеными были незначительны. В течение трех месяцев два этих корпуса овладели рядом небольших уездных городов и захватили много оружия, боеприпасов, продовольствия, амуниции и т. п. 19-я армия, полтора года назад блестяще сражавшаяся с японцами, проявила полную неспособность или нежелание воевать. Брошенная на произвол судьбы гуандунскими войсками и войсками Центрального правительства, 19-я армия, избегая сражений в открытом поле, в основном ограничивалась обороной укрепленных городов и на других участках фронта медленно отходила назад на оборонительную линию, с давних пор существовавшую по рекам Футуньцн и Шацн с главным опорным пунктом в Наньпине. Там в конце сентября — начале октября наступление выдохлось.

Эта операция, в ходе которой помимо фуцзяньских провинциальных войск были значительно ослаблены несколько дивизий 19-й армии, завершилась в октябре — ноябре переговорами между представителями Цай Тин-кая и Красной армии. Они привели к заключению своего рода соглашения о перемирии. Подробности этих переговоров, которые происходили во время моей поездки в Центральный советский район, так и остались для меня неизвестными. Поэтому я не могу сказать, прекратились ли военные действия в провинции Фуцзянь несмотря на наше наступление или же благодаря ему. С чисто военной точки зрения операция несомненно была успешной, так как позволила значительно расширить территорию, принесла богатые трофеи и за-

вершилась перемирием. Таким образом, были достигнуты все намеченные цели. Но с другой стороны, Чан Кай-ши, воспользовавшись отсутствием на Северном фронте наших главных регулярных сил, продвинул далеко на юг вдоль реки Сюйцзян до Наньфына строительство укреплений и внезапным ударом овладел Личуанем. В Северо-Восточной Цзянси была утрачена большая часть территории, завоеванной в конце 1932 года. Была закрыта существовавшая там брешь во вражеском кольце укреплений. Связь с 10-й армией окончательно прервалась. Центральная армейская группа вынуждена была совершить марш-бросок на Северный фронт, над которым нависла угроза. Таким образом, наши успехи в Фуцзяни были сведены на нет теми благоприятными исходными позициями, которые получил Чан Кай-ши для 5-го похода.

Еще более серьезными были политические последствия Фуцзяньской операции. В бурных дискуссиях о Фуцзяньской операции, происходивших в Шанхае, а полгода спустя — в Жуйцзине, все более проявлялись тенденции, которые восходили к старому лилисаневскому тезису о Китае как новом центре мировой революции, чью внутреннюю борьбу Советский Союз обязан поддержать военным путем, невзирая ни на какие внешнеполитические последствия. Вместо создания единого национального антияпонского фронта, на что была нацелена в основном политика ЦК после январской директивы ИККИ, снова выдвинулась на первый план гражданская война против гоминьдана. А задача завоевания союзников в национально-революционной освободительной борьбе отошла на задний план, уступив место использованию противоречий в гоминьдановском лагере для достижения военных успехов. Усилилась сформировавшаяся еще раньше однобокая ориентация на сельские советские районы и Красную армию.

Конечно, в 1933 году, да и значительно позже, я далеко не столь ясно осознавал это перемещение центра тяжести в политике КПК, которое привело к столь роковым последствиям, и не мог относиться к происходившему так критически, как сегодня, когда я рассматриваю события ретроспективно. Но перемещение началось уже тогда. Руководящая роль китайского рабочего класса в антиимпериалистической и антифеодальной революции, и без того слабая в силу объективных причин, ставилась под сомнение и в силу субъективных факторов.

1933
1934

ГЛАВА

В ЦЕНТРАЛЬНОМ СОВЕТСКОМ РАЙОНЕ

К концу сентября 1933 года закончились все приготовления к моему отъезду в Центральный советский район. На последней встрече с членами представительства Коминтерна мы еще раз обсудили ситуацию. Тов. Эверт настойчиво рекомендовал мне добиваться примирения противоборствующих сил в руководстве партии, правительства и армии. При этом он имел в виду прежние разногласия между Мао Цзэ-дуном и Чжоу Энь-лаем, которые он считал еще не преодоленными. Представители Профинтерна и КИМ высказали свои особые пожелания. Но больше всего советов и указаний, как и следовало ожидать, дал Фред. Из них я понял, что он твердо рассчитывает на получение из Советского Союза оружия и ведение регулярных военных действий в широких масштабах. Поэтому он приказал как можно быстрее оборудовать аэродром, построить укрепления на Северном фронте в междуречье Гань-цзян — Сюйцзян, чтобы сковать там противника слабыми силами и после завершения Фуцзяньской операции развернуть крупное наступление с целью пробиться к Наньчану или даже к вражеским центрам на Янцзы. Хотя перелом в военных действиях, о котором говорилось выше, еще не наступил и, следовательно, мы о нем не знали, тем не менее я весьма скептически отнесся к этим планам. Фред потребовал, чтобы я строго выполнял все его указания в Центральном советском районе, поскольку, как он подчеркнул, именно он является военным представителем ИККИ. Для прямой связи он дал мне код, ключ к которому был только у нас двоих. Тов. Эверт несколько охладил его пыл, заявив, что последнее слово во всех решениях принадлежит Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Китая и Реввоенсовету в Жуйцзине.
В полночь с маленьким чемоданом я отправился в порт. На всякий случай взял с собой несколько сот долларов. Там я сел на английское каботажное судно, на котором никто не задавал лишних вопросов. Предварительно я все-таки запасся внутренней визой, но, разумеется, ее действие не распространялось на «зоны борьбы с бандитами». Пароход доставил меня в Сватоу (Шаньтоу). В единственном европейском отеле этого южнокитайского порта я встретился с китайским связным, сотрудником органов безопасности. Его звали Ван, он бегло говорил по-английски. Воспитанный в христанской миссионерской школе, он

служил пастором в армии Фэн Юй-сяна, но впоследствии стал коммунистом. Между прочим, в 1937 году я снова встретил его в Яньани, где он работал переводчиком в отделе печати ЦК, но выполнял также и поручения по обеспечению безопасности и связи. В частности, в 1936 году в Сиане он помог установить связь между Эдгаром Сноу и Дэн Фа.

На следующее утро Ван унес мой чемоданчик (я получил его в целости и сохранности в Жуйцзине), чтобы во время нашего дальнейшего путешествия я выглядел как безобидный турист, совершающий легкую прогулку. Вместе с ним мы поехали в глубь страны, к близлежащему уездному городу Чаоань, за которым начиналась запретная зона. Выйдя из города, мы направились к реке Ханьцзян. Но не успели достичь ее берега, как нас неожиданно остановил гоминьдановский патруль. Офицер долго изучал мой паспорт, но в конце концов отпустил нас. Ван убедил его, что я занимаюсь изучением древности и хочу осмотреть старинный храм, находящийся поблизости.

Без приключений мы добрались до реки Ханьцзян. Здесь нас ожидал второй связной, который, к моему разочарованию, не владел ни одним иностранным языком. Позднее я с ним встречался часто. В 1935 году во время Великого похода он погиб при нападении маньцзы. Ван распрощался со мной. Новый спутник привел меня к джонке, спрятанной в прибрежных кустах. Я втиснулся в узкое пространство между днищем и настилом лодки. Почти двое суток пролежал я там, вытянувшись в струнку и боясь пошевелиться. Во второй половине дня джонка наконец отчалила от берега. Вечером она присоединилась к многим другим таким же лодкам, которые тащил за собой вверх по течению пароход. Мы часто останавливались. Я слышал над собой шаги людей. Несколько раз раздавались слова команды, кто-то задавал вопросы, видимо, шла проверка, а подо мной журчала вода. На третий день пути я выбрался наружу. Лодочники вели джонку вверх по течению притока Ханьцзян.

С наступлением темноты мы высадились на берег у какой-то деревни и зашли в стоящий на отшибе дом. Там нас встретили люди, вооруженные маузерами. Это были первые китайские красноармейцы, которых я увидел.

Мы все еще находились на территории, контролировавшейся гоминьдановцами. Следующей ночью двинулись

дальше. Шли гуськом по узким тропкам между рисовыми полями, мимо домов и изгородей тонувших в абсолютной темноте деревень, направляясь в горы. Вдруг впереди прозвучали выстрелы — наши дозорные наткнулись на гоминьдановский патруль. Пришлось вернуться. Следующей ночью нам повезло больше. До рассвета прошли добрый отрезок пути. Днем отсыпались в субтропическом лесу, одолеваемые мириадами москитов. Еще через две ночи достигли нейтральной территории. В местном батальоне нас ожидали. И снова в путь — через горы и долины, но теперь мы шли уже днем. Повсюду тянулись заброшенные рисовые чеки, заросшие сорняками поля батата, засохшие плантации сахарного тростника, сожженные дома. И почти ни одной живой души вокруг. Таковы были печальные последствия многолетней гражданской войны. Но когда пересекли границу между провинциями Фуцзянь и Цзянси, перед нами открылась иная, куда более отрадная картина. Мы спустились в широкую плодородную долину, где с полей уже был убран урожай. Всюду виднелись опрятные домики, усердно трудились люди.
Все путешествие я проделал, как глухонемой. Дюжина китайских слов, которые я выучил, оказалась бесполезной. Ведь я учил мандаринский, или пекинский, диалект, тогда как мои спутники все без исключения говорили на гуандунском или фуцзяньском наречии. Я ехал верхом или шел пешком, прикрыв голову огромной соломенной шляпой и закрыв лицо платком. Телохранители отгоняли любопытных. И так продолжалось до тех пор, пока мы не добрались до красной столицы Жуйцзинь. Уже тогда она была почти полностью разрушена гоминьдановской авиацией. Мы остановились в маленьком домике далеко за чертой разрушенного города. Через несколько часов в сопровождении группы телохранителей появился худой человек средних лет. Лицо его озаряла широкая улыбка. Это был Дэн Фа, член ЦК и уполномоченный партии и правительства по вопросам безопасности. В течение года я близко сошелся с ним. Это был человек с неиссякаемым чувством юмора и романтическими наклонностями. Он любил устраивать скачки на лошадях или состязания в стрельбе из пистолета. Подчиненные ему части безопасности и охраны он вооружил широкими изогнутыми мечами, к эфесам которых были привязаны куски красной ткани. Свои обязанности он выполнял, насколько я могу судить,

строго и беспристрастно, не вмешиваясь ни в какие внутренние конфликты. В апреле 1946 года он вместе с Бо Гу и Е Тином погиб в авиационной катастрофе.

Дэн Фа приветствовал меня на ломаном русском языке и проводил в стоявшую в отдалении фанзу. Там меня встретили два товарища, очень хорошо говорившие по-русски и представившиеся как переводчики. Оба они учились в Советском Союзе. Один из них, У Сю-цюань, был моим переводчиком на заседаниях Политбюро и его Постоянного комитета, когда я принимал в них участие, а также на совещаниях Реввоенсовета и, по-моему, делал свое дело безупречно. В 1935 году он перешел в отдел внешних сношений. У Сю-цюань завоевал доверие Мао и, постепенно поднимаясь по служебной лестнице, стал членом ЦК, начальником отдела международных связей ЦК и, наконец, заместителем министра иностранных дел. Последний раз я с ним беседовал в Ланьчжоу перед моим отлетом в Москву осенью 1939 года. Там он руководил бюро внешних связей партии и правительства и выполнял функции связного при коменданте советской опорной базы. В 1963 году я видел его на VI съезде СЕПГ и слышал его нападки на братские партии — настолько грубые, что его вынуждены были даже призвать к порядку.

Впоследствии он стал одной из жертв так называемой «культурной революции». В дацзыбао пекинских хунвэйбинов от 13 апреля 1967 года, текст которой я получил в английском переводе, его клеймили «за выступления против революционной линии Мао и Линь Бяо, за дружбу с югославскими и советскими ревизионистами, а также за его нападки на Кан Шэна и группу по делам культурной революции». На «всемирно известном (!) совещании в Цзуньи в январе 1935 года,— говорилось в дацзыбао,— большой ренегат Ли Дэ бешено выступал против военного курса председателя Мао. Все, что Ли Дэ сообщал и высказывал на совещании, было направлено против председателя Мао, и не кто иной, как У Сю-цюань, это тухлое яйцо, верноподданически переводил его доклады и выступления».

Другим моим переводчиком был дюжий северянин. Имя его я забыл. Он обладал солидными военными знаниями, в основном занимался вопросами обучения и состоял при мне переводчиком в военной академии. Я с ним работал и позже, в Яньани, в антияпонской кадровой школе

«Канда», как стала называться военная академия после начала антияпонской войны. Наша совместная работа продолжалась до самого моего отъезда.
В фанзе была и охрана, состоявшая из совсем юных красноармейцев, вооруженных маузерами и мечами.

* * *

Вечером того же дня ко мне пришли Бо Гу и Ло Фу. От них я узнал, что мой дом расположен в запретной зоне, где размещены все центральные учреждения — ЦК, Временное революционное правительство, Реввоенсовет и Главный штаб Красной армии. Здания ЦК и Главного штаба находились совсем рядом, в пяти минутах ходьбы. Гоминьдановские самолеты давно обнаружили эту зону и почти ежедневно бомбили ее. Повсюду можно было видеть убежища и щели. Однако, когда позднее гоминьдановцы стали сбрасывать 500-килограммовые и 1000-килограммовые бомбы, эти укрытия обеспечивали весьма относительную защиту. Поэтому нам пришлось перебраться в другой, еще более отдаленный от Жуйцзиня район. Местное население свободно передвигалось даже в запретной зоне. Мужчины, женщины и дети работали без устали. Они собирали второй в этом году урожай, поставляли рис, батат и овощи, даже свиней и кур на сборные пункты, плели из лыка и соломы сандалии для красноармейцев, шили обмундирование из привозной хлопчатобумажной ткани.
Бо Гу и Ло Фу сделали краткий обзор экономического, политического и военного положения Центрального советского района. Но об этом речь пойдет ниже. А сейчас я хотел бы коснуться вопроса, который был тесно связан с недавними военными событиями. Оба были удовлетворены успехом Фуцзяньской операции, которая к тому времени — к середине октября — в основном завершилась. Они говорили о возможном соглашении с Цай Тин-каем, которое, действительно, в конце октября было достигнуто. Их беспокоило положение в Северо-Восточной Цзянси. Как раз в день моего приезда было получено печальное известие о сдаче Личуаня. Бо Гу и Ло Фу резко осудили действия коменданта северо-восточного оборонительного района Сяо Цзин-гуана, который сдал город без боя и вместе с подчиненными ему самостоятельными соединениями поспешно отступил, бросив на произвол судьбы местные части. Они квалифицировали это как рецидив устаревших методов

партизанской борьбы, которые в новых условиях консолидации советских районов и вражеской войны блокгаузов неизбежно должны вести к безвозвратной потере стратегически важных пунктов и даже больших территорий. Аналогичный случай произошел в начале 1933 года, когда Ло Мин, в то время секретарь окружного партийного комитета в Западной Фуцзяни, вместе с другими политическими и военными руководителями округа при наступлении гоминьдановских войск, в состав которых входила недавно прибывшая 19-я армия, также поспешно отступил. И только теперь удалось возвратить потерянные тогда территории.

Бо Гу не советовал мне касаться этих вопросов в Реввоенсовете, ибо Мао Цзэ-дун весьма болезненно реагировал на соответствующие замечания: ведь, в сущности, он проводил ту же линию, что и Ло Мин и Сяо Цзин-гуан. Я последовал его совету. Каково же было мое удивление, когда вскоре, в декабре, появилась статья Чжоу Энь-лая «Против тактики Ло Мина, проводимой в Красной армии Сяо Цзин-гуаном», в которой говорилось, что эта тактика глубоко укоренилась в Красной армии, особенно в самостоятельных соединениях и местных частях, и что борьба против нее является важной предпосылкой разгрома 5-го похода Чан Кай-ши. Мао, однако, взял Сяо Цзин-гуана под свою защиту: тот являлся его земляком и был каким-то образом замешан в его политических махинациях 1930 года. Позднее Мао не постеснялся взвалить вину за потерю Личуаня на партийное руководство во главе с Бо Гу, которое он квалифицировал, в зависимости от обстоятельств, то как лево-, то как правооппортунистическое.

В тот же вечер определили круг моих обязанностей. Я должен был заниматься вопросами военной стратегии, оперативного и тактического руководства, боевой подготовки, а также организации войск и тыловых служб. Мы твердо и единодушно решили, что я ни в коем случае не должен вмешиваться в политическое руководство. Поэтому в дальнейшем я присутствовал только на тех заседаниях (кстати, довольно частых) Политбюро и его Постоянного комитета, на которых обсуждались военные вопросы.

Далее Бо Гу и Ло Фу информировали меня о том, как они — единственные в Жуйцзине секретари ЦК — распределили между собой обязанности. Бо Гу отвечал за партию и армию, а Ло Фу — за правительство и местные советы.

Это распределение по-разному сказалось на их судьбе: Бо Гу вскоре оказался в немилости у Мао, который хотел восстановить свое господство, тогда как Ло Фу, работавший в правительстве в тесном контакте с Мао, постепенно, под влиянием последнего, изменил свои взгляды. Но все это еще было впереди, а пока оба секретаря ЦК делали одно и то же.

Перед уходом Бо Гу потребовал, чтобы я по возможности пока не выходил из дому. Он считал, что это необходимо для моей безопасности, коль скоро я был «иностранным дьяволом», а гоминьдановцы постоянно вопили о «русских агентах». Меня это не очень устраивало, но пришлось подчиниться. А спустя несколько дней я слег в постель из-за ног, которые распухли и покрылись нарывами. Врач объяснил, что это обычное тропическое заболевание, связанное с болотной водой и укусами москитов. Поэтому я полтора с лишним месяца так или иначе был прикован к дому.

Через несколько дней после разговора с Бо Гу и Ло Фу в моем доме состоялось первое заседание Реввоенсовета. На нем присутствовали Бо Гу, Ло Фу, Мао Цзэ-дун, Сян Ин, Лю Бо-чэн и еще два или три человека (среди них — секретарь комсомола), чьих имен я не помню. Трое видных членов ЦК отсутствовали. Чжу Дэ и Чжоу Энь-лай находились на фронте, Ван Цзя-сян, тяжело раненный в 1932 году осколком бомбы, лежал в госпитале. В течение всего 1934 года его редко можно было видеть в Политбюро и Реввоенсовете.

Председательствовал на заседании Мао Цзэ-дун или Сян Ин. Бо Гу представил меня собравшимся. Мао Цзэ-дун держался со мной сухо, хотя и выразил признательность по поводу успешного контрнаступления на Северном фронте зимой 1932/33 года. Он сказал, что знает о моей инициативе в этом деле и считает, что я разделяю его точку зрения относительно нанесения противнику стремительных ударов на внешних и внутренних коммуникациях. Затем обсуждались вопросы мобилизации и снабжения. В заключение Сян Ин сделал доклад о положении на фронте, из которого следовало, что вся Центральная армейская группа маршевым порядком перебрасывалась на Северный фронт. Меня спросили, как я представляю себе дальнейший ход боевых действий. Помня указания Фреда, я предложил сковать противника на севере от Ганьцзяна до Сюйцзяна в позиционной войне местными силами, 5-му корпусу (си-

лами одной дивизии) южнее Личуаня перейти к обороне, а 1-му и 3-му корпусам (силами пяти дивизий) прорываться дальше в северо-восточном направлении, как было уже запланировано за год до этого. Предложение мое было принято, и в соответствии с ним вынесено решение.

Я столь подробно останавливаюсь на этом первом заседании потому, что остальные были похожи на него: именно так примерно оценивали обстановку и принимали решения. Бо Гу, а позднее Чжоу Энь-лай обычно все военные вопросы предварительно обсуждали со мной, а затем выносили мои рекомендации на Военный совет. Это было естественно, так как оба они отвечали за этот участок работы. Но со временем возникло неверное представление, будто я наделен широкими полномочиями, хотя я постоянно напоминал, что являюсь лишь советником, не имеющим права давать указания. Возможно, Бо Гу сознательно поддерживал такое представление, надеясь таким образом укрепить свой собственный авторитет. Мао, напротив, использовал это, когда появились расхождения во взглядах, для подрыва авторитета Бо Гу как генерального секретаря партии.

* * *

По сведениям, полученным мною в течение последующих недель и месяцев в дополнение к первоначальной информации, Центральный советский район в целом хорошо подготовился к 5-му походу Чан Кай-ши.

Однако он по-прежнему был изолирован. Связи со 2-м и 4-м корпусами и 10-й армией уже не имелось, а с 6-м корпусом и 16-й дивизией она временно прекратилась. Поэтому координация боевых действий с ними исключалась. Правда, если не считать 16-й дивизии, которая к этому времени фактически распалась, эти соединения сохранили живую силу, а численность 4-го корпуса даже возросла. Но территория их баз была частично или полностью утрачена. К этому следует добавить неблагоприятные политические факторы: слабость партийной работы в гоминьдановских районах, отсутствие работы по политическому разложению неприятельских войск и недостаточное развитие партизанской борьбы в тылу врага. Таким образом, Центральный советский район оказался предоставленным самому себе. Его территория также уменьшилась и была далеко не такой, какой представлялась нам в Шанхае. Только

что отвоеванные районы Фуцзяни пока еще нельзя было считать полностью своими, а утраченные в последнее время районы Северо-Западной Цзянси тем более. Под действенным нашим контролем находилась территория максимум в 40 тысяч квадратных километров. В этом я убедился воочию во время своих поездок на различные фронты. Сплошной советский район простирался не более чем на 100 километров в радиусе от Жуйцзиня. В южном направлении это расстояние было меньше, к северу же, напротив, больше. Примерно такой же по площади район находился в какой-то мере условно под управлением советских органов: там либо постоянно шли бои, либо это была ничейная в военном отношении территория. На ней поочередно действовали местные отряды Красной армии и противника, главным образом миньтуани и провинциальные войска. Такие районы были частично отделены от консолидированного советского района вражескими опорными пунктами.

Тем не менее экономическое положение даже на этой окруженной и блокированной врагом территории было неплохим. Продуктов сельского хозяйства хватало для населения и, по крайней мере частично, для Красной армии; остальную часть своих потребностей, не только в оружии и боеприпасах, но и в продовольствии, обмундировании и т. п., армия удовлетворяла путем рейдов в гоминьдановские районы, как это было, например, летом и осенью 1933 года. Между прочим, через Южную Фуцзянь и Северный Гуандун велась довольно оживленная торговля. Вывозились вольфрам, табак и другие товары, а ввозились предметы первой необходимости, прежде всего соль, хлопчатобумажные ткани, керосин.

Политическая работа среди населения улучшилась после создания бюро ЦК в Цзянси и еще более усилилась с весны 1933 года, когда непосредственное руководство ею взяло на себя Политбюро. Об эффективности этой работы можно было судить не только по возрастанию поставок продовольствия, одежды и других предметов снабжения для Красной армии, но и по увеличению притока добровольцев в ее ряды. В результате к концу 1933 года было сформировано несколько новых регулярных соединений: 3-я дивизия (позднее переименованная в 9-й корпус), 6-я дивизия (включенная в 3-й корпус), 14-я и 15-я отдельные дивизии, состоявшие преимущественно из комсо-

мольцев и получившие поэтому название кимовских дивизий (впоследствии они слились в одну дивизию и были подчинены 1-му корпусу), 19, 20 и 21-я дивизии (позже объединившиеся в одну дивизию 4-го корпуса), а также 22-я и 23-я самостоятельные дивизии.

Исходя из документов Главного штаба, ЦК должен был критиковать целый ряд ошибок и недостатков, которые были допущены при мобилизации красноармейцев и формировании новых соединений. Местные советы не всегда придерживались принципа добровольности и зачастую подменяли разъяснительную работу административными мерами. Поэтому очень высоким был процент симулянтов и дезертиров. В разных районах они составляли от 20 до 30 процентов мобилизованных. При формировании новых дивизий недостаточно тщательно производился отбор командных кадров — командиров и комиссаров — и мало внимания уделялось обучению личного состава. В связи с этим во время боевых операций потери отдельных соединений убитыми и ранеными, а в основном больными и отставшими часто доходили до 50 процентов, тогда как «нормальные» потери в старых частях не превышали 10—20 процентов. И наконец, было трудно доукомплектовывать существующие части, так как формировались все новые и новые соединения.

Но численность регулярных вооруженных сил тем не менее достигла 40 тысяч человек, и в результате успешных военных действий они теперь были гораздо лучше вооружены, чем прежде; особенно много появилось пулеметов. И напротив, ощущалась острая нехватка тяжелого оружия. Правда, имелись трофейные гранатометы, а точнее говоря, горные минометы (их перевозили в разобранном виде на мулах), а также полевые орудия. Но к ним не хватало боеприпасов, без которых это оружие становилось бесполезным. Что же касается патронов для винтовок и пулеметов, то их поставляли собственные мастерские, где набивали стреляные гильзы. Арсенал с 1933 года изготовлял ручные гранаты и ремонтировал легкое стрелковое оружие. Кроме того, в 1934 году он стал выпускать гранаты для гранатометов. Штабы и войска были хорошо обеспечены средствами связи, особенно радиоаппаратурой и телефонным кабелем. Радиоаппаратура служила не только для связи, но и для разведки, так как с ее помощью перехватывалась большая часть донесений и приказов гоминьдановских

штабов. В общем наши высшие штабы, благодаря усилиям Лю Бо-чэна, работали вполне удовлетворительно. В ряде дивизий и в большинстве полков деятельность штабов ограничивалась выполнением приказов и делопроизводством. Службы тыла — санитарная, материально-технического обеспечения и снабжения и т. п.— были на высоте, особенно если иметь в виду, что они располагали весьма ограниченными средствами. Не хватало, в частности, медицинского персонала и медикаментов. Некоторой обузой для боевых частей были обозы с большим количеством носильщиков, поваров и другого обслуживающего персонала, что неизбежно при столь примитивных бытовых и транспортных условиях.

Лю Бо-чэн разработал три типовые схемы организации регулярных соединений и частей. Одобренные мною, они были затем утверждены Реввоенсоветом. Организация соединений и частей в основном исходила из структуры Красной Армии СССР, хотя они далеко уступали ей по численности личного состава и еще больше — по вооружению и оснащению. Согласно схеме дивизия состояла из трех стрелковых полков, отделения гранатометчиков (от двух до шести гранатометов), разведроты, роты связи и штабной роты (роты охраны). Полк включал три стрелковых батальона, пулеметную роту, разведвзвод, взвод связи и штабной взвод. Батальон имел три стрелковые роты, пулеметный и штабной взводы. В составе роты было три стрелковых взвода с тремя отделениями в каждом (примерно по 10 человек). Штатная численность дивизии колебалась в зависимости от типа организационной структуры. В 1-м и 3-м корпусах в составе дивизии по штату должно было быть 7,5 тысячи человек, 3,5—4 тысячи винтовок, 120—150 легких и тяжелых пулеметов и 4—6 гранатометов; в 5-м, 7-м, 9-м корпусах — соответственно 7 тысяч человек, 3—3,5 тысячи винтовок, 60—90 пулеметов и 2 гранатомета; в самостоятельных дивизиях — по 6,5 тысячи человек с 3 тысячами винтовок и 40—50 пулеметами. Фактическая же численность личного состава и количество оружия, особенно в самостоятельных дивизиях, как правило, были далеки от нормы. Иногда в них насчитывалось всего 3—4 тысячи человек, а то и меньше. Даже 5-й корпус, который я скрытно наблюдал на марше вблизи Жуйцзиня во время его переброски с Гуандунского фронта на Север, едва насчитывал 5 тысяч человек.

В целом новые формы организации себя оправдали. Некоторые недостатки проявились в тяжелых условиях 5-го похода: относительная слабость мелких подразделений (взводов и отделений), незначительная огневая мощь из-за малого числа пулеметов и нехватки боеприпасов и высокий процент наспех обученных, почти не имевших фронтового опыта бойцов.

Эти недостатки лишь частично удалось компенсировать благодаря хорошо поставленной политической работе, проводившейся в 1933—1934 годах в войсках. Она принесла тройную пользу: повысилась самодисциплина в частях, отношение к населению стало поистине образцовым, возрос боевой дух. За год моего пребывания в Центральном советском районе был лишь один случай грубого нарушения дисциплины. Два разведчика, переодетые в гоминьдановскую форму, при выполнении боевого задания в тылу противника изнасиловали женщину. По возвращении они предстали перед военно-полевым судом и были казнены. Я хотел бы особенно подчеркнуть, что это был из ряда вон выходящий случай.

Среди высшего командного состава, как в самостоятельных соединениях, так и в местных частях, все еще были сильны пережитки партизанщины. Об этом красноречиво свидетельствовало не только поведение Сяо Цзин-гуана, о чем уже говорилось выше, но и инцидент, происшедший у меня на глазах в декабре 1933 года во время моей первой поездки на Северный фронт. Один кадровый работник был назначен Главным штабом на пост командира самостоятельной дивизии. Однако он отказался принять дивизию, явился прямо в штаб фронта и категорически потребовал, чтобы его направили в 3-й корпус. По этому поводу у меня произошел небольшой спор с Чжоу Энь-лаем, который считал, что с подобными настроениями кадров необходимо считаться.

Еще в Шанхае, летом 1933 года, я предложил создать Военную академию для поднятия уровня подготовки высшего и среднего командного состава. К моменту моего прибытия в Жуйцзинь академия уже существовала, хотя делала еще только первые шаги. В ней насчитывалась сотня слушателей — все это были боевые младшие и средние командиры. В 1934 году число слушателей возросло до нескольких сот. Руководящие товарищи уделяли академии очень мало внимания, разве что иногда читали доклады

на политические темы. Только Лю Бо-чэн и Чжоу Энь-лай проявляли бо́льший интерес к академии. С помощью военного переводчика я преподавал тактику, читал лекции, вел семинары, проводил военные игры. До моего приезда преподавание по всем военным дисциплинам вели пленные гоминьдановские офицеры. Среди них был и командир 52-й дивизии, имя которого выпало у меня из памяти. Этот генерал пытался подбить на мятеж своих подчиненных, а в начале 1934 года предпринял попытку покончить с собой, но неудачно. По просьбе Чжоу Энь-лая я говорил с ним. Он объяснил мне, что его мучит совесть, поскольку он обучает коммунистов бороться против Чан Кай-ши — главы национального правительства. Вскоре после этого разговора он исчез. Вероятно, его расстреляли.

Гоминьдановские офицеры преподавали военную тактику по боевым уставам и наставлениям немецкой армии, в том числе по наставлению «Ведение боя с применением всех видов оружия». Это было лишено всякого смысла, так как практически мы не имели тяжелого оружия и, следовательно, не могли вести большую войну в классическом смысле. Я задался целью разработать тактические правила маневренной войны с использованием войск, имеющих легкое вооружение, которые вобрали бы в себя как партизанские традиции Красной армии, так и требования ведения войны против оснащенного современной техникой противника. Но большинство гоминьдановских офицеров не имело никакого желания переучиваться. Со временем мы заменили их преподавателями из числа лучших слушателей академии. Исключение составил молодой гоминьдановский майор саперных войск, который впоследствии отличился во время Великого похода, в частности при наведении моста через Уцзян в Восточном Гуйчжоу; позднее он вступил в партию. В 1937 году, после начала антияпонской войны, он уехал в отпуск на родину, но обратно не вернулся.

В заключение несколько слов о социальной и политической принадлежности личного состава Красной армии. В этом отношении весьма показательны предоставленные мне Политическим управлением сведения о Центральной армейской группе по состоянию на лето 1934 года. Центральная армейская группа состояла тогда на 66 процентов из крестьян, на 30 процентов из рабочих и на 4 процента из представителей прочих социальных слоев. Признаюсь, я не очень доверял этим данным, так как совершенно очевидно,

что при их составлении исходили из ошибочного маоцзэдуновского определения классов, по которому к рабочим относили батраков, кули и люмпен-пролетариев. В действительности же процент рабочих, то есть промышленного пролетариата, был гораздо ниже, а процент крестьян и представителей других социальных слоев — намного выше. Это наглядно подтверждали статистические данные о мобилизованных. 77 процентов мобилизованных были выходцами из коренного населения советского района, 7 процентов набирались из числа военнопленных, 4 — из перебежчиков и 12 — из бывших военнослужащих гоминьдановской армии. Под последними, по-видимому, подразумевался первоначальный костяк (или то, что от него осталось) Красной армии, которая после 1927 года была создана из восставших частей бывшей Национально-революционной армии. В возрастном отношении состав Красной армии был вполне удовлетворительным: 1 процент — до 16 лет, 51 процент — от 16 до 24, 44 процента — от 24 до 40 и 4 процента — свыше 40 лет. Членов коммунистической партии насчитывалось 28 процентов, комсомольцев — более 10 процентов. С 1932 по 1934 год число коммунистов увеличилось примерно на 50 процентов, а если учесть комсомольцев, то коммунистическая прослойка удвоилась. Из общего числа членов партии 27 процентов приходилось на командный состав, 10 — на политработников, 40 — на строевых бойцов и 23 процента — на работников штабов и тыловых служб. Таким образом, Красная армия была преимущественно армией крестьянской. В последующие годы преобладание крестьян в Красной армии становилось все более очевидным. Вместе с тем приведенные выше данные свидетельствовали, безусловно, о том, что Красной армией руководила коммунистическая партия. Это обеспечивало дисциплину и высокий боевой дух. Этих качеств армия не утратила даже в тяжелейших условиях 5-го чанкайшистского наступления и Великого похода.

* * *

План 5-го похода Чан Кай-ши коренным образом отличался от всех предыдущих. Он представлял собой сочетание политических, полицейских и военных мер. Для повышения благонадежности личного состава и укрепления дисциплины во всех соединениях были созданы политотделы, состоявшие главным образом из членов фашистской

организации «синерубашечников». Была усилена также полевая жандармерия. Чтобы сломить сопротивление населения в захваченных и оккупированных районах, вводилась система круговой поруки, а вся полнота практически неограниченной власти на местах предоставлялась реакционным организациям самообороны типа миньтуаней. Одновременно делались попытки привлечь население на сторону гоминьдана. Было основано «Движение за новую жизнь», которое ставило своей целью якобы умиротворение страны, восстановление разрушенных во время гражданской войны городов и деревень и «оздоровление» экономики. На деле же оно, как и другие упоминавшиеся меры, вело к возрождению старых, полуфеодальных порядков. Приманкой для крестьян служили «реформы», которые под ширмой ликвидации злейших пороков прежнего долгового рабства фактически возрождали упраздненные в период существования Советской власти сословия помещиков и деревенских ростовщиков.

Вряд ли следовало ожидать, что эти меры повлияют на население. Но на гоминьдановские войска воздействие они оказали. Во всяком случае, во время 5-го похода почти не было ни перебежчиков, ни пленных.

В основу плана нового похода была положена военная доктрина немецких советников, усовершенствованная после неудачного 4-го похода. Суть ее заключалась в том, чтобы вести широкое стратегическое наступление по концентрическим направлениям, создавая на каждом из них оперативное превосходство сил, а при атаках противника применять исключительно тактику обороны. Иными словами, замысел заключался в том, чтобы медленно продвигаться вперед, создавая все более плотную систему блокгаузов. Разумеется, такой план был рассчитан на длительный срок и требовал больших затрат. Однако, по мнению немецких экспертов, он в течение одного-двух лет неизбежно должен был привести к расчленению Центрального советского района и к постепенному уничтожению оставшихся «островков». Центральная армейская группа, как они считали, в результате навязанной ей войны блокгаузов будет все больше утрачивать свободу маневра, изматываться, и в конце концов ее удастся загнать в котел и уничтожить.

С военной точки зрения все предпосылки для этого, казалось, были налицо. Значительно возросшие по сравнению с 1932 годом займы империалистических держав давали

возможность реорганизовать и оснастить по последнему слову военной науки и техники, по крайней мере, войска Центрального гоминьдановского правительства. Немецкие и другие иностранные советники обучали армию обращению с новым тяжелым оружием и руководили действиями войск на главных направлениях. Строительство автострад и бетонных бункеров, так называемых блокгаузов, надежно обеспечивало тыл и пути подвоза.

Подготовившись таким образом, Чан Кай-ши двинул в 5-й поход против Центрального советского района не менее 40 дивизий. Ведение боевых действий против других баз и соединений Красной армии он возложил главным образом на провинциальные войска, однако костяком на каждом направлении служили две-три его дивизии. Кроме того, против Центрального советского района действовали пять дивизий 19-й армии, шесть-семь дивизий гуандунских и три-четыре дивизии хунаньских войск. В общей сложности Чан Кай-ши выставил 50—60 дивизий численностью около полумиллиона человек, что обеспечивало более чем десятикратное превосходство над Красной армией.

Что касается огневой мощи, то здесь и речи быть не могло о каком бы то ни было сравнении. 500 гоминьдановских самолетов волна за волной, почти беспрерывно обрушивали бомбовый груз на передовые позиции и тылы советского района. У нас же практически не было действенной противовоздушной обороны. Важнейшим средством защиты от воздушных налетов, как, впрочем, и в наземных боях, служила маскировка, которую бойцы научились применять виртуозно. Против полутора тысяч гранатометов и полевых орудий врага мы могли выставить всего лишь две дюжины, да и то к большинству из них не было боеприпасов. Несколько лучше обстояло дело с пулеметами, но и здесь на 20—30 вражеских приходился один наш. По-прежнему главным оружием Красной армии оставались винтовки и ручные гранаты.

О плане наступления Чан Кай-ши мы были хорошо осведомлены. Предусматривалось семь основных направлений наступления: три на Северном фронте, с ближайшей задачей овладеть Юнфыном, Гуанчаном и Цзяньнином; на западе первый удар наносился по Синго; на Южном фронте — по Хойчану, а на Восточном — по Чантину и Нинхуа. На каждом из этих семи оперативных направлений изготовились для наступления по три-четыре дивизии.

На северо-востоке находилась, кроме того, армия Чэнь Чэна с 10—12 отборными дивизиями, готовыми к немедленным действиям на любом участке фронта. Оставшиеся 10—15 дивизий занимали укрепления, прикрывая наступающие войска.

Этот план был нацелен на то, чтобы на всех семи указанных основных направлениях вбить клинья укреплений в сердце советского района, отрезая и «очищая» промежуточные районы. Это полностью соответствовало стратегическому замыслу Чан Кай-ши и его советников. К счастью, план одновременного концентрического наступления не осуществился. Хунаньские и гуандунские войска выжидали, а 19-я армия вообще вышла из игры. Столкновение интересов и местничество, которые обусловили подобный образ действий, предоставили нам возможность и дальше «использовать политические разногласия в лагере противника» и свести на нет его подавляющее военное превосходство концентрацией наших главных сил на одном из северных направлений. Поэтому наиболее крупные боевые действия развернулись на Северном фронте.

С самого начала противник проводил последовательно тактику наступления, сочетая ее с приемами и средствами обороны. Его продвижение вперед прикрывалось огневым валом артиллерии и авиацией. Даже если противник не встречал сопротивления, он все равно через 4—5 ли (около 2-х километров) окапывался. На всех дорогах и во всех населенных пунктах сооружались блокгаузы, которые располагались в пределах видимости и прикрывали друг друга пулеметным огнем. От этих укреплений, почти неприступных для нашей пехоты с ее легким оружием, противник удалялся только на такое расстояние, которое в случае нашей контратаки позволяло быстро вернуться. Следует отметить, что эта неприятельская тактика блокгаузов, названная красноармейцами пренебрежительно «черепашьей» тактикой, отнюдь не являлась каким-то новшеством. Она уже применялась в предыдущие годы и с течением времени привела к довольно жесткой блокаде Центрального советского района. Наиболее хорошо оборудованной и глубоко эшелонированной была система укреплений на севере. Ее передовая линия простиралась от реки Ганьцзян севернее Юнфына и южнее Лоаня и Наньфына до самого Личуаня. Становым хребтом системы служили сильно укрепленные берега реки Сюйцзян на участке от Фучжоу

до Наньфына. На западе главная линия укреплений шла вдоль реки Ганьцзян до Ганьчжоу, а оттуда на юг севернее Синьфына и южнее Хойчана до границы провинции Фуцзянь. На востоке, то есть в Западной Фуцзяни, укрепления остались незаконченными и после нашего наступления летом 1933 года в большинстве своем были оставлены или разрушены. На северо-востоке пока имелась брешь, которую противник рассчитывал закрыть, овладев Личуанем и продолжив линию укреплений до Наньпина через города Гуанчан и Цзяньнин, еще находившиеся в наших руках.

* * *

На стратегический план Чан Кай-ши ЦК КПК, советское правительство и Военный совет ответили энергичными мерами. Они мобилизовали массы, выдвинув политические лозунги: «Все для фронта!» и «Не терять ни пяди земли!». Особым успехом увенчались кампании за максимальное увеличение сельскохозяйственного производства и за введение справедливого распределения как местных, так и привозных товаров. Все с большей эффективностью стал осуществляться курс на возможно более полное самообеспечение. Началась новая массовая мобилизация, которая продолжалась весь 1934 год, достигнув апогея в середине года. Было призвано, по официальным данным, в общей сложности 100 тысяч новобранцев, из которых, правда, по моим подсчетам, максимум 60 тысяч пополнили ряды регулярных соединений. Остальные оказались симулянтами или непригодными к военной службе по состоянию здоровья и другим причинам, или были зачислены в местные организации самообороны. Но и 60 процентов мобилизованных хватило, чтобы восполнить потери, понесенные в продолжавшихся более года тяжелых боях по отражению 5-го похода, и даже создать некоторый резерв.
По решению Реввоенсовета Центральная армейская группа на первом этапе боев, то есть с октября до конца декабря 1933 года, действовала на Северном фронте, преимущественно в северо-восточном оборонительном районе. Она должна была, воспользовавшись брешью в неприятельском поясе оборонительных сооружений, охватить и атаковать внешний фланг армии Чэнь Чэна. Перед ней, однако, не ставилась задача, как в свое время предлагал Фред, пробиваться к тыловым центрам противника на стыке провинций Чжэцзян — Аньхой, ибо в таком случае возникала

опасность, что армейская группа будет отрезана и не сможет вернуться назад.

В конце октября произошел крупный встречный бой между нашими 1-м и 3-м корпусами и тремя — пятью дивизиями Чэня. Противник был разгромлен, но не уничтожен, так как, опираясь на укрепленный Личуань, он окопался и перешел к обороне, используя свою огневую мощь. Еще два встречных боя в этом же районе, начавшиеся успешно, не увенчались решающей победой.

В ноябре 1-й и 3-й корпуса перенесли центр своих операций с северо-востока, где противник приступил к планомерному строительству укреплений, на берега реки Сюйцзян с целью вырвать инициативу у центральной колонны гоминьдановских войск, готовившейся к наступлению из Наньфына на Гуанчан. Развернулись бои, в которых, несмотря на тактические успехи, мы не смогли добиться решительной победы. Как только мы бросались в атаку, враг оттягивался под защиту укреплений, прикрываясь огневым заслоном. Главные силы Чэнь Чэна, которые вскоре подошли для усиления центральной колонны, также уклонялись от решительного сражения. Эти боевые действия, объединенные общим названием «Цюйваньская операция» (от реки Сюй, которая произносится и как Цюй), продолжались больше месяца. С нашей стороны они вылились в серию внезапных коротких ударов.

То же самое мы проделали и в декабре, когда Чэнь Чэн попытался на северо-востоке прорваться от Личуаня на Цзяньнин. Его атаковали наши 3-й и 5-й корпуса, но смогли лишь отбросить. Таким образом, в течение этих трех месяцев Центральная армейская группа вынуждена была довольствоваться некоторыми тактическими успехами. Своей главной цели — уничтожения противника широким охватывающим маневром в открытом бою — она не достигла. Его наступление было лишь остановлено. Но и противник не добился своей цели. Он не смог овладеть Гуанчаном и Цзяньнином. Правда, ему удалось удлинить линию укреплений от Личуаня до Шаоу в Северо-Западной Фуцзяни.

Бои на первом этапе 5-го похода обсуждались в Военном совете и штабе фронта. Линь Бяо высказал недовольство тем, что 1-му корпусу во время Цюйваньской операции было приказано после успешных атак преследовать противника до пояса укреплений без обеспечения путей отхода.

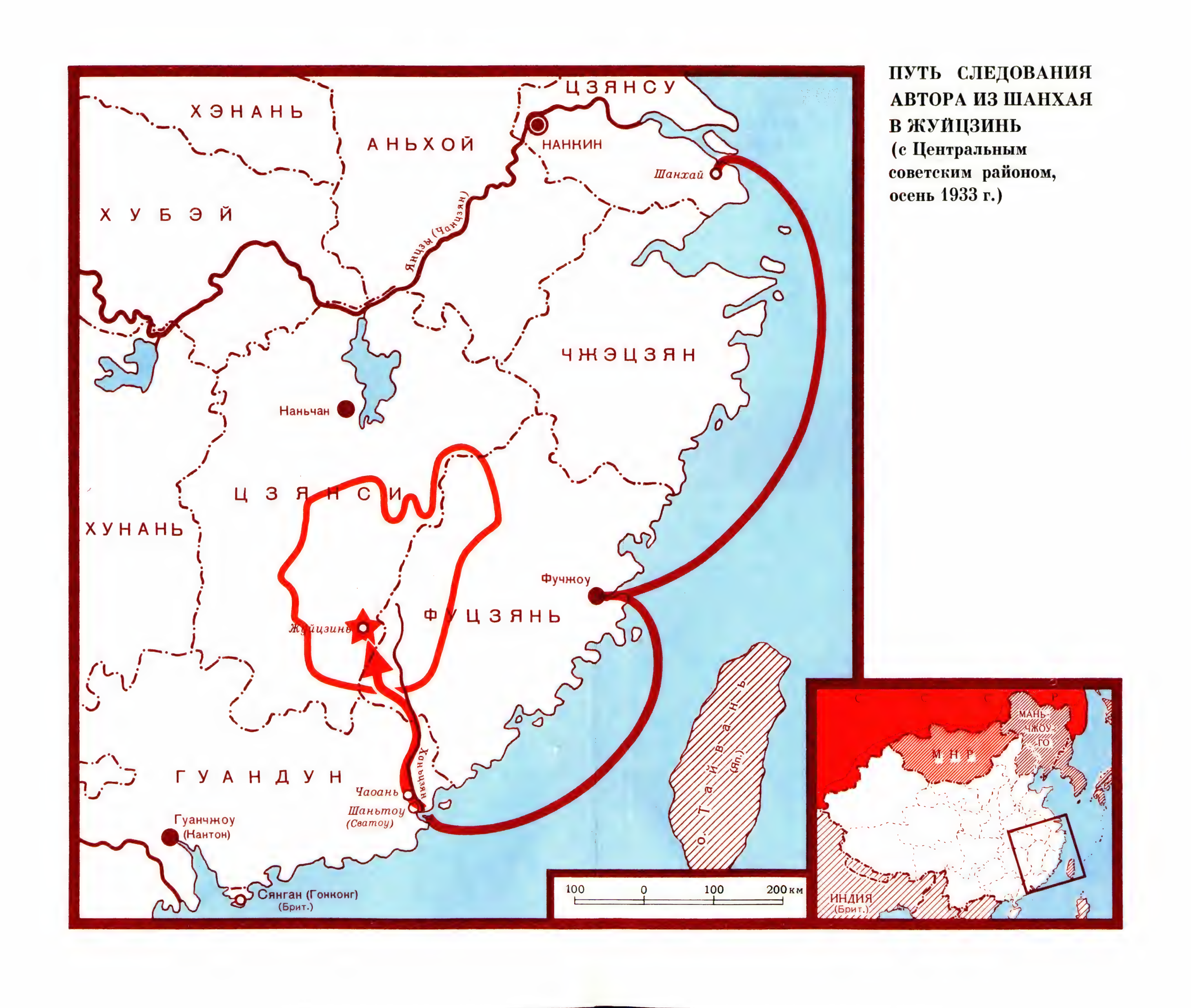
Пэн Дэ-хуай возражал против всякого дробления главных сил. «Если бы в декабрьской битве юго-восточнее Личуаня 1-й корпус оказался на месте,— доказывал он,— то удалось бы одержать решающую победу». Мао Цзэ-дун использовал эти критические замечания, чтобы обрушиться в Реввоенсовете на тактику сковывания сил противника на его главных оперативных направлениях и нанесения непосредственных контрударов по противнику, когда тот покидал пояс укреплений. При этом, по его словам, утрачивалась инициатива и упускалась возможность уничтожить противника на его внешних коммуникациях или в глубине советского района. Против такой установки, которую он назвал «наступлением в обороне», трудно было что-либо возразить. Все мы были за это. Но Мао не сумел ответить на вопрос, как вести маневренную войну, когда противник применяет тактику блокгаузов. Попытки добиться решающего успеха на внешних коммуникациях врага в Северо-Восточной Цзянси в стратегическом отношении оказались безрезультатными. Вряд ли можно было рассчитывать на благоприятные условия для решающего сражения и внутри нашего района, так как противник не давал себя заманить, не желая отказываться от фортификационной войны. Он, как показал опыт последних трех месяцев, отнюдь не помышлял о продвижении вглубь, так как имел возможность, пока мы ждали его в засаде, беспрепятственно вклиниваться в наш район, ведя одновременно строительство укреплений. На деле это означало, что мы добровольно отказываемся от значительных территорий советского района, не получая взамен возможности уничтожить живую силу противника. Эти соображения, соответствовавшие и моей оценке положения, взяли верх в Реввоенсовете. Еще раньше, примерно в конце ноября, Бо Гу и я посетили штаб фронта, находившийся в Цзяньнине. Это диктовалось не только желанием обсудить с Чжу Дэ и Чжоу Энь-лаем военную стратегию и тактику, но и тем, что между Реввоенсоветом и командованием фронта были некоторые неясности и недоразумения.

Самым важным нам представлялось разграничение обязанностей. Я полагал, что командование фронта подчиняется Реввоенсовету и выполняет его решения и директивы. Но вскоре я понял, что это не так. Командование фронта действовало совершенно самостоятельно, по крайней мере в отношении Центральной армейской группы. При этом оно

полагалось на лучшее знание постоянно меняющейся военной обстановки, поскольку именно в его распоряжении находились все сведения, получаемые посредством радиоперехвата, а также от агентуры и лазутчиков. Главный же штаб, как орган Военного совета, практически занимался лишь оперативным руководством самостоятельными соединениями и местными частями, а также вопросами пополнения, материально-технического обеспечения и снабжения и боевой подготовки. Такое раздвоение высшего военного руководства усложняло координацию боевых действий, способствовало проявлению партизанщины и облегчало Мао Цзэ-дуну возможность играть на различных мнениях и противоречиях. Наша поездка (я все еще не мог ходить и ехал верхом) заняла три дня. Мы ночевали на этапных пунктах, которые имели вполне приличный, хотя и несколько примитивный вид, и в лазарете, который, несмотря на скудное оборудование, вполне отвечал санитарным требованиям. От Жуйцзиня до Цзяньнина тянулся телефонный кабель, следовательно, этапные пункты и Советы тех немногих сравнительно крупных поселений, которые мы проезжали, были обеспечены связью.

На третий день вечером мы прибыли в Цзяньнин. В штабе фронта нас приняли Чжу Дэ и Чжоу Энь-лай. Они показали нам штаб, размещавшийся в нескольких домах. Личный состав штаба насчитывал несколько сот человек, включая охрану, и роту «сяо гуй» («дьяволят») — так любовно называли юных бойцов разведотдела. Они круглосуточно, сменяя друг друга, перехватывали и расшифровывали гоминьдановские радиограммы. В последующие дни наряду с второстепенными вопросами, например, такими, как улучшение организации тыловых служб, мы обсуждали главным образом три темы.

Первая касалась взаимоотношений Реввоенсовета и командования фронта, а следовательно, Главного штаба и штаба фронта. Мы быстро договорились, что лучшим выходом было бы слияние этих штабов. Они и без того пользовались одними и теми же техническими средствами связи с частями — полевым телефоном и радиостанциями, а личный контакт с командирами не представлял особых трудностей ввиду сравнительно небольшого расстояния до фронта. С другой стороны, это облегчило бы выполнение обязанностей в Жуйцзине Чжу Дэ как председателю Реввоенсовета и главнокомандующему Красной армией и Чжоу Энь-лаю

ПУТЬ СЛЕДОВАНИЯ АВТОРА ИЗ ШАНХАЯ В ЖУЙЦЗИНЬ
(с Центральным советским районом, осень 1933 г.)

как члену Политбюро и Военного совета и генеральному политкомиссару Красной армии. Все неясности в сфере распределения обязанностей, таким образом, устранялись. Руководство более крупными операциями Центральной армейской группы можно было поручить в случае необходимости командиру 1-го или 3-го корпуса — Линь Бяо или Пэн Дэ-хуаю или же выездной руководящей группе Военного совета. Это решение было утверждено Военным советом и в начале 1934 года проведено в жизнь.

Спустя шесть лет Мао Цзэ-минь, брат Мао Цзэ-дуна, утверждал в Москве, что я хотел таким образом лишить Чжоу Энь-лая и Чжу Дэ их командных функций, но Мао Цзэ-дун якобы разгадал мой замысел и выступил с решительным протестом. Это высосанное из пальца клеветническое заявление — типичный образчик интриганства Мао Цзэ-дуна — было настолько абсурдным, что даже Чжоу Энь-лай, к тому времени уже перешедший на позиции Мао, отверг его, заявив, что ему об этом ничего не известно.

Загадкой для меня оставались тогда отношения между Чжоу Энь-лаем и Чжу Дэ. У меня сложилось впечатление, что все военные решения принимались Чжоу Энь-лаем. Конкретно это проявилось при обсуждении Цюйваньской операции, которая была второй темой наших бесед. Бо Гу намекнул, что вот уже несколько лет, как Чжу Дэ оттеснен на задний план. В 1929 году Мао взял военное руководство в свои руки, но в 1932 году был вынужден уступить его Чжоу. Я понял, что дело касается внутрипартийных конфликтов, и больше ни о чем не расспрашивал. Впоследствии мне кое-что стало известно, но об этом я буду говорить ниже.

В оценке военного положения мы были единодушны. Следовало как можно скорее свернуть Цюйваньскую операцию, так как Чэнь Чэн стянул главные силы к реке Сюйцзян, и нанести новый удар по частично оголенному Северо-Восточному фронту. По долгу службы мне пришлось вынести на обсуждение фактически уже отклоненный Реввоенсоветом старый план Фреда о создании укрепленной линии в междуречье Ганьцзян — Сюйцзян и о прорыве в глубокий тыл противника на северо-востоке. Я, однако, не скрыл своего скептического отношения к этому плану. Всем нам была очевидна абсолютная нецелесообразность любого вида позиционной войны, однако необходимо было

удерживать такие стратегически важные пункты, как Цзяньнин и Гуанчан. Поэтому надлежало построить бункеры в районе Гуанчана, чтобы воспрепятствовать дальнейшему продвижению центральной неприятельской колонны по наиболее легкому для противника и наиболее опасному для нас пути в сердце советского района, а также обеспечить переправу для нанесения внезапных ударов по противнику восточнее и западнее реки Сюйцзян. Эти решения были сообщены также Военному совету и утверждены им.

Когда мы находились в Цзяньнине, от Сян Ина пришло сообщение, что, согласно радиограмме из Шанхая, Цай Тин-кай готовится поднять восстание против Чан Кай-ши, причем он может рассчитывать на политическую поддержку министра финансов Суна и других оппозиционных гоминьдановских политических деятелей, а губернаторы провинций Гуандун и Гуанси будут по меньшей мере сохранять нейтралитет. По мнению представительства Коминтерна и Шанхайского бюро ЦК, нам следовало использовать вспыхнувшие с новой силой противоречия в лагере гоминьдана для подготовки окончательного разгрома Чан Кай-ши. Военный представитель ИККИ (Фред) рекомендовал сразу же после выступления Цай Тин-кая прорвать Северо-Западный фронт противника силами Центральной армейской группы, форсировать Ганьцзян, выйти во фланг противника и пробиваться в гоминьдановский тыл на Наньчан. Чжу Дэ, Чжоу Энь-лай, Бо Гу и я обсудили это предложение и в основном одобрили его. Ввиду отсутствия точной информации мы воздержались от обсуждения политических аспектов и подробностей конкретной реализации этого предложения. Такое обсуждение, по мнению Бо Гу, должно было состояться в январе 1934 года в Жуйцзине, куда съедутся все руководящие товарищи. Сян Ин телеграфировал, что Реввоенсовет в принципе согласен с этим планом.

В связи с новым развитием событий и возможностью переброски главных сил в Северо-Западную Цзянси командование фронта, оставив 1-й корпус в районе Гуанчана, силами 3-го и 5-го корпусов (в составе четырех дивизий) предприняло новое крупное наступление юго-восточнее Личуаня. Это дробление сил вряд ли могло способствовать успеху операции, на что справедливо указывал Пэн Дэхуай.

Бо Гу и я кружным путем вернулись в Жуйцзинь. В районе Гуанчана мы произвели рекогносцировку местности. Я дал указание о строительстве бункеров, которые были бы тщательно замаскированы и неуязвимы для авиации и артиллерии противника. Это было крайне необходимо, поскольку как здесь, так и в других местах до сих пор строились возвышавшиеся над землей куполообразные сооружения, служившие отличной мишенью для противника.

* * *

В январе 1934 года недалеко от Жуйцзиня состоялся 5-й пленум ЦК КПК, а вслед за ним, в конце месяца,— 2-й Всекитайский съезд Советов. Со времени 4-го пленума ЦК, на котором был обновлен состав Политбюро и пополнен марксистско-интернационалистскими кадрами его Постоянный комитет, прошло ровно три года. Теперь должно было выявиться, насколько удалось объединить различные точки зрения по основным вопросам китайской революции и обеспечить плодотворное сотрудничество Политбюро с Мао Цзэ-дуном и его сторонниками в Центральном советском районе.
Предпосылки для этого, казалось, были налицо. Под руководством марксистско-ленинских кадров, следовавших директивам ИККИ, в советском районе Цзянси — Фуцзянь удалось, как вынужден был признать сам Мао, стабилизировать экономическое и политическое положение и консолидировать силы. По сравнению с ожесточенными спорами в Нинду в 1932 году теперь существовал более тесный контакт между центральным руководством и находившимися преимущественно под влиянием Мао местными и военными кадрами. Насколько я могу судить, Бо Гу, будучи генеральным секретарем партии, не жалел усилий, чтобы восстановить хорошие отношения с Мао Цзэ-дуном. Но Мао отнюдь не оценил этих усилий. И хотя в это время Мао в той или иной мере вновь стал принимать участие в работе правительства и Военного совета, он был крайне сдержан, в том числе и в личных отношениях. Еще при подготовке пленума ЦК диссонансом прозвучало его заявление, что в связи с плохим состоянием здоровья он не сможет принять в нем участия. И действительно, на пленуме он отсутствовал. Бо Гу по этому поводу саркастически заметил, что у Мао Цзэ-дуна очередной приступ «дипломатической болезни» и приступ этот вызван тем, что не он,

а Ло Фу делает доклад «О советском движении в Китае и его задачах», а также тем, что не было удовлетворено его требование о введении его в состав Постоянного комитета Политбюро. При поверхностном рассмотрении создавалось все-таки впечатление, что существенных разногласий не было. И на пленуме ЦК, и на съезде Советов все решения были приняты единогласно. Мао, выступавший на съезде с основным докладом, придерживался политической линии, намеченной директивой пленума ЦК. Однако нельзя было не заметить, что формулировки, содержавшиеся в выступлениях и решениях пленума и съезда, были близки к взглядам Мао. Поскольку я не принимал участия в пленуме, а полученная мною информация могла быть не совсем точной, я в дальнейшем буду исходить только из официальных документов, которые были изданы в 1935 году в Москве с предисловием Ван Мина. Из них косвенно вытекает, что директива пленума ЦК съезду, по крайней мере, была согласована с ИККИ.

Как в постановлении пленума ЦК, так и в решениях съезда китайская революция характеризовалась как буржуазно-демократическая и одновременно подчеркивалось, что «только советский путь» (революционно-демократическая диктатура рабочих и крестьян) может «избавить Китай от колониального пути, на который его толкают империалисты и гоминьдан». Советское правительство, отмечалось в директиве, искренне стремится к единению со всеми противниками Японии и империализма в совместной борьбе во имя национальной революции.

Далее, в соответствии с этим тезисом, указывалось, что только в революционной войне могут быть уничтожены гоминьдан и вооруженные силы милитаристов и достигнута победа первоначально в одной или нескольких провинциях, а затем во всем Китае. Для достижения этих целей необходимо взять курс на строгую координацию всех боевых действий в различных советских районах, чтобы создать новые революционные базы и занять крупные города.

Координация боевых действий вне Центрального советского района в то время была невозможна, так как отсутствовала всякая связь с революционными базами и войсками в остальном Китае. Такая постановка задачи не соответствовала тогдашней ситуации по двум пунктам в силу следующих причин.

Во-первых, все некоммунистические и несоветские силы в стране без какой бы то ни было дифференциации рассматривались как некая однородная реакционная масса. И отсюда делался вывод, что первой и важнейшей задачей является вооруженная борьба против гоминьдана и его сообщников, то есть гражданская война. В решении съезда «О Красной армии» говорилось следующее: Красная армия является единственной вооруженной силой в борьбе против Японии и решающим рычагом общего революционного движения в Китае. Это было тем более странно, что в директиве ИККИ от января 1933 года прямо говорилось о возможных союзах с оппозиционными группировками и воинскими частями гоминьдана в национально-революционной освободительной борьбе. О том, что это возможно, свидетельствовали выступление Фэн Юй-сяна весной 1933 года и возобновление переговоров с Цай Тин-каем в январе 1934 года (то есть во время пленума ЦК и съезда Советов).
Во-вторых, хотя об этом не говорилось прямо, имелось в виду, что в стране якобы происходит новый революционный подъем, в то время как принятый курс на стратегическую оборону средствами оперативного и тактического наступления, исходивший из реальной оценки положения, говорил о том, что хотя в целом революция и нарастает, однако, по выражению Мао Цзэ-дуна, наблюдается некоторый «спад волны». Победила односторонняя ориентация Мао на вооруженную борьбу. В соответствии с этим политическая работа в белых районах полностью возлагалась на партизанские отряды. Это свидетельствовало о серьезной недооценке политической работы в массах, которую вели подпольные партийные организации в гоминьдановских районах.
Я бы согрешил против истины, если бы не признал, что подобные же мысли содержались и в предисловии, написанном Ван Мином после 13-го пленума ИККИ в Москве. Там тоже идет речь о китайских Советах как особом и новом типе государственной власти, который должен утвердиться в результате длительной кровопролитной войны между революцией и контрреволюцией. Ван Мин говорит и о полном банкротстве буржуазных и мелкобуржуазных партий, об их тесном смыкании с империализмом и феодализмом. В этой связи Ван Мин говорил о постепенном и широком перерастании антиимпериалистической и

антифеодальной буржуазной революции, которая содержала в себе социалистические элементы, в пролетарскую революцию и возможных в ближайшем будущем перспективах окончательной победы советской революции в Китае. Если она победит до начала пролетарской революции в главных империалистических государствах и до второй мировой войны, отмечал Ван Мин, то она может вызвать вторую революционную волну в мире и предотвратить войну. Но если до этого японскому империализму удастся развязать преступную войну против Советского Союза, то КПК и руководимые ею рабочие и крестьяне обязаны использовать эту войну для окончательного решения своих национально-революционных задач и освобождения всех других народов Дальнего Востока от империалистического ига. Хотя Ван Мин подчеркивал, что главная интернациональная задача КПК — вооруженная защита Советского Союза, отечества трудящихся всего мира, тем не менее в его высказываниях проглядывал старый тезис Ли Ли-саня и Мао Цзэ-дуна о Китае как новом центре мировой революции. Как могло случиться, что Ван Мин, представитель КПК в ИККИ, пришел к такому выводу? Я убежден, что он при этом исходил из односторонней и тенденциозной информации. Об этом свидетельствует, в частности, то, что в своем предисловии Ван Мин утверждает, будто одна шестая часть территории Китая контролируется Советами, хотя и признает, что речь шла о разрозненных и экономически отсталых районах. В действительности же к началу 5-го похода территория советских районов едва ли превышала 3 процента (120—150 тысяч квадратных километров) территории 18 провинций Внутреннего Китая (4 миллиона квадратных километров), а доля населения в советских районах равнялась соответственно 2,5 процента. Следовательно, по сравнению с 1932 годом произошло некоторое сокращение советской территории. Положение усугублялось тем, что новые базы 2-го и 4-го корпусов еще не были достаточно прочными. Правда, выросли вооруженные силы Центрального советского района и особенно 4-го корпуса. Своего рода дезинформацией следовало признать и явно преувеличенные сведения о политическом расколе и военной слабости гоминьдановских войск, а также данные о численности Красной армии, которые Мао Цзэ-дун на 2-м съезде Советов косвенно подтвердил тем, что выдвинул в качестве непосредственной задачи создание в кратчай-

ший срок миллионной армии. Аналогичное требование содержалось в директиве пленума ЦК о формировании «новых армий, новых дивизий и корпусов». Это требование выходило далеко за рамки реальных возможностей.

Влияние марксистско-ленинских руководящих кадров проявилось в тех выступлениях и постановлениях, принятых пленумом, которые касались решительной борьбы с вредными традициями партизанщины, повышения дисциплины, перераспределения конфискованных земель на основе правильной классовой линии, предусматривавшей тесный союз с середняком, повышения и упрочения руководящей роли рабочего класса во всех органах советской власти. Показательно, что ни в директивах пленума ЦК, ни в решениях съезда Советов ничего не говорилось о международном рабочем движении. Не упоминался в документах и Советский Союз, если не считать нескольких общих фраз в начале доклада Мао Цзэ-дуна.

Двойственность, а порой и противоречивость документов, особенно директив пленума ЦК, объясняется тем, что все старались добиться их единодушного принятия. Это свидетельствовало о том, что существовало определенное равновесие сил между марксистско-интернационалистской группой и сторонниками Мао Цзэ-дуна. Вместе с тем в важных вопросах уже проглядывала первая уступка взглядам Мао Цзэ-дуна. В кулуарах пленума и съезда происходили внешне вполне дружественные, а по существу острые дискуссии, касавшиеся, насколько мне известно, главным образом трех проблем: пересмотра экономической политики, методов ведения войны и отношения к Советскому Союзу.

Экономика Центрального советского района представляла собой, естественно, военную экономику, или, если хотите, своего рода военный коммунизм. Однако при осуществлении экономической политики были допущены серьезные ошибки. Мао Цзэ-дун придерживался очень жесткого левого курса, который сводился к ликвидации не только крупных землевладельцев и деревенских ростовщиков, но и кулаков, а порой даже середняков и тяжело отражался на других средних слоях — ремесленниках и мелких торговцах. Мао Цзэ-дун провел полную национализацию или конфискацию всех земель, включая крестьянские, и их перераспределение по «едокам». Одновременно при распределении земли во многих случаях была допущена дискриминация в отношении семей красноармейцев, им

обещали землю лишь после «окончательной победы». Имели место перегибы и при создании кооперативов — административное принуждение и поспешное массовое объединение крестьян.
Эти старые ошибки, которые явились выражением левосектантских взглядов, или, если угодно, неправильной, преждевременной установки на социалистическую революцию, были более или менее исправлены. Мао Цзэ-дун и Ло Фу, ранее поддерживавший левый курс, сделали резкий поворот. Но, как часто случалось, Мао Цзэ-дун и в данном случае впал из одной крайности в другую, выступив за смягчение политики в отношении крупных землевладельцев и деревенских ростовщиков, а также за предоставление большей свободы для частных капиталовложений и частной торговли. Акцент здесь делался на «большей свободе», так как за ослабление экономических пут выступали также ИККИ и ЦК. Мао, возможно, рассчитывал посредством этого китайского варианта новой экономической политики, которая в 1921 году в Советской России заменила военный коммунизм, облегчить в условиях блокады экономическое положение и расширить социальную базу советского правительства. В связи с этим к правильному лозунгу «Все для фронта!» он добавил лозунг «Все для крестьян!».
Таким образом, Мао Цзэ-дун четко выразил свою старую линию ориентации на крестьянство, а точнее говоря, на сельское население, все дальше отходя от основополагающего принципа руководящей роли рабочего класса.
Что касается методов ведения войны, то здесь спор шел о соотношении регулярных и нерегулярных боевых действий и регулярных и нерегулярных войск. Этот вопрос назревал, собственно говоря, со времени реорганизации революционных вооруженных сил в 1931—1932 годах. Ссылаясь на «победоносный опыт» после 1927 года, Мао ратовал за старые методы исключительно партизанской войны, за которые приходилось расплачиваться потерей районов; при этом явно игнорировалась тактика «блокгаузов», применявшаяся противником во время 5-го похода. Эта точка зрения Мао встретила сопротивление не только со стороны центрального партийного руководства, но и со стороны многих его сторонников. Я помню, как в связи с этим ко мне пришел Сян Ин и попросил написать проект решения «О Красной армии». Я, однако, отказался, поскольку видел

в этом недопустимое вмешательство в выработку политической линии пленума ЦК и съезда Советов. Но в узком кругу Бо Гу, Сян Ин, Чжоу Энь-лай, Лю Бо-чэн и я говорили об этом. Мы пришли к выводу, что следует признать обе формы ведения войны и организации войск и что маневренная война, будь то действия крупных регулярных соединений или партизанские действия нерегулярных частей, должна стать общепринятым основополагающим принципом. В конце концов и Мао присоединился к этой точке зрения, которая была закреплена в выступлениях и решениях.

Чтобы положить конец все еще проявлявшейся самостийности командиров партизанских отрядов и местных частей, были выдвинуты требования усилить организацию и подчинение единому командованию, улучшить взаимодействие и ввести «железную» дисциплину. Об отношении к Советскому Союзу говорилось лишь мимоходом. До сих пор актуальным был лозунг «Помогайте Советскому Союзу!», который в значительной мере соответствовал всемирно распространенному в то время лозунгу «Руки прочь от Советской России!». Теперь Мао высказался, хотя и неофициально, в том смысле, что это положение, дескать, устарело и должно быть заменено лозунгом «Помогайте Китаю!». Тем самым в концентрированной форме проявились его мелкобуржуазно-националистические взгляды, суть которых сводилась к тому, что основное противоречие в современном мире — это не противоречие между Советским Союзом и империалистическими державами, а конфликт между Японией и Китаем. Отсюда, якобы, неизбежно следовало, что главной задачей является внутренняя борьба между китайскими советскими районами и гоминьдановским Китаем и что все должно быть подчинено этой борьбе. Негативное теоретическое и политическое значение лозунга «Помогайте Китаю!» в то время не было еще понято в полном объеме; практически же он не претворялся в жизнь. Поэтому партийное руководство, которое само не было свободно от таких представлений, как видно из упомянутого выше предисловия Ван Мина к документам съезда, не придавало этому лозунгу особого значения и на сей раз не раскрыло его содержание.

5-й пленум пополнил ЦК новыми членами и кандидатами. Он избрал новое Политбюро, в состав которого, если мне не изменяет память, вошел и Мао Цзэ-дун, и утвердил

Бо Гу генеральным секретарем. 2-й Всекитайский съезд Советов в свою очередь утвердил Мао Цзэ-дуна председателем Исполнительного комитета Временного Центрального правительства Китайской советской республики, но не назначил его председателем Совета народных комиссаров. Этот пост, по рекомендации пленума ЦК, занял Ло Фу, который остался также секретарем ЦК. Заместителями председателя Исполнительного комитета были избраны Сян Ин и Чжан Го-тао (заочно). Бо Гу и Ло Фу формально вошли и в состав Реввоенсовета.

Таким образом, большинство ключевых постов в ЦК и правительстве было занято марксистско-ленинскими кадрами. Однако было бы ошибочным делать отсюда вывод, что стала проводиться их политическая линия. Ни 5-й пленум ЦК, ни 2-й съезд Советов не внесли окончательной ясности в основные вопросы китайской революции, по которым издавна существовали разногласия, и следовательно, сохранялась почва для будущих распрей.

Причиной тому, как я пытался показать на приведенных выше примерах, служило то, что марксистско-ленинское ядро в партийном руководстве примиренчески относилось к идеям Мао, уклонялось от четких решений, стремилось к компромиссам и, более того, по многим важным вопросам само находилось под сильным влиянием Мао.

Это выражалось, например, в игнорировании национально-революционных сил в лагере гоминьдана, недооценке противника, переоценке собственных успехов, а самое главное — в односторонней ориентации всей политики на гражданскую войну, на вооруженную борьбу Красной армии и на сельские советские районы. В этом его поддерживали в известной степени и представители КПК в ИККИ.

Кроме того, на 2-м съезде Советов царили мелкобуржуазно-крестьянские настроения. Это во многом способствовало усилению влияния Мао Цзэ-дуна и его сторонников в местном партийном и военном руководстве. Даже по официальным данным мандатной комиссии, в работе съезда принимали участие всего 8 промышленных рабочих. К рабочим также были причислены 244 ремесленника, 53 кули и 122 батрака. Если учесть, что в работе съезда участвовали, помимо этого, 303 крестьянина-бедняка, 25 крестьян-середняков и 66 представителей других социальных слоев (мелкие торговцы, интеллигенты и т. п.), то станет ясно,

что социальный состав съезда определялся беднейшими слоями сельского населения и в известной мере мелкобуржуазным «средним сословием».
Следует заметить, что и эти цифры весьма сомнительны. Я присутствовал на заседаниях съезда в качестве гостя. Зал мог вместить максимум 700—800 человек. В протоколе же значилось 700 делегатов и 1500 гостей, более 100 из которых якобы прибыли из гоминьдановского Китая и из-за рубежа. Ни одного иностранца я вообще не видел. Что же касается делегатов и гостей из других советских и партизанских районов, а также из гоминьдановского Китая, то, как сказал мне Бо Гу, вследствие блокады их было очень мало.
Мао Цзэ-дун мог быть доволен съездом. Он укрепил свой авторитет политического руководителя Центрального советского района и теперь готовился взять реванш за двойное поражение в ЦК. Под ширмой политического единства и товарищеского сотрудничества он вновь развернул борьбу за руководящее положение в партии, правительстве и армии.

* * *

Здесь я хотел бы поделиться некоторыми наблюдениями и соображениями о руководителях, с которыми я близко познакомился в течение первых трех месяцев моего пребывания в Центральном советском районе. Это лишь беглые наброски, в которых первые впечатления переплетаются с более поздними. Для полноты картины я добавлю к ним те сведения, которые со временем я почерпнул из разговоров и других источников.
Круг лиц, с которыми я лично более или менее постоянно общался, был довольно узок. Даже после ослабления «мер безопасности» и полного излечения ног свобода моего передвижения ограничивалась главным образом посещениями ЦК, Главного штаба и Военной академии и в общей сложности пятью поездками на фронты. Конечно, множество имен и людей, с которыми приходилось сталкиваться, выпали у меня из памяти.
Самой значительной фигурой был, несомненно, Мао Цзэ-дун. Стройный, худощавый человек лет сорока, он поначалу произвел на меня впечатление скорее мыслителя и поэта, нежели политического деятеля и солдата. В тех редких случаях, когда мы встречались в непринужденной

праздничной обстановке, он вел себя сдержанно и с достоинством, подбивая, однако, других на выпивку, болтовню и пение. Сам он в разговорах отделывался афоризмами, которые хотя и звучали вроде бы безобидно, но всегда имели скрытый смысл, а порой содержали и злой сарказм. Так, я долго не мог привыкнуть к таким острым блюдам, как жареный стручковый перец, излюбленная еда в Южном Китае, особенно на родине Мао, в Хунани. Это дало повод Мао язвительно заметить: «Красный перец — пища настоящего революционера» и еще: «Кто не выносит красного перца, тот не солдат». Когда впервые встал вопрос, следует ли нашим главным силам прорывать блокаду Центрального советского района, он ответил иносказательно — цитатой, по-моему, из Лао-цзы: «Плохой мясник разрубает кости острым топором, хороший — отделяет их друг от друга тупым ножом». Он вообще имел обыкновение обращаться к образам фольклора и цитировать китайских философов, полководцев и государственных деятелей прошлого. Мне говорили, что ставшие известными восемь политических [1] и четыре тактических [2] принципа Красной армии он также частично позаимствовал из истории, в частности из лозунгов Тайпинского восстания во второй половине XIX века. Тезис о том, что войска должны вступать в бой только при полной уверенности в победе, созвучен аналогичному положению из «Трактата о военном искусстве» древнекитайского полководца Сунь-цзы. Правда, это не помешало ему во время Великого похода цитировать и другое место из того же Сунь-цзы, где говорится, что солдат надо размещать на таких позициях, откуда они не могут удрать, и тогда они будут стоять насмерть. Упоми-

[1] 1. Прежде чем уйти из дома, развесь все двери (в Китае солдаты использовали двери в качестве кроватей.— *Прим. авт.*).
2. Свяжи солому, служившую тебе постелью.
3. Будь любезен и вежлив с жителями и помогай им, чем можешь.
4. Занял вещь — верни.
5. Испортил вещь — возмести.
6. Будь честен при торговых сделках с крестьянами.
7. Честно расплачивайся за купленное.
8. Следи за чистотой и в особенности за тем, чтобы отхожие места располагались на значительном расстоянии от жилья.

[2] 1. Враг наступает — мы отступаем.
2. Враг останавливается и закрепляется — мы его беспокоим.
3. Враг уклоняется от сражения — мы атакуем.
4. Враг отступает — мы преследуем.

павшийся выше афоризм о красном перце Мао варьировал в зависимости от ситуации. В Юньнани символом подлинного революционера стали кубики опиума, которыми Красная армия расплачивалась вместо серебра, а в Сикане — вши, которые буквально съедали нас. Подобные поговорки, сравнения, образы, перечень которых можно было умножить, выдавали его утилитарный, прагматический образ мышления, но они достигали цели, так как употреблялись каждый раз по какому-нибудь конкретному поводу. Мао использовал их не только в личных разговорах или в узком кругу. Я сам был свидетелем того, как он умел увлечь за собой крестьян и солдат посредством легко запоминающихся лозунгов и революционных фраз.

Разумеется, он прибегал и к известной ему марксистской терминологии. Но его знания марксизма были весьма поверхностны. Во всяком случае, у меня сложилось именно такое впечатление, и Бо Гу подтвердил это, объяснив причины. Мао никогда не был за границей и не владел ни одним иностранным языком. В самом же Китае марксистской литературы было мало, да и то в основном переложения марксистских трудов. Первоисточники можно было пересчитать по пальцам. Положение усугублялось тем, что Мао в присущей ему эклектической манере истолковывал марксистские понятия, вкладывая в них совершенно иное содержание. Так, он часто говорил о пролетариате, но понимал под ним отнюдь не только промышленных рабочих, а все беднейшие слои населения: батраков, мелких арендаторов, ремесленников, мелких торговцев, кули и даже нищих. Иными словами, классовую принадлежность он определял не по «месту в исторически определенной системе общественного производства» и, следовательно, не по отношению к средствам производства, а по доходам и уровню жизни. Эта вульгаризация марксистского понятия классов, проявлявшаяся также и на практике, например в упоминавшихся данных о составе делегатов 2-го съезда Советов, вела к субъективному определению классового характера различных слоев населения и фактическому отрицанию руководящей роли рабочего класса. Гегемонию и диктатуру пролетариата — Мао употреблял поочередно оба этих термина — он сводил к господству коммунистической партии, которое воплощалось через власть Красной армии, поскольку классовая борьба, по мнению Мао, ведется главным образом в форме гражданской войны.

Как я понял из разговоров, взгляды Мао были известны Бо Гу и другим марксистам, но они не боролись с ними. Они не хотели разрыва с Мао, во всяком случае из-за «теоретических» вопросов, так как знали, что в Центральном советском районе он пользуется широкой поддержкой масс.

Но еще больше, чем на «народнических замашках», как мы говорили в шутку, его влияние основывалось на традиции многолетней вооруженной борьбы, в ходе которой он стал своим среди крестьян. На «горожан», не участвовавших в этой борьбе, он обычно смотрел презрительно. Поскольку с рабочим классом промышленных городов Мао почти не сталкивался, для него героическая нелегальная борьба коммунистов вне советских районов мало что значила. Он признавал только вооруженную борьбу крестьянской армии. Будучи во власти иллюзии, будто только он один призван довести до победы революцию, как он ее себе представлял, Мао считал дозволенным любое средство, которое приближало его к цели — к личной неограниченной власти.

К 1931 году он практически добился этой цели в районе Цзянси — Фуцзянь. Этому предшествовала острая внутриполитическая борьба, которая развернулась между Мао Цзэ-дуном, бывшим тогда уполномоченным ЦК и председателем фронтового парткома, с одной стороны, и Хунаньским провинциальным парткомом и местными партийными комитетами Цзянси и Фуцзяни — с другой. Точных сведений об этом мне не удалось получить ни в Шанхае, ни по приезде на место. Но из бесед с товарищами мне стало известно, что Мао в 1929—1930 годах с помощью преданных ему командиров разогнал провинциальный и региональные парткомы под предлогом борьбы против контрреволюции (так называемой «антибольшевистской лиги»), а также против действительных или мнимых троцкистов и социал-демократов, физически ликвидировал многих партийных работников, противившихся его курсу, в том числе красноармейцев, особенно политработников и командиров, а также рабочих, которые в 1927 году после поражения Кантонской коммуны и в 1930 году после взятия Чанша влились в ряды Красной армии. Я был поражен, но, правда, не придал значения этим, на мой взгляд, недостоверным слухам. Сегодня все это подтверждено документально со всей ужасающей полнотой. А тогда мы все

думали и надеялись, что мрачные времена внутренних распрей ушли в прошлое. Чжоу Энь-лай охарактеризовал применявшиеся Мао Цзэ-дуном методы террора как «перегибы в борьбе с контрреволюцией», а Сян Ин прямо назвал их «фракционной борьбой». После 4-го пленума ЦК власть Мао в Центральном советском районе оказалась под серьезной угрозой. Сигналами тревоги для него явились создание бюро ЦК в 1931 году, расширенное совещание в Нинду в 1932 году и, наконец, переезд Политбюро и секретарей ЦК в Жуйцзинь в 1933 году. Влияние Мао заметно ослабло. На 5-м пленуме ЦК он высказал свои претензии, но они были отклонены. С этого времени начинается новая, скрытая, неравная борьба за руководство партией и армией. Именно неравная, потому что все мы уважали Мао как популярного революционного вождя и честно пытались найти с ним общий язык, тогда как он, будучи весьма искушенным в политических интригах, тайно строил козни, чтобы не только вернуть былое влияние, но и захватить руководство всей партией.

С этой целью он создал оппозиционную группу из местных и военных кадров, которые еще в 1930 году поддерживали Мао в его борьбе против партийных комитетов Хунани, Цзянси и Фуцзяни. К этой внутрипартийной фракции принадлежали, в частности, Гу Бо, Цзэн Шань и секретарь Мао Чэнь Чжэн-жэнь. В 1930—1931 годах Мао назначил их на руководящие посты в партии и правительстве Цзянси, но к моменту моего приезда они уже никакой заметной роли не играли, и я не знаю, выдвинулись ли они впоследствии. В фракционную группу входили также братья Мао Цзэ-дуна Мао Цзэ-тань и Мао Цзэ-минь. Но они ведали исключительно второстепенными — хозяйственными и финансовыми — вопросами и никогда не занимали ключевых политических постов.

В конспирации участвовали также протеже Мао Цзэ-дуна Ло Мин и Сяо Цзин-гуан, а из армейских кадров помимо Линь Бяо особенно Чэнь И, который тогда командовал дивизией, и Дэн Сяо-пин, редактор газеты «Хун син» («Красная звезда») — органа Политуправления армии.

Противником Мао, вопреки своей воле, стал Бо Гу, который, как генеральный секретарь ЦК, должен был заниматься политическими, а также все более выдвигавшимися на первый план военными вопросами. Несмотря на свою молодость — Бо Гу было всего 25 лет,— он хорошо

подготовлен теоретически и имел опыт политической работы. Правда, в военных делах он руководствовался моими советами и решениями Чжоу Энь-лая. Мы с Бо Гу подружились, и наша дружба выдержала испытания последующих лет. Из многочисленных бесед с ним я знал, что он во многом не согласен с Мао, но считал необходимым продолжать с ним сотрудничество, чтобы оказывать на него марксистское влияние и сохранять единство партии. И в дальнейшем Бо Гу оставался верен этой линии (даже после того как Мао дал ему «отставку»), вплоть до своей трагической гибели в 1946 году. Надо сказать, что эта лояльность Бо Гу вылилась впоследствии в далеко идущую поддержку политики Мао. Однако превыше всего для него всегда были авторитет Коминтерна и интересы Советского Союза.

Ло Фу, который был старше и эрудированнее Бо Гу, отстаивал пролетарский классовый характер партии и неоднократно выступал с критикой мелкобуржуазной крестьянской идеологии Мао Цзэ-дуна. Однако, будучи секретарем ЦК, отвечавшим за политику правительства и Советов, и новым главой советского правительства в районе Цзянси — Фуцзянь, он постепенно подпал под влияние Мао и скатился на его позиции. Этому прежде всего способствовало то, что он поддержал военную концепцию Мао, в правильности которой в конкретных условиях Центрального советского района был очевидно убежден. Однако он не отказался от своих собственных взглядов. После того как он сменил Бо Гу на посту генерального секретаря ЦК, у него начались частые конфликты с Мао, закончившиеся устранением Ло Фу в 60-х годах.

Самым энергичным и гибким среди партийных руководящих деятелей был Чжоу Энь-лай. С классическим китайским и современным европейским образованием, с большим революционным и международным опытом, с выдающимися организаторскими и дипломатическими способностями, он в политике всегда стремился лавировать и приспосабливаться к обстоятельствам. Чжоу Энь-лай был руководителем политического отдела Военной академии Вампу (Хуанпу) и служил в Национально-революционной армии гоминьдана, когда Чан Кай-ши был начальником Военной академии и главнокомандующим армией. В 1927 году Чжоу Энь-лай организовал восстания в Шанхае и Наньчане. Однако, являясь непременным членом ЦК и

Политбюро в 20-х годах, либо был причастен к ошибкам Чэнь Ду-сю и Ли Ли-саня, либо терпимо относился к ним. Возглавляя бюро ЦК в Центральном советском районе, он оттеснил Мао в 1932 году от руководства партией и армией. В этот период он поддерживал Ван Мина и Бо Гу, проводил линию Коминтерна и Постоянного комитета Политбюро ЦК, членом которого продолжал оставаться. Вместе с тем он укреплял свое положение в армии. Многие командиры были в свое время его слушателями в академии Вампу. Военные успехи в борьбе против 4-го похода, которые он целиком приписал себе, укрепили его авторитет. После слияния штаба фронта с Главным штабом все нити военного руководства сосредоточились в его руках. Фактически он командовал всеми вооруженными силами, включая самостоятельные и местные части. В одной анкете (в конце 1939 года) он указывал, что с 1932 по 1935 год являлся главнокомандующим китайской Красной армией. В период Великого похода он своевременно заметил, что Мао Цзэ-дун одержал верх, и, не задумываясь, перешел на его сторону, изменив, как мне кажется, по крайней мере вначале, собственным взглядам, стал его верным последователем.
Единственными рабочими в Политбюро были Сян Ин и Чэнь Юнь. В 20-х годах в гоминьдановском Китае они были видными профсоюзными лидерами и организаторами забастовок. Так, например, Сян Ин в феврале 1923 года руководил крупной стачкой железнодорожников. После того как Чжоу Энь-лай сосредоточил в своих руках основную власть в Военном совете, Сян Ин занимался главным образом вопросами мобилизации и обеспечения, а также ведал народным ополчением и партизанскими отрядами. Свою работу он выполнял спокойно, со знанием дела, без всякой шумихи. Лишь однажды ему отказала выдержка. Это случилось в последнюю ночь перед отходом Центральной армейской группы. Но к этому я еще вернусь.
Высшие военные руководители были все без исключения профессиональными военными, и уже во время Северного похода 1926—1927 годов они, кроме Линь Бяо, стали генералами или полковниками.
Чжу Дэ — уже тогда легендарный герой гражданской войны,— человек скромный и непритязательный, принимал участие в революции 1911 года. В 1922 году (кстати, в Германии) он вступил в КПК и после восстания в Нань-

чане в 1927 году повел революционные части 4-й армии в Цзянси, где в 1928 году соединился с крестьянскими партизанами Мао. О том, что произошло дальше, я кое-что узнал от Бо Гу и Сян Ина, которые располагали весьма скудной информацией, и от самого Чжу Дэ. Правда, он очень неохотно говорил со мной на эту тему, причем задним числом признавал во всем правоту Мао. Серьезные столкновения между Чжу Дэ и Мао Цзэ-дуном начались в связи с конфликтом Мао Цзэ-дуна с Хунаньским комитетом партии. Чжу Дэ подверг критике тогдашнюю военную тактику Мао, заключавшуюся в том, чтобы закрепиться в Цзинганшане и оттуда «веером распространяться». Мао в свою очередь обвинил его в «теоретическом невежестве» и «оппортунистических уклонах» за то, что Чжу Дэ, выполняя директиву провинциального комитета, совершил поход в Южную Хунань, закончившийся частичным поражением. После нового воссоединения с частями Чжу Дэ в 1929 году Мао Цзэ-дун систематически подрывал его авторитет как командующего армией и перетянул на свою сторону политкомиссара Чэнь И и Линь Бяо, который в то время еще командовал батальоном. Вскоре Мао подчинил своему влиянию Пэн Дэ-хуая и Лю Бочэна. Чжу Дэ смирился и, формально оставаясь главнокомандующим, уже никогда не играл самостоятельной решающей роли. И так, по моему мнению, продолжалось долгие годы, вплоть до сегодняшнего дня.

Я не знал, как относиться к этой истории, которая дошла до меня из обрывков разговоров. И все-таки она проливала некоторый свет на то, почему Чжу Дэ, генерал с большим опытом и непреклонной преданностью революции, играл столь незначительную роль в решении политических и военных вопросов. Обнаруженные теперь документы подтверждают достоверность этого факта, как и многих других.

В отличие от Мао, который в Цзянси уклонялся от любого личного контакта и избегал личных бесед со мною, несмотря на соответствующие с моей стороны попытки, Чжу Дэ неоднократно посещал меня. Вместе с ним я два или три раза ездил на фронты. В разговорах он старался добиться, чтобы я воспринял военные взгляды Мао. Чаще всего рассказывал о развитии Красной армии и ее походах, очевидно стремясь из прошлого извлечь полезный опыт для использования его в условиях 5-го похода.

То же самое делал и Лю Бо-чэн — «одноглазый дракон», которого так называли за почти легендарную храбрость и за отсутствие глаза, который он потерял в бою. Он тоже был участником революций 1911—1913 и 1925—1927 годов. Затем он учился в Советском Союзе, но почти не говорил по-русски. Штабной работой он владел в совершенстве, однако чувствовал себя после воцарения в Главном штабе Чжоу Энь-лая лишним. Всем сердцем он был привязан к оперативной работе и мечтал снова командовать войсками. В политическом отношении он ровным счетом ничего собой не представлял.
Самой примечательной фигурой среди корпусных командиров был Пэн Дэ-хуай. Начиная с 1928 года, после перехода с подчиненными ему частями на сторону Красной армии, он поддерживал Мао, в котором видел признанного вождя революционных вооруженных сил. Но это не означало, что он с ним соглашался во всем. Одинаково активный и в политике, и в военном деле, он не молчал, если считал нужным выступить с критикой. Пэн Дэ-хуай резко обрушился на тактику позиционных боев, стоившую многих жертв, и на разрозненные партизанские действия. Его корпус, единственный, в составе которого имелось три дивизии, был самым многочисленным и сильным и прекрасно подготовленным к ведению регулярных боевых действий. Поэтому, как правило, на него возлагались самые тяжелые задачи. Несколько раз Пэн Дэ-хуай оказывался в опасных ситуациях, но всегда с честью из них выходил. Из редких бесед с ним и с его политкомиссаром Ян Шан-кунем, обучавшимся в Советском Союзе, я понял, что оба они — подлинные интернационалисты и верные друзья Советского Союза. Очевидно, это и определило их трагическую судьбу в 60-е годы.
Линь Бяо был самым молодым среди корпусных командиров. Выпускник Военной академии Вампу и командир роты во время Северного похода, после 1927 года он быстро стал командиром батальона, а затем полка. С 1931 года он командовал 1-м корпусом, обе дивизии которого славились быстротой маневра и использовались преимущественно для обходных маневров и окружения противника. Линь Бяо, несомненно, был блестящим тактиком партизанской и маневренной войны. Других форм боевых действий он не признавал. В военных вопросах, особенно когда речь шла об оперативном или тактическом

руководстве, он не слушал ничьих советов. В политическом отношении он, слепо преданный Мао, был тем чистым листом бумаги, на котором Мао Цзэ-дун писал все, что хотел, и использовал его как послушное орудие в своей борьбе против ЦК, руководимого Бо Гу.

Линь Бяо, как и его кумир Мао Цзэ-дун, избегал личных бесед. Более общительным был Ло Жуй-цин, его политкомиссар или, возможно, уполномоченный по безопасности, который, так же как и Линь Бяо,— через академию Вампу и Национально-революционную армию — пришел в Красную армию. Десятки лет он пользовался доверием Мао и Линь Бяо, пока во время «пролетарской культурной революции» они не отдали его на растерзание хунвэйбинам как участника мифического заговора Лю Шао-ци.

О Дун Чжэнь-тане, командире 5-го корпуса, состоявшего до осени 1934 года всего из одной дивизии, я не могу много сказать. Это был настоящий солдат, добросовестно исполнявший все приказы. Говорили, что у него сохранились «феодальные привычки», «милитаристские замашки», но я ничего подобного не замечал. По непонятным причинам его части считались сильными только в обороне, поэтому их именно так и использовали. Однако они хорошо проявили себя и во время наступления. В 1935 году я был свидетелем того, как его корпус стремительным штурмом, почти без потерь, овладел горным перевалом в Гуйчжоу, который защищали провинциальные войска. Дун Чжэнь-тан пал смертью храбрых в 1936 году в Ганьсу.

С Ван Цзя-сяном, Чэнь Юнем и некоторыми другими руководителями-коммунистами из Центрального советского района я общался сравнительно мало. Позднее контакты стали более тесными, поэтому я еще вернусь к ним.

Совершенно не помню Лю Шао-ци, тоже работавшего в Центральном советском районе. К началу Великого похода его, должно быть, направили на политическую работу в Северный Китай. Очевидно, он не играл тогда в партийном руководстве такой ведущей роли, как в последующие годы, и стоял в стороне от военных дел.

* * *

Во время работы 5-го пленума ЦК и 2-го съезда Советов произошли так называемые фуцзяньские события. В ноябре 1933 года Цай Тин-кай открыто выступил против Чан

Кай-ши и провозгласил создание в Фучжоу, административном центре провинции Фуцзянь, где размещалась его штаб-квартира, «Революционного народного правительства». Главными пунктами программы этого правительства были прекращение гражданской войны против советских районов, что практически 19-й армией уже было сделано, и совместная с Красной армией борьба против японской агрессии и диктатуры Чан Кай-ши. В середине января в Жуйцзинь прибыли два посредника (Пань и Чан) для конкретных переговоров. От Бо Гу я узнал, что они обладали весьма ограниченными полномочиями. Они должны были договориться об экономической помощи Цай Тин-кая Центральному советскому району и о взаимодействии Красной армии и 19-й армии. Правда, Цай Тин-кай выступал против непосредственной военной поддержки и стремился лишь к заключению соглашения о взаимном ненападении с установлением демаркационной линии. Объяснялось это, по-видимому, двумя обстоятельствами. Во-первых, памятуя о нашем наступлении в 1933 году, он боялся, что Красная армия оккупирует его территорию и «проглотит» его вместе с армией. С другой стороны, ему приходилось считаться с теми умеренно настроенными лицами в командовании армии и в гуандунском провинциальном правительстве, на чей доброжелательный нейтралитет он рассчитывал. Эту позицию Цай изменил только в начале или середине февраля, когда его положение резко ухудшилось, но было уже слишком поздно.
Чан Кай-ши понял, какая опасность грозит его режиму, если «Революционное народное правительство» с помощью Красной армии утвердится в провинции Фуцзянь и к нему примкнут другие оппозиционные силы в Южном и Северном Китае. Поэтому он немедленно прервал 5-й поход против Центрального советского района и бросил большую часть своих войск против 19-й армии. В Северную Фуцзянь были переброшены от 10 до 15 дивизий, то есть фактически все ударные колонны, которые были сосредоточены на Северном фронте. Перед ними стояла задача стремительным броском овладеть Фучжоу. Севернее Цзяньнина наготове стояли 10—12 дивизий армии Чэнь Чэна, которые должны были, в случае нашего вторжения в Фуцзянь, прикрыть обнаженный правый фланг его наступавших частей или еще дальше углубиться в наш северо-восточный район, из которого отошли наши главные

силы. Гарнизоны системы укреплений силой от 10 до 12 дивизий оставались на месте.

В свою очередь Реввоенсовет решил сконцентрировать 1-й, 3-й и 7-й корпуса, а также 34-ю отдельную дивизию (всего семь боеспособных дивизий) для осуществления наступательной операции, которая в принципе предусматривалась планом, предложенным в декабре Фредом. Согласно этому плану, 6-й корпус, самостоятельно действовавший в южном пограничном районе Хунань — Цзянси, должен был продвинуться на север западнее реки Ганьцзян. Для сковывания противника были оставлены: в районе Цзяньнина — 5-й корпус, на реке Сюйцзян, севернее Гуанчана,— 9-й корпус, на северо-западе — 23-я, а на юге — 22-я отдельные дивизии. Итого — шесть дивизий, из которых, однако, только три, а именно две кадровые дивизии 5-го и 9-го корпусов и 22-я дивизия, представляли реальную боевую силу. Что касается остальных (14, 15 и 23-я дивизии), то они были только что сформированы и могли выполнять лишь вспомогательные функции.

Итак, в Центральном советском районе были готовы к наступлению две трети — три четверти всех регулярных соединений (это были лучшие части). Но наступать не пришлось. Вместо энергичных действий, в ЦК и Военном совете почти месяц шли споры о том, как оценить политическую обстановку и какое военное решение следует принять.

Существовали три различные политические оценки Цай Тин-кая и 19-й армии. Бо Гу — единственный, кто высказал мнение (его, может быть, отчасти разделял Чжоу Энь-лай) о том, что появилась реальная возможность осуществить сформулированную в начале 1933 года идею о создании нового национального единого фронта и антияпонской коалиции, которая выйдет далеко за пределы советского района и получит широкую поддержку народных масс в гоминьдановских районах. Для этого необходимо оказать всемерную поддержку Цай Тин-каю, в том числе и непосредственную военную, хотя последний против нее и возражал. Шанхайское бюро ЦК, напротив, многократно и настоятельно предостерегало: Цай Тин-каю нельзя доверять. Он, дескать, близок к третьей партии (социал-демократов), настроенной крайне антикоммунистически. Его выступление против Чан Кай-ши — обычная распря в лагере милитаристов, которой надо максимально восполь-

зоваться для укрепления собственных позиций в гражданской войне. В аналогичном смысле высказывался и представитель Коминтерна, который, по-видимому, одобрял план Фреда.

Мао Цзэ-дун охарактеризовал мятеж Цай Тин-кая как «попытку части реакционного господствующего класса спастись от гибели с помощью нового маневра, направленного на обман масс». Отсюда Мао делал вывод, что не следует немедленно оказывать непосредственную помощь 19-й армии и «Революционному народному правительству». По мере развертывания событий он неоднократно критиковал фуцзяньское правительство за «непоследовательность», за «невыполнение взятых на себя обязательств по отношению к Центральному советскому району и Красной армии» (имея в виду материальную и экономическую помощь), за «пассивность и нерешительность» и т. д. Мао говорил, что нужно «действовать осторожно и избегать опрометчивых шагов». По его мнению, 19-я армия сначала должна была разбить войска Чан Кай-ши в Северной Фуцзяни, после чего ее можно было поддержать активными боевыми действиями.

Бо Гу не смог отстоять свою точку зрения и уступил. Центральный Комитет выразил единодушное мнение, что необходимо использовать противоречия в лагере противника для разгрома 5-го похода Чан Кай-ши. Как и следовало ожидать, это вызвало ожесточенные споры между Шанхаем и Жуйцзинем, которые имели еще более роковые последствия, чем политические разногласия, так как они на деле благоприятствовали выжидательной тактике Мао Цзэ-дуна.

В соответствии с планом Фреда 1-й корпус был продвинут в Юнфын, а 3-й и 5-й корпуса стояли в боевой готовности под Гуанчаном. Между тем Фред передал по радио детально разработанный и утвержденный Шанхайским бюро план, который предусматривал выход в месячный срок вместе с главными силами Западной Цзянси на границу Хунани и овладение Наньчаном и даже, как максимальный вариант, Чанша. Этот план был настолько авантюристичен и так мало соответствовал реальному соотношению сил, что Политбюро и Военный совет решительно отклонили его. Против него был и я. С самого начала, согласившись с политическими аргументами Бо Гу, я поддерживал идею наступления в Северной Фуцзяни,

но все еще чувствовал себя связанным указаниями Фреда и поэтому на заседаниях Военного совета свою точку зрения не высказывал. Теперь о своем несогласии я тут же радировал в Шанхай. Меня поддержали и Политбюро, и Военный совет. Начался лихорадочный обмен радиограммами, среди которых были и адресованные лично мне, причем Фред шифровал их нашим кодом. Подчеркивая, что он является военным представителем ИККИ и моим непосредственным начальником, Фред приказал мне добиться осуществления его плана, не считаясь ни с какими препятствиями. Я оказался в крайне трудном положении.

До сих пор я выполнял в разумных пределах все указания Фреда, даже если не был с ними согласен. Так, я потребовал построить под Жуйцзинем вспомогательный аэродром, хотя считал это ненужной и даже вредной затеей, поскольку она порождала иллюзии о возможности получения технической помощи от Советского Союза, которые неизбежно должны были привести к разочарованию и недовольству. И в самом деле, этот аэродром нам не пригодился, но позднее использовался гоминьдановскими военно-воздушными силами. Равным образом, вопреки своему убеждению, я предложил Военному совету рассмотреть рекомендации Фреда относительно создания укреплений между реками Сюйцзян и Ганьцзян и организации наступления в глубокий тыл противника на северо-востоке. Правда, опираясь на знание обстановки и на мнение военного руководства, я постарался сообразовать эти рекомендации с существующими условиями. Нынешний же план Фреда был просто невыполним. Но чтобы исключить всякие сомнения, я внес предложение провести частями 1-го корпуса разведку боем под Юнфыном. Одновременно я попросил Бо Гу выяснить точку зрения ИККИ по этому вопросу. И то и другое было сделано. Как и следовало ожидать, разведка боем показала, что нашими силами и средствами нельзя прорвать глубоко эшелонированную систему укреплений противника восточнее реки Ганьцзян. Вместе с тем Сяо Кэ сообщил через курьера, что 6-й корпус западнее реки Ганьцзян также натолкнулся на мощные укрепления и был вынужден отойти. К этому времени войска Чан Кай-ши уже заняли Северную Фуцзянь и двигались в направлении на Фучжоу. 19-я армия, боеспособность которой была значительно слабее, чем у чан-

кайшистских войск, ограничивалась подвижной обороной, избегая решительного сражения. Командование 19-й армии раздирали острые разногласия. В такой ситуации следовало действовать быстро, чтобы спасти то, что еще можно было спасти. Поэтому я решил под личную ответственность, не дожидаясь указания ИККИ (как мне сказал Бо Гу, оно пришло со значительным опозданием и в основном сводилось к тому, что все военные решения должен принимать только Реввоенсовет в Жуйцзине), немедленно перебросить в Фуцзянь семь дивизий нашей ударной группы, чтобы, атаковав правый фланг чанкайшистских войск в районе Наньпина, облегчить положение 19-й армии. Политбюро и Военный совет приняли соответствующее решение, на этот раз единогласно. Понимая, что у него нет иного выхода, Цай Тин-кай наконец дал согласие на продвижение Красной армии в Центральную Фуцзянь.

Теперь события стали развиваться в бешеном темпе. Наши 1-й и 3-й корпуса совершили марш-бросок на Наньпин. 7-й корпус и 34-я отдельная дивизия прикрывали их левый фланг от армии Чэнь Чэна к востоку от Шаоу. В это время один из генералов Цай Тин-кая со своей дивизией перешел на сторону Чан Кай-ши, и его части заняли Цзяньян, Цзяньоу и Наньпин. Мы лишились возможности форсировать реку Миньцзян и должны были повернуть ударную группу на юго-восток. В середине февраля пал Фучжоу. 19-я армия, в командовании которой царил разброд, большей частью капитулировала. И только в Южной Фуцзяни продолжали сопротивление отдельные части. Наша ударная группа разгромила в Центральной Фуцзяни выдвинутую далеко вперед Новую 52-ю дивизию и овладела сравнительно большим районом с городами Шасянь, Саньмин, Юньгань и Юци. Однако это уже не могло повлиять на исход боев. Можно было лишь попытаться спасти живую силу и материальную часть 19-й армии. Это нам удалось, хотя и далеко не в тех размерах, на которые мы надеялись.

После падения Фучжоу, решившего судьбу 19-й армии и «Революционного народного правительства», Чан Кай-ши вывел бо́льшую часть своих войск из Фуцзяни и перебросил их на прежние позиции на Северном фронте с явным намерением возобновить 5-й поход до возвращения наших главных сил. Чэнь Чэн внезапно атаковал Цзяньнин. Однако 5-й корпус удержал город. Тем не менее Военный

совет отдал приказ 1-му и 3-му корпусам вернуться на Северный фронт, так как начали наступление и другие колонны противника. Северный фронт снова стал главным театром военных действий. Чтобы предотвратить или по крайней мере затруднить полный захват войсками Чан Кай-ши Фуцзяни и строительство там новой укрепленной линии фронта, для активных боевых действий во вновь захваченном районе были оставлены 7-й корпус и 34-я дивизия. Позднее они были временно усилены 9-м корпусом.

Хотя течение и исход фуцзяньских событий вскрыли внутреннюю слабость «Революционного народного правительства» Цай Тин-кая, тем не менее они давали какую-то возможность Коммунистической партии Китая и китайской Красной армии разгромить 5-й поход Чан Кай-ши против Центрального советского района и сделать важный шаг по пути создания антияпонского национального единого фронта. Чтобы использовать эту возможность, требовались безотлагательные и решительные действия. Однако они не были предприняты из-за отсутствия единства в политической оценке событий, а следовательно, и в вопросах военной стратегии. Ошибочная оценка положения представительством Коминтерна и бюро ЦК в Шанхае, которую разделял и поддерживал своей политикой скептического выжидания Мао Цзэ-дун, выдвигавший нереальные предварительные условия, подтолкнула Политбюро, вопреки правильной первоначальной позиции Бо Гу, на проведение курса «использования противоречий в лагере противника» и на отказ от предоставления Цай Тин-каю непосредственной и немедленной помощи. Выдвинутый Фредом авантюристический стратегический план крупного наступления на центры противника на северо-западе — нереальный ни во временном, ни в территориальном отношении — и настойчивость, с которой он этот план отстаивал, помешали Реввоенсовету своевременно принять единственно верное решение о переброске главных сил в Северную Фуцзянь для совместного с 19-й армией решающего сражения с противником. Когда Реввоенсовет на это отважился, было уже слишком поздно, возможность была упущена. Свою долю ответственности за это несу и я. Под двойным давлением — Фреда из Шанхая и Мао из Жуйцзиня — я, как и члены Военного совета, медлил с принятием решения.

После фуцзяньских событий значительно ухудшились условия дальнейшей борьбы Центральной армейской группы против 5-го похода Чан Кай-ши, который не только подавил мятеж Цай Тин-кая, но и запугал и ослабил оппозицию во всей стране. Теперь он мог бросить все свои военные силы против Центрального советского района. В течение 1934 года Чан Кай-ши создал в Фуцзяни новую линию фронта, которая, хотя и имела бреши в системе укреплений, осложнила экономическое положение Центрального советского района и вынудила Центральную армейскую группу вести борьбу на внутренних линиях в условиях полного окружения, тогда как тыл противника был обезопасен. Это определило затяжной характер дальнейшей борьбы и необходимость прорыва кольца окружения.

Через год Мао Цзэ-дун использовал фуцзяньские события и обнаружившиеся в этот период ошибки и слабости в качестве рычага для захвата руководства в партии и армии. Он снова охарактеризовал 19-ю армию как «группировку внутри контрреволюционного лагеря, которая пошла на еще больший обман масс для сохранения господства помещиков и капиталистов». Правда, утверждал Мао, партия вовремя поняла, что надо использовать противоречия внутри гоминьдана для прорыва вражеского окружения. «Но Бо Гу и другие,— говорил Мао, бесстыдно фальсифицируя факты,— склонили Красную армию к бессмысленному штурму укреплений в районе Юнфына, вместо того чтобы совместно с 19-й армией уничтожить главные силы Чан Кай-ши». Он предусмотрительно умалчивал о действительном развитии событий и о продолжавшихся неделями дискуссиях и спорах, в которых сам сыграл не менее роковую роль, чем Шанхайское бюро ЦК и, к сожалению, представительство Коминтерна.

* * *

В конце января — начале февраля, когда фуцзяньские события еще продолжались, я предпринял вторую поездку на Северный фронт, на сей раз вместе с Чжу Дэ. Незадолго до этого в Жуйцзине был получен подробный план Фреда относительно крупного наступления на северо-западе. Реввоенсовет решил окончательно отклонить его, а главные наши силы сгруппировать в Северной Фуцзяни. Перед отводом 1-го корпуса с Северного фронта было

решено произвести разведку боем, о которой упоминалось выше. Цель поездки на фронт заключалась в том, чтобы обсудить с командирами 1-го, 5-го и 9-го корпусов нашу стратегию и тактику. Линь Бяо в резких выражениях высказал свое недовольство недавней переброской, в соответствии с планом Фреда, 1-го корпуса в Юнфын и намеченной разведкой боем, но одобрил решение об активной поддержке 19-й армии в Фуцзяни и согласился прощупать систему вражеских укреплений под Юнфыном силами мелких подразделений.

Во время этой поездки мне впервые пришлось делать доклад перед большой аудиторией, а именно перед высшим и средним командным составом 1-го корпуса. В докладе я изложил свои взгляды на тактику борьбы против 5-го похода. Возражений не последовало.

К северу от Гуанчана и Цзяньнина, как и на всем Северном фронте, в это время наблюдалось затишье. Дун Чжэнь-тан был уверен, что ему удастся отразить возможный удар Чэнь Чэна и удержать Цзяньнин. В том же духе высказывался и командир 9-го корпуса, с которым мы разговаривали в Гуанчане. Но оба настаивали на введении в бой, при возобновлении наступления главных сил Чан Кай-ши, 1-го и 3-го корпусов или по крайней мере одного из них, в противном случае появлялась угроза утраты Цзяньнина и Гуанчана.

Их опасения оказались оправданными: как только Чан Кай-ши расправился с Цай Тин-каем, его ударные колонны возобновили наступление на главных оперативных направлениях, применяя прежнюю тактику медленного продвижения вперед и планомерного строительства укреплений. С конца февраля до начала апреля на северо-восточном участке между армией Чэнь Чэна и нашими 1-м, 3-м и 5-м корпусами неоднократно происходили столкновения. Обе стороны понесли значительные потери, но ни одна не смогла добиться решающего успеха. С начала апреля противник перенес центр тяжести своих атак на Сюйцзян с целью овладения Гуанчаном.

В Политбюро ЦК или в его Постоянном комитете и в Реввоенсовете неоднократно подробно обсуждались сложившееся положение и выводы, которые из него следовали. В оценке положения все, включая Мао Цзэ-дуна, были довольно единодушны. В отношении же применявшейся стратегии и тактики мнения расходились. Положение

вкратце оценивалось следующим образом. Центральный советский район с военной точки зрения полностью блокирован. Кольцо блокады охватывает весь Северо-Восточный, Северный и Северо-Западный фронты от Наньпина до Цзианя и далее на запад вдоль реки Ганьчжоу. Хорошо оборудованная и глубоко эшелонированная система блокгаузов исключала здесь возможность прорыва и ведения операций на флангах или в тылу противника. Опыт последних шести месяцев показал, что такие действия неизбежно кончались неудачей. На юге система укреплений была более уязвимой, а самой слабой она оставалась в Юго-Западной Фуцзяни.

По-прежнему противник уверенно наступал на севере, продвигая укрепления в направлении на Цзяньнин, Гуанчан и Юнфын. При этом ближайшей целью был Гуанчан. Хунаньские войска также начали медленное продвижение на Синго, а гуандунские — на Хойчан. Но ни те, ни другие не проявляли особой активности.

Мы находились, следовательно, в стратегической обороне. Однако нам ни в коем случае нельзя было переходить к позиционной войне, а следовало стремиться к решению двойной задачи — защиты советского района и сохранения живой силы посредством тактических маневров и ударов. Само по себе это не являлось чем-то новым. Но в тяжелых условиях, в которых мы оказались, требовались новые решения. Существовали три возможности.

Во-первых, мы могли главными силами, то есть 1-м и 3-м, а возможно, также 5-м и 9-м корпусами, прорвать кольцо окружения и, преодолев систему блокгаузов, нанести удар с тыла и уничтожить противника. Эту идею я высказал впервые еще в конце марта 1934 года, но оставался единственным ее защитником. При этом я указал, что такой хорошо подготовленный прорыв возможен только в наиболее слабом месте противника — на юго-западе или юго-востоке и нацелен он должен быть отнюдь не на вражеские центры, где противник будет постоянно усиливаться, тогда как наши силы будут убывать. Хотя мы при этом, считал я, на какое-то время потеряем часть территории, зато сохраним живую силу и выйдем на оперативный простор.

Все, однако, были против, особенно Мао Цзэ-дун, который утверждал, что еще не исчерпаны возможности для решающей победы внутри советского района, и высказывался

в поддержку своей прежней тактики заманивания неприятеля в глубь советского района. Этот вариант был также отклонен, поскольку большинство считало, что перед лицом тактики противника мы будем отдавать территорию без боя и без какой бы то ни было возможности остановить и разгромить его.

В качестве третьей возможности я предложил тактику коротких внезапных ударов: как только наступающий противник отдалится от своих укрепленных позиций, предоставлять ему бо́льшую свободу маневра, чтобы он делал «большие скачки» и тем самым скорее попал в ловушку. Этот, третий вариант был в принципе одобрен. 1-й, 3-й и 5-й корпуса решили перебросить на Северный фронт против вражеской ударной колонны, которая двигалась из Наньфына на Гуанчан. В Южной Фуцзяни и, в случае необходимости, против гуандунских войск должны были действовать 7-й корпус, 34-я дивизия и вновь сформированная 24-я дивизия. Поскольку эти соединения еще имели определенную свободу маневра, их действия увенчались успехом.

В конце марта — начале апреля главные силы под командованием Пэн Дэ-хуая нанесли фланговый удар по наступающей колонне противника южнее Наньфына. 3-й корпус пробил брешь и продвинулся далеко на север. Но тут вступила в дело «пожарная команда» Чэнь Чэна, которая, опираясь на наньфынскую систему укреплений и превосходство в военной технике, развернула контрнаступление. Возникла опасность, что 3-й корпус будет отрезан. Лишь ценой значительных потерь ему удалось вырваться. Наше наступление, таким образом, захлебнулось.

В апреле противник твердо решил захватить Гуанчан. Партийное руководство рассматривало этот небольшой уездный город как стратегически важный пункт, который необходимо удержать, поскольку он преграждал путь в сердце советского района. Кроме того, сдача города без боя, по его мнению, была бы безответственным актом и в политическом отношении. Поэтому на заседании Реввоенсовета, в котором участвовал и Мао Цзэ-дун, было единодушно решено дать сражение в районе Гуанчана. Так как после частичного успеха армии Чэнь Чэна медленные темпы наступления гоминьдановцев несколько возросли, Реввоенсовет на своем втором заседании, опять в присутствии Мао Цзэ-дуна и с его одобрения, решил начать новую

наступательную операцию уже на подступах к городу. Предполагалось предоставить противнику возможность для быстрого продвижения, то есть прибегнуть к нашей прежней тактике заманивания, а затем нанести сокрушительный удар по его открытому флангу. Операция длилась почти две недели, но не привела к сколько-нибудь существенным результатам, поскольку неприятель не обнажал свой фланг.

В конце апреля руководящее (оперативное) ядро Военного совета — Чжу Дэ, Бо Гу, заместитель начальника Политуправления и я направились в Гуанчан, чтобы на заключительном этапе операции обеспечить должное взаимодействие наших главных сил. В это время до Бо Гу дошли слухи, что Мао Цзэ-дун дал своим сторонникам в армии указание действовать по принципу: «На словах слушаться, на деле противиться». Проверить их, конечно, не удалось, но косвенные улики все же были. Так, в частности, Пэн Дэ-хуай в одной из бесед с командирами корпусов, состоявшейся накануне Гуанчанского сражения, возмущался тем, что во время операции в начале апреля он оказался в одиночестве, хотя поблизости находились 1-й и 9-й корпуса.

29 апреля радиоразведка доложила, что противник собирается начать наступление крупными силами 30 апреля, то есть на следующее утро. Его укрепленные исходные позиции были расположены примерно в 15 километрах севернее Гуанчана. Осмотр района бункеров в окрестностях Гуанчана показал, что, несмотря на ранее данные указания, укрепления построены плохо и не могут выдержать ни бомбежки, ни артиллерийского огня. Поэтому было решено город не оборонять, ночью эвакуировать, а противника подпустить к самому городу и атаковать западнее реки Сюйцзян на открытой местности силами 1-го и 3-го корпусов. 9-й корпус должен был прикрывать переправы и восточный берег реки. Чжу Дэ отдал соответствующие приказы. 30 апреля 3-й корпус атаковал наступавшего противника на марше, возможно несколько преждевременно. 1-й корпус, имевший задачу обходить неприятеля и отрезать ему пути отхода в укрепрайон, опоздал с началом операции, и противник успел окопаться еще до того, как удалось войти в боевое соприкосновение с ним. 3-й корпус, снова предоставленный самому себе, понес серьезные потери от шквального огня противника, который

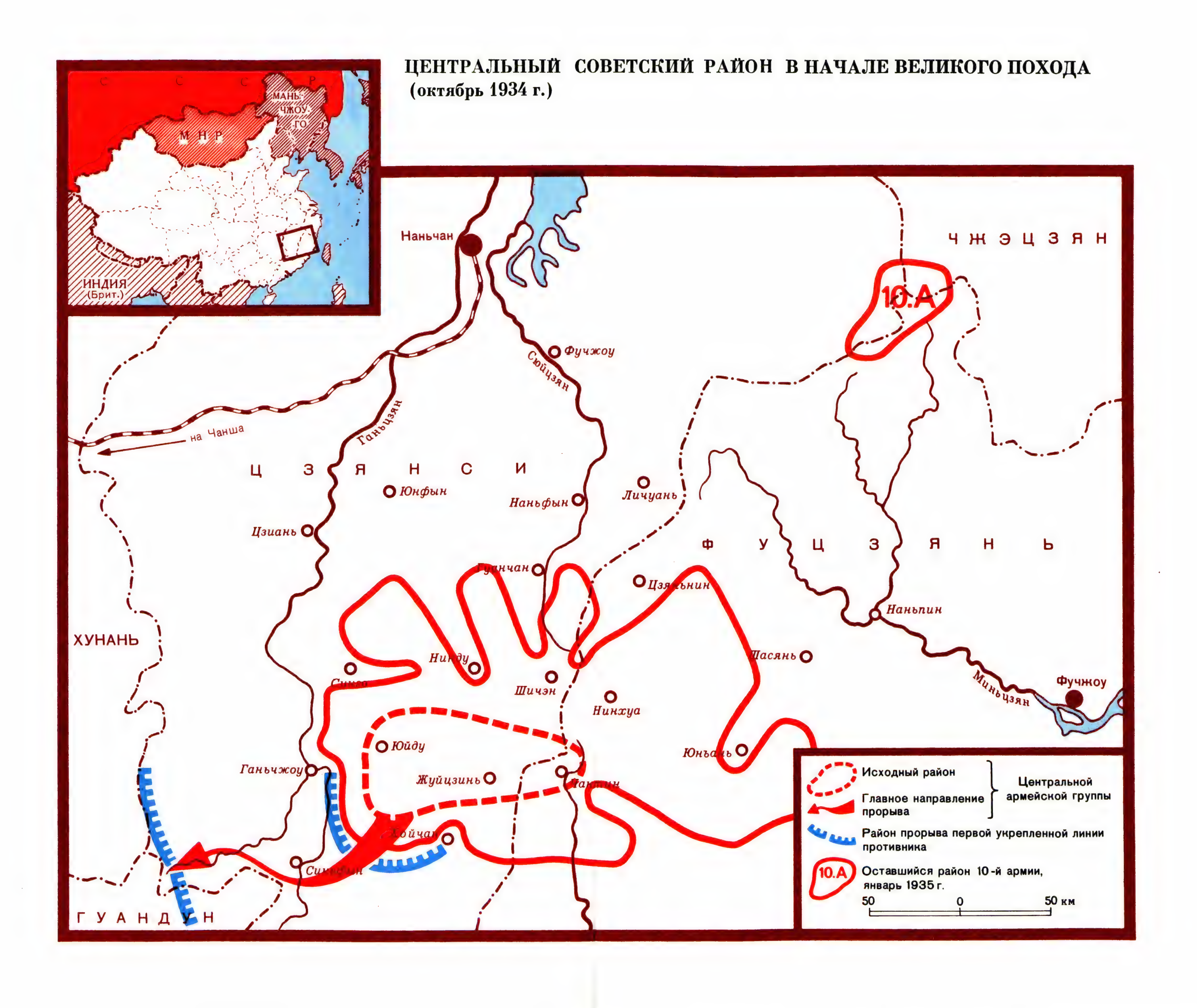
беспрепятственно получал подкрепления и использовал авиацию и тяжелую артиллерию. 1-й же корпус вообще не был введен в бой. После короткого совещания руководящего ядра Чжу Дэ вечером отдал приказ прекратить сражение и отойти. Отход был проведен в полном порядке, неприятель даже не пытался нас преследовать. Лишь на следующий день или через день он занял Гуанчан.

Наступило затишье. 3-й корпус был отведен на отдых и доукомплектован личным составом и оружием 14-й дивизии, которая, по докладу заместителя начальника Политуправления, была мало надежна в политическом отношении и небоеспособна. Большая часть 14-й дивизии влилась в 15-ю дивизию, которая позднее стала 3-й дивизией 1-го корпуса.

1 Мая на митинге 3-го корпуса я рассказал о Дне международной солидарности рабочего класса, а в беседе с командирами, как перед этим в 1-м корпусе, разъяснил нашу тактику в условиях 5-го похода. При этом я подверг критике ошибочную практику, особенно характерную для самостоятельных соединений и местных частей, которые чрезмерно увлекались строительством бункеров и короткими контрударами, не оставлявшими места для маневра. Мои соображения по этому вопросу я обобщил в статье, опубликованной в военно-политическом журнале «Революция и война» (см. приложение).

В связи с Гуанчанской операцией Политбюро и Военный совет снова рассмотрели вопрос о стратегии и тактике в условиях 5-го похода. На обоих заседаниях я опять, как и в конце марта, выступил с изложением своей точки зрения. Она заключалась в том, что в условиях последовательно осуществляемой противником фортификационной войны уже нельзя рассчитывать на решающую победу внутри советского района. Поэтому надо избрать курс на прорыв кольца окружения главными силами для выхода на оперативный простор и сделать все необходимые для этого приготовления. Одновременно следовало создать новые фронты за пределами Центрального советского района — где-то в Хунани силами 6-го корпуса и в Фуцзяни силами 7-го корпуса, чтобы угрозой тыловым коммуникациям сковать и отвлекать противника. И наконец, рекомендовалось даже ценой частичной утраты территории предоставить наступающему противнику «большую свободу», чтобы получить возможность, маневрируя, наносить ему

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТСКИЙ РАЙОН В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОГО ПОХОДА (октябрь 1934 г.)

внезапные удары. Отдельным и местным войскам по мере отхода главных сил надлежало сковывать и беспокоить противника на его главных оперативных направлениях. Мао Цзэ-дун и на этот раз выступил против предложения о прорыве кольца окружения. Он считал, что такое решение по меньшей мере преждевременно, так как все еще существуют объективные условия для уничтожения противника внутри Центрального советского района. Однако подавляющее большинство членов Политбюро и Военного совета решительно высказались за прорыв. Получили одобрение и другие предложенные мною оперативные и тактические действия.

Оставшись в меньшинстве, Мао Цзэ-дун повел открытую и тайную борьбу против партийного руководства. Неудачное Гуанчанское сражение, названное им «катастрофой», он использовал как повод обвинить Бо Гу, Чжоу Энь-лая и меня — «военную тройку», по его выражению,— во всех смертных грехах: и в пассивной обороне, и в фортификационной войне, и в распылении сил, и в легкомысленных решениях о проведении боя без гарантии победы. Эти обвинения он затем повторял при каждом удобном случае, чтобы подорвать наш авторитет в глазах армейских командиров, не останавливаясь даже перед личными выпадами. И делал это обычно не на официальных заседаниях, а в интимных беседах с преданными ему людьми. Главной мишенью своих нападок он избрал меня, поскольку при сложившихся обстоятельствах я практически не имел возможности защищаться. Играя на националистических чувствах и ксенофобии своих соотечественников, Мао Цзэ-дун распространял идею, которая первоначально была направлена против меня, а впоследствии превратилась в политическую установку о том, что китайская революция отличается такой спецификой, а борьба китайской Красной армии такими особенностями, которые чужеземец никогда и ни за что не сумеет постигнуть.

В Политбюро он всячески выдвигал Ло Фу, который к тому времени уже перешел на его сторону. Неискушенный в военных вопросах, Ло Фу безоговорочно принял аргументы Мао. Обладавший литературным даром, он придал им более доходчивую форму, освободив от того националистического оттенка, который всегда был присущ высказываниям Мао. Гуанчанская операция породила резкие разногласия между Ло Фу и Бо Гу. Ло Фу заявил, что при

неблагоприятных условиях местности и невыгодном соотношении сил вообще не следовало вступать в бой. В ответ Бо Гу обвинил Ло Фу в том, что его позиция ничем не отличается от антиленинской линии Плеханова после вооруженного восстания в Москве в 1905 году, когда тот в типично меньшевистском духе заявил: «Не надо было браться за оружие». Кроме того, Бо Гу напомнил ему, что за решение о проведении этой операции единодушно проголосовали все члены Политбюро и Военного совета, в том числе он сам и Мао Цзэ-дун. Вся эта полемика была затеяна в чисто фракционных целях. Об этом, в частности, свидетельствует, на мой взгляд, тот факт, что впоследствии, на Расширенном совещании Политбюро в Цзуньи, решение о Гуанчанской операции, как и решение об отступлении вследствие ухудшения обстановки, Мао Цзэ-дун отнюдь не характеризовал как роковую ошибку, а назвал абсолютно правильным.

Для укрепления своих позиций в Военном совете Мао заставил своего верного оруженосца Линь Бяо написать с фронта письмо, в котором тот настаивал на ведении чисто маневренной войны внутри советского района и на вступлении в бой только в благоприятных условиях, при полной уверенности в победе. С согласия Бо Гу я ответил в духе моих прежних высказываний. Правда, я привел не очень удачный аргумент, что, мол, не следует делать из местности фетиш и что ни в каком сражении нельзя заранее предсказать победу.

После первых резких столкновений страсти на некоторое время, по крайней мере внешне, улеглись. Мао все чаще уклонялся от участия в заседаниях Военного совета, чтобы продолжать тайную фракционную борьбу. Его ближайшим союзником стал начальник Политуправления армии Ван Цзя-сян, член Политбюро и Военного совета. Однако Ван Цзя-сян из-за тяжелого ранения редко появлялся на заседаниях, так как должен был регулярно принимать опиум, чтобы заглушить невыносимые боли от блуждающих в теле осколков бомбы. Мао Цзэ-дун, Ло Фу и Ван Цзя-сян составили политический мозг фракции — «центральную группу трех», которая развернула тайную борьбу за захват власти в партии и армии. Со временем они склонили на свою сторону и других членов Политбюро, и прежде всего армейских командиров. Так Мао Цзэ-дун раскалывал Политбюро ЦК и парализовывал Реввоенсо-

вет до тех пор, пока осенью 1934 года, то есть к началу Великого похода, он не решил, что пришло время выступить открыто.

* * *

В начале мая по поручению ЦК я набросал план военных мероприятий и боевых действий на период с мая по июль 1934 года. План содержал три положения, утвержденные Реввоенсоветом: подготовка прорыва блокады главными силами, операции в глубоком тылу противника силами самостоятельных соединений и ослабление сопротивления непосредственно на фронтах для более гибкого маневрирования внутри советского района. Проект плана был одобрен Политбюро ЦК и доработан в деталях Чжоу Энь-лаем. Окончательный план предусматривал прежде всего следующее: материальное обеспечение Красной армии, создание резервов продовольствия, зимнего обмундирования и т. д.; строительство нового арсенала для ремонта пулеметов, минометов, полевых орудий, а также для изготовления боеприпасов всех видов, особенно мин и ручных гранат; систематическое усиление политической и организационной работы по привлечению добровольцев; реорганизация вооруженных сил для повышения боеспособности всех дивизий и сведения их в корпуса по крайней мере двухдивизионного состава; боевая подготовка войск в соответствии с требованиями маневренной войны и т. п.
По последнему пункту я составил оперативно-тактическую директиву, которая летом была разослана высшему командному составу.
Так уже в мае 1934 года начались приготовления к прорыву. В конце мая — начале июня Военный совет принял этот план, на сей раз, насколько мне известно, без возражений со стороны Мао Цзэ-дуна. Такая позиция отнюдь не означала его согласия, а диктовалась, скорее, соображениями фракционной борьбы. Через представительство Коминтерна в Шанхае план в общих чертах был доведен до сведения ИККИ и утвержден им (во всяком случае, так информировал меня Бо Гу).
Несомненно, план не был лишен политических, организационных и военных слабостей и недостатков, которые сказались при его выполнении. Почти всю политическую работу ЦК сконцентрировал на советском районе. Она велась под старыми лозунгами: «Все для фронта!»

и «Не отдадим ни пяди земли!». Почти не использовались, пусть даже ограниченные, возможности для политической агитации среди гоминьдановских войск и населения белых районов, а также для развертывания партизанской войны в тылу противника.

При реорганизации войск, как и прежде, допускались перегибы, которые в основном состояли в том, что вместо максимального пополнения старых корпусов и дивизий формировались новые части и соединения. Хотя некоторые небоеспособные соединения были расформированы, однако вследствие возросших в течение 1934 года потерь в большинстве соединений преобладали почти необстрелянные новобранцы. Это прежде всего относилось к вновь сформированному 8-му корпусу и реорганизованным 5-му и 9-му корпусам. Оперативные и тактические принципы, одобренные Реввоенсоветом и включенные в план на май — июль, проводились в жизнь очень медленно. Поскольку противник оставался верен своей тактике, дело до решающего сражения не дошло, хотя мы и предоставили ему большую свободу действий. Да и мы после окончательного решения о прорыве не стремились к такому сражению внутри советского района. Поэтому наши действия ограничивались короткими внезапными ударами, что сковывало нашу собственную инициативу и приводило к многократным и изнурительным переброскам войск с одного фронта на другой.

Тем не менее весной и летом мы добились значительных успехов, в результате чего Чжоу Энь-лай изобрел своего рода теорию о стратегической победе посредством тактических успехов в затяжной войне. Эту мысль он пропагандировал в ряде статей, написанных им для армейской газеты «Хун син». Тем самым он стремился теоретически обосновать параллелизм взглядов в нашем военном руководстве, который проявлялся, с одной стороны, в курсе на прорыв и борьбу на внешних линиях противника, а с другой — на продолжение борьбы на наших собственных внутренних линиях. Фактически же частичные успехи не меняли общего стратегического положения. Хотя противник потерпел несколько поражений, он упорно продолжал осуществление программы строительства укреплений на главных оперативных направлениях.

В конце мая — начале июня противник овладел Цзяньнином и двумя колоннами — из Цзяньнина и Гуанчана —

двинулся на Шичэн. 1-й и 3-й корпуса при поддерже мелких подразделений нанесли внезапный удар по наступающему противнику. Две-три вражеские дивизии были основательно потрепаны, но смогли укрыться на исходных позициях, так что добытые оружие и боеприпасы были незначительны.

В июне войска Центрального гоминьдановского правительства и хунаньские провинциальные войска заняли Юнфын и Синго, готовясь развернуть концентрическое наступление на Нинду. Одновременно стали проявлять активность и гуандунские войска. Губернатор Гуандуна Чэнь Цзи-тан, очевидно, опасался, что может потерять свою независимость, если войскам Чан Кай-ши удастся через советский район выйти к границам провинции. Поскольку наш Южный фронт удерживался только отдельными и местными частями, я вместе с начальником оперативного отдела Главного штаба отправился на рекогносцировку в район Хойчана. Мы пришли к выводу, что беспорядочно возведенные куполообразные сооружения непригодны для обороны и их можно использовать лишь для дезинформации противника. Действовавшие там части показались нам неспособными вести успешные регулярные боевые действия ввиду своей малочисленности и особенно нехватки вооружения и плохой выучки. В сложившейся ситуации не могло быть и речи об усилении этих частей за счет наших главных сил. Впрочем, и противник при малейшем боевом соприкосновении вел себя крайне осторожно, почти трусливо. Исходя из этого, мы отдали коменданту военного района распоряжение всячески беспокоить войска противника и постоянно мешать их продвижению вперед, не ввязываясь, однако, в серьезные бои. По возвращении я именно так обрисовал положение Военному совету, который одобрил наши действия. Оценка оказалась правильной: противник овладел Хойчаном только осенью 1934 года.

Вскоре руководящая группа в составе Чжу Дэ, Бо Гу и меня отправилась через Нинду на Северо-Западный фронт, где по приказу Главного штаба были сконцентрированы 1-й и 3-й корпуса для нанесения удара по колонне противника, наступавшей южнее Юнфына. Однако дело снова ограничилось успешным встречным боем 3-го корпуса, после которого противник немедленно отступил на свои укрепленные исходные позиции. Затем на всех

фронтах, кроме Фуцзяни, наступило длительное затишье. Летом противник избегал крупных наступательных действий, в основном ограничиваясь строительством укреплений, и, как обычно, продвигался вперед шаг за шагом.
Во время этой пятой, и последней, поездки на фронт я имел длительную беседу с Линь Бяо, который отстаивал свои и Мао Цзэ-дуна старые тактические взгляды. Я предложил Линь Бяо изложить его идеи в статье для журнала «Революция и война», что он и сделал. По сути дела, открытая полемика в свете майских решений Реввоенсовета уже была лишена какого бы то ни было смысла. Бо Гу и я рассматривали ее скорее как военную хитрость, которая позволит скрыть от противника наши истинные намерения, ибо полагали, что журнал попадет через агентуру в руки врага. В беседе участвовал и Пэн Дэ-хуай, с которым у нас не было расхождений во взглядах.
Затишью на северном участке фронта во многом способствовали проведенные в конце июля — начале августа на внешних коммуникациях противника операции 6-го и 7-го корпусов, которые отвлекли и сковали часть вражеских войск. В результате мы смогли на более или менее длительное время отвести на отдых главные силы Центральной армейской группы и заняться их пополнением, обучением и т. п.
Уже в начале лета 1934 года в расположение 6-го корпуса пробилась небольшая наша группа с рацией, после чего ЦК и Военный совет получили точную информацию о состоянии дел в советском районе, занимаемом корпусом.
Положение оказалось хуже, чем мы предполагали. Территория значительно уменьшилась, плохо обстояло дело и с материальным обеспечением 6-го корпуса. С другой стороны, 2-му корпусу Хэ Луна, с которым, правда, не было прямой связи, видимо, удалось укрепить свою новую базу в пограничном треугольнике Хунань — Хубэй — Сычуань. Этот район мы считали очень важным в стратегическом отношении, поскольку он располагался на Янцзы, на стыке самых развитых провинций Внутреннего Китая, и, следовательно, являлся хорошим плацдармом для широкой политической деятельности и военных наступательных операций. Исходя из этого, Реввоенсовет приказал Сяо Кэ оставить старую базу 6-го корпуса и под лозунгом антияпонской борьбы объединиться с Хэ Луном. Одновременно командир 16-й самостоятельной дивизии получил

приказ отправиться из Жуйцзиня на свою базу и отвлекать противника диверсионными действиями в направлении Наньчана. Приказ не был выполнен, так как командир 16-й дивизии, как уже говорилось выше, переметнулся к врагу.

6-й корпус между тем прорвал два пояса укреплений в Восточной Хунани и без существенных потерь продвинулся через Южную Хунань в Гуйчжоу. Его путь пролегал несколько севернее того маршрута, которым позднее пробивалась Центральная армейская группа. По радио из корпуса сообщили ценные сведения о вражеской системе блокгаузов. В Гуйчжоу корпус круто повернул на север и осенью 1934 года достиг базы 2-го корпуса, с которым, таким образом, опять появилась возможность, правда ненадолго, установить радиосвязь. После слияния корпусов военное командование принял Хэ Лун, а политическое руководство — Сяо Кэ. Некоторое время они с переменным успехом действовали в Северной Хунани, а летом или осенью 1935 года двинулись вслед за Центральной армейской группой на запад.

В конце июля — начале августа 1934 года 7-й корпус в составе 19-й дивизии, насчитывавшей около 7 тысяч бойцов, прорвался из Юго-Западной Фуцзяни. Этот корпус, носивший название «Антияпонский авангард Красной армии», должен был вести партизанскую войну в Фуцзяни, а затем, соединившись с 10-й армией Фан Чжи-миня, угрожать стратегическому тылу Чан Кай-ши в пограничном районе Цзянси — Фуцзянь — Чжэцзян — Аньхой. Стабилизировав после разгрома Цай Тин-кая положение в Фуцзяни, Чан Кай-ши, как мы и предполагали, двинул две ударные колонны в направлении Нинхуа и Динчжоу. Поэтому Военный совет поддержал прорыв 7-го корпуса мощным наступлением 1-го и 9-го корпусов и 24-й дивизии под Динчжоу. Эта группа разгромила одну-две вражеские дивизии, захватив при этом богатые трофеи, после чего и здесь наступила некоторая передышка в боевых действиях. 7-й корпус, прорвавшись во Внутреннюю Фуцзянь, двинулся на север. Но в начале 1935 года на границе провинции Чжэцзян его остановили превосходящие силы противника и нанесли ему тяжелое поражение. Связь с корпусом прервалась. И лишь остатки 7-го корпуса смогли соединиться с 10-й армией. Однако к тому времени и сама 10-я армия находилась в крайне бедственном положении.

В начале 1935 года, как мы узнали из перехваченных вражеских сообщений, 10-я армия была почти полностью уничтожена, а Фан Чжи-минь, один из наиболее выдающихся руководителей восстания 1927 года, был захвачен в плен и казнен.

* * *

Политбюро и Военный совет, снова обсудив в начале августа 1934 года военное положение, признали его в целом удовлетворительным. План военных мероприятий и боевых действий на май — июль по основным пунктам был выполнен. В результате побед под Шичэном и Динчжоу и отвлекающих маневров 6-го и 7-го корпусов, которые на начальной стадии развивались вполне успешно, ударные колонны противника на всех главных оперативных направлениях практически были остановлены. Можно было считать, что 5-й поход Чан Кай-ши, несмотря на продолжавшиеся многочисленные мелкие столкновения, особенно на севере, близился к концу.

Вместе с тем нельзя было отрицать, что противник все же выполнил свои ближайшие задачи на северном и западном участках фронта и был близок к этому на юге и востоке (в Фуцзяни). Энергичнее, чем когда-либо, неприятель строил блокгаузы. При этом обеспечивались не только коммуникации, связывавшие тыл с остриями поясов укреплений, но и создавались поперечные линии укреплений для отсечения находившихся между ними частей советского района. Кроме того, поступили первые сообщения о том, что в глубоком тылу противник усилил внешний обвод укреплений, охватывающих Центральный советский район, и построил дополнительный. Чан Кай-ши, которого, вероятно, насторожили операции 6-го и 7-го корпусов, делал все, чтобы предотвратить возможный прорыв наших главных сил.

В этих условиях все единодушно пришли наконец к выводу, что было бы безумием надеяться сейчас на какую-то решительную победу внутри советского района. Даже Мао Цзэ-дун, отказавшись от своих возражений, не выдвинул никаких контрпредложений. Впрочем, теперь он почти совсем устранился от дел. Я полагал, что он, по своему обыкновению, поправляет «пошатнувшееся здоровье» в правительственной резиденции. И лишь гораздо позже узнал, что по крайней мере с сентября он находился какое-то

время в уездном городе Юйду, районе сосредоточения 1-го корпуса. Много лет спустя Мао Цзэ-дун распространил клевету, будто Бо Гу и я сослали его туда под предлогом необходимости изыскания удобного для прорыва участка.

Политбюро поручило мне составить проект нового плана на август — октябрь. Как и первый план, он был в деталях доработан Чжоу Энь-лаем и после утверждения Постоянным комитетом Политбюро через Шанхай в общих чертах сообщен ИККИ. При обсуждении этого плана между Чжоу Энь-лаем и мной впервые возникли серьезные разногласия. Мой первоначальный замысел предусматривал прорыв блокады силами трех корпусов Центральной армейской группы при одновременном продолжении стратегической обороны внутри Центрального советского района. Таким образом обеспечивалась возможность последующего возвращения главных сил, хотя и весьма проблематичная из-за наличия глубоко эшелонированного пояса укреплений противника. По крайней мере можно было сохранить советский район в качестве весьма крепкой партизанской базы. Еще при осуществлении первого плана появилось мнение привлечь к прорыву 9-й корпус и существовавший тогда только номинально 8-й корпус. Теперь Чжоу Энь-лай решительно высказался за полную эвакуацию советского района вместе со всеми центральными учреждениями, тыловыми службами, материальными ценностями и т. д. В состав регулярных главных сил он включил также большую часть самостоятельных и местных частей, предназначавшихся для маневренной и партизанской войны внутри советского района и на его границах. При посредничестве Бо Гу был достигнут компромисс, причем фактически верх одержал Чжоу Энь-лай, руководивший всеми подготовительными работами. Правда, численность подлежащего эвакуации личного состава была несколько сокращена, по моим подсчетам — на 10—20 процентов. Все же боевые части оказались обремененными массой нестроевиков, что, несомненно, резко уменьшало их маневренность. Кроме того, и боеспособность вновь сформированных и сведенных в корпуса соединений оставляла желать много лучшего. Советский район, однако, лишался и этих, вполне пригодных для нерегулярной войны, войск. И все-таки там, как показал дальнейший ход событий, осталось достаточно командиров и бойцов для успешного ведения партизанской войны. Насколько я

помню, эти споры происходили не в Военном совете или в Политбюро, а в личных беседах между Бо Гу, Чжоу Энь-лаем и мной. Официально же мы проводили единую линию.

Одобренный Постоянным комитетом Политбюро августовский план уже содержал все важнейшие элементы окончательного решения на прорыв, которое и было принято им в конце сентября.

В качестве главного политического лозунга была выдвинута мобилизация всех сил в советском районе и широких масс во всем Китае для борьбы против японской агрессии. Этому лозунгу были подчинены такие «стратегические» лозунги, как «широкое наступление против гоминьдана — главного препятствия в антияпонской войне» и «дальнейшая активная оборона существующих советских районов». По существу эти лозунги были также политическими установками. Ныне это фальсифицируется маоистской историографией, которая утверждает, будто уже в то время Мао Цзэ-дун разработал гениальный план совместного выступления всех революционных вооруженных сил против японских агрессоров. Не говоря уже о том, что Мао Цзэ-дун, как явствует из описанных выше внутрипартийных событий, вообще стоял в стороне от разработки и осуществления плана прорыва, в то время никто даже и не мечтал о каком-то походе в Северный Китай для борьбы против японских захватчиков. Хотя антияпонская борьба была главным политическим лозунгом, она не выдвигалась в качестве военно-стратегической задачи руководством партии и армии. Прорыв преследовал ограниченную цель: вырваться из котла, в который превращался Центральный советский район, выйти на оперативный простор и, если возможно, создать во взаимодействии со 2-м и 6-м корпусами новую крупную советскую базу в Южном Китае — где-нибудь в пограничном районе Хунань — Гуйчжоу.

По данным разведки, наиболее уязвимым местом противника был участок на стыке провинций Хунань — Гуандун — Гуанси. Там, правда, тоже имелись четыре тянувшихся с севера на юг пояса укреплений. Расстояние между отдельными поясами составляло по прямой 50—60 километров, а их общая глубина — минимум 200—300 километров. На важнейших направлениях пояса укреплений были соединены поперечными линиями блокгаузов, располагавшихся в направлении с востока на запад. Но все-

таки эти укрепления не шли ни в какое сравнение с теми, которые имелись на других участках фронта, особенно на севере и северо-западе. Кроме того, здесь можно было рассчитывать на значительный перевес над войсками Чан Кай-ши, так как гуандунские и гуансийские части вряд ли станут проливать кровь за интересы опасного для них Центрального правительства. Все это соответствовало нашему стремлению всячески избегать связанного с неизбежным риском решительного сражения в укрепрайоне и громить противника в маневренной войне после выхода на оперативный простор.

Более энергично стали претворяться в жизнь намеченные еще майским планом мероприятия — создание резервов продовольствия, зимней одежды, боеприпасов, пополнение и реорганизация войск и т. д. Новым и важным было разделение сил и средств между Центральной армейской группой, которая в соответствии с эвакуационным планом Чжоу Энь-лая увеличилась до пяти корпусов в составе 12 дивизий и двух колонн нестроевиков (точные данные приведены ниже), с одной стороны, и советским районом, в котором численность бойцов остающихся самостоятельных частей сократилась до 10—12 тысяч,— с другой. В эти части влилось большое число бойцов крестьянских отрядов самообороны, но они были слабо вооружены и почти не имели боевого опыта. Соответственно происходило разделение политических органов: к выступлению готовились в основном центральные, тогда как почти все местные оставались в советском районе, который под политическим руководством Сян Ина и военным командованием Чэнь И с течением времени все больше обособлялся.

Августовский план предусматривал осуществление прорыва в конце октября — начале ноября. По нашим сведениям, именно на это время Чан Кай-ши планировал новое крупное концентрическое наступление, в результате которого он думал уничтожить нас. Кроме того, для Южного Китая это время в природном и климатическом отношении было наиболее благоприятным для боевых действий и движения войск. Попутно замечу, что крайне лицемерной была позиция Мао Цзэ-дуна по вопросу о сроке прорыва. Так, если весной он яростно выступал против самой идеи прорыва, а летом называл его по крайней мере преждевременным, то впоследствии он заявил, что прорыв был осуществлен слишком поздно.

Важнейшим фактором, необходимой предпосылкой для обеспечения внезапности и, следовательно, успеха прорыва было сохранение тайны. Поэтому круг лиц, посвященных в этот план, ограничивался членами Политбюро и Реввоенсовета. Все остальные, включая руководящих политработников и высший командный состав, знали об операции ровно столько, сколько требовалось знать для осуществления необходимых мероприятий в пределах их компетенции. Но уже в начале сентября корпуса Центральной армейской группы были отведены на отдых, а в конце сентября — начале октября после принятия окончательного и бесповоротного решения переброшены в свои районы сосредоточения. Одновременно получили соответствующий инструктаж ответственные руководящие работники. Кадровые работники среднего и низшего звеньев, как гражданские, так и военные, до последнего момента должны были довольствоваться вышеупомянутыми политическими лозунгами и уведомлением о предстоящем крупном контрнаступлении. Лишь за неделю до установленного срока им сообщили о прорыве. Позднее Мао Цзэ-дун использовал это обстоятельство, чтобы оклеветать партийное руководство. Особенно нападал он на Бо Гу и Чжоу Энь-лая, обвиняя их в недостаточной политической подготовке похода.

В начале сентября губернатор Гуандуна Чэнь Цзи-тан неожиданно предложил Красной армии тайное перемирие. Если не считать крайне медленного продвижения гуандунских частей на Хойчан и частых нападений многочисленных банд миньтуаней, то на Южном фронте начиная с 1932 года было относительно спокойно. Чэнь Цзи-тан, очевидно зная о новом походе Чан Кай-ши, опасался, что тот будет оспаривать у него Южную Цзянси и угрожать его власти в Гуандуне, если прекратит существование советский район, который до сих пор заслонял его от непосредственной конфронтации с Чан Кай-ши. Переговоры велись целый месяц. Бо Гу сообщил о них ИККИ, который со своей стороны запросил, не создает ли это возможность продолжать борьбу главными силами внутри советского района. Политбюро ЦК высказалось, однако, за прорыв, так как блокада советского района стала уже слишком плотной. Кроме того, Юй Хань-моу, командующий 1-й гуандунской армией, которая стояла против нашего Южного фронта, был ярым приверженцем Чан Кай-ши и в любой

момент мог ударить нам в тыл. И наконец, единственное подходящее для прорыва место находилось в районе расположения гуандунских войск. И не используй мы эту возможность, прорыв вообще ставился бы под сомнение. Эти соображения оказались решающими. Мы тем временем продолжали вести переговоры, главным образом для того, чтобы скрыть от противника свои истинные намерения.

Обмен радиограммами по этому вопросу с ИККИ стал последним на ближайшие полтора года. Гоминьдановская охранка арестовала Шанхайское бюро ЦК и захватила радиостанцию. Связь с представительством Коминтерна и ИККИ прервалась. Полная изоляция ЦК серьезно отразилась на дальнейшем развитии событий. Она имела тем большие последствия, что продолжалась до 1936 года, то есть совпала с периодом подготовки и проведения VII Всемирного конгресса Коминтерна, на котором, как известно, были приняты важнейшие решения по стратегии и тактике коммунистических и рабочих партий. Кстати, Ван Мин делал на этом конгрессе доклад по национальному и колониальному вопросу. Он подчеркивал необходимость прекращения гражданской войны в Китае и образования нового единого фронта национально-освободительной борьбы против японских агрессоров. Такая линия полностью соответствовала общей стратегии Коминтерна, направленной на мобилизацию всех прогрессивных сил в мире для совместной борьбы против фашизма и войны.

Изоляция ЦК вполне устраивала Мао Цзэ-дуна. Он получил таким образом свободу действий для усиления фракционной борьбы против партийного руководства. При этом Мао не гнушался использовать против марксистско-интернационалистских кадров рекомендации ИККИ или представительства Коминтерна, дававшиеся ранее при совершенно иных обстоятельствах, которые он произвольно искажал и толковал на свой лад.

Реализация его замыслов облегчалась тем, что руководящие члены Шанхайского бюро Ли Цзу-шэнь и Шэн Чжун-лян, поставленные перед альтернативой — смерть или предательство, избрали второй путь, перейдя на службу в гоминьдановскую охранку. Они предоставили в распоряжение охранки все, что им было известно. Это привело к аресту многих руководящих партийных работников в белых районах, разгрому центральных и местных партийных организаций, утрате важных документов и т. д.

Очевидно, из того же источника Чан Кай-ши узнал и о наших планах прорыва, но, к счастью, лишь в самых общих чертах, так как конкретные детали, особенно направление удара и сроки, к тому времени еще не были окончательно установлены. Многие признаки свидетельствовали о том, что Чан Кай-ши кое-что стало известно о нашем принципиальном решении. Во-первых, после начала операции 6-го и 7-го корпусов в августе — сентябре были построены, как уже отмечалось, дополнительные пояса укреплений в тылу гоминьдановских войск. Во-вторых, этим объяснялось, по-видимому, неожиданное предложение Чэнь Цзи-тана о перемирии. В-третьих, из расшифрованных радиограмм мы узнали — и это было для нас чрезвычайно важно,— что Чан Кай-ши приказал начать новое широкое наступление почти на месяц раньше установленного срока.

И действительно, его ударные колонны начали одновременное продвижение в последние дни сентября. Благодаря прекрасно организованной разведке наше партийное и военное руководство смогло вовремя внести соответствующие коррективы в свой план. До конца сентября главные силы были отведены в районы сосредоточения. На фронтах их сменили оставшиеся самостоятельные и местные части, перед которыми была поставлена задача втянуть наступавших в затяжные бои. Другие приготовления также были ускорены и в основном завершены к 1 октября. 16 октября колонны прорыва, делая ночные переходы, скрытно от противника устремились на исходные позиции.

1934
1935

ГЛАВА

3

ВЕЛИКИЙ ПОХОД

По моим записям 1939 года, основанным на данных Главного штаба Красной армии от 1934 года, численность Центральной армейской группы при прорыве составляла 75—81 тысячу человек, в том числе 57—61 тысячу бойцов, имевших на вооружении 41—42 тысячи винтовок и свыше тысячи легких и тяжелых пулеметов (число пулеметов указано приблизительно). Боевые соединения делились на пять корпусов.

1-й корпус в составе 1-й, 2-й и 15-й дивизий насчитывал 16—18 тысяч человек, в том числе 14—15 тысяч бойцов при 9—10 тысячах винтовок и 300—350 пулеметах. 3-й корпус в составе 4-й, 5-й и 6-й дивизий насчитывал 15 тысяч человек, в том числе 12—13 тысяч бойцов при 9 тысячах винтовок и 300 пулеметах. Кроме того, на вооружении этих корпусов — ударной группы прорыва — состояло в общей сложности 30—40 легких гранатометов с 3 тысячами гранат, изготовленных в нашем арсенале, и по две полевые пушки прямой наводки с несколькими сотнями снарядов. 5-й корпус в составе 13-й и 34-й дивизий насчитывал 11—12 тысяч человек, в том числе 10 тысяч бойцов при 7 тысячах винтовок и 150—200 пулеметах. Вновь сформированный 8-й корпус в составе 21-й и 23-й бывших отдельных дивизий насчитывал 10 тысяч человек, в том числе 8 тысяч бойцов при 6 тысячах винтовок и 100 пулеметах. И наконец, 9-й корпус в составе 3-й и 22-й дивизий насчитывал 11—12 тысяч человек, в том числе 9—10 тысяч бойцов при 7 тысячах винтовок и 150 пулеметах. На каждого бойца приходилось по одной-две ручных гранаты, на каждую винтовку — 70—100 патронов, на каждый легкий пулемет — 300—400 патронов, на тяжелый — 500—600.

Все соединения до дивизии включительно были снабжены в достаточном количестве радиоаппаратурой, полевыми телефонами и другими средствами связи. Так же обстояло дело и в двух нестроевых колоннах, которые к тому же имели необходимое количество вооружения для того, чтобы в случае необходимости действовать самостоятельно.

Первая, так называемая оперативная, или штабная, колонна включала членов Центрального Комитета, правительства и Военного совета с Главным штабом. В непосредственном подчинении этой колонны находились штабные подразделения, в том числе батальон связи, саперный батальон (в основном для дорожного и мостового строитель-

ства) и рота ПВО. Для прикрытия ей был придан курсантский полк, укомплектованный слушателями Военной академии и трех военных училищ. В составе полка было два пехотных батальона и батальон специального назначения, имевший на вооружении шесть легких гранатометов, шесть тяжелых пулеметов, а также соответствующее количество легких пулеметов и маузеров. В общей сложности колонна насчитывала 4—5 тысяч человек, в том числе 2 тысячи бойцов с 1500 винтовок и прочими видами оружия. Во вторую, обозную колонну входили тыловые службы армейской группы с полевым госпиталем и различные учреждения, а также группы кадровых работников партии и правительства. Самой многочисленной частью колонны была так называемая резервная дивизия. Она состояла из вновь набранных носильщиков, которые несли сотни тюков с листовками, ящики с серебряными монетами, со станками из арсенала, с другим оборудованием мастерских и т. п. По мере убывания груза на марше большинство носильщиков должны были пополнять боевые части, заменяя выбывших из строя. Носильщики фактически были безоружны, так как нельзя считать настоящим оружием копья, мечи и ножи, которые они имели при себе. Обозную колонну прикрывал сводный полк войск безопасности. Численность обозной колонны доходила до 8—9 тысяч человек, в том числе около 2 тысяч бойцов, имевших на вооружении 1500 винтовок и маузеров, а также несколько пулеметов. Численность сводного полка не была постоянной, поскольку в случае необходимости из его состава выделялись телохранители и охранные группы для высших руководящих деятелей партии, правительства и Военного совета.

Каждый участник похода нес на себе двухнедельный запас продовольствия (главным образом рис и соль). Впоследствии продовольствие пришлось покупать или реквизировать у местного населения.

Приведенные данные показывают, что это отнюдь не было «переселением народов», или «исходом нации» (дословно: нация переселяется), как выразился Эдгар Сноу в своей книге «Красная звезда над Китаем». Не было это и «поспешным паническим бегством», как позже утверждал Мао Цзэ-дун. Это была заблаговременно и тщательно подготовленная операция, которая, правда, впоследствии приобрела характер отступления. Поэтому я считаю лживой

от начала до конца встречающуюся и поныне в исторических трудах выдумку, произведенную на свет Мао Цзэдуном, будто прорыв блокады был вызван военным поражением и натиском врага.

Отнюдь не разгромленная, а совершенно боеспособная армия прорвала блокаду, и решение о прорыве было принято руководством вопреки намерениям и планам противника, по доброй воле, на основе трезвой оценки неблагоприятного общего стратегического положения советского района. Вопрос стоял так: либо оборонять район, зажатый в тисках блокады, постепенно истощая ресурсы и утрачивая свободу маневра главных сил, либо, сохранив живую силу, выйти на оперативный простор для ведения маневренной войны с целью разгрома врага и создания новой советской базы, не отдавая полностью и старую. Ответ на этот вопрос был предельно ясен, так как главная задача нашей военной стратегии состояла в том, чтобы использовать Центральную армейскую группу как важную часть революционных вооруженных сил в масштабах всего Китая таким образом, чтобы в данных исторических условиях, учитывая накопленный опыт, а также экономические, политические, моральные и технические возможности, перечеркнуть стратегические замыслы врага и создать лучшие условия для продолжения вооруженной классовой борьбы.

Скорее можно, пожалуй, говорить о политическом поражении советского движения в Китае. 4-й и 5-й походы Чан Кай-ши показали, что в новой международной и внутренней обстановке середины 30-х годов невозможно было больше удерживать длительное время небольшие и изолированные друг от друга советские районы. И объективно эта задача все больше отходила на задний план по мере того, как в последующие годы классовая борьба сливалась с национально-революционной освободительной войной, в которой советское движение заменялось единым фронтом.

Выше приведенные данные наглядно показывают, что боевые соединения Центральной армейской группы значительно выросли как по численности, так и по вооружению и техническому оснащению. То же самое относится к тактической подготовке и политическому воспитанию. Без преувеличения можно сказать, что Центральная армейская группа никогда еще не была так сильна. Конечно, названная из пропагандистских соображений цифра 100 тысяч человек не соответствует действительности. Ее следует

сократить почти вдвое, так как общее число участников похода составляло примерно 80 тысяч человек, а соотношение численности личного состава боевых частей (без обозов) и нестроевиков оперативной и обозной колонн (включая охранные и штабные подразделения) было приблизительно три к одному. Боеспособность 12 дивизий также не была равноценной. На семь (1, 2, 3, 4, 5, 6 и 13-я) кадровых дивизий высокой боеспособности 1, 2, 3, 5 и 9-го корпусов приходилось пять дивизий (15, 21, 22, 23 и 34-я), имевших небольшой опыт ведения регулярных боевых действий. Но и в кадровых дивизиях процент бойцов, мобилизованных только в 1934 году, был довольно высок. Это были серьезные недостатки и слабости. Но, несмотря на это, Реввоенсовет располагал ударными войсками, которым были по силам стоящие перед ними новые задачи.

Для полноты картины хочу привести данные о численности самостоятельно действовавших соединений китайской Красной армии (насколько нам было известно). Они в общем соответствуют тем, которыми в конце 1934 года оперировал Главный штаб.

Согласно этим сведениям, 10-я армия и 7-й корпус после кровопролитных боев насчитывали вместе 6—8 тысяч бойцов с 5—6 тысячами винтовок. Они располагали крайне небольшой базой площадью от 5 тысяч до 7 тысяч квадратных километров с населением в полмиллиона человек. После того как главные силы ушли из Центрального советского района, 10-я армия и 7-й корпус находились в подчинении Сян Ина и Чэнь И, с которыми, однако, уже в 1935 году снова была утрачена связь.

2-й корпус после объединения с 6-м корпусом насчитывал 15—20 тысяч человек с 10—12 тысячами винтовок. У него была база площадью в 20 тысяч квадратных километров с населением 1 миллион человек.

На бывшей базе 4-го корпуса местные части под командованием Сюй Хай-дуна образовали 15-й корпус, в котором имелось 5—6 тысяч бойцов с 4—5 тысячами винтовок. Так как его положение в обезлюдевшем старом советском районе, опустошенном гоминьдановскими войсками, стало невыносимым, в конце 1934 года он двинулся на северо-запад, возможно с согласия ЦК, хотя точно я не знаю. О 4-м корпусе, с которым не было никакой связи, ходили самые невероятные слухи. К лету 1934 года после успешных боев против местных милитаристов он якобы создал

новую базу в Северной Сычуани, площадь которой доходила до 20 тысяч квадратных километров с населением 1,5 миллиона человек, а временами территория базы достигала даже 40 тысяч квадратных километров с населением 3—4 миллиона человек. Но затем под натиском объединенных сычуаньских войск и четырех-пяти дивизий Чан Кай-ши, которые применяли ту же тактику фортификационной войны, что и против Центральной армейской группы, корпус отошел дальше на запад. Как говорили, в пограничном районе Сычуань — Сикан, населенном в основном национальными меньшинствами, корпус создал новую большую базу и сформировал федеративное советское правительство. Сведения о его численности были противоречивы и, вне всякого сомнения, сильно преувеличены (поговаривали о 100 и даже 300 тысячах). Главный штаб реально оценивал численность бойцов в 60 тысяч, а винтовок — в 30—40 тысяч. Однако в корпусе, по-видимому, тяжелого оружия не было совсем, а пулеметов было очень мало. Резкое расхождение в оценках численности 4-го корпуса, очевидно, объясняется тем, что, покидая свою временную базу на севере Сычуани, он эвакуировал и часть населения.

Эти довольно скупые и далеко не надежные данные в основном взяты из вражеских источников. Но все-таки они показывают, что и многие другие самостоятельно действовавшие соединения китайской Красной армии в 1934 году покидали свои базы, чтобы сохранить живую силу. Если по тем или иным обстоятельствам они оставались на местах, их частично или полностью уничтожали, как это случилось с 10-й армией.

* * *

Вечером 16 октября, когда штабная колонна выступила из запретной зоны близ Жуйцзиня, Сян Ин попросил меня переговорить с ним. Поэтому я с сопровождающей меня группой задержался и лишь на следующий день догнал колонну, которая, как и все, двигалась только по ночам, под покровом темноты. Беседа, которую переводил У Сюцюань, длилась почти целую ночь. Чэнь И, командующий оставшимися вооруженными силами, в беседе не участвовал. Сян Ин был полон оптимизма. Он оценивал политическое и военное положение как вполне удовлетворительное, несмотря на то что Чан Кай-ши уже начал новый поход, а

гуандунские войска теперь, когда наши отдельные части повсеместно вели только сдерживающие бои, продвигались несколько энергичнее, по крайней мере на юге, и готовы были вот-вот взять Хойчан. В целом не занятая противником территория советского района составляла все еще 25—30 тысяч квадратных километров.
Кроме того, существовали отдельные «островки» с местными советскими органами, в большей или меньшей степени отрезанные противником. В целом население не занятых противником советских территорий насчитывало 2—3 миллиона. Правда, необходимо было учитывать, что это число будет быстро сокращаться, так как не было никаких сомнений в том, что наступающий противник займет немногочисленные оставшиеся в наших руках уездные города и все крупные населенные пункты, а также деревни и усадьбы, плодородные долины в центре района и основательно их «почистит». Это, однако, не обескураживало Сян Ина. Уже в течение двух-трех недель проводилась эвакуация всех оказавшихся под угрозой населенных пунктов. Гражданские учреждения, кадры и все запасы были переброшены в труднодоступные нагорья. Туда же добровольно отправилась наиболее сознательная часть жителей, прежде всего члены местных организаций самообороны. Сян Ина больше всего волновали неизбежные хозяйственные трудности.
Находившиеся под командованием Чэнь И отдельные соединения сразу же после завершения прорыва главных сил должны были еще более рассредоточиться и приступить к партизанским действиям, базируясь на подходящие опорные пункты в горах. Сравнительно крутые горные цепи в пограничных районах Цзянси — Фуцзянь — Гуандун и Цзянси — Хунань обеспечивали прекрасные возможности для ведения партизанской войны. Будущее показало, что у Сян Ина были основания для оптимизма. Правда, уже в конце 1934 года войска Чан Кай-ши вошли в разрушенную красную столицу Жуйцзинь. Однако Чан Кай-ши был вынужден поспешно бросить большую часть своих отборных дивизий на параллельное преследование Центральной армейской группы по пути в Хунань и далее в западные провинции. Ядро революционных вооруженных сил в Цзянси в течение нескольких лет оставалось боеспособным. Оно даже пополнилось бойцами отставших и отрезанных от главных сил частей, которые пробились

в старый советский район. Так что Сян Ин и Е Тин, сменивший в 1937 году Чэнь И, смогли сформировать по согласованию с гоминьданом Новую 4-ю армию, численность которой в короткий срок достигла 12—15 тысяч человек. Когда же в 1941 году эта армия получила приказ продвинуться на север, чтобы действовать в тылу японских войск, она попала в засаду, устроенную гоминьдановскими войсками, и понесла тяжелые потери. Сян Ин был убит, а Е Тин попал в плен. По слухам, они получили из Яньани директивы, противоречащие договоренности, достигнутой с гоминьданом, в результате чего и был спровоцирован этот инцидент.
Новейшие исследования подтверждают, что Новая 4-я армия действительно получила от соответствующих гоминьдановских властей приказ на выступление, чтобы вести боевые действия в тылу японцев севернее Янцзы. Выступление задержалось, так как Мао Цзэ-дун отдал контрприказ, очевидно с целью заполучить и расширить «революционную базу» в гоминьдановском тылу южнее Янцзы. Когда после долгих колебаний Новая 4-я армия наконец выступила, гоминьдановские войска были уже сосредоточены для нападения на ее походную колонну, прежде всего на штаб. Сян Ин стал жертвой двойной игры, которую вели Чан Кай-ши и Мао Цзэ-дун в антияпонской войне.
Смерть Сян Ина была весьма на руку Мао. Это подтверждается тем, что уже на 6-м пленуме ЦК КПК в конце 1938 года Мао Цзэ-дун клеветнически охарактеризовал его как правого оппортуниста, потому что Сян Ин оставался верен принципам марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма и последовательно отстаивал правильную политику единого фронта в национально-освободительной борьбе. Однако я забежал несколько вперед.
Насколько оптимистически высказывался Сян Ин во время нашего ночного разговора о перспективах дальнейшей борьбы в старом советском районе, настолько же обеспокоен он был судьбой коммунистической партии и Красной армии. Учитывая, что беседа велась через переводчика, Сян Ин был очень осторожен в выражениях. Прежде всего, он выразил сожаление, что из-за тяжелой болезни был вынужден остаться и Цюй Цю-бо. Кстати замечу, что во время моего пребывания в Цзянси этот выдающийся революционный деятель, который в прошлом смело выступал против политических интриг Мао Цзэ-

дуна и неизменно отстаивал правильную, согласованную с Коминтерном линию КПК, уже не играл сколько-нибудь заметной роли. Правда, насколько мне известно, он оставался в ЦК и в правительстве в качестве народного комиссара просвещения и культуры, но держался в тени. Не могу сказать, объяснялось ли это его тяжелой болезнью или политическими интригами. В 1935 году была предпринята попытка вывезти Цюй Цю-бо из советского района, но его схватили гоминьдановцы и казнили. Это, однако, не помешало Мао Цзэ-дуну и хунвэйбинам совсем недавно полить его грязью и вычеркнуть его имя из истории Коммунистической партии Китая.

Как и до этого, Сян Ин вновь прозрачно намекал на террористический курс Мао, говорил, что в 1930 году Мао преследовал верных партии людей. Вместе с тем он предостерегал от недооценки фракционной борьбы Мао против партийного руководства. Его временное самоустранение от дел вызвано, по-видимому, тактическими соображениями. Мао может, опираясь на влиятельных кадровых работников, особенно среди армейских командиров, воспользоваться первой же благоприятной возможностью, чтобы с их помощью захватить руководство армией и партией.

Я разделял опасения Сян Ина. Но Бо Гу, которому я через несколько дней рассказал об этой беседе, не придал этому значения. Он сказал, что в настоящее время нет никаких разногласий относительно генеральной линии партии, что отошли в прошлое и прежние расхождения во взглядах по военным вопросам, так как Красная армия повсюду переходит в контрнаступление, к маневренной войне, что Мао Цзэ-дун беседовал с ним и заверил его, будто бы он и не помышляет о расколе в руководстве, который поставил бы на карту судьбу Центральной армейской группы. Это заблуждение Бо Гу имело роковые последствия.

* * *

Центральная армейская группа тремя походными колоннами устремилась через сравнительно свободную от неприятеля местность между Ганьчжоу и Хойчаном на крайний юго-запад Цзянси, где ей предстояло прорвать первый пояс укреплений в районе Синьфына и форсировать Таоцзян — приток Ганьцзян. Этот участок фронта обороняла 1-я дивизия 1-й гуандунской армии. Позиции

противника, пути подхода к ним и участки атаки с помощью разведданных были известны до мельчайших подробностей. В течение нескольких ночей наши части вышли на исходные позиции. С помощью трофейного тяжелого оружия 1-го и 3-го корпуса внезапно прорвали вражеские позиции и разгромили 1-ю гуандунскую дивизию, понеся при этом незначительные потери. Операция увенчалась полным успехом. Это скрепя сердце вынужден был признать и Мао Цзэ-дун.

Дальнейший марш к границе Цзянси и Хунани, где располагался второй пояс укреплений, проходил без помех. В соответствии с нашей оценкой обстановки, колонны были сгруппированы так, чтобы главные силы двигались навстречу гуандунским и гуансийским войскам, находившимся впереди и слева от нас и проявлявшим большую активность, тогда как наш правый фланг, обращенный на север, где войска Центрального гоминьдановского правительства еще не были готовы к преследованию, был прикрыт слабыми силами. Поэтому центральная походная колонна включала 3-й корпус как ударную группу, а за ними следовали штабная и обозная колонны. 5-й корпус был в арьергарде. Правая походная колонна в составе 8-го корпуса прикрывала северный фланг. И наконец, левая походная колонна в качестве второй ударной группы, прикрывавшей одновременно южный фланг, должна была овладеть укрепленными горными перевалами на границе Гуандуна и отразить нападения гуандунских, а позднее и гуансийских войск. Эта колонна состояла из 1-го корпуса, за которым следовал как арьергард 9-й корпус.

Второй пояс укреплений был прорван фронтальной атакой 3-го корпуса. Но 1-му корпусу не удалось овладеть сильно укрепленными горными перевалами, так как он был вынужден, вопреки плану, действовать без карт в горной местности, где бойцам приходилось карабкаться по отвесным скалам и пробираться узкими ущельями. Кроме того, флангу корпуса угрожали спешившие на помощь гуандунским войскам подкрепления, против которых он не мог развернуться. Поэтому он вынужден был повернуть назад и временно следовать по пути центральной колонны, чтобы обойти естественные препятствия и избежать ударов неприятеля с фланга. На это ушла почти целая неделя. Между тем сильные гуандунские части и войска Центрального гоминьдановского правительства начали преследование и

навязали 5-му и 9-му корпусам многодневные кровопролитные арьергардные бои.
Мао Цзэ-дун, Ло Фу и Ван Цзя-сян («центральная группа трех») немедленно воспользовались этим обстоятельством для яростных нападок на Бо Гу, Чжоу Энь-лая и главным образом на меня. Мы признали, что допустили ошибку при определении направления движения 1-го корпуса, которая, однако, по словам Чжоу Энь-лая, носила «случайный характер» и явилась следствием неверных данных разведки. Мао Цзэ-дун, преследуя свои интересы, не обвинял Чжу Дэ, однако тот стал на нашу сторону. Поэтому попытка вновь разжечь фракционную борьбу в руководстве партии и армии на сей раз провалилась. Но с тех пор Мао перешел к открытой борьбе. Любое оперативное решение он встречал в штыки, особенно резко выступал против моих предложений. Игнорируя порядок марша, он метался из корпуса в корпус, обрабатывая командиров и комиссаров корпусов и дивизий в нужном ему духе. Таким образом Мао сеял неуверенность в руководстве и постепенно раскалывал его. Он умело использовал при этом настроения многих участников похода, особенно во вновь сформированных частях и в обозной колонне, которые спасовали перед трудностями операции прорыва, видели в ней только отступление, впали в панику и больше всего жаждали разойтись по домам. Вместо того чтобы бороться с такими настроениями, Мао, наоборот, разжигал их. Он воспользовался тем, что после значительных затрат времени на прорыв второго пояса укреплений необходимо было ускорить темпы движения, так как противник стал более энергично нас преследовать. Число дезертиров и отставших изо дня в день увеличивалось.
Тем не менее благодаря форсированному маршу нам удалось с ходу прорвать третий пояс укреплений на еще недостроенном участке Ухань-Гуанчжоуской железной дороги до подхода крупных соединений Чан Кай-ши. Этот пояс обороняли сравнительно слабые хунаньские части. Дальнейшее продвижение к четвертому, последнему из известных нам поясов укреплений вдоль реки Сянцзян проходило успешно, несмотря на трудности передвижения в пограничном районе Хунань — Гуанси и постоянный нажим наседавших на наш арьергард гуандунских войск. Из перехваченных радиограмм противника мы узнали, что три или четыре дивизии Чан Кай-ши под командованием генерала

Чжоу, ведя параллельное преследование, устремились на уездный город Цюаньсянь (Цюаньчжоу) в Северной Гуанси, где мы запланировали переправу через Сянцзян. Чан Кай-ши же рассчитывал остановить здесь наши главные силы и уничтожить их при переправе.

Когда наши авангардные части подошли к городу, выяснилось, что Чжоу нас опередил. Одна его бригада уже заняла город, а большая часть армии находилась недалеко от города в засаде. Цюаньсянь, как и большинство старых городов Внутреннего Китая, был обнесен высокими, мощными стенами. Взять город штурмом наличными средствами представлялось невозможным. Во всяком случае это потребовало бы много времени и стоило бы больших жертв. Решительное сражение в окрестностях города вряд ли предвещало успех, ибо условия местности не благоприятствовали развертыванию войск, а население состояло преимущественно из национальных меньшинств — яо и мяо.

Поэтому я внес предложение обойти Цюаньсянь с юга, переправиться через Сянцзян и после прорыва четвертого пояса укреплений сразу же устремиться в пограничный район Гуанси — Хунань — Гуйчжоу, в котором, по нашим сведениям, не было вражеских укреплений. Однако Мао Цзэ-дун резко высказался против этого предложения. Он требовал дать сражение армии Чжоу. Его поддержали Ло Фу и Ван Цзя-сян. При голосовании в Военном совете мнения разделились. Чжу Дэ, Чжоу Энь-лай и Бо Гу поддержали меня. В конечном счете все решил голос Чжу Дэ, который был председателем.

Но в результате мы потеряли два драгоценных дня и, следовательно, упустили момент внезапности. Положение осложнилось тем, что подошли сильные гуансийские части и атаковали наш левый фланг. Правда, 1-й и 5-й корпуса сумели отразить атаку, 3-й корпус прорвал линию укреплений, но эта операция стоила больших жертв. Особенно сильно пострадал 5-й корпус, 34-я дивизия которого была отрезана и не смогла больше соединиться с главными силами. Ей пришлось вернуться в Хунань, где ее части начали малую войну, и позже большинство из них присоединилось ко 2-му корпусу, а некоторые пробились в Цзянси. Значительно поредели ряды 8-го корпуса (21-я и 23-я дивизии) и 22-й дивизии 9-го корпуса, причем не столько в результате боевых действий, в которых они, если не считать стычек охранения и арьергарда, почти не принимали

участия, столько за счет дезертиров, отбившихся, отставших и больных. Так же обстояло дело с полком войск безопасности и особенно с резервной дивизией обозной колонны. Большая часть грузов в течение почти двухмесячной операции прорыва была израсходована или оказалась теперь ненужной. Кроме того, руководство в целях повышения мобильности центральной колонны решило оставить часть тяжелых машин и оборудования мастерских после пересечения границы между провинциями Цзянси и Хунань. Освободившись от груза, большинство носильщиков отстало. Они находили убежище у местных жителей или пробивались к родным местам небольшими группами и в одиночку.

Таким образом, наибольшие потери понесли вновь созданные по эвакуационному плану Чжоу Энь-лая формирования, которые были укомплектованы малоопытными или вообще необстрелянными мобилизованными и добровольцами. По приблизительному подсчету Главного штаба, к моменту взятия города Липин в Восточном Гуйчжоу они потеряли до 50 процентов своего состава, а резервная дивизия — даже до 75. По-видимому, при дальнейшем продвижении на Цзуньи они не понесли никаких потерь, так как такие же цифры были названы и в Цзуньи. Это свидетельствует о том, что при дальнейшем продвижении их потери были ничтожны. Потери главных сил, то есть испытанных в боях кадровых дивизий 1-го, 3-го, 5-го и 9-го корпусов, были относительно невелики.

Но как бы ни были ощутимы потери на последнем этапе прорыва, Центральная армейская группа к середине декабря 1934 года, через два месяца после начала выступления, успешно прорвалась через глубоко эшелонированный гоминьдановский укрепрайон, который немецкие военные специалисты считали непреодолимым. Походные колонны за это время продвинулись на расстояние до 500 километров по труднопроходимой местности, провели десятки боев, выиграли три крупных сражения и, наконец, вырвались на оперативный простор. Чанкайшистский план уничтожения Центральной армейской группы в укрепрайоне провалился. Боеспособность наших главных сил не только полностью сохранилась, но даже повысилась, так как их уже не так обременяли громоздкая обозная колонна и наспех сколоченные части. Это обстоятельство создало необходимые предпосылки для успешных действий Центральной

армейской группы не только в период Великого похода, но и после него.
В боях при Цюаньсяне покрыл себя несмываемым позором тот самый Сяо Цзин-гуан, который осенью 1933 года в начале 5-го похода Чан Кай-ши без боя отдал обширную территорию северо-восточной оборонительной зоны Центрального советского района со стратегически важным городом Личуанем. Сегодня я уже не могу с уверенностью сказать, каким именно соединением он командовал, а в китайской историографии этот эпизод, разумеется, замалчивается. Вероятно, это была 34-я дивизия, а может быть, 8-й корпус или одна из двух его дивизий. Но факт остается фактом, что при появлении неприятеля вблизи командного пункта он, бросив на произвол судьбы вверенные ему части, бежал вместе с штабной охраной. Брошенные им части были отрезаны или рассеяны. А он, как ни в чем не бывало, прибыл в Главный штаб. Мы, естественно, обсудили этот вопиющий факт позорного малодушия. Я сказал тогда, что следовало бы предать Сяо Цзин-гуана суду военного трибунала. Однако Мао Цзэ-дун снова взял его под свою защиту, и Сяо был лишь переведен в обозную колонну. В 1937 году я опять встретился с ним в Яньани. Он был начальником штаба гарнизона Северной Шэньси, а в 1955 году Мао назначил его адмиралом флота. Мое выступление по делу Сяо Цзин-гуана Мао Цзэ-дун использовал в Цзуньи, чтобы инкриминировать мне обвинение в применении «методов запугивания и наказания».

* * *

Центральная армейская группа продолжала свой путь на запад в соответствии с планом, в который, правда, было внесено небольшое, но важное тактическое изменение: обойдя территорию Гуанси, двигаться севернее в направлении стыка провинций Хунань и Гуйчжоу. Таким образом наши войска избегали трудных гористых районов, населенных национальными меньшинствами, и оказывались в более благоприятных условиях в районах с исключительно ханьским населением. Кроме того, можно было сбросить со счета гуандунские и гуансийские войска, поскольку наши части больше уже не угрожали их провинциям. Следовательно, отпадала существовавшая до сих пор угроза нашему открытому южному флангу. Что касается гарнизонов и банд миньтуаней, с которыми мы сталкивались, то

они не были для нас серьезными противниками. Генерал Чжоу, напротив, продолжал параллельное преследование севернее нашего маршрута, но пока нас не трогал. По-видимому, он не чувствовал себя достаточно уверенно вне укрепрайона, не получив сколько-нибудь значительных подкреплений от вооруженных сил Центрального гоминьдановского правительства.

К концу года мы перешли границу провинции Гуйчжоу и, преодолев слабое сопротивление гарнизона провинциальных войск, овладели уездным городом Липин.

Еще до этого на одной из стоянок Главный штаб произвел проверку личного состава войск, на основании которой Военный совет — на этот раз единогласно — принял решение о реорганизации соединений. 8-й корпус, 22-я дивизия 9-го корпуса и резервная дивизия обозной колонны были расформированы, и их рядовым и командным составом доукомплектовали дивизии 1-го, 3-го, 5-го и 9-го корпусов. Таким образом, в Центральной армейской группе снова стало восемь боеспособных дивизий: по три в 1-м и 3-м корпусах и по одной в 5-м и 9-м корпусах. Насколько я помню, данные о фактической численности войск не были объявлены. Но в боевых частях должно было насчитываться не менее 45 тысяч человек. Это примерно соответствовало тому, чем располагала Центральная армейская группа в советском районе до формирования новых соединений и включения в ее состав отдельных и местных частей по эвакуационному плану Чжоу Энь-лая. Численность войск не претерпела сколько-нибудь существенных изменений до самого Цзуньи. Незначительные потери в Гуйчжоу были восполнены за счет добровольцев из военнопленных и крестьян. Во всяком случае, Чжоу Энь-лай называл в Цзуньи ту же цифру — 45 тысяч, а он был лучше всех информирован, поскольку лично ведал работой Главного штаба.

Больше всего сократились нестроевые колонны, в меньшей степени штабная и в неизмеримо большей — обозная. Обе колонны насчитывали теперь максимум по 3—4 тысячи человек, а возможно, и того меньше. Охранный полк из курсантов военных училищ и Военной академии и полк войск безопасности были сведены в батальоны. Соотношение резко изменилось в сторону увеличения активных штыков. Если раньше соотношение строевиков и нестроевиков составляло три к одному, то теперь — шесть

к одному. Избавившись от лишних грузов, в том числе от тяжелого оружия, оставшегося без боеприпасов, Центральная армейская группа обрела более высокую мобильность. Короче говоря, теперь имелись все предпосылки для маневренной войны. Вопрос заключался только в том, какие стратегические цели мы поставим перед собой.

Еще до Липина состоялось короткое совещание, на котором обсуждались предстоящие боевые действия. В духе первоначального плана я поставил вопрос: не целесообразнее ли пропустить вперед армию Чжоу и другие вражеские войска, которые вели параллельное преследование или форсированным маршем двигались в направлении важных стратегических пунктов на западе, и, оказавшись у них в тылу, повернуть на север и установить связь со 2-м корпусом? Базируясь на его территорию и усилившись за счет войск Хэ Луна и Сяо Кэ, мы могли бы в открытом поле атаковать противника и создать обширный советский район в пограничном треугольнике Хунань — Гуйчжоу — Сычуань.

Мао Цзэ-дун категорически отверг это предложение и настоял на дальнейшем продвижении на запад, в глубь провинции Гуйчжоу. На сей раз его поддержали не только Ло Фу и Ван Цзя-сян, но и Чжоу Энь-лай, который готовил тем самым свой переход на сторону «центральной группы трех». И Мао удалось протащить свое контрпредложение. Воспользовавшись этим, он впервые высказал мысль, что надо отказаться от намерения создать советскую базу к югу от Янцзы совместно со 2-м корпусом и вместо этого продвигаться в Сычуань на соединение с 4-м корпусом. Но Мао ничего не говорил о том, как это осуществить. Мы даже не знали точно, где тогда находился 4-й корпус, ибо давно уже не имели с ним связи. Да и со 2-м корпусом во время похода радиосвязь также прервалась.

Я лишь с трудом мог следить за ходом обсуждения, так как у меня начался тяжелый приступ тропической малярии, которой я страдал с осени 1934 года. Не дождавшись конца, я покинул совещание. Мое состояние улучшилось только весной 1935 года, когда мы достигли нагорья в Северной Юньнани. Об итогах совещания я узнал впервые из приказов, составленных на его основе. Я попросил Чжоу Эньлая посвятить меня в подробности. Обычно спокойный и сдержанный, Чжоу Энь-лай пришел в крайнее раздражение. Он сказал, что Центральная армейская группа ну-

ждается в отдыхе и получить его она может скорее всего в Гуйчжоу, где ей будет противостоять слабый противник. Бо Гу считал, что в Гуйчжоу еще можно поворачивать все севернее, не рискуя встретить сильное сопротивление.

После взятия Липина состоялось еще одно совещание, в котором участвовали также Пэн Дэ-хуай и Линь-Бяо. Я не смог на нем быть, так как меня трепала лихорадка. Чжоу Энь-лай заранее поинтересовался моим мнением, и я предложил повернуть на северо-запад, чтобы обойти провинциальный центр Гуйян, куда, по нашим сведениям, Чан Кай-ши двинул шесть-семь частично моторизованных отборных дивизий, форсировать Уцзян, уничтожить слабые гуйчжоуские войска, освободить район севернее и западнее реки Уцзян с центром в Цзуньи, создать там временную базу и навязать сражение ушедшим вперед войскам Чан Кай-ши. Хотя эта идея, за исключением последней ее части, развивала мысли, высказанные Мао Цзэ-дуном на предыдущем совещании, он тем не менее снова грубо отклонил ее. Контрпредложения, однако, не последовало. Дальнейшее продвижение к Цзуньи практически не противоречило моему плану, если не считать некоторых тактических маневров, проведенных Чжоу Энь-лаем.

Более чем 300-километровый поход от Липина до Цзуньи проходил в чрезвычайно благоприятных условиях. Местность, без единого вражеского укрепления, позволяла двигаться быстро и одновременно предоставляла неплохие возможности для маскировки от все учащавшихся воздушных налетов, которые дополняли или заменяли наземное преследование. Хотя мы двигались по нищим и убогим местам (Гуйчжоу была самой отсталой провинцией Южного Китая), тем не менее снабжение войск не представляло никаких трудностей. Мы заняли ряд крупных населенных пунктов и несколько городов, в том числе богатый торговый центр Чжэньюань, и реквизировали у помещиков, торговцев и ростовщиков такие большие запасы, что не только обеспечили собственные нужды, но и поделились с бедняками. Жители принимали нас радушно, нередко посылая нам навстречу целые делегации. Боевые действия вести нам приходилось лишь с гуйчжоускими провинциальными войсками, которые были вооружены не лучше нас, но несравненно хуже обучены. Боевой дух у них вообще отсутствовал. Мы буквально гнали их перед собой, не встречая сколько-нибудь упорного сопротивления.

Главным препятствием на нашем пути оказалась Уцзян, довольно широкая река со стремительным течением, на берегах которой оборону держали новые гуйчжоуские войска. Все лодки были угнаны на противоположный берег. Авангарды 1-го и 3-го корпусов быстро связали бамбуковые плоты и, форсировав реку, захватили плацдарм. Понадобилось всего двое суток, чтобы навести мосты, по которым через реку перебралась основная масса войск. После непродолжительного сопротивления противник в панике бежал.

На следующий день мы узнали, что Чан Кай-ши снял с границы провинции Хунань две-три дивизии, вероятно из армии Чжоу, и бросил их на Уцзян с запоздалым намерением перехватить нас на переправе. Имелась полная возможность опрокинуть и уничтожить эти дивизии после переправы на наш берег. Я счел своим долгом выдвинуть соответствующее предложение, но Мао Цзэ-дун не хотел и слышать об этом. Победоносное сражение нарушило бы в тот момент его планы. Он спешил в Цзуньи, так как считал, что наступило время нанести по партийному руководству долго и тщательно готовившийся удар и снова взять армию в свои руки. Он единолично, без решения Военного совета, отверг мое предложение. Короткий путь от реки Уцзян до Цзуньи мы проделали за два-три дня. Гуйчжоуские части больше не принимали боя. Они или уходили заранее, или разбегались при нашем приближении. Губернатор провинции Ван Цзя-ле оттягивал дальше на запад оставшиеся у него четыре-пять дивизий, не вводя их в дело. Таким образом, одним ударом Центральная армейская группа освободила территорию в 15 тысяч квадратных километров, правда с редким сельским населением, и овладела городом Цзуньи, летней резиденцией губернатора, а также торговым центром Тунцзы, расположенным севернее. Таким образом мы оседлали важную дорогу между речным портом Чунцином и провинциальным центром Гуйяном.

Вступление наших войск в эти города произошло настолько неожиданно, что многочисленное население — в Цзуньи около 10 тысяч жителей, а в Тунцзы еще больше — почти целиком осталось на месте, не успели удрать даже гоминьдановские чиновники, крупные помещики и торговцы. В наши руки попали огромные запасы продовольствия, текстильных товаров и т. д. Оружия и боепри-

пасов, в которых мы остро нуждались, к сожалению, почти не было.

Политбюро ЦК призвало создать здесь базу, причем оставалось неясным, будет ли она временной или станет стабильным советским районом. Политуправление армейской группы, политотделы корпусов и дивизий и прежде всего партийные и правительственные кадры из резерва руководящих работников развернули лихорадочную деятельность. Создавались агитпропбригады, проводились массовые митинги, учреждались революционные комитеты, среди нуждающихся распределялись реквизированные запасы продовольствия, орудия труда и т. п., формировались отряды самообороны, вербовались добровольцы и даже предпринимались первые шаги к осуществлению аграрной реформы.

Войска получили почти двухнедельную передышку, так как Чан Кай-ши прекратил бесцельное и изнурительное преследование. Ему нужно было время, чтобы перегруппировать свои силы и скоординировать операции с действиями войск провинций Гуйчжоу, Юньнань и Сычуань.

Следовательно, положение было совершенно не таким, как его сегодня представляет официальная китайская историография, утверждая, что «в самый напряженный и исключительно трудный момент Великого похода партия сохранила и закалила костяк Красной армии и вывела из критического положения партию и дело революции» [1]. Наоборот, Центральная армейская группа уже давно не имела такой свободы действий, как теперь. Она вполне могла захватить инициативу.

* * *

Мао Цзэ-дун использовал передышку, чтобы навязать созыв так называемого Расширенного совещания Политбюро ЦК. Он сделал это не задумываясь, так как был уверен, что за него большинство находившихся в Цзуньи членов Политбюро, в том числе, разумеется, Ло Фу и Ван Цзя-сян, а также Чэнь Юнь и, в определенной степени, так сказать, «половиной сердца», Чжоу Энь-лай. Но и этого Мао Цзэ-дуну было мало. На совещание, которое проходило 7—8 января 1935 года, были приглашены также члены временного революционного правительства, работники

[1] *Хэ Гань-чжи.* История современной китайской революции. Пекин, 1959, стр. 265 и далее (на англ. яз.).

Главного штаба, командиры и комиссары корпусов и дивизий. Они составили подавляющее большинство и, вопреки требованиям партийного устава и нормам партийной жизни, получили право не только совещательного, но и решающего голоса. Из 35—40 участников две трети определенно, а возможно, даже три четверти не являлись членами Центрального Комитета и тем более членами Политбюро. Такова первая особенность данного совещания. Невольно вспоминаются при этом последние «пленумы ЦК» в сегодняшнем Китае перед так называемым IX съездом, на которых, как известно, группа Мао и хунвэйбины подавляли и терроризировали немногих присутствовавших на них членов ЦК.

Вторая особенность заключалась в том, что, как и на 5-м пленуме ЦК, из повестки дня были исключены все коренные вопросы революции, по которым уже давно существовали глубокие расхождения, например о руководящей роли рабочего класса, о главном противоречии в мире, о необходимости единого национального фронта. Не было сказано ни слова о международном положении, об отношении к Советскому Союзу, о политической борьбе КПК в гоминьдановских районах. Была обойдена полным молчанием даже будущая стратегия китайской Красной армии, имевшая целью антияпонскую борьбу, которая в течение ряда лет являлась основным лозунгом коммунистической партии и Революционного правительства. В повестку дня были включены только вопросы о борьбе против 5-го похода Чан Кай-ши и о первом этапе Великого похода. Такое ограничение, если учесть состав совещания, гарантировало успех Мао Цзэ-дуну с его платформой, ориентированной не перспективно, а ретроспективно. Чтобы обеспечить проведение собственной военной линии, Мао Цзэ-дун воздержался от нападок на политическую генеральную линию ЦК. Он назвал ее в общем и целом правильной и говорил лишь о частичных «правооппортунистических ошибках», которые он позже заклеймил как «третий левый уклон». Весь огонь своей критики он сосредоточил на стратегии и тактике Центральной армейской группы, то есть на чисто военных вопросах.

Прежде чем говорить о ходе и решениях Расширенного совещания Политбюро ЦК КПК в Цзуньи, я считаю нужным сделать несколько общих замечаний о предыстории совещания и обстановке, в которой оно протекало. Я

исхожу при этом из документальных материалов, достоверность которых не подлежит никакому сомнению.

Какую цель преследовал Мао Цзэ-дун в Цзуньи? Совершенно очевидно, что он хотел взять реванш за ту критику, которой подвергся на VI съезде партии в 1928 году, и за свои поражения на совещании Бюро ЦК в Нинду в августе 1932 года и на пленуме ЦК в Жуйцзине в январе 1934 года. В Нинду было подорвано его самодержавие в политическом и военном руководстве в Центральном советском районе. Произошло это главным образом потому, что он, не считаясь с потерей территории и интересами населения, упорно настаивал на своей стратегии отступления в горы. Теперь ему представилась возможность, подготовленная им же в ходе многолетней фракционной борьбы, путем демагогического выпячивания отдельных организационных и тактических ошибок, а главным образом с помощью лжи и подтасовки фактов дискредитировать партийное руководство, отстранить генерального секретаря Бо Гу, полностью реабилитировать самого себя и, таким образом, снова «завладеть» армией, а затем подчинить своей воле и партию.

Почему он решился в Цзуньи на такой шаг? Во-первых, после прорыва блокады вся политическая жизнь и партийная работа почти целиком сосредоточились в армии, которая, как уже не раз упоминалось, состояла почти полностью из крестьян под командованием профессиональных военных. У Мао Цзэ-дуна было много сторонников среди командиров и отчасти политработников, с которыми его связывала многолетняя совместная борьба. Эвакуация Центрального советского района породила у них чувство недовольства и неуверенности, которое Мао систематически подогревал. Во-вторых, многие старые революционные руководители, такие выдающиеся деятели, как Ли Да-чжао, Чжан Тай-лэй, Пэн Бай, Дэн Чжунся, Юнь Дай-ин, Ло И-нун, Сян Чжун-фа, Цай Хэ-сэнь, пользовавшиеся огромным авторитетом в партии, погибли в боях гражданской войны или были убиты классовым врагом. Другие — такие, как Цюй Цю-бо, Ван Мин, Сян Ин, Фан Чжи-минь и Чжан Го-тао (все они, кроме Цюй Цю-бо и Фан Чжи-миня, являлись членами Политбюро),— в Цзуньи отсутствовали. К тому же во главе партии стояли такие сравнительно молодые руководители, как Ван Мин, Бо Гу, Ло Фу и Чжоу Энь-лай, причем только Чжоу

Энь-лай имел опору в армии. И наконец, в-третьих, в идеологическом отношении партия еще не окрепла, а состав Центрального Комитета был более или менее случаен. 80 процентов членов и кандидатов ЦК не избирались на VI съезде, а были кооптированы позднее. То же можно сказать и о Политбюро. По социальному происхождению, согласно данным 1934 года, среди членов Центрального Комитета было 11 процентов рабочих, 26 процентов крестьян, а также 26 процентов служащих и интеллигенции и 37 процентов выходцев из помещичьей и торговой среды. Особенно роковую роль сыграло то обстоятельство, что в 1934—1935 годах руководство Коммунистической партии Китая было полностью изолировано от внешнего мира. Оно не могло получить ни совета, ни помощи от международного коммунистического и рабочего движения в лице Коммунистического Интернационала. Поэтому мелкобуржуазно-крестьянские, местнические и националистические настроения, выразителем которых выступал Мао Цзэ-дун, смогли захлестнуть марксистско-ленинские партийные кадры, порой также частично проникавшиеся подобными настроениями.

Положение усугублялось тем, что к моменту созыва Расширенного совещания Политбюро партийное и военное руководство не имело ясного представления о дальнейших действиях. От первоначального плана создания совместно со 2-м корпусом в Южном Китае нового крупного советского района пришлось отказаться по настоянию Мао Цзэ-дуна, который утверждал, что план неосуществим. Создание же базы в Гуйчжоу нельзя было считать серьезным и продуманным шагом. Идея о соединении с 4-м корпусом, с которой носился Мао, повисла в воздухе, поскольку никто не знал, как ее претворить в жизнь.

Что же касается похода в Северный Китай, в район провинций Шэньси, Ганьсу и Нинся для борьбы против японских захватчиков, то тогда никто и не помышлял об этом, разве что во сне. Партийное руководство вообще не знало, что на Севере существовал советский район. Оно узнало об этом только летом 1935 года от Чжан Го-тао. Широко распространившаяся с тех пор легенда, будто в Цзуньи Мао разработал гениальный план совместного выступления всех соединений Красной. армии против Японии,— вымысел чистой воды. Это видно даже из решения совещания.

Отмеченные выше обстоятельства вскрывают подлинные причины того, почему Мао Цзэ-дуну удалось одержать верх в Цзуньи и почему Бо Гу не оставалось ничего другого, как санкционировать созыв совещания в указанном составе и с ограниченной повесткой дня. Он допускал, что Мао и его сторонники обрушатся с резкими нападками на него, Чжоу Энь-лая и, разумеется, на меня. Однако он надеялся также на деловое обсуждение создавшегося положения и совместное решение важных и неотложных задач, стоящих перед КПК и китайской Красной армией. Но здесь его постигло разочарование. Мао Цзэ-дун рассматривал совещание только как форум для критики ошибок и смены руководства.

* * *

Первым на совещании с отчетным докладом Постоянного комитета Политбюро выступил Бо Гу. Затем в содокладе Чжоу Энь-лай более подробно остановился на военной стратегии и тактике Центральной армейской группы. Оба строго придерживались обсуждавшейся темы — итогов борьбы против 5-го вражеского похода и результатов первого этапа Великого похода. Докладчики исходили из того, что политическое и стратегическое руководство ЦК было в общем правильным. Оставление Красной армией Центрального советского района они объясняли рядом объективных и субъективных факторов. К объективным они относили, с одной стороны, усиленную поддержку Чан Кай-ши империалистическими державами, выразившуюся в предоставлении крупных займов, поставке новейшей военной техники, направлении военных советников и т. д. Это позволило Чан Кай-ши укрепить центральную власть и создать огромный военный перевес. С другой стороны, выявилась слабость революционного, коммунистического движения в гоминьдановских районах Китая. К субъективным факторам они относили недостаточную политическую работу КПК как среди населения белых районов, так и среди войск противника, слабое развитие партизанской борьбы и, наконец, оперативные и тактические ошибки при осуществлении принципиально правильной военной стратегии. Бо Гу делал акцент на объективных факторах, Чжоу Энь-лай — на субъективных. Причем Чжоу Энь-лай незаметно отмежевался от Бо Гу и от меня. Это дало Мао Цзэ-дуну возможность сконцентрировать нападки на нас двоих и на-

строить против нас большинство присутствовавших, тогда как Чжоу Энь-лая он умышленно щадил. Это, в частности, выразилось и в том, что Мао приписал Бо Гу и мне ошибки Чжоу Энь-лая, например его тезис о достижении стратегической победы посредством тактических успехов в затяжной войне. Об этом же свидетельствовала безадресная критика по поводу чрезмерного обременения Центральной армейской группы при прорыве нестроевиками.

После Бо Гу и Чжоу Энь-лая с большим докладом, фактически основным, выступил Мао Цзэ-дун. На сей раз, вопреки обыкновению, он пользовался, по-видимому, тщательно подготовленным конспектом. Доклад Бо Гу он назвал «в основном неправильным», поскольку тот якобы переоценил «объективные трудности, в особенности мощь империализма и гоминьдановской реакции», и «недооценивает революционную ситуацию», сложившуюся тогда в Китае, что и привело его к «оппортунистическому выводу», будто объективно невозможно разгромить 5-й вражеский поход. В связи с тем что в условиях вражеской блокады Центрального советского района были сильно ограничены возможности маневрирования Красной армии и ей приходилось вести боевые действия против постепенно сжимавших кольцо окружения гоминьдановских войск, которые опирались на создававшуюся многие годы и планомерно совершенствовавшуюся в ходе 5-го похода систему укреплений, или блокгаузов, Мао Цзэ-дун обвинил Бо Гу, Чжоу Энь-лая и меня в том, что мы «заменили решительную активную оборону чисто пассивной обороной», «вели вместо маневренной войны позиционную, или фортификационную, войну» и пытались «сдержать вражеское наступление», вместо того чтобы «уничтожить врага в решающем победоносном сражении». Все эти обвинения, как это видно из приведенного выше описания боев в Цзянси, были буквально притянуты за уши. Никто из нас никогда не был сторонником пассивной обороны или позиционной войны. Споры, возникавшие до совещания в Цзуньи, точнее сказать, после Гуанчанского сражения, всегда шли, если не считать плана прорыва, лишь по отдельным оперативным и тактическим решениям.

Типичным образчиком демагогии Мао Цзэ-дуна являлась его позиция по вопросу о революционной ситуации. Так, солидаризируясь с решениями 5-го пленума ЦК и 2-го съезда Советов, он говорил о «новом обострении револю-

ционной ситуации» и в то же время, как перед этим в Жуйцзине, твердил о «спаде революции». Именно отсюда он выводил провозглашавшийся им и в Цзуньи тезис о стратегической обороне, которая при благоприятных условиях может и должна смениться контрнаступлением. Нельзя забывать, что не кто иной, как Мао Цзэ-дун, до самого конца выступал против прорыва блокады. Теперь же, в Цзуньи, он охарактеризовал прорыв как запоздавший и опрометчивый. Не менее демагогичными и извращавшими факты были и утверждения Мао о том, что руководящие товарищи ЦК и Реввоенсовета во время 5-го похода будто бы приказывали «часто и легкомысленно штурмовать вражеские укрепления», а при отходе из Центрального советского района взяли «курс на паническое бегство» и тем самым «вели детскую игру в войну».

Можно без труда опровергнуть любое из этих утверждений, но тогда мне пришлось бы повторяться. Я полагаю, что то объективное описание событий в Центральном советском районе и на первом этапе Великого похода, которому я до сих пор следовал, убедительно показывает несостоятельность обвинений Мао. Разумеется, были допущены просчеты и ошибки, о которых я уже писал в другой связи, но они были непомерно раздуты и абсолютизированы Мао Цзэ-дуном. Во всяком случае, два факта неопровержимы. В течение года, с октября 1933-го по октябрь 1934-го, сравнительно малочисленная и плохо вооруженная Центральная армейская группа не только выдерживала натиск полумиллионной, оснащенной современной техникой гоминьдановской армии, но и наносила ей серьезные поражения. А затем, перегруппировав в полном порядке свои силы, она успешно прорвала четыре пояса блокады, сохранив полную боеспособность. И все это Мао назвал «детской игрой в войну»!

Во время совещания в Цзуньи и после него Мао пытался так изобразить дело, будто все разногласия были связаны с двумя принципиально различными военно-стратегическими концепциями — правильной, его собственной, и неправильной, которую представляли Бо Гу, Чжоу Энь-лай, я и другие. В первые годы существования китайской Красной армии, пожалуй, можно было говорить о различии взглядов. Но именно Мао Цзэ-дун в конце 20-х годов, опираясь на естественную крепость в горах Цзинганшань, то вел действительно пассивную оборону и «летучую

войну», прибегал к вылазкам и набегам, то, в соответствии с авантюристической наступательной доктриной Ли Лисаня, штурмовал крупные города и укрепленные центры противника. В начале 30-х годов Мао защищал идею похожего на бегство отступления в горы. После 4-го пленума ЦК КПК в 1931 году в основном была выработана единая стратегическая концепция, которая явилась плодом совместных усилий Коминтерна, ЦК КПК и таких выдающихся политических и военных руководителей китайской Красной армии, как Чжу Дэ, Пэн Дэ-хуай, Фан Чжи-минь, Хэ Лун, Лю Бо-чэн и многие другие. Эта гибкая концепция варьировалась применительно к меняющейся обстановке. К этому приложил руку и Мао Цзэ-дун, хотя, надо заметить, его военные взгляды не отличались последовательностью и имели мало общего с той единственно верной концепцией, которую он выдавал за свою.

Доклад Мао Цзэ-дуна исходил из этой совместно разработанной стратегической концепции и поэтому содержал ряд правильных принципов ведения революционной войны в Китае. На этот счет не существовало разногласий. Споры до и во время совещания в Цзуньи касались, как я уже не раз говорил, оперативных и тактических вопросов. Тех, кто не разделял его точку зрения по этим вопросам, Мао обвинял в «непонимании и нарушении главных стратегических и тактических принципов китайской Красной армии» и приклеивал им ярлык правых оппортунистов.

В решении Расширенного совещания Политбюро в Цзуньи, которое, в сущности, представляло собой отредактированное выступление Мао Цзэ-дуна, прямо говорится, что совещание считает чисто оборонческую линию «конкретным проявлением правого оппортунизма». Эта ошибочная линия, как отмечалось в решении, проистекает из переоценки объективных трудностей и особенно из недооценки сил Красной армии и советских районов. Поэтому Расширенное совещание Политбюро, указывалось в решении, считает, что борьба против «чисто оборонческой линии» в военных делах есть борьба против конкретного проявления правого оппортунизма внутри партии.

Десять лет спустя в «Решении по некоторым вопросам истории нашей партии», составленном Мао Цзэ-дуном и принятом 20 апреля 1945 года расширенным пленумом ЦК, мы прочли нечто совершенно противоположное. Там говорилось, что лидеры «левого уклона» (то есть ЦК под руко-

водством Бо Гу) изображали врага, окружавшего революционные опорные базы, как «крайне колебавшегося», «насмерть перепуганного», «стоящего на грани гибели», «быстро идущего к развалу», «находящегося в состоянии общего развала» и т. п. И далее: «Представители третьей «лево»-уклонистской линии считали даже, что Красная армия сильнее всей гоминьдановской армии в целом, хотя последняя численно превосходила ее во много раз. Исходя из этого, они все время требовали, чтобы Красная армия при всех условиях стремительно шла вперед без всякой передышки» [1]. Для обоснования своего утверждения об ошибочности концепции партийного руководства в период 5-го похода Мао не остановился перед тем, чтобы преднамеренно представить политические лозунги, правильность которых он вынужден был признать, как стратегические установки. Например, он утверждал, что Бо Гу, Чжоу Эньлай и другие превратили лозунги «Не терять ни пяди земли в советском районе!» и «Защищать советский район до последней капли крови!» в военные директивы, в результате чего Красная армия понесла огромный урон.

Вершиной фальсификации Мао Цзэ-дуном исторических фактов является его версия фуцзяньских событий в начале 1934 года. Я уже говорил об этом подробно и сейчас хочу сделать лишь несколько общих замечаний. Несомненно, партийное руководство промедлило с оказанием 19-й армии Цай Тин-кая своевременной и действенной помощи. Это была прежде всего политическая ошибка, которая, однако, в совокупности с разработанным Фредом авантюрным планом наступления приобрела в полной мере и военное значение, неизмеримо затруднила дальнейшую борьбу против 5-го похода. Но, помнится, именно бюро ЦК и, к сожалению, представительство Коминтерна в Шанхае, а также Мао Цзэ-дун в Жуйцзине предостерегали против Цай Тин-кая и отвергали прямое и безотлагательное взаимодействие Центральной армейской группы с 19-й армией. В Цзуньи же Мао Цзэ-дун поставил все с ног на голову. Он оклеветал Бо Гу и Постоянный комитет Политбюро, которые, по его словам, «совсем не поняли, что для нас было выгодно существование 19-й армии и фуцзяньского народного правительства», хотя при этом он продолжал называть 19-ю армию группировкой внутри контрреволю-

[1] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения, т. 4. М., 1953, стр. 369.

ции, которая пустилась на еще больший обман и манипуляции даже с таким термином, как социализм, для сохранения помещичье-буржуазного господства. Таким образом, и в Цзуньи он не изменил своей сектантской позиции. Одновременно Мао Цзэ-дун выдвинул положение о том, что следует «помогать любой группировке в борьбе против чанкайшистов». Это было весьма сомнительное толкование правильной идеи об использовании противоречий в лагере противника. Впоследствии Мао Цзэ-дун вывел отсюда политическую установку о союзе с местными милитаристами для подрыва зарождавшегося единого национального фронта. Его главным стремлением была и оставалась не национально-революционная война против Японии, а гражданская война с Чан Кай-ши.

Однако это не помешало ему теперь обвинить в сектантстве Бо Гу и других — тех, кто с самого начала выступал за тесное взаимодействие с 19-й армией. Он явно спекулировал на том, что подавляющее большинство участников совещания в Цзуньи не знало истинной подоплеки ошибочной политики и стратегии во время фуцзяньских событий, и никто не мог им ничего объяснить.

И наконец, с самой резкой критикой Мао Цзэ-дун обрушился на методы руководства, для того чтобы оклеветать меня и изолировать Бо Гу. Методы руководства он назвал «крайне отвратительными». Мне он инкриминировал обвинение в том, что я якобы «забрал в свои руки всю работу Военного совета» и «полностью упразднил коллективное руководство». Все другие мнения в военных делах, по словам Мао Цзэ-дуна, «не только полностью игнорировались, но и всячески подавлялись», а «самостоятельность и инициатива нижестоящих военачальников смазывались». Оставалось загадкой, как это смог сделать один-единственный иностранный советник с ограниченными полномочиями, без знания языка и без связи с внешним миром. Мао Цзэдун пытался объяснить это тем, что Политбюро «уделяло крайне мало внимания стратегии и тактике», а его Постоянный комитет, то есть Бо Гу, «активно поддерживал и способствовал развитию этих ошибок». Надо признать, что круг лиц, принимавших решения, и в самом деле был узок. Но наглой ложью было утверждение, будто большинство членов Военного совета, куда входили почти все члены Политбюро, «не раз высказывали правильные мнения и во многих случаях энергично их отстаивали» и это якобы не

производило на Бо Гу и меня «ровным счетом никакого впечатления».
Мао демагогически отождествил свою фракционную группировку — «центральную группу трех» с «большинством Военного совета». Я уже подробно освещал истинное положение вещей. Чаще всего коллегиальность руководства нарушалась Мао, иногда Ло Фу и Ван Цзя-сяном, которые в интересах подрывной фракционной деятельности все реже ходили на заседания Военного совета. В Цзуньи не было сказано ни слова о том, что меня рассматривали чуть ли не как представителя ИККИ. Эта версия была пущена в ход много лет спустя, когда уже было забыто истинное положение вещей, для того чтобы дать правдоподобное объяснение нелепому утверждению, будто я навязывал свою волю Политбюро и его Постоянному комитету.
Конец выступления Мао Цзэ-дуна прозвучал неожиданно весьма оптимистически. «Главные силы нашей Красной армии сохранены», сказал он вопреки своему прежнему утверждению, что потери Красной армии «достигли беспрецедентного уровня». Мао поставил задачу создать в «обширном районе провинций Юньнань, Гуйчжоу и Сычуань новый советский район», что возможно, как он подчеркнул, «только в тяжелой борьбе» и «кровопролитных боях». В своей основе такая целевая установка, сформулированная столь категорично, почти не отличалась от той стратегической концепции, которая была разработана накануне прорыва, разве что произошло некоторое географическое смещение новой базы дальше на запад. Но она была изложена лишь в общих чертах и ни к чему не обязывала. Открытым остался вопрос, должно ли осуществляться взаимодействие со 2-м или 4-м корпусами, и если да, то каким образом. На совещании об этом не говорилось. Мао не мог или не хотел предложить альтернативу.
Коль скоро все важные политические вопросы заранее были исключены из повестки дня, самая жгучая проблема — перспективы партии и революции — осталась открытой. Ни слова не было сказано о национальном кризисе, вызванном японской агрессией, о мобилизации широких масс на антияпонскую борьбу, хотя именно эти лозунги являлись главными политическими лозунгами Красной армии с 1931 года и были близки и понятны всему китайскому народу. Впрочем, это и неудивительно. У Мао Цзэдуна всегда на первом месте стояла не политическая, а

военная борьба, в частности гражданская война. Это ясно вытекало из его речи и еще более наглядно — из отредактированного позднее «Решения Политбюро».

В тактическом плане на совещании в Цзуньи Мао Цзэ-дун преследовал две цели. Он хотел заручиться поддержкой большинства участников совещания и в то же время хотя бы нейтрализовать «противников». С одной стороны, он противопоставлял друг другу в партийном руководстве две группы: «мы» и «они». «Мы», то есть обвинители,— он сам и его сторонники. «Они» — обвиняемые, то есть Бо Гу, Чжоу Энь-лай, я и другие. Даже внешне его доклад напоминал обвинительную речь прокурора, а основанное на нем решение — обвинительное заключение. Например, в нем говорилось: «Мы не можем отрицать, что война блокгаузов создала новые трудности для разгрома 5-го похода противника, а они вначале в своем левацком пустозвонстве недооценили войну блокгаузов». Или: «Мы не оспариваем, так же как и они, что в техническом отношении Красная армия отсталая, но мы также призывали улучшать технику». И так далее и тому подобное.

С другой стороны, Мао, прекрасно знавший необоснованность большинства своих самых тяжких обвинений против партийного руководства, должен был искусно маневрировать. Так, объявив, как уже говорилось, доклад Бо Гу в основном неправильным, а военную стратегию и тактику, которая определялась Бо Гу, Чжоу Энь-лаем и мной, ошибочной и вредной, он вместе с тем признавал, что «политическая линия ЦК партии во время полуторагодичной трудной борьбы против 5-го похода, несомненно, была правильной». Обвинив Бо Гу во всех смертных грехах и даже приписав ему вину за сдачу Центрального советского района, Мао Цзэ-дун затем несколько смягчил тон. Он заявил, что речь идет «только о частичных политических ошибках». В общем его выступление, помимо клеветнических инсинуаций и преднамеренной фальсификации, было крайне путаным и полным противоречий. Из него также явствовало, что в Цзуньи Мао стремился не к решению жизненно важных принципиальных проблем, а к беспринципной фракционной борьбе за власть в армии, которая должна была обеспечить ему господство над партией.

От участников совещания не ускользнули эти фракционистские нотки. Поэтому Мао пришлось открыто защищаться, чтобы отвести от себя и своих сторонников, как видно

из текста решения, подозрения в разжигании «беспринципной личной склоки». И действительно, об этом шептались в кулуарах, так как явно бросалось в глаза распределение ролей между Мао Цзэ-дуном, Ло Фу и Ван Цзя-сяном, не говоря уже о Линь Бяо, который вел себя особенно вызывающе. Чжу Дэ, Пэн Дэ-хуай и Лю Бо-чэн, напротив, проявляли сдержанность. Большинство же присутствовавших молчали, словно в ожидании приказа.

Бо Гу до конца отстаивал свою точку зрения, однако дал понять, что с критикой отдельных оперативных и тактических решений он согласен и готов честно сотрудничать в проведении принятой на совещании в Цзуньи линии. Лишь через некоторое время он задним числом признал решение. Чжоу Энь-лай, как и следовало ожидать, открыто перешел на сторону Мао Цзэ-дуна. Что касается меня, то я с трудом следил за ходом этого двухдневного совещания. У Сю-цюань переводил с явной неохотой и весьма выборочно, поэтому я воздерживался от выступления до получения и изучения протокола обсуждения или по крайней мере проекта решения. Вместе с тем я попросил разрешения провести некоторое время в 1-м корпусе, чтобы непосредственно на фронте познакомиться с особенностями китайской гражданской войны, на которые делал особый упор Мао. Разрешение мне было дано.

Наконец было принято известное решение, которое, насколько мне известно, не было тогда изложено в письменном виде. Не было, если мне не изменяет память, и формального голосования. Вероятно, доклад Мао Цзэ-дуна был просто одобрен выкриками с мест, если такого рода процедуру можно считать одобрением. Однако нет сомнения в том, что подавляющее большинство участников были согласны с докладом. Этого следовало ожидать, если учесть состав совещания и ту предварительную работу, которую проделала «центральная группа трех».

Сразу же после совещания состоялось заседание Политбюро, на котором обсуждались организационные вопросы большого политического значения. Мао Цзэ-дун должен был стать председателем Политбюро или даже КПК (такого поста до тех пор не было), Ло Фу предстояло заменить Бо Гу на посту генерального секретаря партии. Долгое время я считал, что так оно и было, в чем меня убеждали высказывания руководящих китайских деятелей. У Эдгара Сноу, биографа Мао Цзэ-дуна, эта версия еще

содержится и в последнем издании его книги «Красная звезда над Китаем», вышедшем в Лондоне в 1968 году[1]. Документы между тем убедили меня в том, что я ошибался. Мао был лишь введен в Постоянный комитет Политбюро. Членом же Политбюро он уже был. Бо Гу остался генеральным секретарем и только месяц спустя, в феврале 1935 года, после долгих уговоров согласился уступить свой пост Ло Фу, продолжая оставаться членом Политбюро и секретарем ЦК. Следовательно, «победа» Мао в Цзуньи не была такой полной, а его власть в Политбюро такой прочной, как мне тогда представлялось.

Тем не менее Расширенное совещание Политбюро в Цзуньи знаменовало первый важный шаг Мао по пути узурпации власти в партии и армии. Особенно сильную опору он имел в армии. Оттеснив при поддержке Ло Фу Чжоу Энь-лая, он стал генеральным политкомиссаром и фактическим командующим Центральной армейской группой. Снова в его руках оказались не только правительство, но и армия. Исключительное влияние приобрел он также в Политбюро и его Постоянном комитете. Такая концентрация власти, правда не сразу, а в течение последующего десятилетия, привела к тому, что Мао Цзэ-дун стал своего рода самодержцем и получил возможность проводить свою антимарксистскую, националистическую линию. Влияние же тех товарищей в руководстве партии, которые стояли на марксистско-ленинских позициях, напротив, резко ослабло. Правда, некоторые возможности у них еще сохранялись, поскольку практика демократического принятия решений в Политбюро деформировалась лишь постепенно. Кроме того, пока революция носила антиимпериалистический и антифеодальный характер, взаимопонимание было еще возможно, а ввиду чрезвычайно напряженного военного положения даже необходимо. Эти соображения побудили, по крайней мере Бо Гу, к дальнейшей совместной работе с Мао Цзэ-дуном, который сумел в конце концов полностью перетянуть Бо Гу на свою сторону, сделав его, когда начались разногласия и распри внутри старой «центральной группы трех», временно ближайшим политическим советником.

Бо Гу рассчитывал на то, что рано или поздно связь с

[1] См. *Эдгар Сноу.* Красная звезда над Китаем. Лондон, 1968, стр. 515.

ИККИ, в котором КПК представлял Ван Мин, восстановится и политическая линия будет «выправлена». Но если он на это надеялся, то Мао этого боялся. Чтобы упрочить вновь обретенную власть и в международном плане, Мао Цзэ-дун сразу же после совещания направил в Москву Чэнь Юня, который двинулся в путь, когда Центральная армейская группа выступила из Цзуньи, и благополучно добрался до места назначения, правда уже после закрытия VII конгресса Коминтерна.
Задача Чэнь Юня отнюдь не ограничивалась тем, чтобы доложить ИККИ о положении дел в Китае в духе Мао Цзэдуна. Ему надлежало, как я узнал позднее, прежде всего склонить Советское правительство к оказанию китайской Красной армии материальной и военной помощи. Этим и объясняется то, что Мао Цзэ-дун так рвался сначала в Сикан, а затем в Шэньси для установления непосредственной связи с Советским Союзом через Синьцзян или Внутреннюю Монголию. Это свидетельствует о том, что Мао Цзэдун и сам не верил в собственные силы китайской Красной армии, мощь которой он всегда превозносил. Мао, очевидно, направил связных также и в другие соединения китайской Красной армии. Правда, никаких подробностей об этом мне так и не удалось узнать. Собственными глазами я видел только, как в северо-восточной Гуйчжоу выступило подразделение численностью до роты, и отсюда заключил, что Мао ищет контакта с Хэ Луном и Сяо Кэ. Возможно, он переслал им директиву об объединении с Центральной армейской группой. Этим, по-видимому, и объясняется, почему они в 1935 году без какой бы то ни было необходимости оставили свою базу и передислоцировались сначала в Южную Хунань, чтобы затем следовать почти по пятам за Центральной армейской группой на запад. Замечу, кстати, что это опровергает тогдашнее утверждение Мао о невозможности установления контактов и совместных действий со 2-м корпусом. Однако все это лишь предположения. Что касается 4-го корпуса, то, как писал впоследствии в своих мемуарах Чжан Го-тао, уже в конце 1935 года он получил информацию о совещании в Цзуньи.

* * *

Прежде чем продолжить рассказ о дальнейших событиях, я сделаю несколько замечаний по поводу «Решения ЦК КПК об итогах борьбы против 5-го «карательного

похода противника», принятого на (расширенном) совещании Политбюро ЦК КПК 8 января 1935 года в Цзуньи» (так официально назывался этот документ).

Мои предположения, основанные на личных наблюдениях, о том, что в Цзуньи не велось официального протокола и не было письменно зафиксированного решения, переросли в уверенность. После совещания я неоднократно обращался с просьбой дать мне возможность ознакомиться с документами, однако ничего, кроме пустых обещаний, я так и не добился. А позже об этом вообще не могло быть и речи. Я никогда не видел текста решения — ни во время пребывания в Китае, ни по возвращении в Советский Союз. Только в 1967 году я получил русский, а в 1970 году — английский переводы решения.

Членам Политбюро ЦК КПК — о Бо Гу я во всяком случае могу сказать с уверенностью — пришлось ждать этого документа до конца 30-х годов. Длительное время оставался в неведении и ИККИ. Чэнь Юнь, пробиравшийся через белые районы, разумеется не мог везти с собой письменных материалов. Но ведь по крайней мере летом 1936 года установились регулярная радиосвязь с Москвой, а через год, когда началась антияпонская война,— и личные контакты. Тем не менее полный текст решения попал в ИККИ только спустя еще два года, причем неофициальным путем. Документ был «подброшен» в конце 1939 года, чтобы очернить меня и одновременно дискредитировать перед Коминтерном Бо Гу, Чжоу Энь-лая и других бывших «противников» Мао Цзэ-дуна.

Впервые решение было опубликовано в Китае, если не ошибаюсь, в 1948 году в «Избранных произведениях» Мао Цзэ-дуна, выпущенных издательством Бюро ЦК КПК освобожденного района Шаньси — Хэбэй — Шаньдун. В 1957 году издательство Китайского народного университета в Пекине включило его в 3-й том «Справочных материалов по истории китайской революции». По этому изданию был сделан русский перевод. Я не знаю, по какому источнику был выполнен английский перевод, опубликованный в лондонском журнале «Чайна куотерли» (1969, № 40), но он ничем существенно не отличался от русского перевода. Примечательно, что имена Бо Гу и Чжоу Энь-лая в тексте уже не встречаются, они заменены соответственно знаками XX и XXX. Объясняется это тем, что Бо Гу и особенно Чжоу Энь-лай оказались снова в милости у

Мао Цзэ-дуна. Они считались «реабилитированными» и поэтому по именам не названы. Характерно, что они оба в тексте опубликованного «Решения», за исключением вводной фразы, обозначены знаком XX, что поставило перед западными синологами задачу, кто же именно скрывается за этими обозначениями. Меня сначала называли китайским именем Ли Дэ, а затем стали использовать без моего ведома данный мне литературный псевдоним Хуа Фу. Впоследствии имя Ли Дэ из документа исчезло и осталось только Хуа Фу.

Все это позволяет сделать вывод, что текст «Решения», принятого в Цзуньи, представляет собой более позднюю редакцию выступления Мао Цзэ-дуна. В 1936—1937 годах это выступление легло в основу лекций, которые Мао читал в Военной академии Красной армии, и использовалось в его последующих работах, в частности в «Стратегических вопросах революционной войны в Китае».

Важным в политическом отношении является то обстоятельство, что в течение ряда лет совещанию в Цзуньи и его «Решению» не придавали значения или просто замалчивали, а затем вдруг их стали превозносить. Кроме уже упомянутых фактов следует отметить, например, то, что в интервью, которое Мао Цзэ-дун в 1936 году дал американскому журналисту Эдгару Сноу, он ни словом не обмолвился о Цзуньи. Он сказал только, что во время 5-го похода были допущены две серьезные ошибки. «Первая,— я дословно цитирую по книге «Красная звезда над Китаем»,— состояла в том, что мы упустили момент во время мятежа в Фуцзяни для объединения с армией Цай Тин-кая. Вторая — это отказ от нашей прежней тактики маневренной войны и применение неправильной стратегии чистой обороны». И больше ни слова!

Чем это объяснить? Мне кажется, тремя взаимно обусловленными факторами, проистекавшими из стремления Мао Цзэ-дуна к единовластию в партии, армии и государстве и к проведению мелкобуржуазно-националистической политики насилия. В первые годы после совещания в Цзуньи его власть была еще довольно непрочной. В конфликтах периода Великого похода и после него Мао прилагал все усилия к тому, чтобы склонить на свою сторону тех членов Политбюро, которые находились в Центральной армейской группе, и его старания в основном увенчались успехом. Даже меня временами втягивали в эту игру. Решение

только мешало бы Мао и лежало, ожидая своего часа, в его знаменитом сундуке с документами.

После возобновления регулярной связи с ИККИ, и особенно после начала антияпонской войны и возвращения Ван Мина в Китай, влияние интернационалистского течения в партийном руководстве снова усилилось. Вот тогда-то Мао, в качестве козыря против представителей этого течения, пустил в ход решение, которое должно было послужить доказательством того, что начиная с 1927 года на всех этапах революционной борьбы его стратегия и тактика были единственно правильными.

После капитуляции Японии и в результате фактической чистки партии, которая проводилась в первой половине 40-х годов под лозунгом исправления стиля работы, позиции Мао настолько укрепились, что он мог предать «Решение» гласности. Возможно, решающую роль сыграло то обстоятельство, что совещание в Цзуньи по времени совпало с подъемом массового антияпонского движения в Китае. На этом основана легенда, будто данное совещание означало крутой поворот в политике КПК, выразившийся в принятии курса на национально-революционную войну против японских агрессоров. Как уже отмечалось, ничего подобного нельзя усмотреть даже в более поздней редакции решения. В действительности новый курс был определен VII конгрессом Коминтерна и проводился представительством КПК в ИККИ под руководством Ван Мина, тогда как Мао Цзэ-дун по-прежнему придерживался старого курса на продолжение гражданской войны, правда с некоторыми тактическими коррективами.

Не менее существенным оказался факт самороспуска Коминтерна в 1943 году. Это развязало Мао Цзэ-дуну руки для усиления его националистического курса и все большего оттеснения и устранения интернационалистских партийных кадров.

После того как «Решение» сыграло свою роль на различных этапах борьбы за руководство партией, оно снова исчезло со сцены. Во всяком случае, «Решение» не включалось в «Избранные произведения» Мао Цзэ-дуна и в те исторические труды, которые мне довелось читать. Оно опять всплыло на поверхность в период «культурной революции» и, возможно, еще не раз сыграет свою роль в будущей борьбе за власть.

* * *

После совещания в Цзуньи Политбюро и Военный совет утвердили стратегическую концепцию Мао Цзэ-дуна, которая распространялась среди командиров и политработников в виде ряда следовавших друг за другом лозунгов. Эта концепция состояла из двух частей: 1) создание новой базы в пограничном районе Гуйчжоу — Юньнань — Сычуань; 2) переправа через Янцзы для объединения с 4-м корпусом. Только первая часть соответствовала задаче, поставленной Мао на совещании. Кроме того, всем было ясно, что эти две части несовместимы друг с другом. Судоходный участок Янцзы между Чунцином и устьем Миньцзян мог быть легко перекрыт речной флотилией противника и использован в качестве удобной коммуникации. Если бы вообще удалось форсировать Янцзы, то возвращение или хотя бы регулярная связь с районами на южном берегу были бы почти невозможны. Знал, разумеется, об этом и Мао. Скорее всего, он имел в виду обе возможности. Но сначала он попытался кратчайшим путем выйти к Янцзы и форсировать ее. Поэтому он двинул Центральную армейскую группу в общем направлении на север.

Я в сопровождении взвода охраны также тронулся в путь, чтобы присоединиться к штабу 1-го корпуса. Почти двое суток двигались мы без всяких происшествий. Наш маршрут пролегал северо-западнее большого торгового пути на Чунцин. В первый же вечер я повстречался с командиром 5-го корпуса Дун Чжэнь-таном. Незадолго до того его корпус штурмом овладел укрепленным перевалом, который обороняли гуйчжоуские войска. Дун Чжэнь-тан, очень довольный достигнутым успехом, сидел в старом храме, служившем гостиницей, на перевале. От него я узнал, что перед его корпусом стояла задача прикрыть тыл и левый фланг 1-го корпуса, который находился севернее на расстоянии полудневного перехода. Поэтому я, не задерживаясь, отправился дальше. Мы заночевали в какой-то деревушке. Жители приняли нас радушно, но несколько настороженно. По-видимому, никакой разъяснительной работы с ними никто не проводил. Они подтвердили, что недавно через их деревню прошли «красные». Только к вечеру следующего дня мы натолкнулись на охранение 1-го корпуса и вскоре оказались в штабе.

Линь Бяо принял меня вежливо, но холодно. О положении корпуса он ничего не сказал. И в последующие недели, которые я провел при его штабе, он мною почти не занимался, поручив это Ло Жуй-цину, который в общих чертах сообщил мне о ходе операции. По его данным 1-й и 3-й корпуса широким фронтом начали продвижение западнее торгового тракта на Чунцин, чтобы найти переправу через Янцзы выше этого порта. 5-й корпус прикрывал их со стороны Юньнани, а 9-й корпус развернулся на правом фланге главных сил в восточной части гор Далаошань, чтобы помешать возможному продвижению неприятельских войск с низовьев реки Уцзян.
Мао Цзэ-дун и Линь Бяо, очевидно, рассчитывали на то, что противнику не удастся своевременно занять этот участок Янцзы превосходящими силами. И действительно, большая часть хунаньских войск была скована 2-м корпусом, а главные силы сычуаньских войск — 4-м корпусом. Кроме того, должно быть, происходили распри между сычуаньскими генералами и Чан Кай-ши, который перенес свою штаб-квартиру в Чунцин. Войска Центрального гоминьдановского правительства были в известной степени распылены. Одни дивизии усиливали оборону Янцзы в районе Чунцина и одновременно нейтрализовали строптивых сычуаньских генералов, другие занимали укрепленные позиции на реке Уцзян. Основная же масса гоминьдановских войск частично предназначалась для обороны Гуйяна и частично продвигалась с востока на Цзуньи.
Для упреждения противника 1-й корпус форсированным маршем, проходя в день по 40—50 километров, двигался к Янцзы. Красноармейцы в своих легких тапочках и соломенных сандалиях шли беглым шагом, экономя силы. Такая специфическая техника «марафонского бега» принесла 1-му корпусу заслуженную репутацию «быстроногого войска». Сейчас, правда, марш облегчался сравнительно ровной местностью. Но дальше к северу, где все чаще встречались населенные пункты, пришлось постоянно вести разведку и высылать охранение, что замедляло темпы продвижения.
Издали мы даже не сразу разглядели Янцзы. Перейдя границу между провинциями Гуйчжоу и Сычуань, которая проходила, как и повсюду в Южном и Центральном Китае, по горным цепям, представлявшим прекрасные естественные позиции для обороны, мы натолкнулись на превосхо-

дящие силы противника. В завязавшемся сражении нам не удалось выбить неприятеля с его позиций, и мы должны были отойти.

В это время в штаб Линь Бяо прибыл Мао Цзэ-дун. Для обсуждения обстановки пригласили и меня. Посредством радиоперехвата и разведки боем было установлено, что Чан Кай-ши намерен окружить Центральную армейскую группу в пограничном треугольнике Гуйчжоу — Сычуань — Юньнань. Южнее Янцзы окопалось 9—12 полков сычуаньских войск. За ними располагались войска Центрального гоминьдановского правительства неустановленной численности. На западе стягивались юньнаньские войска. С востока двигалась на Цзуньи несколькими колоннами армия генерала Чжоу в составе шести — восьми дивизий. На юге, в самом Гуйяне и севернее города, стояли остальные четыре-пять дивизий гуйчжоуских войск и несколько заранее переброшенных туда дивизий Чан Кай-ши.

Мао Цзэ-дун никак не хотел отказаться от своего плана форсирования Янцзы и соединения с 4-м корпусом. Он и Линь Бяо приняли решение идти на запад, смять юньнаньские войска, которые они считали самым слабым звеном во вражеском кольце окружения, и найти удобное для переправы место в верховьях Янцзы между портами Лучжоу и Ибинь.

В соответствии с этим 1-й корпус форсировал Чишуйхэ, не встретив сколько-нибудь серьезного сопротивления, и продвинулся через юго-западный выступ Сычуани до границы с Юньнанью. При этом под нажимом сычуаньских войск с севера 1-й корпус был оттеснен в южном направлении. Так как Линь Бяо избегал крупных боев, корпус был вынужден совершать маневры, требовавшие много сил и времени. Так же обстояло дело и с другими корпусами, особенно с 3-м, чей маршрут несколько раз пересекался с путем следования 1-го корпуса. Когда же перед фронтом и на южном фланге появились и юньнаньские войска, положение стало очень сложным. Соединения продвигались вперед, отступали, поворачивали, кружили на одном месте. Все это происходило на такой ограниченной территории, что через некоторые населенные пункты они проходили дважды, а то и трижды.

Мао Цзэ-дун снова появился у Линь Бяо. На сей раз тот встретил его с довольно кислой миной. Как выяснилось во

время беседы, на которой я снова присутствовал, некоторые части других корпусов уже повернули назад, на юго-восток, и 1-му корпусу ничего не оставалось, как, исходя из решения Мао, отступить сначала на северо-восток, а затем на юго-восток, в общем направлении на Цзуньи. В течение месяца изнурительных и бесцельных блужданий Центральная армейская группа оказалась не в состоянии претворить в жизнь ни одного из двух вариантов Мао. Ни база в предусмотренном районе не была создана, ни переправа через Янцзы не была осуществлена. Для меня осталось загадкой, почему после первого и единственного безрезультатного боя с сычуаньскими войсками и поворота на запад не было предпринято ни одной серьезной попытки хотя бы прощупать боеспособность юньнаньских войск и при возможности на каком-нибудь участке прорвать их позиции. Мне казалось, что это был простейший путь сорвать чанкайшистский план окружения и найти подходящее место для форсирования реки, тем более что здесь противник не имел надежной системы бункеров или блокгаузов, а располагал лишь легкими полевыми укреплениями. Однако моим мнением никто не интересовался. Да я и не мог внести конкретное предложение, поскольку располагал крайне скудной информацией о положении противника и движении своих войск.

3-й, 5-й и 9-й корпуса на обратном пути разгромили западнее Тунцзы разрозненные части гуйчжоуских войск, которые снова двигались из Гуйяна на север, и внезапно обрушились в районе Цзуньи на колонну армии Чжоу. Подоспевший 1-й корпус ударил во фланг противника. По сводке Главного штаба, были разгромлены и частично рассеяны две-три дивизии этой колонны, захвачено несколько тысяч пленных, взяты богатые трофеи — продовольствие, амуниция, оружие и, главное, боеприпасы, в которых мы крайне нуждались.

Окрыленная успехом, Центральная армейская группа атаковала вторую колонну Чжоу, которая находилась северовосточнее Цзуньи, у местечка Женьхуай. Однако неприятель успел занять оборонительные позиции и отбил атаку. Мы понесли серьезные потери. Погиб и один командир дивизии. Тем не менее частичный успех под Цзуньи был весьма важен для Мао Цзэ-дуна, поскольку укрепил его авторитет, пошатнувшийся из-за неудачной операции в пограничном районе трех провинций южнее Янцзы.

В Цзуньи я опять присоединился к центральной штабной колонне. Теперь почти обезлюдевший город производил тягостное впечатление. Магазины и склады были пусты, виллы крупных помещиков и торговцев, в том числе летняя резиденция губернатора, заколочены досками, разрушены и разграблены. Со стен домов кое-где еще свисали обрывки наших плакатов и лозунгов — последние следы советизации, столь интенсивно начатой в первых числах января.

Поскольку генерал Чжоу быстро оправился от поражения и вновь собрал войска, получив, кроме того, подкрепление с севера, Политбюро и Военному совету надлежало быстро принять решение. На совещании не обошлось без явной, хотя и осторожной, критики Северной операции Мао Цзэдуна. Ло Фу, который к тому времени сменил Бо Гу на посту генерального секретаря ЦК, охарактеризовал ее как необдуманное предприятие, с самого начала не сулившее ничего хорошего, и высказал мнение, что победы над Чжоу можно было добиться еще раньше и приступить к созданию нового советского района в Гуйчжоу при более благоприятных условиях. Тем самым он, по сути дела, правда с опозданием, признал правильность моего предложения разгромить передовые части Чжоу при переправе их через Уцзян. Конечно, это было сказано не прямо. Ван Цзя-сян возмущался главным образом тем, что оперативные решения фактически принимаются единолично Мао Цзэ-дуном. Так уже наметился раскол в старой фракционистской «группе трех».

Дело закончилось компромиссом. Образовалась руководящая оперативная группа, в которую вошли Мао Цзэ-дун, Чжоу Энь-лай и Ван Цзя-сян. Практически это ничего не меняло. Мао остался генеральным политкомиссаром и фактически главнокомандующим. Чжоу Энь-лай руководил всей работой Главного штаба и принимал тактические решения. Ван Цзя-сян отвечал, как и прежде, за политическую работу.

Наконец, была проведена еще одна реорганизация войск, чтобы, восполнив потери, понесенные во время Северной операции, поднять боеспособность кадровых дивизий. Были расформированы 15-я дивизия 1-го корпуса и 6-я дивизия 3-го корпуса. Теперь в составе обоих корпусов осталось по две дивизии. 5-й и 9-й корпуса сохранили прежний состав. Они, как, впрочем, 1-й и 3-й корпуса,

получили лишь некоторое пополнение за счет добровольцев из военнопленных и крестьян. Были брошены те из немногих имевшихся тяжелых грузов, без которых можно было обходиться.

Был утвержден стратегический курс на форсирование Янцзы и соединение с 4-м корпусом. Но никто и теперь не мог сказать, как это намерение можно осуществить в оперативном плане. В сложившейся обстановке оставалось лишь одно решение: сначала отойти в Южный Гуйчжоу, а затем продвигаться в Северо-Восточную Юньнань, чтобы найти новое место для переправы через Цзиньшацзян (так называется Янцзы в верхнем течении). Однако формально такого решения, насколько мне известно, принято не было. Военнопленных после разъяснительной работы, взяв с них обязательство никогда больше не воевать против Красной армии, отпускали. Лишь немногие из них добровольно вступали в ее ряды. В начале марта 1935 года вся армейская группа подошла к реке Уцзян. На этот раз она без особых трудностей переправилась через реку в ее верховьях, правда теперь в обратном направлении.

* * *

В течение двух месяцев — весь март и апрель 1935 года — Центральная армейская группа безостановочно двигалась через Южный Гуйчжоу и Восточную Юньнань, теснимая войсками провинциальных генералов, которые наносили «булавочные уколы» нашим боковым охранениям и арьергардам. Особенно нам досаждали крупные силы Чан Кай-ши, которые действовали в основном тремя группировками. С тыла буквально наступала нам на пятки армия Чжоу. Две другие находившиеся перед нами армии, опираясь на провинциальный центр Гуйян, а позже на Куньмин, куда Чан Кай-ши поочередно переносил свою штаб-квартиру, стремились перерезать путь к реке Цзиньшацзян. На пограничной реке стояли гуансийские войска, готовые нанести удар, если бы нас оттеснили на юг. Мао Цзэ-дун и его сторонники, занятые одной мыслью — отыскать переправу, избегали крупного сражения, хотя для этого не раз появлялись благоприятные возможности. Прежде всего, у противника, если не считать высоких каменных стен многочисленных городов и крупных населенных пунктов, которые столетиями служили во Внутреннем Китае защитой против мародеров-солдат и бандитов, от-

сутствовала система укреплений, которая снизила бы маневренность наших войск. Кроме того, сильно пересеченная, нередко гористая местность усложняла концентрацию войск противника, которые по численности значительно превосходили наши войска.

Хотя я регулярно получал от Главного штаба разведсводки и приказы, тем не менее могу лишь приблизительно описать маршрут движения Центральной армейской группы за эти два месяца, ибо он постоянно менялся и был крайне запутанным.

От реки Уцзян путь шел сначала на юг, затем резко сворачивал на восток мимо Гуйяна. Приходилось считаться с возможностью нападения противника, так как в Гуйяне стоял сильный гарнизон в составе, как говорили, пяти-шести чанкайшистских дивизий и нескольких юньнаньских бригад. Поэтому в направлении Гуйяна было послано несколько частей, которые, по их сообщениям, достигли аэродрома, расположенного в 25 километрах от города, и уничтожили там самолеты и аэродромное оборудование. Дело ограничилось лишь стычкой с охраной. Занятый подготовкой к обороне города, противник, по-видимому, хватился слишком поздно. Во всяком случае, наши рейдовые части никаких потерь не понесли. Обойдя Гуйян, Центральная армейская группа повернула на запад, чтобы вторгнуться в Юньнань. Наши части овладели Гуаньмином, расположенным к юго-западу от Гуйяна. Впрочем, вражеского гарнизона там не было. Если не ошибаюсь, представители местных властей сами открыли ворота, полагая, что подошли гоминьдановские войска. Такие эпизоды несколько раз случались на этом этапе Великого похода, когда боевая обстановка часто менялась. Здесь мы перерезали дорогу Гуйян — Куньмин и захватили штабную машину с чанкайшистскими офицерами связи, которые везли в Гуйян ценнейшие медикаменты и секретные топографические карты.

С севера и востока подходили неприятельские части, поэтому наши главные силы отклонились на юго-запад и, так же как и Гуаньлином, овладели городом Лопин. Оттуда наши части двинулись на северо-запад на Цюйцзин, но взять его не удалось. Затем 5-й и 9-й корпуса предприняли демонстративный марш на Куньмин, который вызвал такую панику, что Чан Кай-ши чуть не удрал в Индокитай. Однако наши главные силы форсированным маршем

двигались прямо на запад и без боя овладели городом Юаньмоу. По непонятным причинам он был оставлен без защиты, хотя и находился всего в 50 километрах южнее реки Цзиньшацзян.

Когда читаешь столь краткий оперативный обзор, создается впечатление, что этот двухмесячный поход проводился планомерно и выглядел как сплошной победоносный марш Центральной армейской группы. Именно так и пытается представить это ныне маоистская историография. В действительности все обстояло совсем наоборот. Поход все больше походил на отступление, а порой — на настоящее бегство. Стремясь по возможности уклоняться от боев, Центральная армейская группа шла зигзагами, совершая бесконечные параллельные марши, броски вперед и назад, обходные и обманные маневры, а иногда даже кружила на месте. Марш-бросок в 40—50 километров был обычным явлением. Однажды штабная колонна, которая обычно делала меньше зигзагов, чем боевые части, прошла за сутки 70 километров. Шли чаще всего по ночам, так как днем при хорошей погоде гоминьдановские самолеты все время висели над нами, сбрасывали бомбы и обстреливали из пулеметов. Особенно опасны были самолеты, летавшие на бреющем полете. Они внезапно появлялись откуда-нибудь из-за возвышенности и расстреливали нас из пулеметов. Авангардам, боковым охранениям и арьергардам приходилось отражать десятки нападений — то спереди, то сзади, то слева, то справа, то сразу со всех сторон.

Но тяжелее всего положение стало тогда, когда мы перебирались через скалистые горы на границе провинции Гуйчжоу и Юньнань. Мы пробирались по узким крутым тропинкам, через глубокие ущелья. Лошади падали и ломали ноги, выдерживали только мулы. По мере того как мы продвигались в глубь провинции Юньнань, становилось все хуже с продовольствием. Население здесь само жило впроголодь. Красноармейцы с жадностью набрасывались на мясо павших лошадей. Но и в долинах было мало риса и овощей. Всюду, куда ни посмотришь, виднелись только поля опийного мака. При непомерно высокой арендной плате, разорительных налогах, поборах, внутренних пошлинах выращивание опийного мака было для крестьян почти единственной возможностью обеспечить хотя бы жалкое существование. И мы почти исключительно рассчитывались не серебром, а конфискованным опиумом.

Опиум, который долго сохранялся и легко делился на части, ходил как деньги у местного населения. Пришлось волей-неволей разрешить курение опиума привычным к нему носильщикам и добровольцам, хотя в Красной армии это раньше строго запрещалось.

Войска были изнурены до предела. Сошлюсь на свой собственный пример. Если мы двигались днем, то разбивались на небольшие группы, державшие между собой определенную дистанцию. Красноармейцы маскировались ветками и травой. Когда появлялись самолеты, мы просто бросались в кювет, не ища, как раньше, какого-нибудь укрытия. Если нам удавалось днем прикорнуть в какой-нибудь деревне или усадьбе, то я не просыпался даже тогда, когда падали бомбы. Если взрыв раздавался совсем рядом, я только переворачивался на другой бок. А однажды ночью, когда мы двигались по равнине, я буквально заснул на ходу и, пройдя поворот дороги, угодил в ручей. Проснулся я только после этой холодной ванны.

Можно представить себе, как выглядели тогда наши части. Изо дня в день росли потери не столько за счет убитых и раненых, сколько за счет больных и истощенных. Полки и дивизии таяли на глазах, хотя с начала года в Гуйчжоу в них влились тысячи добровольцев. Поразительно — и я хочу это особо подчеркнуть,— но самодисциплина и боевой дух войск оставались высокими.

И напротив, настроение командного состава, который знал истинное положение дел, становилось все хуже по мере продвижения армейской группы на запад. Недовольство военным руководством Мао Цзэ-дуна принимало такие размеры, что можно было опасаться появления новой группировки и новой вспышки фракционной борьбы. Ло Фу и Линь Бяо, которые до совещания в Цзуньи и во время него были самыми ревностными сторонниками и надежной опорой Мао, подвергали его теперь самой резкой критике. Они открыто обвиняли Мао Цзэ-дуна и его руководящее ядро в «бегстве от врага» и называли их «военными банкротами». К критикам Мао в той или иной степени присоединились также Пэн Дэ-хуай и прежде всего его политкомиссар Ян Шан-кунь, с которым мне как-то случайно удалось побеседовать с глазу на глаз. Чжоу Эн-лай и Ван Цзя-сян, к которым эта критика относилась не меньше, чем к Мао, не обращали на нее особого внимания, заняв пассивную, выжидательную позицию, так же как и Чжу Дэ,

который во всяком случае воздержался от критики Мао. Бо Гу поделился со мной опасениями, что новая фракционная борьба приведет к расколу среди руководителей партии и армии. По его словам, любой ценой этого следовало избежать, ибо в противном случае судьба Центральной армейской группы была бы решена.

Поскольку официальная историография абсолютно замалчивает этот настоящий, в отличие от надуманного в Цзуньи, кризис в руководстве, мне кажется целесообразным осветить его на основе тех сведений, которые я почерпнул из личных бесед. Все эти беседы происходили в Юньнани, очевидно, где-то между Цюйцзином и Юаньмоу.

Однажды на марше ко мне подошел Ло Фу, который до этого почти со мной не общался, и завел разговор о катастрофической, как он выразился, военной обстановке, сложившейся после совещания в Цзуньи в результате авантюристической стратегии и тактики Мао Цзэ-дуна. Хотя неудача Северной операции частично уравновешивалась победой, одержанной под Цзуньи, но нынешнее бегство на запад, говорил Ло Фу, может погубить армию. Он сослался при этом на исторические примеры, а именно на разгром целых армий в бассейне Цзиньшацзян в период «Троецарствия» в III веке и во время Тайпинского восстания во второй половине XIX века. Чтобы армейскую группу не постигла такая же судьба, необходимо нынешнюю «тройку» заменить компетентным военным руководством, в состав которого, по мнению Ло Фу, должны войти Линь Бяо, Пэн Дэ-хуай и Лю Бо-чэн. Разумеется, Ло Фу высказывался об этом не так прямо и категорично. Он выражался осторожно и витиевато, но мысль была именно такой. Я понимал его искреннюю озабоченность, но оценивал обстановку не столь пессимистически. Я ответил ему, что самое главное сейчас — форсировать Цзиньшацзян. Даже если это не удастся, останутся другие возможности для прорыва: в худшем случае придется вернуться в Гуйчжоу, однако бесконечный марш на запад ничего хорошего не сулит. Я не мог в тот момент согласиться с его требованием сменить руководство, и, кажется, Ло Фу остался разочарован этим разговором.

Затем я разговаривал с Бо Гу, мнение которого уже приводилось выше. Он разделял мою точку зрения, что целесообразнее вести маневренную войну в Южном Китае, чем отходить в Бирму или даже в Тибет.

Через несколько дней меня пригласил к себе Мао Цзэдун. В разговоре со мной он коснулся в основном двух тем. По его мнению, военная обстановка была тяжелой, но он убежден, что нам где-нибудь и когда-нибудь удастся переправиться через Цзиньшацзян и соединиться с 4-м корпусом. Его не пугала перспектива продолжения марша армейской группы вверх по течению реки, пока наконец не будет найдено место для переправы. Мао высказал даже мысль — в моем присутствии, кажется, впервые — провести Красную армию через Сикан и Цинхай в Синьцзян, с тем чтобы установить контакт с Советским Союзом и получить от него всестороннюю помощь. Хотя у меня не сложилось впечатления, что он говорит всерьез, но я тем не менее попытался отговорить его от этого. В свою очередь он отверг мое встречное предложение: в крайнем случае повернуть назад и прорваться через боевые порядки преследовавшего нас противника.

Разговор проходил по-деловому. Только когда Мао заговорил о Ло Фу, тон его стал резким. Ло Фу, заявил он, поддался панике и интригует против него. Под конец Мао предложил мне присоединиться к его походной группе, чтобы мы могли своевременно обсуждать принимаемые решения. Конечно, это была приманка: когда положение Мао снова укрепилось, об этом больше не было и речи.

Одни эти эпизоды наглядно свидетельствуют о том, что в руководстве действительно существовал серьезный кризис. Вскоре состоялось заседание Военного совета, в котором участвовали и командиры корпусов, по крайней мере Линь Бяо и Пэн Дэ-хуай. Я хорошо запомнил это заседание. Как раз был воздушный налет, и бомба разорвалась так близко от нашей фанзы, что зашатались стены, и на нас посыпалась штукатурка. Сохраняя полное спокойствие, мы перешли в вырытую поблизости щель и там продолжили заседание. Обстановку докладывал Чжоу Энь-лай. Из его доклада следовало, что Чан Кай-ши намеревается уничтожить Центральную армейскую группу на берегах Цзиньшацзян. Его армия преследования, усиленная юньнаньскими и даже хунаньскими войсками, несколькими колоннами медленно, но безостановочно двигалась к реке. На путях следования противник опять возводил укрепления. Все лодки на нашем берегу на сотни километров вверх и вниз по течению были угнаны на другой берег, а в некоторых местах даже сожжены. Вспыхнули ожесточенные споры,

правда в основном не по поводу предстоящих операций, а о марше последних месяцев, стоившем огромных жертв. Фактическая численность боевых частей составляла к тому времени, по данным Главного штаба, 22 тысячи человек. Это означало, что после совещания в Цзуньи Центральная армейская группа из 45 тысяч человек потеряла свыше половины. В действительности же потери были еще больше и достигали примерно двух третей состава, или — в абсолютном выражении — около 30 тысяч человек из боевых частей, поскольку их состав с тех пор на одну шестую был пополнен завербованными добровольцами. При этом речь шла почти исключительно о потерях на марше, в том числе и во время многочисленных непредвиденных стычек. И напротив, в единственном сражении под Цзуньи, которое Мао Цзэ-дун дал по своей воле, а не под давлением обстоятельств, потери были незначительны. Что же касается штабной и обозной колонн, то в них в общей сложности насчитывалось около 3 тысяч человек. Понеся большие потери при прорыве, эти колонны затем, в отличие от боевых частей, почти не теряли людей.

Вопреки ожиданиям, на заседании Военного совета дело не дошло до открытой конфронтации между сторонниками Мао Цзэ-дуна и сторонниками Ло Фу. Все сошлись на том, что во что бы то ни стало необходимо форсировать Цзиньшацзян. О смене руководства разговор не возникал. По-видимому, Мао удалось с помощью веских аргументов, мне неизвестных, убедить большинство членов Политбюро и Военного совета в том, что любые изменения в командовании армейской группы пагубно скажутся на боевых действиях. Ло Фу пришлось отступить. Окончательное преодоление кризиса зависело от того, удастся ли переправиться через Цзиньшацзян.

* * *

Переправу на северный берег реки Цзиньшацзян, по которой проходит граница между провинциями Юньнань и Сычуань, осуществили благодаря военной хитрости. 9-й корпус, направленный вверх по течению, приступил к вязке плотов и подготовке к строительству моста. К месту переправы двинулись и наши главные силы. Чан Кай-ши, получивший сообщения от воздушной разведки, бросил сюда все наличные силы. Между тем авангардный батальон 1-го или 3-го корпуса под командованием Лю Бо-чэна напра-

вился в противоположном направлении на Цзяочэду, где-нибудь северо-восточнее Юаньмоу.

Лю Бо-чэн был родом из Сычуани и долгое время служил там после революции 1911 года. Местные условия он знал прекрасно. На этом участке южный берег Цзиньшацзян был пологим и легко доступным. На северном берегу, наоборот, возвышалась скала, превращенная в неприступную крепость. Там засел гарнизон сычуаньских войск.

На берегу виднелись лодки. Лю Бо-чэн приказал красноармейцам нацепить сине-белые гоминьдановские кокарды, видные издалека, а сам облачился в форму старшего гоминьдановского офицера и прихватил с собой представителей местной знати. Введенный в заблуждение противник по требованию Лю Бо-чэна выслал джонку, в которой мог разместиться целый взвод солдат. Переправившись, Лю Бо-чэн договорился с комендантом об отправке на наш берег еще нескольких джонок. Вражеский гарнизон сдался почти без сопротивления. Это произошло в первых числах мая 1935 года.

Главные силы немедленно повернули и поспешили к месту переправы. Днем и ночью переправлялись наши части через бешеный поток шириной около 200 метров. И все равно для переправы понадобилась почти неделя. Едва переправился последний взвод арьергарда, как на южном берегу появились авангардные части Чан Кай-ши.

Лю Бо-чэн повел наш авангард дальше на север в направлении на Хойли. Путь проходил по холмистому, лесистому плато, населенному национальным меньшинством — народностью И, известному также как лоло. Они непрерывно вели малую войну против местных китайских властей и гарнизонов. Лю Бо-чэну удалось освободить из гоминьдановского плена нескольких местных вождей и с их помощью договориться о беспрепятственном проходе Красной армии и продаже ей продовольствия. Соглашение об этом вскоре было в торжественной обстановке подписано Мао Цзэ-дуном и Чжу Дэ. Это был огромный успех, так как теперь все свое внимание мы могли переключить на гарнизоны сычуаньских войск в немногих укрепленных пунктах вдоль единственной дороги, ведущей на север. Лю Бо-чэн попытался внезапным ударом овладеть городом Хойли, но неудачно. Город, окруженный высокими прочными стенами, обороняла бригада или дивизия. Атакующих встретил плотный огонь. Предпринятые через

несколько дней нашими главными силами упорные атаки также были отбиты. Но противник ограничивался только обороной, поэтому наши войска получили некоторую передышку.

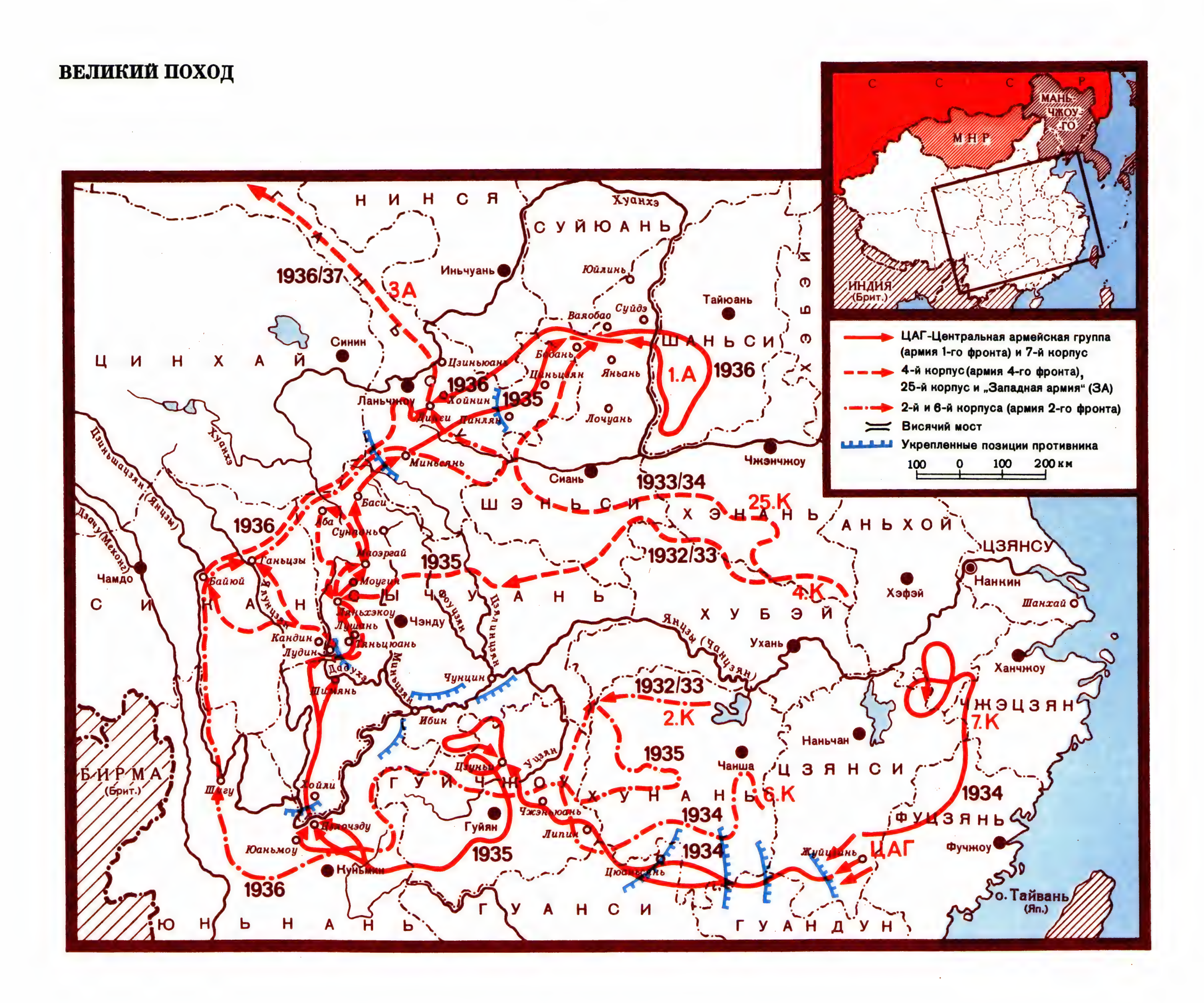
Мао Цзэ-дун расценивал форсирование Цзиньшацзян как решающую стратегическую победу. По его инициативе в середине мая недалеко от Хойли было созвано в спешном порядке совещание Политбюро. «Посторонние», то есть не члены Политбюро, на сей раз не присутствовали. Не было также Линь Бяо и Пэн Дэ-хуая. Меня пригласили в последнюю минуту без моего переводчика. Правда, на выручку мне пришел Бо Гу, но он лишь коротко передавал содержание высказываний, а также переводил мое выступление.

Сначала Ло Фу вкратце доложил обстановку. Он взял обратно большую часть выдвинутых ранее критических замечаний и больше уже не требовал смены военного руководства. Мао Цзэ-дун, наоборот, перешел в контрнаступление. Он обвинил Ло Фу, Линь Бяо и других выступавших против него в неверии в революцию и в раскольнической деятельности. Все это, по его словам, было проявлением правого оппортунизма, с которым необходимо беспощадно бороться. Его стратегия — единственно правильная, что доказала успешная переправа через Цзиньшацзян. Теперь необходимо приступить к решению задач второй части его плана, заявил он, то есть к соединению с 4-м корпусом.

Мао Цзэ-дуну вторили Чжоу Энь-лай и Ван Цзя-сян, хотя и в более умеренном тоне, воздерживаясь от политических обвинений. Чжу Дэ, Бо Гу и несколько других товарищей, имен которых я не помню, по сути дела, поддержали Мао Цзэ-дуна, не придав никакого значения его политической характеристике «оппозиции» и подчеркнув, что необходимо взять курс на возвращение в собственно Китай. То же самое сказал и я, когда поинтересовались моим мнением, но с такой оговоркой: «Не будем говорить о прошлом, поговорим о настоящем. В сложившейся обстановке у нас нет иного выхода». Мао был явно недоволен моим высказыванием и долго не мог мне его простить.

Наконец, не прибегая к формальному голосованию, решили, что надо продолжать марш в Северо-Западную Сычуань, чтобы соединиться с 4-м корпусом, находившимся, по-видимому, где-то там, и затем вместе с ним создать новую

ВЕЛИКИЙ ПОХОД

большую базу. Все обязались хранить единство военного и политического руководства и бороться с оппозиционными настроениями.

Чем руководствовались члены Политбюро, в том числе Бо Гу, принимая решение, которое несомненно укрепляло позиции Мао Цзэ-дуна?

Политические разногласия по основным вопросам революции, которые сглаживались в Жуйцзине и тем паче не ставились на обсуждение в Цзуньи, самой жизнью были сняты с повестки дня. Они совершенно отошли на задний план, уступив место военным проблемам. Не дебатировался и вопрос о приоритете гражданской войны или единого фронта. Центральная армейская группа, так же как и 4-й и 2-й корпуса, вела борьбу не на жизнь, а на смерть против армии Чан Кай-ши и местных милитаристов, борьбу, в которой вопрос стоял так: быть или не быть. В этих условиях любой раскол в руководстве ослабил бы Красную армию, и поэтому ни в коем случае его нельзя было допускать. Трагические события, разыгравшиеся несколько позднее, когда произошла ссора Мао Цзэ-дуна с Чжан Го-тао, подтвердили правильность этой точки зрения.

После успешной переправы через Цзиньшацзян возникла новая благоприятная стратегическая обстановка. Наши части оторвались от армии Чан Кай-ши. Путь на север был свободен. Теперь не нужно было продолжать движение на запад на негостеприимное Тибетское нагорье (это, несомненно, отвечало бы замыслу противника), а можно было повернуть во Внутренний Китай с ханьским населением. Было принято соответствующее решение, правильность которого впоследствии подтвердил горький опыт 2-го и 4-го корпусов. Они продвинулись в глубь Сикана и с невероятными трудностями, неся тяжелые потери, пробивались вдоль границы с Цинхаем в Ганьсу. Вместе с тем всем было ясно, что осуществление принятого в Хойли решения поставило бы руководство армии перед трудной задачей. Так, например, пришлось бы решиться прежде всего на форсирование Дадухэ, крупного притока впадающей в Янцзы реки Миньцзян, которая служила хотя не административной, но зато географической и этнографической границей между Тибетом и провинцией Сычуань.

Так думал не я один. Мою точку зрения разделяли Бо Гу и некоторые другие товарищи, которые также считали, что в столь критическом положении нужно забыть о всех

разногласиях. Они сознательно шли на это, зная, что в будущем Мао использует усиление своих позиций для еще более безжалостного подавления малейшей критики.

* * *

Дальнейшее продвижение на север через плоскогорье в междуречье Цзиньшацзян — Дадухэ было хотя и затруднительно, но все же проходило в значительно более благоприятных условиях, чем в последние месяцы.
Местность предоставляла достаточно возможностей для защиты от налетов гоминьдановской авиации, поэтому можно было передвигаться и днем. Благожелательный нейтралитет народности лоло и относительная пассивность сычуанских войск позволили нам двигаться почти беспрепятственно. Снабжение продовольствием было вполне сносным. Незадолго до выхода к Дадухэ мы захватили на одном из складов противника большие запасы риса и другого продовольствия, что на время значительно улучшило наш рацион. Моральный дух боевых частей после успешного форсирования Цзиньшацзян резко возрос. Разногласия в руководстве, казалось, были в основном преодолены.
Вскоре выяснилось, что военные планы Чан Кай-ши мы оценили правильно. Он перегруппировал свои силы, чтобы преградить нам путь в глубь провинции Сычуань. Юньнаньские и сычуаньские войска перебрасывались теперь на восточный берег Дадухэ. Чтобы упредить их, надо было опять ускорить темпы движения. Ежедневно мы проходили по 30—40 километров. Чтобы выйти в район Шимяня, где должен был находиться паром, нам пришлось свернуть с единственной большой дороги и идти по горным тропам. Когда туда вышла 1-я дивизия, то оказалось, что паром и все джонки угнаны вниз по реке или уничтожены. Однако ночью в прибрежных кустах обнаружили большую джонку. Утром под прикрытием пулеметного огня на другой берег переправился один взвод. С высокой скалы на западном берегу я наблюдал, как джонка почти час боролась с бешеным течением горной реки. С высоты своего наблюдательного пункта я хорошо видел противника на отлогом левом берегу реки. Противник силами полка занимал там глубоко эшелонированную оборону. Однако наш взвод благополучно достиг вражеского берега, ручными гранатами обратил в бегство передовые посты и за-

хватил небольшой плацдарм. И снова командование при форсировании реки принял на себя Лю Бо-чэн. Переправилось еще несколько взводов. Но в течение дня нельзя было переправить больше одного, максимум двух батальонов. А уже на следующий день самолеты противника стали бомбить место переправы. Поэтому решено было, что главные силы двинутся на Кандин и атакуют Лудинцяо. Там имелся висячий мост, построенный в XVIII веке,— единственный мост через Дадухэ. По нему проходила древняя императорская дорога, которая соединяла столицу Тибета — Лхасу с центром провинции Сычуань — Чэнду. Когда 2-я дивизия вышла на высокий берег напротив Лудинцяо, сычуаньская бригада уже заняла оборонительные позиции и наполовину разобрала дощатый настил моста. Вражеские солдаты безуспешно пытались сжечь доски и перерубить железные цепи. Добровольцы из красноармейцев вышли вперед. Одни из них перебирались, подтягиваясь на руках, другие балансировали на верхних цепях, которые служили своего рода перилами. Их прикрывал прицельный массированный огонь по переднему краю противника. Некоторые сорвались в бурлящий поток, но остальные добрались до остатков настила, ручными гранатами отогнали противника, уже подавленного и деморализованного нашим огнем. Таким же образом были переправлены и другие части. Противник силой до дивизии, увидев, что его левому (южному) флангу угрожает подошедшая со стороны Шимяня 1-я дивизия, бежал.

Чан Кай-ши бросил авиацию, которая стала непрерывно бомбить висячий мост. Но, к счастью, ни одна бомба не попала в цель. После восстановления деревянного настила вся армейская группа, за исключением 1-й дивизии, уже находившейся на другом берегу, за несколько дней переправилась в Лудинцяо.

Благодаря героизму и самоотверженности красноармейцев была выполнена непосредственная оперативная задача: мы проникли во внутренние районы Сычуани и, таким образом, вернулись в собственно Китай. Но и этот успех был тотчас же поставлен под сомнение. Попытка продвинуться дальше на восток оказалась неудачной. Уже на второй или третий день Чан Кай-ши силами собственных и сычуаньских войск удалось остановить наше продвижение, поэтому Центральная армейская группа повернула на север.

Я не могу в подробностях восстановить картину похода до соединения с 4-м корпусом. Почти две недели, с начала до середины июня, мы двигались через пограничный район Сычуань — Сикан, приближаясь к водоразделу бассейнов Янцзы и Хуанхэ. Географически и этнографически этот район относился к Тибету. Здесь почти не было дорог. По крутым тропинкам преодолели мы горную цепь, которая отделяла Тибетское нагорье, расположенное на высоте 3 тысяч метров над уровнем моря, от собственно Китая. Пришлось преодолеть ревущие потоки, дремучие леса, предательские болота, горные перевалы на высоте 4—5 тысяч метров. И хотя уже началось лето, ртутный столбик термометра показывал всего лишь плюс 10 градусов по Цельсию, а ночью опускался до нуля. Редкие жители из народности И и других национальных меньшинств тибетского происхождения (все они по-китайски именовались маньцзы, что значит варвары) не различали ни белых, ни красных китайцев. Находившиеся в патриархальной зависимости у духовных феодалов и жившие под постоянной угрозой репрессий со стороны гоминьдановских властей, жители, захватив скот, бежали в горы и леса. Они подкарауливали небольшие группы и одиночных солдат и нападали на них. Росло число убитых, замерзших, умерших от истощения. Все мы невероятно обовшивели. Но хуже всего было то, что началась дизентерия и обнаружились первые случаи тифа.

Кстати, как раз тогда произошел печальный для меня инцидент. Не знаю, судьба ли сыграла со мной недобрую шутку, или это был чей-то злой умысел. Когда мы переходили вброд мелкую, но бурную речку, мул, несший жестяной ящик с моими вещами, упал в воду. Все спасли, кроме моего дневника, который я вел со дня моего прибытия в Цзянси. Были безвозвратно утрачены ценнейшие сведения — факты, даты, имена, наброски, цифры и прочее — все, что я туда записывал. Позднее я часть записей восстановил по памяти, но, конечно, далеко не все.

В середине июня удалось спуститься с гор. До этого мы уже предпринимали такого рода попытки, но безуспешно. Мы вышли к городку Тяньцюаню в Западной Сычуани. Там мы получили первые достоверные сведения о 4-м корпусе: его основные силы двигались в направлении Моугуна (Сяоцзиня). Туда же направилась и Центральная армейская группа. Мы снова поднялись в горы, но двигались

теперь в северо-западном направлении. Через неделю наша штабная колонна подошла к Моугуну. Части были расквартированы в окрестных деревнях и хуторах, покинутых жителями. Армейская группа, по приблизительным подсчетам Главного штаба, насчитывала в то время, включая нестроевиков, 15, максимум 20 тысяч человек.

В Моугуне или где-то вблизи города состоялось новое заседание Политбюро или Военного совета. Возможно, это был просто неофициальный обмен мнениями, хотя среди собравшихся были Мао Цзэ-дун, Чжу Дэ, Чжоу Энь-лай, Бо Гу, Ван Цзя-сян. Присутствовал и я. Еще перед этим, во время перехода из Тяньцюаня в Моугун, Мао Цзэ-дун снова вернулся к идее о получении через Центральную Азию материальной и технической помощи от Советского Союза. Со мной он на сей раз не говорил, так как знал мое отрицательное к этому отношение. Но из слов Бо Гу я понял, что Мао пытался убедить его, Ло Фу и Ван Цзя-сяна в целесообразности своего предложения. Эта идея удивительным образом совпала с теми мыслями, которые вскоре высказал Чжан Го-тао. На заседании Мао прямо заявил, что в пограничном районе Сычуань — Сикан необходимо создать государство национальных меньшинств, а главные силы, опираясь на него, должны через Цинхай или Ганьсу прорваться в Синьцзян. Там можно установить непосредственную связь с Советским Союзом и получить от него для китайской Красной армии всестороннюю помощь. Предлагая такой план, Мао Цзэ-дун, по существу, вернулся к своей старой теории о том, что Китай — центр противоречий в мире и что Советский Союз должен играть лишь вспомогательную роль при их разрешении. Главным для него в тот момент была не национально-освободительная борьба против японских агрессоров, а гражданская война против гоминьдана. При этом Мао, несомненно, рассчитывал, что продвижение в Синьцзян китайской Красной армии приведет к серьезному дипломатическому, а возможно, даже и военному конфликту между Советским Союзом и гоминьдановским Китаем. Говоря словами китайской пословицы, Мао хотел, «сидя на холме, наблюдать битву двух тигров в долине», как поступали в отношении друг друга в древнем Китае феодальные князья. Мао стремился, я цитирую его собственные слова, «сделав одну маленькую ставку, получить два больших выигрыша». Впрочем, ставка была не такой уж маленькой. Большинство членов Политбюро,

да, вероятно, и сам Мао, отдавали себе отчет в том, что поход через ледники, болота, каменистые пустыни и солончаковые степи Центральной Азии сопряжен с огромными потерями. Мао, по-видимому, был готов заплатить такую цену. Однако большинство участников совещания отвергли его предложение. У меня сложилось впечатление, что решающую роль при этом сыграли отнюдь не соображения о недопустимости втягивания Советского Союза во внутренние дела Китая, что неизбежно вызвало бы конфликт между СССР и гоминьдановским Китаем, а скорее опасения, что невосполнимые людские потери могут привести к катастрофическому ослаблению, а возможно, даже и к гибели китайской Красной армии. Поэтому отклонение предложения Мао не означало победы интернационалистских принципов над националистическими. Просто верх взяли трезвые соображения военной целесообразности. Было принято решение о продвижении на север, вернее, на северо-восток, чтобы снова оказаться в районах с ханьским населением. В качестве ближайшей оперативной цели был поставлен выход в провинцию Ганьсу, откуда можно было повернуть как на Нинся, так и на Шэньси. Мао совершенно неожиданно присоединился к этому решению. Вскоре он окончательно отказался от своего решения и даже выступил против него. Этот резкий поворот на 180 градусов был обусловлен различными обстоятельствами, которые выявились в последующие дни и недели после объединения с 4-м корпусом.

* * *

Мы простояли в Моугуне уже несколько дней, когда туда прибыла воинская часть 4-го корпуса, при которой находился представитель Чжан Го-тао и Сюй Сян-цяня. Он сообщил, что Чжан Го-тао и Сюй Сян-цянь со своим штабом располагаются дальше к северу в местечке Лянхэкоу, до которого один-два дня пути. Штабная колонна немедленно выступила туда. От Бо Гу я узнал по дороге некоторые важные новости, которые представитель 4-го корпуса сообщил руководству партии и армии. Японские милитаристы усилили агрессию в Северном Китае и продвинулись во Внутренней Монголии дальше на запад. В антияпонское народное движение в Китае втягиваются все более широкие слои населения, особенно в крупных городах и промышленных центрах, причем не только рабочие и

интеллигенция, но и средние слои и национальная буржуазия. Антияпонские настроения резко усилились и в гоминьдановской армии, причем получили распространение даже среди высшего командного состава. Эти сообщения подтверждались и дополнялись нашей собственной информацией, которую мы черпали из радиоперехвата.
Полной неожиданностью были сведения другого характера. Оказалось, что 4-й корпус, численность которого достигла примерно 50 тысяч человек, то есть меньше, чем по прежним данным, занял в Западной Сычуани и Восточном Сикане территорию площадью 30—40 тысяч квадратных километров. Правда, это был малонаселенный район, причем 95 процентов населения составляли национальные меньшинства — тибетцы, мяо, И и другие. Учитывая многонациональный состав населения, Чжан Го-тао намеревался создать федеративное правительство. Кадровые работники 4-го корпуса организовывали местные органы власти, которые могли бы стать основой многонационального государства. Это создало бы хорошие предпосылки для установления связи с Советским Союзом, опираясь на который можно было, в зависимости от политического и военного положения, либо продолжать борьбу против гоминьдана с хорошими шансами на успех, либо активно вступить в антияпонскую войну, что рано или поздно неизбежно должно было произойти.
И наконец, представитель 4-го корпуса рассказал, что части, оставшиеся в 1932 году на старой базе, пробились в Южную Шэньси, когда обстановка стала невыносимой, и теперь, уже как 15-й отдельный корпус, успешно ведут партизанскую войну в пограничном районе Шэньси — Ганьсу.
Бо Гу отнесся к этим сообщениям со смешанным чувством. С одной стороны, он приветствовал предстоящее объединение главных сил Красной армии. С другой же стороны, он опасался, что Мао Цзэ-дун позаимствует политику Чжан Го-тао, которая соответствовала его старой идее прорыва Красной армии в Синьцзян, и навяжет ее Политбюро. Это опасение, как показал ход событий, оказалось, о чем я уже упоминал, необоснованным. Сам же Бо Гу склонялся в пользу движения наших войск в район действия 15-го корпуса, и я был целиком с ним солидарен. Оба мы полагали, что успешные действия 15-го корпуса в значительной мере будут поддерживать и облегчать прорыв

в Ганьсу — Шэньси, который в принципе уже был одобрен большинством членов Политбюро.
Во второй декаде июня штабная колонна достигла Лянхэкоу. Чжан Го-тао, мужчина лет сорока, высокий, стройный, принял нас как гостеприимный хозяин. Он держался очень самоуверенно, преисполненный сознания превосходства своих боевых сил и административной власти. Хотя к моменту объединения мне еще не была известна фактическая численность 4-го корпуса, но даже со скидкой на возможное преувеличение было ясно, что силы 4-го корпуса по меньшей мере вдвое превосходят силы Центральной армейской группы. Части Чжан Го-тао прочно удерживали район, простиравшийся западнее верховий реки Миньцзян от Моугуна на юге до Маоэргая на севере и дальше в глубь Сикана. Его представители осуществляли власть на местах. Нельзя не отметить, правда, что, по крайней мере в восточной части района, и без того малочисленное население почти все бежало в леса и горы, так что правильнее было бы говорить об оккупированном, а не об освобожденном районе. И все-таки в распоряжении 4-го корпуса находилась большая часть имевшихся в районе скудных ресурсов, которые были жизненно необходимы для снабжения десятков тысяч красноармейцев.
Но не только по этим причинам Мао Цзэ-дун и Политбюро вынуждены были считаться с Чжан Го-тао. К этому принуждали их его личные достоинства и высокий авторитет в коммунистической партии и Красной армии. Не менее честолюбивый и властолюбивый, чем Мао, он был, как и Мао, одним из основателей партии, но, в отличие от последнего, долгие годы входил в состав Политбюро ЦК. Он участвовал во всех, или почти во всех, съездах КПК. Его знали и ценили в ИККИ. Сам Мао много раз, в частности на 2-м съезде Советов в Жуйцзине, высоко ставил его заслуги как полномочного представителя ЦК в советском районе Хубэй — Хэнань — Аньхой и как генерального политкомиссара 4-го корпуса. Чжан Го-тао пользовался непререкаемым авторитетом у командиров, комиссаров и красноармейцев 4-го корпуса. Как и в Центральной армейской группе, Чжан Го-тао, будучи генеральным политкомиссаром, принимал все стратегические решения. Командир же 4-го корпуса Сюй Сян-цянь не мог без него и шагу ступить.
Можно было предвидеть, что между Чжан Го-тао и Мао Цзэ-дуном начнется борьба за лидерство в партии в объ-

единенной армии. Поскольку в условиях исключительной сплоченности 4-го корпуса и из-за недостатка времени Мао не мог развернуть такую фракционную борьбу, какую вела «центральная группа трех» в Цзянси, разногласия должны были проявиться при обсуждении политической обстановки и выработке военной стратегии. Следовательно, можно было надеяться, что разногласия будут урегулироваться по-деловому. Это как будто подтвердил ход переговоров в узком кругу в третьей декаде июня. 28 июня 1935 года состоялось официальное заседание Политбюро. Я тоже получил приглашение. Другие «посторонние», насколько мне известно, не присутствовали. Заседание прошло на редкость мирно. Очевидно, во время предварительных переговоров были уже приняты все важнейшие решения. Чжан Го-тао высказывал примерно те же мысли, о которых представитель его штаба информировал партийное руководство в Моугуне. Основной упор он сделал на упрочение и расширение базы Сычуань — Сикан. Участники заседания, в том числе и Мао Цзэ-дун, приняли его слова к сведению без каких-либо принципиальных возражений. Но они считали пограничный район Сычуань — Сикан только временной базой, откуда после отдыха и реорганизации частей будет продолжен поход в Ганьсу — Шэньси. Я присоединился к их мнению. Политические соображения при обмене мнениями играли самую ничтожную роль. Об антияпонской войне говорилось лишь вскользь, а о национальном едином фронте вообще не упоминалось. Все решали чисто военные мотивы. Главные силы гоминьдана в то время бездействовали: они проводили очередную перегруппировку, только на восточном берегу реки Миньцзян стояли крупные соединения. На юге и севере противнику для дальнейшего продвижения прежде всего необходимо было обеспечить снабжение, что требовало длительной подготовки. Со стороны Западного Тибета Красной армии практически ничто не угрожало. Главную трудность для нас представляло размещение и снабжение войск. Части приходилось размещать на значительном удалении друг от друга и постоянно менять места их стоянок. Необходимость этого нашла свое выражение в достигнутом в Лянхэкоу компромиссе о постепенном продвижении главных сил на север. Однако фактически разногласия остались, так как окончательное стратегическое решение не было выработано.

Было решено провести реорганизацию объединенной армии и ее руководства. Центральная армейская группа была переименована в армию 1-го фронта, а 4-й корпус — в армию 4-го фронта. Кстати говоря, это произошло, возможно, несколько позднее — в Сомо или в Маоэргае. Правда, историография, основываясь на китайских источниках, относит эту дату на значительно более раннее время. Мне кажется, что дата переименования не столь уж важна, если, конечно, не иметь в виду, что перенесение ее на более ранний период помогает скрыть подлинное соотношение сил между обеими армиями к моменту объединения. В дальнейшем я буду употреблять общепринятые ныне новые обозначения.

Несравненно более важным было назначение Чжан Го-тао генеральным политкомиссаром объединенной Красной армии. Главнокомандующим был утвержден Чжу Дэ, а начальником Генштаба — Лю Бо-чэн. Незаметно сошел со сцены Реввоенсовет, хотя формально его никто не распускал. Если учитывать, что все важные военные решения в китайской Красной армии, как правило, принимал генеральный политкомиссар, то смена руководства означала тяжелое поражение Мао Цзэ-дуна, который был оттеснен с первого места. Отошел на задний план и Чжоу Энь-лай. К тому же он вскоре тяжело заболел и при дальнейшем продвижении неделями не вставал с носилок.

Почему большинство членов Политбюро и сам Мао Цзэ-дун пошли на такую уступку? Поскольку совещание в Лянхэкоу происходило в узком кругу, а Чжан Го-тао, единственный представитель 4-й армии, был членом Политбюро, он вряд ли мог, как неоднократно утверждали впоследствии, оказать давление или шантажировать других членов Политбюро. Назначение Чжан Го-тао просто подтверждало тот факт, что он, благодаря силе 4-й армии и тому, что все местные органы власти в пограничном районе Сычуань — Сикан находились в руках его кадровых работников, безусловно, являлся хозяином положения. Тем самым, разумеется, возросло его влияние в партии, которая в условиях того времени действовала почти только в армии и через нее.

Результаты совещания в Лянхэкоу не удовлетворили ни Мао Цзэ-дуна, ни Чжан Го-тао. Мао направил все усилия на то, чтобы через своих сторонников в Политбюро и в 1-й армии ослабить позиции Чжана в объединенной ар-

мии. В свою очередь Чжан Го-тао стремился захватить руководство партией. Конфликт назревал постепенно, пока наконец не произошел открытый взрыв, который привел к расколу партии и армии.

Прежде чем перейти к этим событиям, я хочу сделать некоторые замечания об отношениях между отдельными частями внутри объединенной армии, а также об отношении армии к населению пограничного района Сычуань — Сикан.

Хотя в Лянхэкоу шел разговор о слиянии 1-й и 4-й армий, практически до этого дело не дошло. Были лишь перераспределены некоторые высшие командные посты. Кроме того, 5-й и 9-й корпуса, каждый из которых насчитывал теперь только по 2—3 тысячи человек, из-за трудностей со снабжением были введены в состав 4-й армии, которая в свою очередь передала в качестве пополнения 3-му корпусу примерно 1,5 тысячи человек и оказала ему и другим соединениям 1-й армии материальную помощь, главным образом продовольствием. 4-я армия вполне могла это делать в первые недели после объединения, поскольку она, как уже отмечалось, прочно утвердилась в пограничном районе и распоряжалась почти всеми его ресурсами. И по всей вероятности, она хотела облегчить положение 1-й армии. Вообще немногие части 4-й армии, которые мне довелось увидеть, произвели на меня хорошее впечатление. Бойцы выглядели несравненно здоровее наших истощенных красноармейцев, были лучше экипированы и дисциплинированны. Последнее я особенно подчеркиваю, так как впоследствии распространялись самые невероятные слухи об их милитаристских и даже бандитских замашках. Я, разумеется, не могу судить, какими методами поддерживалась дисциплина, но считаю вполне возможным и даже вероятным, что под влиянием чудовищных лишений, которые выпали на долю 4-й армии, дисциплина могла сильно пошатнуться.

В течение почти двух месяцев нашего пребывания в пограничном районе взаимоотношения между 1-й и 4-й армиями постепенно ухудшались. Причиной, должно быть, послужили те политические сплетни, которые распространяли среди личного состава обеих армий как сторонники Мао, так и сторонники Чжана. Но главная причина, несомненно, заключалась во все возраставших трудностях с размещением и снабжением. В июле дело дошло даже

до отдельных вооруженных столкновений. Мне рассказали, что под Маоэргаем какая-то часть 4-й армии окружила полк 1-го корпуса. Лично я не наблюдал подобных инцидентов даже в тот период, когда произошел раскол.

Что касается наших отношений с местным населением, то они были еще хуже, чем во время похода от Лудина до Моугуна. Впрочем, отношений, как таковых, вообще не было. Если южнее Моугуна мы изредка еще встречали жителей в Западной Сычуани, как правило китайцев, то севернее мы уже вообще никого не видели. Дома и усадьбы были покинуты, запасы продовольствия спрятаны или увезены, скот угнан. Решительно нечего было купить у крестьян или реквизировать у помещиков. Волей-неволей мы были вынуждены забирать до последней крошки все, что могли отыскать, и постоянно посылали в горы продотряды для охоты на бродячий скот. Чем дальше мы продвигались на север, тем сильнее ощущалась нехватка продовольствия. Мы ведь должны были не только удовлетворять насущные потребности, но и создавать запасы для дальнейшего продвижения. А мы знали, что впереди нас снова ждут болота и ледники. В районе Маоэргая, где мы находились почти месяц, готовясь к продолжению похода, мы собирали недозревший ячмень, просо и другие злаки, лущили и обдирали зерна, сушили или поджаривали их. Даже в эту жалкую пищу мы добавляли молотую кору, коренья и «витаминизированную землю». Месяцами мы не видели соли. И так продолжалось, пока мы не пересекли границу провинции Ганьсу.

Неудивительно, что горцы мяо, И, сифан, жившие здесь и дальше до Ганьсу и занимавшиеся земледелием и скотоводством, при малейшей возможности нападали на наши продотряды. «Баран стоит человеческой жизни» — такая поговорка родилась в ту пору. Впрочем, говорить так стали позднее, так как в пограничном районе Сычуань — Сикан не разводили овец, а держали лошадей и крупный рогатый скот, в том числе яков, а также коз. Мы чувствовали себя в безопасности только в селениях и долинах, где не осмеливались появляться бежавшие жители.

Западнее, ближе к тибетской границе, где располагались части 4-й армии, положение как будто было лучше. Там даже существовали, по недостоверным сведениям, провинциальный комитет партии и местные органы власти, в которых участвовали представители национальных мень-

шинств. В восточной части пограничного района мы ничего подобного не наблюдали.
Несмотря на все беды и лишения, войска все-таки получили под Маоэргаем передышку продолжительностью больше месяца. Гоминьдановские войска находились далеко. И даже их бомбардировщики залетали сюда лишь изредка. В самый жаркий период лета привычные к субтропическому климату уроженцы Южного Китая, которые все еще составляли значительную часть рядового и особенно командного состава 1-й армии, легче переносили условия высокогорья. Поэтому мы почти не теряли людей, тем более что не было ни форсированных маршей, ни серьезных боев.

* * *

По решению, принятому в Лянхэкоу, объединенная Красная армия с конца июня начала двигаться на север, причем она буквально прочесала весь район в поисках продовольствия. Центральная штабная колонна переместилась из местечка Сомо в Маоэргай, крупное селение, в котором насчитывалось несколько сот дворов и усадеб. В Сомо в начале июля состоялось очередное заседание Политбюро ЦК.
Поводом для заседания послужили разногласия относительно маршрута похода и выбора места операции по созданию нового советского района. Среди руководства партии и армии более или менее окрепло убеждение, что ввиду катастрофической нехватки одежды и продовольствия, неизменно враждебного отношения большей части населения и угрозы нового окружения превосходящими силами гоминьдановских войск с востока, юга и севера дальнейшее пребывание главных сил в пограничном районе Сычуань — Сикан, не говоря уже о зимовке на Тибетском нагорье, могло иметь гибельные последствия для Красной армии.
Доклад делал Чжан Го-тао. Он предложил, не покидая окончательно нынешнюю базу в пограничном районе Сычуань — Сикан, двинуть главные силы в глубь провинции Цинхай, примерно до района озера Кукунор, и оттуда через Синьцзян установить связь с Советским Союзом для получения военной помощи. Если это окажется неосуществимым, то можно с той же целью пробиваться в направлении Северной Ганьсу. Таким образом, это предложение

ничем не отличалось от тех идей, которые Чжан Го-тао высказывал в Лянхэкоу, а до него — Мао Цзэ-дун. Теперь же Мао Цзэ-дун присоединился к контрпредложению Ло Фу, Бо Гу и других членов Политбюро первоначально пробиваться через Северо-Западную Сычуань в Южную Ганьсу. Этот вариант соответствовал ранее принятому в Хойли и Моугуне большинством членов Политбюро решению. Но и на сей раз окончательное решение не было выработано. Продолжалось продвижение главных сил на север, преимущественно в район Маоэргая. Туда же переместилась штабная колонна и оставалась там до начала августа.

В течение всего июля продолжались споры о направлении главного удара объединенной Красной армии. Споры усилились, когда стало известно, что в Шэньси кроме 15-го корпуса успешно действуют местные части под командованием народного партизанского вожака Лю Чжи-даня. Оказалось, что там существовал небольшой, но стабильный советский район с провинциальным комитетом партии и революционным правительством, которые возглавлял коммунист Гао Ган, известный многим членам ЦК.

Это обстоятельство укрепило у большинства членов Политбюро убеждение в необходимости как можно скорее двинуть Красную армию через Ганьсу в Шэньси, чтобы расширить существующую там базу и обеспечить новые благоприятные исходные позиции для «войны на два фронта — против гоминьдановской реакции и японской агрессии». Кавычки здесь не выделяют цитату, я только хотел подчеркнуть, что старый тезис о продолжении гражданской войны и развитии советской революции оставался в силе. Но одновременно впервые нашел свое отражение в военной стратегии, хотя и в общих чертах, выдвинутый еще в Цзянси политический лозунг борьбы против Японии.

Самым ярым сторонником направления Ганьсу — Шэньси выступал теперь Мао Цзэ-дун. У меня нет оснований утверждать, что он руководствовался какими-то иными соображениями, кроме политической целесообразности и военной необходимости, но без сомнения у него были и другие мотивы. Он знал, что в этом вопросе его поддерживает большинство членов Политбюро, и надеялся изолировать Чжан Го-тао, отстаивавшего противоположную точку зрения. Не случайно из обычного лексикона Мао Цзэ-дуна совершенно исчезли такие выражения, как «спад револю-

ции», «поражение», «отступление» и т. п. Теперь он говорил о победе 1-й армии во время Великого похода, о создании нового крупного советского района на северо-западе Китая, о восстановлении «Центрального революционного правительства».

Чжан Го-тао, напротив, расценивал утрату Центрального советского района и поход 1-й армии как поражение. Тезис о победе советской революции первоначально в одной или нескольких провинциях, а затем во всем Китае, который был выдвинут на предыдущих пленумах ЦК и затем одобрен на совещании в Цзуньи, он объявил устаревшим. По его словам, советская революция находится в стадии упадка. Сейчас на повестке дня, по словам Чжан Го-тао, стоит не революция, а антияпонская война. Бороться одновременно с японцами и гоминьданом Красной армии не под силу. Поэтому она должна обосноваться в какой-нибудь неприступной базе — в Западной Сычуани или Ганьсу — и терпеливо ожидать помощи от Советского Союза, а затем, укрепив свои силы, опираясь на широкое антияпонское народное движение, вынудить гоминьдан изменить его нынешнюю политику.

После начала антияпонской войны в 1937 году я не раз слышал заявления и Мао Цзэ-дуна, и Чжан Го-тао о том, что они видят перспективу создания единого национального фронта для борьбы против Японии. На мой взгляд, это было не так. Нельзя, однако, отрицать, что оценка Чжан Го-тао политического положения, в отличие от оценки военной обстановки, более соответствовала реальной действительности и решениям VII конгресса Коминтерна, чем точка зрения Мао Цзэ-дуна и поддерживающих его членов Политбюро, в которой нашли выражение левосектантские взгляды. Это я понял впоследствии, ознакомившись с соответствующими документами.

В ходе дискуссии Чжан Го-тао допускал непосредственные выпады против Центрального Комитета и его Политбюро. Он оспаривал законность решения 5-го пленума ЦК и прежде всего решения так называемого Расширенного совещания Политбюро в Цзуньи, на том основании, что они были приняты не избранными, а кооптированными членами ЦК и Политбюро, а в Цзуньи вообще не членами не только Политбюро, но даже ЦК. Лишь двое из присутствовавших членов Политбюро — он сам и Чжоу Энь-лай — были избраны законным порядком на VI съезде партии.

Кооптация Мао Цзэ-дуна и его назначение секретарем ЦК, по мнению Чжан Го-тао, являлись грубым нарушением партийного устава. Кроме того, ЦК в Цзуньи сам объявил себя политическим и военным банкротом. Для укрепления партийного руководства и выправления генеральной линии партии необходимо было, по мнению Чжан Го-тао, ввести в Центральный Комитет и Политбюро хорошо проявивших себя кадровых работников 4-й армии.

Я не принимал участия в этих спорах. Вскоре по прибытии в Маоэргай меня прикомандировали к Объединенной военной школе, которая находилась километрах в десяти от резиденции ЦК. Сам по себе путь был не очень длинный, но постоянная угроза нападений местных жителей вынуждала брать с собой сильную охрану. Помнится, в течение июля я побывал в ЦК всего два или три раза. Поэтому информацию я получал из вторых рук, обычно от Бо Гу, пополняя ее затем за счет сведений, почерпнутых из разговоров с другими. Имеющиеся сейчас в моем распоряжении документы подтверждают, что я в то время в основном был правильно информирован о ходе событий.

Почему и кем я был откомандирован в Объединенную военную школу, мне неизвестно и поныне. Решительно никакой роли не играли в этом вопросы размещения или военной подготовки. Я, правда, прочитал несколько лекций по тактике и провел ряд семинаров и военных игр. Чаще же всего я участвовал в уборке урожая и дважды даже сопровождал продотряд. Чжан Го-тао, вероятно, просто хотел от меня избавиться, так как я с самого начала решительно выступал против его стратегических замыслов. Да и Мао Цзэ-дуна тоже наверняка не очень огорчало мое отсутствие, особенно после того, как Чжан Го-тао начал критиковать совещание в Цзуньи. Возможно, сочли полезным иметь в военной школе, которая вместе с Военной академией сократилась до батальона, но по-прежнему состояла преимущественно из кадровых работников 1-й армии, лояльного представителя той военной концепции, которой придерживалось большинство членов Политбюро. А меня считали лояльным, несмотря на мое отрицательное отношение к совещанию в Цзуньи.

Одновременно руководителем школы был назначен, очевидно по требованию Чжан Го-тао, преданный ему командир одной из дивизий 4-й армии, имя которого выпало у меня из памяти. При нем всегда состоял взвод пулемет-

чиков. Он откровенно рассказывал мне, что с этим взводом он обычно лез в самое пекло боя. Многочисленные шрамы говорили о его храбрости. Ко мне он относился по-дружески. Ему были абсолютно безразличны вопросы обучения. Он, очевидно, ни в грош не ставил современные методы управления войсками и штабную работу. Командир, по его мнению, должен в бою служить примером для бойцов. Его охрана, корректная в обращении, держалась несколько замкнуто и подчинялась только его приказам. Таким образом, подтвердились мои первые впечатления о 4-й армии. Вместе с тем уже начало проявляться чувство некоторой отчужденности к курсантам из 1-й армии.

В первых числах августа 1935 года в Маоэргае вновь собралось Политбюро ЦК для окончательного обсуждения «политического положения и задач после объединения 1-й и 4-й армий». Не могу припомнить, принимал ли я в нем участие. По всей вероятности, нет, так как в памяти не сохранилось никаких подробностей, хотя совещание было исключительно важным, а с принятым 5 августа решением я ознакомился лишь впоследствии, да и то только в той части, которая касалась чисто военных вопросов. То, что политическая часть решения держалась в секрете, вполне понятно, ибо она, как и решение, принятое в Цзуньи, опровергала легенду о Красной армии как антияпонском авангарде в едином национальном фронте. Поэтому, насколько я могу судить, и это решение нигде и никогда не публиковалось.

О моем возможном участии в совещании, по крайней мере при обсуждении военных вопросов, говорят три обстоятельства. Во-первых, в 30-е годы по различным поводам мне пришлось давать довольно подробный и точный отчет об этом совещании. Правда, я мог получить соответствующую информацию и после совещания. Во-вторых, как мне недавно сообщили, Чжан Го-тао в своих мемуарах обвинял меня в том, что в Маоэргае я занимал промаоистские позиции. Но ведь это могло относиться и к моим возражениям относительно его военных планов в Лянхэкоу или Сомо. В-третьих, в походе, начавшемся сразу же после совещания, я шел не с военной школой, которая присоединилась к штабной колонне только через несколько дней, а с группой Центрального Комитета.

Важность совещания и его решений оправдывает мое желание сослаться на имеющиеся документы с тем, чтобы

полнее воссоздать картину того, что происходило на совещании в Маоэргае, тем более, что в документах упоминается и мое имя.

В преамбуле решения констатировалось, что японский империализм усилил захватническую политику в Китае и приступил к созданию под своей верховной властью «северокитайского государства». Однако никаких выводов отсюда не делалось, а перспективы революции не увязывались с обострением национального кризиса и подъемом антияпонского движения. Наоборот, КПК, как и раньше, нацеливала советскую революцию против «реакционного гоминьдановского руководства» и перед объединенной Красной армией ставила стратегическую задачу перебросить главные силы на северо-запад, уничтожить противника (то есть гоминьдановские войска) в маневренной войне и создать в пограничном треугольнике Сычуань — Ганьсу — Шэньси крупную советскую базу, которая стала бы плацдармом для развертывания революции в масштабах всего Китая. На основе успехов 2-го и 6-го корпусов на юге (о которых фактически ничего не было известно) и 25-го, 26-го и 27-го корпусов на северо-западе (очевидно, под ними подразумевались 15-й корпус и местные соединения Лю Чжи-даня и Гао Гана в Шэньси), а также на основе объединения 1-й и 4-й армий в решении делался вывод, что ныне, как и прежде, в Китае существует революционная ситуация, а советская революция переживает не спад, а подъем. Итак, что касается оценки политического положения, в особенности относительно перспективы революции в стране, то по этим вопросам Мао Цзэ-дун при поддержке большинства членов Политбюро одержал верх над Чжан Го-тао.

После суммарного анализа стратегических мероприятий и перечисления трудностей, с которыми сталкивается «возглавляемая Чан Кай-ши контрреволюция», в решении отмечалось: «В граничащих с отечеством международного пролетариата — СССР, а также с Монгольской Народной Республикой районах правящие китайские реакционеры и империалисты пользуются лишь незначительным влиянием. Это создает благоприятные условия для развития советской революции и Красной армии».

Даже если оценивать принятое в Маоэргае решение, в выработке которого участвовал и Чжан Го-тао, как компромисс, все равно видно, что между Мао Цзэ-дуном и Чжан

Го-тао не существовало принципиальных разногласий по вопросу ориентации на Северо-Западный Китай и расчетов на военную помощь Советского Союза. И впоследствии Мао и его сторонники в этом отношении не выдвигали против Чжана никаких обвинений. Кстати, такая точка зрения не была оригинальной. Еще в начале и середине 20-х годов прогрессивный «христианский» маршал Фэн Юй-сян в борьбе против реакционных генералов Чжан Цзо-линя в Маньчжурии и У Пэй-фу в Северном и Центральном Китае опирался именно на северо-западные провинции и Внутреннюю Монголию. Мнения, сходные с зафиксированными в решении совещания в Маоэргае, высказывались в период национальной революции 1925—1927 годов, хотя тогда, разумеется, речь шла не о советской революции, а о национально-освободительной борьбе.

Большое место на совещании и, соответственно, в решении отводилось «братскому объединению 1-й и 4-й армий». Отмечалось, что оно приумножило как в количественном, так и в качественном отношении военную мощь советской революции и открыло новые перспективы для ее победы. И следовательно, необходимо все подчинить интересам революционной войны, уничтожению гоминьдановских армий и созданию северо-западной советской базы. В соответствии с этим и был вновь определен более жесткий курс в аграрной революции, борьбе с контрреволюцией и т. п.

Длительные жаркие споры разгорелись вокруг взаимоотношений между 1-й и 4-й армиями и отношения к национальным меньшинствам. С «братством» в это время дело обстояло далеко не лучшим образом. Это нашло отражение, между прочим, и в том, что наряду с высокой оценкой героизма 1-й армии во время Великого похода подверглись критике ее огромные потери, истощение красноармейцев, упадочнические настроения кадровых работников, неудовлетворительная политическая работа и низкая дисциплина. 1-я армия, указывалось в решении, должна учиться у 4-й армии и перенимать ее положительный опыт.

В вопросе о национальных меньшинствах, с одной стороны, всячески превозносились заслуги 4-й армии, сумевшей мобилизовать эти народности на борьбу против империализма, гоминьдана и собственных эксплуататоров, и поддерживалась идея образования самостоятельных национальных государств в составе будущего «Союза китайских

советских республик». С другой же стороны, Политбюро считало преждевременным, если не ошибочным, уже начатое Чжан Го-тао создание федеративного советского правительства.

И наконец, совещание осудило как правых оппортунистов, «которые сомневались в существовании подъема революции» и «считали ошибочными стратегические мероприятия ЦК», так и представителей ультралевых взглядов, которые, недооценивая врага, были склонны к военным авантюрам. В решении эти вопросы сформулированы в общем виде, без упоминания конкретных лиц. На деле же, совершенно очевидно, это была критика взглядов Чжан Го-тао. В свою очередь Чжан добился включения пункта о привлечении кадровых работников 4-й армии к ответственной партийной работе и включении лучших из них в состав Центрального Комитета.

В целом на совещании Политбюро в Маоэргае выявилась тенденция к сглаживанию политических разногласий между Чжан Го-тао и Мао Цзэ-дуном, которого поддерживало большинство членов Политбюро. Обе стороны пошли на уступки, но в основном одержала верх прежняя генеральная линия КПК, одобренная 5-м пленумом ЦК. Можно даже говорить о некотором отступлении от нее, поскольку не упоминалось о создании единого национального фронта против японской агрессии. Туманные высказывания Чжан Го-тао на этот счет остались без внимания.

По иронии судьбы 1 августа 1935 года, то есть почти одновременно с принятием решения в Маоэргае, представительство КПК при ИККИ в Москве от имени Центрального исполнительного комитета (Временного революционного правительства) Китайской советской республики и Центрального Комитета КПК опубликовало «Воззвание к китайскому народу о сопротивлении Японии и спасении родины». Оно призывало сплотиться перед лицом агрессии и, сознавая великую правду популярного лозунга, невзирая ни на какие внутренние распри, совместно бороться против внешнего врага. Конкретно предлагалось создать «объединенное народное правительство национальной обороны» всего Китая и «объединенные антияпонские вооруженные силы». Единственным условием являлось прекращение нападений гоминьдановских войск на советские районы и их вступление в борьбу против японского империализма.

Этот манифест, в корне отличавшийся от решения совещания в Маоэргае, основывался на резолюции проходившего как раз в то время VII конгресса Коминтерна, который призвал к всемирной борьбе против войны и империализма. Манифест был одобрен ИККИ и через Европу переправлен в Китай. Полностью отрезанные от внешнего мира, мы ничего не знали о конгрессе. Только во время похода, вероятно, уже в Шэньси, до нас дошли скупые и, возможно, искаженные сведения о конгрессе и о воззвании.

Так и получилось, что руководство КПК в 1935 году проводило две самостоятельные противоположные политические линии. Одна, как и прежде, ориентировалась на продолжение гражданской войны. Ее выдвинул Мао Цзэ-дун и одобрили те члены Центрального Комитета и Политбюро, которые находились в Красной армии. За другую линию — линию единого национального фронта против Японии выступала под руководством Ван Мина и при поддержке ИККИ небольшая группа членов Центрального Комитета и Политбюро, пребывавших в Москве. В какой-то степени, частично разрешить это противоречие удалось только в 1936—1937 годах.

Едва в Маоэргае договорились о политической цели продвижения на север, как снова разгорелся спор о стратегическом направлении. Чжан Го-тао снова выдвинул свой первоначальный план о походе через Цинхай в Синьцзян, а если это окажется невозможным,— в Северную Ганьсу. Мао Цзэ-дун и большинство членов Политбюро настаивали на том, чтобы сначала пробиться в Юго-Восточную Ганьсу. Хотя при этом пришлось бы с боем выходить из районов, населенных национальными меньшинствами, зато были бы достигнуты благоприятные экономические и политические условия.

Наконец и по этому вопросу был достигнут компромисс. В известной степени этому способствовала перегруппировка сил, предпринятая Генеральным штабом в июле. Объединенная Красная армия разделялась на две походные колонны, которым надлежало продвигаться по отдельности и снова соединиться в Ганьсу. Левая, или западная, колонна состояла из главных сил 4-й армии. В нее входили также 5-й и 9-й корпуса. Колонной командовали Чжу Дэ и Чжан Го-тао. При них находился и Генеральный штаб, так как они одновременно осуществляли верховное командование над всей объединенной армией. Маршрут

движения этой колонны пролегал западнее Сунпаня на Аба (Нгапа) через «Великую травяную степь». Так называлось болотистое плоскогорье, образующее водораздел между бассейнами Янцзы и Хуанхэ. Оттуда армия должна была повернуть на север и двигаться в общем направлении на Ланьчжоу.

Правая, или восточная, колонна состояла из 1-го и 3-го корпусов 1-й армии, нескольких соединений 4-й армии, бывшей штабной колонны с Политбюро, а также военной школой, резервом кадровых работников и еще сохранявшимися службами тыла и остатками бывшей обозной колонны. Этой колонной командовали Сюй Сян-цянь и Чэнь Чан-хао, тоже люди Чжан Го-тао. Колонне предстояло двигаться большей частью по краю «Великой степи» через Сунпань на Баси и далее через высокие горные цепи Миньшань тоже в Ганьсу. Такое разделение объединенной Красной армии и маршруты движения колонн мне представлялись в высшей степени нецелесообразными с военной точки зрения. Представьте себе: по меньшей мере две трети наших вооруженных сил тянутся по безлюдной заболоченной степи, где, правда, нельзя было ожидать встречи с серьезным противником, но и не было никаких источников снабжения, не говоря уже о тяжелых природных условиях. И в то же время максимум треть армии, обремененная обозом, тоже шла на север, но восточнее и практически служила фланговым прикрытием для левой колонны. Противник мог выступить из района реки Миньцзян, пройти по перевалам через Миньшань и разгромить правую колонну еще до ее выхода в Ганьсу. Положение усугублялось тем, что было разделено также армейское и партийное руководство. Руководство армии — Чжан Го-тао, Чжу Дэ и Лю Бо-чэн — находилось в левой колонне, а партийное — Мао Цзэ-дун и костяк Политбюро, все еще составлявший большинство его членов,— в правой. Связь между обеими колоннами поддерживалась только по радио. Если бы дело дошло до серьезных боев, то ни о каком взаимодействии до воссоединения в Ганьсу не могло быть и речи.

Я долго пытался выяснить, какими мотивами руководствовались обе стороны, идя на этот странный компромисс. Я полагал, что Чжан Го-тао, которому не удалось склонить на свою сторону Центральный Комитет и Политбюро, хотел сохранить за собой хотя бы командование армией. Кроме того, он, очевидно, не отказался от мысли устано-

вить связь с Советским Союзом в Синьцзяне — если не через Цинхай, то через Ганьсу. Мао Цзэ-дуну такая мысль была очень кстати. Он оставался бесспорным главой партии. Более того, его позиции укрепились, и если бы Чжан Го-тао в самом деле удалось осуществить свой стратегический замысел, то это произошло бы за счет значительного ослабления 4-й армии, тогда как плоды победы достались бы Мао, как руководителю не только партии, но и тех частей Красной армии, которые сражались во Внутреннем Китае. Это были, разумеется, всего лишь догадки, и я остерегался высказывать их вслух. Даже Бо Гу — единственный человек, которому я намекнул о своих предположениях, и тот выразил свое недовольство. Он справедливо заметил, что я сам всегда высказывался за возвращение во Внутренний Китай, и одобрял идею похода через Северо-Западную Сычуань и Юго-Восточную Ганьсу в Шэньси. Это было верно, и я по-прежнему придерживался этих взглядов. Но у меня сохранялись сомнения в успехе, связанные не только с военным риском, а прежде всего с территориальным разделением политического и военного руководства, которое из-за соперничества Мао Цзэ-дуна и Чжан Го-тао таило в себе опасность новых конфликтов. Действительность вскоре превзошла самые худшие мои опасения.

* * *

Через несколько дней после совещания Политбюро обе колонны двинулись в поход: первой выступила правая — прямо на север, в направлении на Сунпань, а затем и левая — на северо-запад. Путь правой колонны, о нем я могу рассказать подробно, пролегал сначала через гористую местность, а потом через довольно ровное высокогорное плато, расположенное на высоте около 4000 метров над уровнем моря. Здесь начинался самый трудный участок похода. Под обманчивым травянистым покровом скрывалось топкое черное болото. Оно сразу засасывало всякого, кто ступал на тонкую верхнюю корочку или сходил с узкой тропинки. Я своими глазами видел, как в трясине погиб мул. Мы гнали перед собой местный скот или лошадей, которым инстинкт подсказывал безопасную дорогу. Почти над самой землей висели тучи. В течение дня по нескольку раз шел холодный дождь, а по ночам — мокрый снег или град. Вокруг, насколько хватал глаз, простиралась безжизненная равнина, без единого деревца или кустика.

Мы спали скорчившись на болотных кочках, прикрывшись тонкими одеялами и нахлобучив широкополые соломенные шляпы, входившие в армейское снаряжение. В ход шли бумажные пергаментные зонтики, а иногда и трофейные накидки. Часто по утрам кое-кто уже не вставал. Это была очередная жертва голода и истощения. А ведь стояла только середина августа! Единственную пищу составляли зерна злаков и в редких случаях доставался кусочек сушеного, твердого как камень мяса. Пили сырую болотную воду, дров для ее кипячения не было. Снова появились исчезнувшие было в Сикане кровавый понос и тиф. Этот мучительный переход длился больше недели. Счастье еще, что противник не мог нас атаковать ни на земле, ни с воздуха. Наконец мы спустились в долину и очутились в более гостеприимной местности. Здесь зеленели поля и сады. Повсюду виднелись дома и огромные ламаистские храмы, похожие на средневековые замки, но и тут жители большей частью разбежались. Перед нами открылся Сунпань — маленький городок с прочными стенами. Он был уже занят неприятельскими войсками, которые подошли со стороны реки Миньцзян. Мы обошли его с запада. Через несколько дней мы достигли Баси, что южнее границы с Ганьсу. Это была первая цель нашего похода. Здесь мы остановились на отдых. В этом районе, где имелось множество населенных пунктов, мы запаслись продовольствием. Собирали уже почти поспевшие злаки и овощи и забивали скот.

Между тем наступил конец августа. Мы видели вдали снежные вершины Миньшаня. Если осенью еще можно было с трудом пройти через его перевалы, то зимой они были непроходимы. Надо было спешить. Все приготовления к походу были закончены.

Тем временем и левая колонна достигла ближайшей цели — городишка Аба, южнее границы с провинцией Цинхай. Там она безнадежно застряла, как нам сообщили по радио, в болотистых степях, так как не смогла переправиться через один из бешеных потоков, низвергавшихся с гор, из-за высокого уровня воды и отсутствия материалов для постройки мостов. Войска остановились в голой степи. Иссякли скудные запасы продовольствия. Левая колонна оказалась в гораздо худших условиях, чем наша колонна до выхода в долину. Чжан Го-тао наконец принял решение возвращаться назад. Одновременно он передал приказ на

возвращение и правой колонне. Мне неизвестно, кому был адресован приказ: только ли Сюй Сян-цяню и Чэнь Чан-хао, командующему и политкомиссару правой колонны, или же в виде сводки об обстановке и принятом решении также и Политбюро и уже не функционировавшему Военному совету. Очевидно, имело место и то и другое, поскольку Политбюро под председательством Мао Цзэ-дуна устроило совещание для обсуждения обстановки. Совещание решило, что возвращение через заболоченную степь и прежде всего неизбежная зимовка на Сиканском высокогорном плато при нехватке одежды и продовольствия, враждебном отношении местного населения и нависшей угрозы окружения гоминьдановскими войсками, которые медленно, но неуклонно продвигались с трех сторон — от Моугуна до Сунпаня западнее реки Миньцзян, чрезвычайно неблагоприятны для Красной армии и могут даже привести к катастрофе.

Дальнейший ход событий крайне запутан. Как мне рассказывали, Мао Цзэ-дун пытался убедить Чжан Го-тао, что наилучшим решением было бы незамедлительное выступление правой колонны на север и возвращение левой колонны с последующим движением по маршруту правой. Но Чжан Го-тао стоял на своем и отдал секретный приказ Сюй Сян-цяню сломить в случае необходимости силой сопротивление Центрального Комитета. Тогда Политбюро, опасавшееся, что Чжан Го-тао совершит переворот, приняло решение действовать самостоятельно и продолжить поход в Ганьсу.

Если дело обстояло именно так, в чем я сомневаюсь (впоследствии и Бо Гу выражал сильное сомнение по этому поводу), то Политбюро, очевидно, собиралось наспех. Я ничего об этом не знал и полностью принял на веру то, что мне рассказали только на следующий день, уже после выступления. Войска выступили ночью, неожиданно для всех. Приказ о выступлении получили, очевидно, не все соединения правой колонны, а лишь те, которые входили в состав 1-й армии. Меня же глубокой ночью послали поднять военную школу, что я и сделал. Начальник школы со своими людьми остался. Примечательно, что дело обошлось без столкновений. Утром я вместе со школой присоединился к штабной колонне.

Очевидно, таким же образом произошло выступление и других частей 1-й армии. В последующие дни разговоры

шли о том, что соединения 4-й армии, входившие в состав правой колонны, будто бы пытались преследовать и вернуть 1-ю армию, причем даже угрожали оружием. Но затем они под командованием Сюй Сян-цяня двинулись обратно. Позднее я слышал, что в районе Маоэргая они соединились с левой колонной. Так произошел окончательный раскол только что созданной объединенной Красной армии.

С течением времени возникли различные версии по поводу того, как произошел раскол. Все эти версии объединяло то, что они умаляли события или оправдывали их объективными причинами и всю вину приписывали Чжан Го-тао.

Как-то я услышал даже, что Чжан Го-тао приказал возвратиться не всей правой колонне, а только входившим в нее частям и кадровым работникам 4-й армии. Это совершенно неправдоподобно. Если бы дело обстояло таким образом, Мао Цзэ-дуну не нужно было бы столь тайно и поспешно отправлять 1-ю армию в Ганьсу. С другой стороны, Чжан Го-тао, как генеральный политкомиссар объединенной Красной армии, вряд ли был заинтересован в расколе. Кроме того, он, по существовавшим в китайской Красной армии порядкам, имел полное право в связи с безвыходным положением левой колонны отдать приказ всей правой колонне о возвращении. Зная Чжу Дэ, я уверен, что он тоже подписал приказ о возвращении, так как до этого всегда подписывал все приказы, от кого бы они ни исходили: от Мао Цзэ-дуна, Чжоу Энь-лая или Чжан Го-тао. Распространявшиеся позднее слухи, будто Чжан Го-тао угрожал Чжу Дэ и другим руководителям 1-й армии арестом или расстрелом и тем самым вынудил их подчиниться, никто из названных лиц не подтвердил. А в 60-е годы во время так называемой «пролетарской культурной революции» хунвэйбины даже обвиняли Чжу Дэ в том, что он не вел борьбу против Чжан Го-тао.

Другая версия утверждала, что «разделение» (заметьте — не раскол!) 1-й и 4-й армий было вызвано наступлением гоминьдановских войск. Эта версия распространялась в двух вариантах. Согласно первому варианту, противник вклинился с севера между правой и левой колоннами. По другому варианту, противник, опираясь на захваченный город Сунпань, вклинился с востока в правую колонну, поэтому соединения 4-й армии не могли продвигаться вперед и вынуждены были повернуть назад. Эти разговоры

вскоре прекратились, так как они слишком явно противоречили общеизвестным фактам.

Собственную, якобы партийную версию дал Мао Цзэ-дун в 1936 году в им же самим отредактированном интервью Эдгару Сноу. В книге «Красная звезда над Китаем» на странице 202 читаем: «Здесь (в Западной Сычуани.— *О. Бр.*) обе армии разделились. Одна часть, южнокитайская, продолжила поход на север, а другая часть с армией 4-го фронта осталась в Сычуани. Существовали разногласия об избрании правильного курса... Два фактора положили конец периоду нерешительности. Первый состоял в том, что войска Чан Кай-ши, которые наступали на Сычуань с востока и севера, вклинились между двумя группировками (какими? — *О. Бр.*) Красной армии. Второй фактор заключался в том, что одна из стремительных рек Сычуани, внезапно выйдя из берегов, стала непроходима и физически разделила вооруженные силы. Играли роль и другие факторы, касавшиеся внутрипартийной борьбы, но о них здесь не стоит говорить».

Так просто и безобидно выглядела история раскола Красной армии в изложении Мао Цзэ-дуна. В действительности только он один извлек из этого пользу. Он освободился от политического и военного давления со стороны Чжан Го-тао и выиграл время для укрепления и утверждения своей личной власти. Теперь единственный и неоспоримый руководитель, пусть небольшой, но преданной ему 1-й армии, он пользовался фактически решающим влиянием в Политбюро, которое, несмотря на уменьшение состава, все еще включало наиболее авторитетных партийных деятелей, и поэтому считал себя вправе выступать от имени КПК и ее Центрального Комитета.

* * *

Где-то севернее Баси вновь собралось Политбюро. Я не помню ни названия места, ни точной даты его созыва, а впрочем, это не имеет значения. Официальная историография утверждает, что заседание Политбюро в Баси состоялось в конце августа. По-моему, это было не так. Заседание могло состояться только после раскола — во время похода 1-й армии, в начале сентября. Это же вытекает из решений, которые у меня ясно запечатлелись в памяти, поскольку я участвовал в совещании, на котором обсуждались политические и военные проблемы.

Поведение Чжан Го-тао было осуждено как антипартийное. Было отмечено, что 4-я армия, находившаяся под командованием Чжан Го-тао и Сюй Сян-цяня, заражена феодальным и милитаристским духом. В этой связи упоминались эксцессы, якобы имевшие место по отношению к населению временной базы в Северной Сычуани: неоправданные принудительные меры, пытки и расстрелы. Тем не менее следовало поддерживать радиосвязь с 4-й армией, чтобы оказывать влияние на ее действия и «перевоспитывать терпеливой разъяснительной работой» ее кадры, прежде всего самого Чжан Го-тао. При этом рассчитывали на активную поддержку Чжу Дэ, Лю Бо-чэна и других руководящих кадров 1-й армии, находившихся в 4-й армии.

Необходимо сразу же сказать, что ни из «влияния», ни из «перевоспитания» ничего не получилось. Обе стороны бомбардировали друг друга радиограммами, полными взаимных обвинений в предательстве революции, бегстве от врага, узурпации партийного руководства и прочих преступлениях. Дело в конце концов дошло до того, что Чжан Го-тао стал открыто оспаривать правомочность Политбюро ЦК, точнее, его костяка, находившегося в 1-й армии, и объявил, что будет подчиняться только ИККИ. Он создал собственный Центральный Комитет и его Политбюро, а также собственный Военный совет. Большинство членов этих органов он подобрал из руководящих кадров 4-й армии. Но нет никаких конкретных подтверждений, что Чжан Го-тао третировал или притеснял оставшиеся у него кадры 1-й армии. Я годами верил в это, основываясь на тенденциозной информации, и писал об этом еще в своем отчете в Москву в конце 1939 года. Так же мало достоверны и другие широко распространенные утверждения, будто Чжан Го-тао создал эти органы сразу же после раскола армии или даже еще раньше. В узком кругу было известно, что он предпринял этот шаг не раньше конца 1935 года.

Вернемся, однако, к совещанию Политбюро в Баси. 1-я армия была реорганизована. По данным штаба, сильно сократившегося и состоявшего теперь в основном из работников бывшего Главного штаба, ее фактическая численность составляла 9—12 тысяч человек, причем активных штыков насчитывалось 7—10 тысяч. Более поздние данные о 30 тысячах человек явно преувеличены. Просто сюда включили соединения в Ганьсу и Шэньси, самостоятельное существование и действия которых длительное время замалчива-

лись. В 1-й корпус по-прежнему входили 1-я и 2-я дивизии, каждая двухполкового состава, причем полк имел четыре роты. В общей сложности в 1-м корпусе все еще насчитывалось 4—5 тысяч человек. Дивизии 3-го корпуса были расформированы. В корпусе осталось четыре полка тоже по четыре роты в каждом. Общая численность корпуса равнялась 3—4 тысячам человек. Объединенная штабная и обозная колонна вместе с военной школой, охраной и со всеми гражданскими учреждениями по-прежнему насчитывала 2—3 тысячи человек. Командующим 1-й армией был назначен Пэн Дэ-хуай, а политкомиссаром — Мао Цзэ-дун. Морально-политическое состояние всего состава, несмотря на истощение, голод и болезни, оценивалось весьма высоко. Причем особенно подчеркивалось, что раскол не вызвал никаких колебаний.

Вначале опять возникли споры насчет стратегической цели похода. Все соглашались только с оперативным направлением на Ганьсу. А дальше? Мао Цзэ-дун, временно устранив со своего пути Чжан Го-тао, вернулся к прежней идее похода в Синьцзян. Ло Фу выступал за Нинся. Бо Гу, Ван Цзя-сян и другие, в том числе и я, настаивали на Шэньси. Это предложение в конце концов и было принято единогласно. Было решено объединиться с местными частями, укрепить существующую базу и только потом определить будущую стратегию.

Дальнейший поход должен был проходить под старым политическим лозунгом борьбы против Японии, и поэтому 1-я армия получила дополнительное наименование «антияпонского авангарда». Это дало Мао Цзэ-дуну повод в октябре 1938 года утверждать, что «Центральный Комитет партии и главные силы Красной армии (!)» тем самым получили возможность «проводить новую политику — политику единого антияпонского национального фронта» [1]. В действительности у ослабленной 1-й армии не оставалось иного выбора, как продвигаться в Северную Шэньси, куда вел кратчайший путь и где она могла получить не только военное подкрепление, но и готовую советскую базу. Именно поэтому решение было единодушным. Первоначально возникшие разногласия я считаю маневром со стороны Мао Цзэ-дуна с целью развязать себе руки на будущее, тогда как Ло Фу явно искал компромиссного решения.

[1] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения, т. 2, стр. 358.

Но и поход в Ганьсу оказался невероятно трудным. Сначала мы спускались вниз и переправлялись через Байшуйцзян, протекавшую по глубокому ущелью. Затем пришлось подниматься на Миньшань, карабкаясь через перевалы, частично покрытые снегом. Приблизительно на границе между провинциями Сычуань и Ганьсу нам снова надо было спуститься, на сей раз к Байлунцзян, через которую мы переправлялись еще в самых верховьях. Этот отрезок пути был практически свободен от врага. Только местные племена обстреливали нас из засады. Но труднее всего было преодолевать обрывистые скалы, тем более что узкие крутые тропинки и те немногие подвесные мосты, которые здесь имелись, теперь местами были разрушены. Одну за другой, то карабкаясь вверх, то спускаясь вниз, преодолевали мы отвесные скалы или, особенно на южном берегу Байлунцзян, с большим трудом напрямик перебирались через узкие ущелья. Вот как, например, это происходило. Над нами — нависшая скала, под нами — бурлящий поток, на другом берегу — селение. Тропинка загромождена обломками скал. По каменному завалу ведут прицельный огонь из селения, к счастью из винтовок допотопного образца. Обойти невозможно, переждать ночь — значит потерять время. Итак, вперед! И мы пробились, правда потеряв несколько человек убитыми и ранеными. В такие или подобные ситуации мы попадали почти ежедневно.

Только когда мы пересекли границу Ганьсу, нам встретились регулярные, хотя и слабые, силы противника. Севернее Байлунцзяна дорога устремилась к перевалу уже к другой горной цепи, которую называли воротами в Ганьсу. Перевал, занятый ганьсускими войсками, был взят внезапным нападением. Затем 1-я армия повернула на северо-запад. Она преодолела еще несколько перевалов, оборонявшихся передовыми частями 1-й гоминьдановской армии генерала Ху Цзун-наня. Это были, собственно говоря, не сражения, а скорее мелкие столкновения и стычки авангардных частей. Так продолжалось до конца похода. Наша 1-я армия спустилась с гор и в конце сентября вышла в район Миньсянь. На своем пути, впервые за четыре месяца, не считая одного или двух подобных мест в Западной Сычуани, она встретила многочисленные селения, жители которых не разбежались, и смогла запастись достаточным количеством продовольствия, не прибегая к таким жесто-

ким мерам, как в Сикане. Здешнее население состояло в основном из китайских мусульман, которые, как правило, встречали нас дружески, местами как старых знакомых, что меня очень удивляло.

Загадка разрешилась, когда мы натолкнулись под Миньсянем на связных 25-го корпуса Красной армии. От них мы получили подробные сведения об обстановке в Ганьсу и Шэньси. 25-й корпус под командованием Сюй Хай-дуна, укомплектованный преимущественно молодежью (его называли поэтому «Пионерским корпусом»), передислоцировался в Северную Шэньси, где вместе с 26-м корпусом Лю Чжи-даня образовал 15-й корпус. Это объединение произошло или после ухода 4-й армии из советского района Хунань — Хубэй — Аньхой, или после ее выступления из временной базы Южная Шэньси — Северная Сычуань в Сикан. Я слышал обе эти версии. Это сообщение меня озадачило, поскольку, по неточным данным, полученным мною в Цзянси, 15-й корпус был уже сформирован из оставшихся частей 4-й армии в бывшем советском районе Хунань — Хубэй — Аньхой (см. стр. 25 и др.). Возможно, ошибка вкралась в перевод полученных мною из ЦК сведений и подразумевался 25-й корпус. Я не знал также, что произошло с 27-м корпусом, о котором шла речь выше, поскольку поступавшие в разное время сведения противоречили друг другу. Я думаю, что 27-й корпус влился в 15-й. Что касается боевых действий 25-го корпуса, то, на мой взгляд, о них умышленно умалчивали, и до сего дня они не оценены по достоинству. Нетрудно угадать причину подобного замалчивания. Маоистская историография расписывает, как Мао повел 1-ю армию в Шэньси, невзирая на сопротивление противника, намного превосходившего силы 1-й армии. И ни слова не говорится о том, что тогда же и долгое время спустя 4-я армия и отчасти 2-й корпус отвлекали и сковывали главные силы центрального гоминьдановского правительства. Замалчивается и тот факт, что как только Сюй Хай-дуну стало известно о походе 1-й армии в Ганьсу, 25-й корпус немедленно выступил в том же направлении, действовал в тылу войск Ху Цзун-наня и, таким образом, очистил 1-й армии путь на Ганьсу — Шэньси. Узнав об этом, я понял, почему так быстро и со столь незначительными потерями удалось преодолеть горные перевалы на границе Ганьсу и почему дальнейшее продвижение проходило без особых трудностей.

Под Миньсянем состоялось новое совещание, своего рода Военный совет. В нем приняли участие кроме членов Политбюро также Пэн Дэ-хуай и, возможно, представитель 25-го корпуса. Снова обсуждался вопрос, не целесообразней ли двинуться через Северную Ганьсу в Синьцзян или Нинся. Было, однако, подтверждено прежнее решение продолжать поход в направлении советской базы в Северной Шэньси, но ускоренными темпами.

Причиной этого послужили новые сведения об обстановке в Северной Шэньси, из которых вытекало, что там можно было рассчитывать на значительное увеличение вооруженных сил. Речь шла о регулярных войсках численностью 10—12 тысяч человек и о нескольких сельских уездах, которые прочно удерживались этими войсками. К этому следовало добавить почти вдвое большую территорию, на которой противник контролировал только крупные населенные пункты и важнейшие дороги. С другой стороны, стало известно, что к северу от Миньсяня Ху Цзун-нань сконцентрировал главные силы своей армии, чтобы обезопасить провинциальный центр Ланьчжоу, и тем самым блокировал дороги на Нинся и Синьцзян. Помимо того, в Северной Ганьсу и в узком рукаве Западной Ганьсу, которые на юге были отделены от Цинхая высокими горными цепями, а на севере от Внутренней Монголии — степями и каменистыми пустынями, стояли сильные войска, преимущественно кавалерия, «трех Ма», мусульманских генералов, которые были полны решимости и имели возможность дать отпор любой попытке проникнуть через их владения в Синьцзян. И Шэньси не была свободна от неприятельских войск, а даже наоборот! Там дислоцировалась 100-тысячная северо-восточная армия Чжан Сюэ-ляна со штаб-квартирой в Сиани. Эту армию в 1931 году Чан Кай-ши приказал вывести из Маньчжурии. В пограничном районе Ганьсу — Шэньси и на северном берегу Вэйхэ стояли в боевой готовности две-три дивизии 17-й армии под командованием губернатора провинции Шэньси генерала Ян Ху-чэна. Однако морально-политическое состояние личного состава обеих армий, особенно северо-восточной, оставляло желать много лучшего. От рядового солдата до высшего командного состава все были проникнуты стремлением воевать не против «красных», а против японцев. Поэтому они ограничивались обороной стратегических рубежей и укрепленных пунктов.

Все эти сведения настолько красноречиво говорили в пользу похода в Шэньси, что о другом решении вообще не могло быть и речи. Так был окончательно похоронен синьцзянский вариант. У меня точно гора с плеч свалилась.

Пока мы совещались, 1-й корпус двинулся в направлении на Тяньшуй, где 25-й корпус заблаговременно создал плацдарм на северном берегу Вэйхэ и тем самым обеспечил переправу. В конце сентября мы перебрались через реку незадолго до появления у переправы гоминьдановских войск. Дальнейший наш путь пролегал вдоль границы Ганьсу и Шэньси, на территории то одной, то другой провинции, в общем направлении на северо-восток. 25-й корпус шел в авангарде 1-й армии. Под Пинляном он обратил в бегство кавалерию генерала Ма Хун-биня. Но потом, если не ошибаюсь, 25-й корпус отклонился к востоку в направлении на Хэшуй и Цинъян, чтобы снова начать действия в тылу войск Ян Ху-чэна и Чжан Сюэ-ляна. 1-я армия продолжала свой путь на северо-восток, не встречая серьезного сопротивления.

В той части Ганьсу, которую мы пересекали, жили преимущественно китайские мусульмане. Я должен подчеркнуть, что бойцы с уважением относились к их религиозным обрядам. Политуправление выпустило инструкцию, в которой, в частности, запрещалось входить в мечети и жилые дома, пользоваться кухонными котлами и посудой местных жителей, есть свинину и т. п. Такое образцовое отношение к населению принесло свои плоды — у нас не было никаких трудностей с продовольственным снабжением. Кроме того, здесь было много помещиков, у которых мы могли реквизировать продовольствие. Необходимое содействие нам оказывали в этом жители, подвергавшиеся жестокой эксплуатации и тяжелому гнету со стороны местных милитаристов. С тех пор как мы миновали земли народности лоло, у нас впервые установились дружеские контакты с меньшинством в строгом смысле не национальным, а религиозным. Последствия этих контактов, как выяснилось, сказались и позднее, когда в 1936 году Красная армия распространила сферу влияния советского района и на эту территорию.

Чем дальше продвигались мы на север, тем больше менялся ландшафт. Мы вступили на лёссовые земли Северной Шэньси с бесконечными узкими оврагами, глубоко прорезавшими голые равнины. Все чаще вместо фанз

встречались пещеры, все меньше становилось полей и огородов, почти исчезли деревья. Вокруг простиралась бедная, лишь кое-где обработанная мотыгами земля.

В середине октября 1-я армия выдержала последний бой, я не знаю точно где, но, по-видимому, неподалеку от селения Уцичжэнь. Во всяком случае, это произошло где-то у самой границы советского района, так как чуть позже мы натолкнулись на первых красногвардейцев. Само сражение я помню очень хорошо. Путь нам преградила кавалерийская бригада 17-й или северо-восточной армии. Мао Цзэ-дун решил ее атаковать. Перед атакой состоялся митинг, на котором он разъяснил красноармейцам значение этого боя, открывавшего нам дорогу в новый советский район и победоносно венчавшего Великий поход. Речь Мао Цзэ-дуна зажгла красноармейцев, которых заранее обработали в нужном духе.

Уверенный в успехе, Мао Цзэ-дун пригласил меня сопровождать его и Пэн Дэ-хуая на командный пункт, находившийся на одном из близлежащих холмов. Оттуда мы наблюдали за боем, который длился всего несколько часов. Пересеченная местность оказалась нам на руку, тогда как вражеские кавалеристы не могли спешиться и развернуться в узких оврагах, а на равнине, лишенной каких-либо укрытий, они представляли прекрасную мишень для наших стрелков. Когда кавалерия была смята, Мао и Пэн передвинули командный пункт вперед. Мне же, к сожалению, пришлось остаться, так как моя лошадь давно уже пошла на мясо, а мул с багажом находился далеко позади в обозе. Только поздним вечером я вместе со штабной колонной догнал командование армии.

Между прочим, на следующий день мне досталась трофейная лошадь, хорошо объезженная и очень смирная. Спустя несколько недель я ее обменял у Ван Цзя-сяна на чахарского пони столь дикого нрава, что приходилось его взнуздывать. Он прекрасно служил мне до самого моего отлета в Москву осенью 1939 года.

Наши потери в этом последнем бою на границе советского района были незначительными, потери же противника были велики. Трофеев мы захватили мало: около сотни лошадей и небольшое количество оружия и боеприпасов. Высказывания военнопленных, часть которых составляли раненые, по сообщению Политуправления, подтверждали нежелание не только солдат, но и многих офицеров про-

должать бесконечную гражданскую войну и стремление выступить наконец в поход против Японии. После оказания помощи раненым, короткой разъяснительной беседы пленных, как обычно, отпустили. Большинство из них вернулись в свои части и стали распространять наши лозунги о гражданском мире и антияпонской войне.

Дальше наш путь пролегал уже по советскому району. Повсюду жители сердечно приветствовали нас. В немногих крупных деревнях навстречу нам с красными знаменами выходили представители местных Советов и крестьянских отрядов самообороны. На стенах лёссовых пещер там и сям виднелись написанные мелом лозунги.

Примерно через два дня мы достигли Баоаня, небольшого городка с немногими домами, но множеством огромных пещер. Мне рассказали, что Баоань был основан во время сооружения Великой стены, то есть почти 1700 лет назад, и служил временной резиденцией первому китайскому императору Цинь Ши-хуану или его наместнику. Не знаю, так ли это на самом деле, во всяком случае, от былого великолепия ничего не осталось.

Здесь мы встретились с первыми регулярными частями 15-го корпуса. Их численность не превышала численности батальона, максимум полка. Они, очевидно, выполняли роль резерва для отражения довольно частых нападений миньтуаней или провинциальных войск. К нашему удивлению, здесь оказался Лю Чжи-дань, командовавший раньше 26-м корпусом, а затем 15-м корпусом. Но с этого поста, как оказалось, он был совсем недавно смещен. Об этом инциденте ходили странные и противоречивые слухи. Я так никогда и не узнал, что же произошло на самом деле. Официальная китайская историография тоже не дает сколько-нибудь обоснованного разъяснения. Эдгар Сноу, следуя, очевидно, манере Мао Цзэ-дуна приуменьшать значение некоторых событий или приукрашивать их, представляет все это как «странное («курьезное») дело» [1]. Такое толкование, разумеется, весьма импонировало Мао Цзэ-дуну. Летом 1935 года, примерно в то же время, когда в Северную Шэньси прибыл 25-й корпус, некий таинственный представитель ЦК, выступивший этаким верховным ревизором, проверял состояние партийной работы и обнаружил право- и левооппортунистические

[1] *Эдгар Сноу.* Красная звезда над Китаем, стр. 212.

уклоны и даже контрреволюционный заговор. С помощью местного уполномоченного по безопасности он арестовал Лю Чжи-даня, Гао Гана и группу их сотрудников. Они безропотно подчинились, хотя могли рассчитывать на поддержку своих вооруженных сил и местного населения. Командование 15-м корпусом принял на себя Сюй Хайдун. Мао Цзэ-дун и Политбюро, расследовав, однако, это дело, выяснили необоснованность обвинения и вернули Лю Чжи-даня, Гао Гана и остальных арестованных на их прежние посты.

Поскольку «представитель ЦК» довольно долго работал в провинциальном комитете партии в Хубэе и прибыл в Шэньси, вероятно, вместе с 25-м корпусом, распространились слухи о политической интриге Чжан Го-тао, который хотел якобы протолкнуть своих людей на руководящие посты в вооруженных силах и правительственных органах. Но эта версия просуществовала недолго, ибо каждому было известно, что Чжан Го-тао категорически возражал против похода в Северную Шэньси. Тогда появилась версия, будто Сюй Хай-дун пытался захватить власть в армии. Однако бессмысленность этой версии была очевидна: 25-й корпус значительно превосходил по численности 26-й. В конце концов вся эта история забылась. Лишь местный уполномоченный по безопасности стал козлом отпущения. Остальные, в том числе «представитель ЦК» и Сюй Хай-дун, которые якобы вызвали этот «кризис», продолжали занимать ответственные посты и после 1949 года заняли высокое положение в народном Китае. Лю Чжи-дань погиб в начале 1936 года, прикрывая форсирование Хуанхэ главными силами во время так называемого Восточного похода. Гао Ган в 50-е годы возглавлял правительство Северо-Восточного Китая (Маньчжурии). Против него маоисты развернули ожесточенную клеветническую кампанию, и в конце концов он покончил с собой, а может быть, даже был убит.

И снова в выигрыше оказался один Мао Цзэ-дун. Выступив в роли третейского судьи, он быстро покончил с «кризисом», к удовлетворению всех заинтересованных лиц. И поскольку он действовал от имени Политбюро ЦК, вся политическая и военная власть в советском районе оказалась в его руках. Это дало повод для различных предположений, которые никогда не высказывались открыто, хотя многие, в том числе Ло Фу, делали кое-какие намеки

(разумеется, не в разговорах со мной). Не исключено, что Мао Цзэ-дун лично знал Сюй Хай-дуна по Ганьсу и убедился в его лояльности. Лю Чжи-даня и Гао Гана Мао Цзэ-дун не знал совсем и, должно быть, опасался, что может возникнуть такая же ситуация, как в пограничном районе Сычуань — Сикан с Чжан Го-тао, поскольку они располагали численным превосходством над 1-й армией и осуществляли административную власть. Проще простого было, с макиавеллиевской хитростью использовав 25-й корпус против 26-го корпуса, искусственно создать политический кризис, который сразу обеспечит Мао Цзэ-дуну бесспорный перевес. Это, как уже говорилось, только предположения. Доказательств же никаких нет.

В Баоани штабная и обозная колонны, отделившись от боевых частей 1-й армии, направились в Ваяобао, единственный уездный город в Северной Шэньси, который прочно удерживался Красной армией. Там находилась резиденция провинциального или регионального комитета КПК и местного советского правительства. Вооруженные силы под командованием Пэн Дэ-хуая двинулись в юго-восточном направлении вниз по течению реки Лохэ для соединения с главными силами 15-го корпуса, которые тогда осаждали город Ганьцюань.

20 октября 1935 года, ровно через год после прорыва блокады в Цзянси, мы прибыли в Ваяобао. Великий поход, как его с тех пор начали называть, для 1-й армии завершился. Задуманный первоначально как крупный оперативный маневр, он с военной точки зрения превратился в стратегическое отступление, которое лишь в последней фазе переросло в наступление. Поход стоил огромных жертв. Когда 1-я армия вступила в Северную Шэньси, она насчитывала еще 7—8 тысяч человек, в том числе 5—6 тысяч бойцов регулярных соединений. Но это были закаленные в боях кадры, которые составили костяк партии и армии в войне против Японии и в последовавшей затем народно-освободительной войне. В критический момент, после многообещающего объединения 1-й и 4-й армий, произошел раскол сначала военного, а затем партийного руководства. Наконец — и это роковым образом скажется в будущем — поход дал новую пищу для проповеди примитивного крестьянского и солдатского коммунизма в том виде, как его понимал Мао Цзэ-дун. В результате повседневная, не менее героическая и стоившая еще больших жертв борьба

китайского рабочего класса в крупных городах и промышленных центрах отошла на задний план, о ней умышленно «забыли».

Несмотря на серьезные отрицательные моменты, с политической точки зрения Великий поход означал победу китайской Красной армии, которая смогла противостоять неизмеримо превосходившим ее по численности войскам противника, дала десятки сражений и провела сотни искусных маневров. Она прошла 10 тысяч километров, пересекла 12 провинций, преодолела 18 горных цепей, 5 из которых были покрыты вечным льдом и снегом, форсировала 24 крупных реки. Это выдающийся подвиг, свидетельствующий о великом мужестве, выносливости и революционном подъеме бойцов китайской Красной армии, которая была преимущественно крестьянской армией и сражалась под руководством коммунистической партии.

В Ваяобао, где некоторое время должна была располагаться наша штаб-квартира, я обсудил с Бо Гу вопрос о географическом положении новой базы в точке пересечения политических интересов Китая, Японии и Советского Союза. Мы единодушно пришли к выводу, что предоставляется исключительно благоприятная возможность связать революционную национально-освободительную борьбу китайского народа со всемирной борьбой против войны и фашизма. Удастся ли убедить Мао Цзэ-дуна в том, что мы должны включиться в этот международный фронт борьбы, во главе которого стоят Коминтерн и Советский Союз? Или же он, исходя из своего старого тезиса о Китае как центре противоречий в мире и верный своему девизу «стравливания двух тигров», будет по-прежнему пытаться втянуть Советский Союз, вопреки провозглашенной им политике мира, в конфликт с гоминьдановским Китаем или с Японией?

Такая опасность существовала. На основе уже имевшегося опыта мы оба считали ее вполне реальной. В сложившейся обстановке трудно было рассчитывать на то, что эта опасность может быть ликвидирована самим Политбюро ЦК КПК. Для получения точной информации и директив необходимо было, на наш взгляд, восстановить регулярную связь с Коминтерном, хотя бы по радио. Бо Гу решил добиваться, чтобы в Москву был направлен, как в свое время Чэнь Юнь, новый связной.

1935
1937

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД В ПОГРАНИЧНОМ РАЙОНЕ ШЭНЬСИ — ГАНЬСУ — НИНСЯ

ГЛАВА 4

Новая база в Северной Шэньси охватывала территорию в 30—40 тысяч квадратных километров. Она простиралась примерно от границы Ганьсу на западе почти до Хуанхэ на востоке и от Великой китайской стены на севере до Фусяня на юге. Но все города, за исключением Ваяобао, и большинство крупных населенных пунктов находились в руках противника, который контролировал также единственную автостраду Сиань — Яньань. Если не считать немногих плодородных речных долин, местность представляла собой голое лёссовое плато, без единого деревца, изрезанное глубокими оврагами и страдавшее от засухи, а в низинах — от наводнений. Твердая как камень почва давала весьма скудный урожай.

Три чашки проса или гаоляна и немного квашеной капусты — таков был обычный дневной рацион как крестьян, так и бойцов. Довольно сухой континентальный климат, несмотря на резкие перепады температур и песчаные бури, приходившие из пустыни Гоби, оказывал благотворное влияние на здоровье. Но среди местных жителей были широко распространены трахома и кожные заболевания. Часто наблюдались вспышки черной оспы, а овцы то и дело заболевали чумой. Издревле этот район был одним из самых бедных и отсталых во всем Китае. В домах жили только горожане и крупные землевладельцы, а крестьяне вместе со скотом ютились в пещерах, пробитых в склонах лёссовых холмов. Разбросанные там и сям селения обычно имели четыре-пять, в редких случаях до десятка дворов. Плохо обстояло дело не только с пищей и одеждой — местами не хватало даже воды. Несмотря на большие размеры, район был малонаселенным. Сельское население вряд ли превышало полмиллиона.

Гоминьдановские газеты, которые мы теперь чаще получали, со злорадством писали, что нелепо полагать, будто Красная армия сможет существовать в этой местности, где якобы нет ничего — ни еды, ни одежды, ни мужчин, которые могли бы пополнить ряды армии.

Поход из Сычуани в Северо-Западный Китай они называли походом в царство смерти. Конечно, это была явная чепуха, но трудностей было более чем достаточно, и их необходимо было преодолеть.

К тому же советский район далеко еще не был стабильным. Туда часто вторгались минтуани и провинциальные войска, которые несколько раз появлялись даже вблизи

Ваяобао. Они могли действовать безнаказанно, поскольку обстоятельства вынуждали главные силы Красной армии проводить операции исключительно на границах советского района или за его пределами — до конца 1935 года преимущественно на юге и юго-западе против северо-восточной армии Чжан Сюэ-ляна. Фактическая численность Красной армии в Северной Шэньси, по моим данным 1939 года, составляла 16—19 тысяч бойцов, в том числе в 1-й армии — 5—6 тысяч, в 15-м корпусе — 7—8 тысяч и в отдельных и местных частях — 4—5 тысяч человек. Чжоу Энь-лай в 1936 году назвал Эдгару Сноу несколько иные цифры, согласно которым 1-я армия насчитывала 7 тысяч, 15-й корпус, включая отдельные части под командованием Лю Чжи-даня,— 10 тысяч и 25-й корпус Сюй Хай-дуна — 3 тысячи, то есть в общей сложности 20 тысяч человек.

Расхождения в оценке общей численности войск незначительны. Наибольшее расхождение касается численности отдельных соединений. Это объясняется, по-моему, двумя реорганизациями, первая из которых была проведена непосредственно перед прибытием, а вторая сразу после прибытия 1-й армии в Северную Шэньси. Дело в том, что Мао Цзэ-дун, убедившись в лояльности Лю Чжи-даня и Гао Гана, объединил 1-ю армию, переименованную в 1-й корпус, с 15-м корпусом в новую Красную армию 1-го фронта. Туда он включил, кроме того, ряд отдельных соединений и частей. Для меня остался неясным статус 25-го корпуса: влился ли он в один из этих двух корпусов или продолжал действовать самостоятельно. Главнокомандующим войсками 1-го фронта стал Пэн Дэ-хуай, а генеральным политкомиссаром — сам Мао Цзэ-дун. Новым 1-м корпусом командовал Линь Бяо, а 15-м — Лю Чжи-дань.

В ноябре 1935 года 20 тысячам бойцов армии 1-го фронта противостояла 200-тысячная гоминьдановская армия, которая, таким образом, имела опять десятикратное превосходство сил. На юге советский район блокировали 10—12 пехотных и 2 кавалерийские дивизии северо-восточной армии общей численностью около 100 тысяч человек. Их позиции протянулись на север до самой Яньани включительно и также далеко на запад в Южной Ганьсу. На востоке переправы через Хуанхэ в районе Ичуаня и близ Суйдэ охраняли по две дивизии 26-й армии Ян Ху-чэна. На севере с главным опорным пунктом в Юйлине стояла

86-я дивизия армии Ху Цзун-наня, о которой речь пойдет ниже. Кроме того, в Ганьсу находились в резерве еще четыре-пять дивизий Ху Цзун-наня. К этому надо добавить три-четыре пехотные дивизии и кавалерийские соединения неустановленной численности (в общей сложности около 50 тысяч человек) «трех Ма», цепочка гарнизонов которых протянулась от Нинся через Ганьсу до Цинхая. Но столь внушительные на первый взгляд цифры были иллюзорными. Во-первых, соединения дислоцировались на значительном расстоянии друг от друга. С востока на запад они растянулись на 800 километров, а с севера на юг, разделенные советским районом,— примерно на 500 километров. Во-вторых, как уже отмечалось, в основном они ограничивали свои действия обороной укрепленных пунктов и важных коммуникаций, не предпринимая крупных наступательных операций. Даже там, где противник решил продвинуться, он отказался от апробированной, но сложной и требующей много времени тактики блокгаузов. Такие действия противника объяснялись двумя главными причинами: низким боевым духом, особенно в северо-восточной, а частично и в 17-й армиях, и соперничеством провинциальных генералов как между собой, так и с командующим войсками центрального гоминьдановского правительства. Отсюда — тактика пассивного выжидания и отсутствие какого бы то ни было взаимодействия, из-за чего численное превосходство противника так ни разу и не было реализовано.

Это позволяло Красной армии свободно маневрировать и на избранных оперативных направлениях наносить удары по отдельным соединениям противника. Еще до прихода 1-й армии Лю Чжи-дань и Сюй Хай-дун уничтожили две бригады северо-восточной армии и нанесли тяжелое поражение 110-й дивизии. В ноябре новая армия 1-го фронта под командованием Пэн Дэ-хуая (Мао Цзэ-дун остался в Ваяобао) основательно потрепала 109-ю дивизию, после чего Чжан Сюэ-лян прекратил слабые попытки выполнить приказ Чан Кай-ши о наступлении и вскоре заключил с Красной армией секретное перемирие, переговоры о котором с нашей стороны вели Чжоу Энь-лай и Бо Гу. Довольно расплывчатый текст соглашения содержал, между прочим, пункт, по которому обе стороны обязывались согласовывать друг с другом передвижение своих войск. И другие неприятельские войска, в частности 17-я армия, в общем

воздерживались от активных боевых действий. Военное положение, таким образом, стабилизировалось.

Партийное руководство, то есть Мао Цзэ-дун и находившиеся в Северной Шэньси члены ЦК, занималось в то время реорганизацией советского района. Его разделили на северный и южный подрайоны, выделив при этом два отдельных округа — один на северо-востоке (восточнее дороги Юйлинь — Суйдэ), а другой — южнее Яньани. В соответствии с этим были созданы новые комитеты партии подрайонов и округов, а также региональные советские органы с военными комиссариатами, в задачу которых входила мобилизация в армию и руководство местными частями и организациями самообороны. На руководящие посты в подрайонные и окружные партийные и советские органы ЦК назначил людей как из своего кадрового резерва, так и из проверенных местных кадров. По-моему, никаких выборов не было. Таким образом, ЦК прочно контролировал партийный и советский аппарат.

В то же время в Ваяобао был учрежден провинциальный комитет партии, куда вошли также члены ЦК. Было восстановлено и Временное революционное правительство как центральный советский орган, создан руководящий военный орган. Но сейчас я уже не припомню, был ли это Реввоенсовет правительства или Военная комиссия ЦК партии. Вероятнее всего, последнее, так как правительство играло лишь скромную роль административного органа. И в официальных документах с тех пор упоминается почти исключительно Военная комиссия ЦК.

Замечу, кстати, что во взаимоотношениях этих двух руководящих военных органов — Военного совета правительства и Военной комиссии ЦК — никогда не было ясности. В Жуйцзине, очевидно, существовали оба эти органа. Но существование Военной комиссии как-то не запечатлелось в моей памяти, вероятно потому, что по составу она совпадала с Политбюро, точнее, с его Постоянным комитетом, а в последнее время даже с «тройкой» (Бо Гу, Чжоу Энь-лай и Ли Дэ). Совещания же и решения Военного совета, напротив, сохранились в моей памяти отчетливо.

После Цзуньи Военный совет, как уже говорилось, никакой роли не играл. По-видимому, его заменила Военная комиссия, в которой все решения принимал единолично Мао Цзэ-дун, а практическую работу вел Чжоу Энь-лай.

Но это положение снова изменилось после объединения с 4-й армией и разрыва с Чжан Го-тао. Теперь при 4-й армии имелся свой Военный совет и второй Центральный комитет, а при 1-й армии, где находилось большинство членов старого Центрального Комитета и его Политбюро,— Военная комиссия.

В Северной Шэньси Мао Цзэ-дун фактически возглавлял все три руководящих органа. В ЦК его представителем был Ло Фу, который координировал деятельность руководящих органов, в правительстве — Бо Гу, вначале занимавшийся преимущественно вопросами внутренней реорганизации, а позже «внешнеполитическими» делами, в Военном совете (будем называть его так) — Чжоу Энь-лай, учредивший новый Главный штаб и поддерживавший связь с фронтовыми частями, а также энергично руководивший отдельными местными боевыми частями.

Несмотря на слабую населенность района, кампания по мобилизации зимой 1935/36 года, по данным штаба Чжоу Энь-лая, дала 4—5 тысяч бойцов, которые пополнили фронтовые и местные части, а также тыловые службы и особенно войска охраны. Сам я участвовал в работе штаба, но главным была для меня Военная академия, также реорганизованная и пополненная слушателями из 15-го корпуса и участников Великого похода и снова насчитывавшая несколько сот человек.

Тяжелым оставалось экономическое положение советского района. Эпизодические рейды отдельных частей в пограничные гоминьдановские районы вряд ли могли изменить положение, равно как и развернувшаяся в конце года в весьма скромных масштабах торговля через Яньань. Самым главным источником снабжения по-прежнему оставались обязательные поставки (своего рода натуральный налог), а чаще всего — реквизиции у кулаков и середняков, а также у спекулянтов и контрреволюционеров, причем эти категории трактовались весьма широко. Как и в конце 20-х — начале 30-х годов в Цзянси, временно снова вводились радикальные формы военного коммунизма, которые, несомненно, затрудняли политическую стабилизацию советского района. Позже их сменила система самоснабжения, которая в связи с тактикой единого фронта постепенно превратилась в основную внутриполитическую линию, но полного расцвета достигла лишь в 1938 году, после начала антияпонской войны.

Хозяйственные трудности ставили нас перед проблемой: что делать? Двинуть армию 1-го фронта в поход для создания новой советской базы или же расширять существующую? И где, в каком направлении? В общем это были те же вопросы, которые мы не смогли решить в пограничном районе Сычуань — Сикан. Возродилась идея получения материальной и технической помощи от Советского Союза. На одном из заседаний Политбюро или Военного совета Ло Фу предложил пробиваться через Нинся и Внутреннюю Монголию к границам Монгольской Народной Республики. Он считал этот путь самым удобным для установления связи с Советским Союзом. Хотя в северной части путь пролегает по степям и пустыням, но он сравнительно короток, да и противника там нет, кроме местных войск, преимущественно войск Ма Хун-биня. Предложение Ло Фу, однако, повисло в воздухе. Правда, некоторые из присутствовавших одобряли поход на Нинся, но с ограниченными целями расширения советского района в направлении Нинся и Ганьсу и тем самым создания более крупной базы с более богатыми ресурсами. Насколько я помню, за это высказывались Бо Гу, Чжоу Энь-лай, Ван Цзя-сян и Пэн Дэ-хуай. Я тоже разделял эту точку зрения. Наконец, речь снова зашла о походе в Синьцзян, но только силами одной 4-й армии. Мао Цзэ-дун подчеркнуто держался нейтрально. Он только намекнул, что есть и другая возможность, а именно вторгнуться в богатую провинцию Шаньси, а оттуда через Суйюань установить связь с Монгольской Народной Республикой. Таким образом, можно одним махом решить две задачи: материальное обеспечение базы и ведение маневренной войны «против японского агрессора и его китайских лакеев», что послужит как бы искрой для разжигания всенародной войны. На этом совещание закончилось. Никакого решения принято не было.
От Бо Гу я узнал потом, что и Ло Фу, и Мао Цзэ-дун серьезно подумывают о походе армии 1-го фронта к границе Монгольской Народной Республики. Ло Фу хотел это сделать без особого политического или военного риска, который мог повлечь за собой международные осложнения. Мао, наоборот, стремился, по-моему, демонстративным маршем Красной армии как «антияпонского авангарда» спровоцировать конфликт между Монгольской Народной Республикой и Советским Союзом, с одной стороны, и гоминьдановским Китаем и Японией — с другой. Поэтому

он не отправил в Москву курьера для установления контактов. Только позднее, после так называемого Восточного похода, он послал Дэн Фа, но не для получения информации и директив (к тому времени он их уже имел), а для переговоров о поставках оружия и других материалов.

* * *

В конце ноября — начале декабря 1935 года, когда вопросы военной и политической стратегии все еще ждали своего разрешения, неожиданно из Москвы в Ваяобао прибыл Чжан Хао — кандидат в члены ЦК, член представительства КПК при ИККИ, делегат VII конгресса Коминтерна. По-видимому, его сбросили с самолета где-то на севере района. Во всяком случае, он долго ходил в летном меховом комбинезоне советского образца. Прислав его, ИККИ сделал то, чего не сделал Мао Цзэ-дун. ИККИ придавал настолько большое значение установлению связи, что, как я узнал, послал целый отряд, который под видом торгового каравана должен был пробираться через Внутреннюю Монголию. Но по пути отряд, кажется, подвергся нападению бандитов и был уничтожен.

Чжан Хао, конечно, знал, что тоже может попасть в лапы врага. Поэтому у него не было при себе никаких документов и кода для радиосвязи, которая была восстановлена только летом 1936 года. Однако, в соответствии с полученными заданиями, он устно проинформировал нас о новой стратегии и тактике, принятой VII конгрессом Коминтерна, о манифесте представительства КПК при ИККИ, выпущенном от имени Центрального Комитета и китайского советского правительства 1 августа 1935 года, и прежде всего о результатах совещаний представительства КПК в Москве, состоявшихся сразу после VII конгресса по инициативе ИККИ и зафиксированных в воззвании от 25 ноября 1935 года (также от имени ЦК КПК).

Почти весь декабрь партийное руководство обсуждало эти сообщения. Меня не приглашали на заседания, что я считал вполне естественным, поскольку речь шла о выработке политической линии. Поэтому я не был достаточно осведомлен об этих заседаниях и даже о решении Политбюро от 25 декабря узнал только из разговоров. Насколько мне известно, это решение было направлено ИККИ весной 1936 года, но полный его текст никогда не публиковался.

Правда, 27 декабря я присутствовал на совещании партийного актива, где Мао Цзэ-дун разъяснял и обосновывал это решение. Хотя эта речь включена в его «Избранные произведения» [1] под заголовком «О тактике борьбы против японского империализма», но она настолько «подредактирована», что имеет очень мало общего с оригиналом. Поэтому я хотел бы обратиться к документам и пополнить их собственными впечатлениями.

Московское воззвание от 25 ноября исходило из того, что с лета 1935 года патриотическое антияпонское движение в Китае переживало новый мощный подъем. Оно призывало весь народ, все партии и армии немедленно созвать национальную конференцию по спасению родины, в которой должны принять участие представители всех партий, группировок, обществ, армий, которые хотят сражаться против Японии, чтобы обсудить конкретные мероприятия по мобилизации и объединению всех патриотических сил страны. Гоминьдан, который в то время являлся, бесспорно, главной политической силой в стране, был специально включен в состав участников конференции.

За воззванием последовал призыв главного командования китайской Красной армии ко всем войскам и их командирам, особенно к Чан Кай-ши: «Мы заявляем, что полны решимости обеспечить нашу полную поддержку любому правительству национальной обороны независимо от того, каким образом оно будет создано, что мы полны решимости первыми вступить в объединенную армию сопротивления независимо от того, каким образом она будет создана. Мы хотим установить тесное взаимодействие со всеми действительно антияпонскими вооруженными силами независимо от того, боролись ли они в прошлом против нас или нет».

Линия, намеченная в этих документах, открывала возможности для реального сотрудничества с гоминьданом. Условия для такого широкого единого фронта объективно уже созрели. Японская агрессия к тому времени угрожала уже интересам всех классов и слоев в Китае, в том числе правящей верхушки, и даже империалистов Америки и Англии, от которых в большей или меньшей степени зависело Центральное гоминьдановское правительство.

[1] См. *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения, т. 1. М., 1952, стр. 259—290.

В решении Политбюро ЦК в Ваяобао, главным автором которого, по-видимому, можно считать Мао Цзэ-дуна, такая возможность решительно отрицалась. В этом решении рабочий класс, крестьянство, городские средние слои и молодая интеллигенция характеризовались как главные движущие силы «национальной революции», а национальная буржуазия рассматривалась как колеблющаяся и неоднородная часть общества, которая тем не менее может быть вовлечена в антияпонскую борьбу. Что же касается компрадорской буржуазии и феодалов-помещиков, высших сановников и «крупных милитаристов», то они исключались из единого фронта как «заклятые враги народа», «лакеи империалистов» и «предатели родины». Тем самым заранее отвергалось всякое сотрудничество с гоминьданом, в первую очередь с Чан Кай-ши, и подтверждалась линия борьбы на два фронта — против внешнего и против внутреннего врага, что фактически означало продолжение гражданской войны.

В решении от 25 декабря говорилось: «Тактическая линия нашей партии должна состоять в мобилизации, сплочении и организации всех революционных сил китайского народа для борьбы против главного врага на современном этапе — японского империализма и против главного предателя народа — Чан Кай-ши... Нужно соединить гражданскую войну с национально-революционной войной». В том же духе высказался на партийном активе 27 декабря Мао: «Необходимо вести войну против сил иностранного империализма и внутренней контрреволюции».

Это был сектантский и авантюристический лозунг, который не соответствовал реальному соотношению сил в стране и не отвечал политической цели создания широкого национального единого фронта и демократической народной республики. Вообще говоря, решение, принятое в Ваяобао, содержало целый ряд противоречий, которые проистекали из стремления эклектически соединить установки, о которых сообщил Чжан Хао, и линию, проводившуюся Мао Цзэ-дуном.

Выступая на партийном активе, Мао пытался затушевать внутреннюю противоречивость этого решения с помощью доморощенной «диалектики» и жонглирования противопоставлениями типа «с одной стороны — с другой стороны»: с одной стороны — национальный кризис, с другой — революционный подъем; с одной стороны — широчайший еди-

ный фронт против Японии, с другой — решительная борьба против гоминьдана и Чан Кай-ши; с одной стороны — проклятия в адрес милитаристов, с другой — использование противоречий между ними и Центральным гоминьдановским правительством для ослабления позиции Чан Кай-ши и т. д. и т. п.
В этой связи весьма характерно одно сравнение, сделанное Мао. Чан Кай-ши он назвал сытой собакой, а местных милитаристов из Шэньси, Гуандуна, Гуанси и других провинций — голодными. С последними он допускал возможность соглашений и союзов против центрального правительства и даже считал это желательным; тем самым он ставил под сомнение саму идею «широкого национального единого фронта».
В силу присущего ему схематизма и упрощенчества Мао совершенно упускал из виду, что гоминьдан отнюдь не был однороден и что под огонь японской критики попал даже Чан Кай-ши, поскольку он под все возраставшим, по мере продвижения японцев в глубь Китая, давлением как своих англо-американских покровителей, так и патриотического народного движения и большей частью своих собственных сторонников вынужден был искать пути, чтобы предотвратить полное закабаление Китая Японией.
Японские милитаристы открыто заявляли, что их цель — сначала уничтожить китайскую Красную армию, затем северо-восточную армию Чжан Сюэ-ляна и, наконец, вооруженные силы Чан Кай-ши. Изучив московские документы от 1 августа и 25 ноября, Чан Кай-ши счел вполне допустимым переговоры с коммунистами. Мао Цзэ-дун, однако, своей теорией борьбы на два фронта заставил его отказаться от этого курса и дал ему повод утверждать, что коммунисты исключают гоминьдан и лично его, Чан Кай-ши, из национального единого фронта, поэтому он вынужден продолжать борьбу против КПК и китайской Красной армии.
Всерьез ли рассчитывал Мао Цзэ-дун на успех провозглашенной им войны на два фронта? Разумеется, нет! Вероятно, он исходил из того, что начнется новая мировая война, за которой неизбежно последует всемирная революция. В решении от 25 декабря говорилось: «Авантюристические войны японского империализма в Китае и итальянского империализма в Абиссинии несомненно таят в себе опасность второй мировой войны... В результате этого возник-

нет положение, при котором китайская революция уже больше не будет изолированной». И далее: «Поскольку оказались безуспешными все предпринятые Советским Союзом по отношению к Японии миролюбивые акции, а также в силу активных провокационных действий японского империализма, направленных против Советского Союза, СССР всегда готов выступить против этого агрессора. Таким образом, разгром японского империализма становится общей целью китайской революции, японской революции и борьбы Советского Союза против этого агрессора».

Вот здесь-то и зарыта собака! Несмотря на старательную маскировку, вновь явственно проступала старая концепция Ли Ли-саня, которую Мао подхватил в 1923 году и рьяно отстаивал в 1930 году и которая была отвергнута ИККИ и 4-м пленумом ЦК КПК в 1931 году. Тогда в ее основе лежало стремление путем путчистских восстаний и авантюристического наступления китайской Красной армии втянуть Советский Союз в вооруженный конфликт с империалистическими державами, который перерастет в мировую войну и вызовет мировую революцию, что обеспечит победу революции в Китае.

В интервью Эдгару Сноу летом 1936 года Мао подтвердил, что он действительно рассчитывал на вовлечение Советского Союза в войну с Японией, использовав для этого стратегическое положение советской базы в Северо-Западном Китае. На вопрос, верит ли он, что Советский Союз и МНР примут участие в этой войне и помогут Китаю, он ответил: «Само собой разумеется! Советский Союз не изолированная страна и не может игнорировать события на Дальнем Востоке. Он не останется пассивным». И добавил: «Борьба против японского империализма — это задача, имеющая всемирное значение, и Советский Союз, как часть мира, не сможет остаться при этом нейтральным».

Сознаюсь, что этот вопрос занимал меня постоянно. В течение всего 1935 года и Чжан Го-тао, и Мао Цзэ-дун, несмотря на взаимную вражду, продолжали попытки поставить Советский Союз в такое положение, которое привело бы к конфликту с гоминьдановским Китаем или с Японией.

Точности ради хочу заметить, что в решении Политбюро весьма смутно был освещен вопрос о классах. Если иметь в виду такие утверждения Мао Цзэ-дуна, как «на современном этапе демократической революции борьба между

трудом и капиталом имеет свои границы»; «социальное законодательство не будет направлено против обогащения национальной буржуазии» и т. п., то, по логике, следовало, что будущее народное правительство не только предоставит социальные права трудящимся, но и должно обеспечить свободу предпринимательства национальной буржуазии, то есть имущим. Насторожило меня также то место в решении, в котором говорится, что КПК является авангардом не только пролетариата, но и всей нации и поэтому принимает в свои ряды всех, кто желает бороться за цели коммунистической партии, независимо от социального происхождения и положения. Чтобы «организационно расширить» партию, подчеркивалось в решении, ее двери должны быть открыты для миллионов новых членов. Не следует опасаться ни карьеристов, ни политических пустозвонов, ни чуждых в классовом отношении элементов — партия их перевоспитает.

Таким образом, возникала угроза, что КПК, и без того являвшаяся в основном партией беднейших крестьян, под руководством буржуазных или мелкобуржуазных интеллигентов окончательно утратит классовый характер пролетарской партии и превратится в аморфную общенациональную неклассовую организацию. Примечательно, что в своем выступлении на партийном активе Мао Цзэ-дун даже не затронул этого вопроса.

Различие — чтобы не сказать противоречие — между московскими августовским и ноябрьским обращениями и решением от 25 декабря 1935 года бросается в глаза. Хотя в основе решения Политбюро в Ваяобао формально лежала директива ИККИ, разработанная в Москве представительством КПК и переданная через Чжан Хао, она была настолько «дополнена» и «улучшена», что превратилась почти в свою противоположность. Тем не менее это решение являлось все же шагом вперед по сравнению с решением от 8 августа в Маоэргае, поскольку оно в принципе признавало политику единого фронта и заменило лозунг Советов требованием «народной республики». Однако отношение к гоминьдану, Чан Кай-ши и к гражданской войне практически не изменилось. Поэтому с самого начала было затруднено и поставлено под угрозу создание единого антияпонского национального фронта.

Стремясь придать решению больший вес, Мао пошел на расширение к тому времени уже более или менее

покорного ему костяка Политбюро. В Северной Шэньси из 15 членов и кандидатов в члены Политбюро налицо было только семь: Мао Цзэ-дун, Ло Фу, Бо Гу, Чжоу Энь-лай, Ван Цзя-сян, Дэн Фа и Кай Фэн (секретарь Союза молодежи?). Из восьми остальных трое находились в Москве, а пятеро — в других районах Китая. Чтобы обеспечить кворум, в Политбюро были срочно кооптированы члены ЦК Пэн Дэ-хуай и Чжан Хао.

Все это принесло свои плоды. Тайное перемирие с Чжан Сюэ-ляном позволило представителям партийного руководства отправиться через Сиань в гоминьдановский Китай и установить контакты с подпольными партийными организациями. Одновременно там развернули работу китайские коммунисты, вернувшиеся из Советского Союза и других стран. Им удалось организовать среди молодежи, особенно среди студентов, массовое движение под политическими лозунгами воззваний от 1 августа и 25 ноября. До меня дошли слухи, что сторонники Мао Цзэ-дуна пытались направить это движение по тому пути, который соответствовал решению от 25 декабря, ссылаясь при этом на авторитет Политбюро. Так ли это, я не знаю. С уверенностью могу сказать одно: за политическим решением последовал военный план, который прояснил намерения Мао.

* * *

В начале января 1936 года Мао Цзэ-дун собрал Политбюро или Военный совет, составы которых практически совпадали.

На этом заседании, где присутствовал и я, Мао изложил свой новый стратегический план. Главной целью он поставил получение технической и материальной помощи от Советского Союза. Для этого Красной армии 1-го фронта надлежало пробиться к границам МНР и установить непосредственную связь с советской Дальневосточной армией. Этот план должен был осуществляться в три этапа: 1) консолидация советского района в Северной Шэньси и подготовка к переправе через Хуанхэ в Шаньси; 2) уничтожение находящихся там провинциальных частей под командованием губернатора Янь Си-шаня и создание в Шаньси новой опорной базы; 3) продвижение на север через провинции Суйюань или Чахар к границам МНР.

Третий этап не был детально разработан, а лишь намечен в общих чертах, так сказать, в перспективе. Тем не менее

я сразу выступил против и предложил ограничить боевые действия Красной армии районом Западной Шэньси, ибо в противном случае возникала угроза как национальному единому фронту против Японии, так и мирной политике Советского Союза. Меня, однако, никто не поддержал. Присутствующие, хотя без особого воодушевления и с некоторыми оговорками, высказывались в поддержку плана Мао. Ло Фу, например, заметил, что поставленной цели можно добиться с тем же, а может, и с большим успехом, если двигаться через Нинся. Чжоу Энь-лай подчеркнул, что ни в коем случае нельзя отказываться от опорной базы в Северной Шэньси. Со всей резкостью Мао обрушился на меня, в чем ему усердно помогали Кай Фэн и Чжан Хао. О последнем у меня вообще сложилось впечатление, что он безоговорочно примкнул к Мао. В конце концов все в принципе одобрили план Мао. Последствия же моего выступления выразились в том, что в дальнейшем, вплоть до ухода 1-й армии, меня уже ни на какие заседания не приглашали. Возможно, впрочем, что на них просто не рассматривались военные вопросы.

Из разговоров в течение последующих недель я понял, что члены Политбюро отнюдь не были столь единодушны, как казалось поначалу. Так, Пэн Дэ-хуай иронизировал по поводу продолжения Великого похода при таких слабых силах. Ван Цзя-сян выражал опасение, не приведет ли слишком шумное военное выступление к политической изоляции от антияпонского народного движения. Бо Гу в личных беседах соглашался со мной, но считал, что не так страшен черт, как его малюют, и лучший способ удержать Мао от авантюр — это быть рядом и оказывать на него влияние. От него я узнал также, что не только Военный совет, но и все Политбюро, за исключением Чжоу Энь-лая, готовилось к походу вместе с армией. Это меня насторожило, поскольку в таком случае дело шло к отказу от существующей базы. Чжоу Энь-лай ничего не сказал по этому поводу, лишь пожал плечами — он был явно доволен тем, что остается и принимает на себя высшее политическое и военное руководство в Северной Шэньси. Он не скрывал, что собирается отстаивать советский район и в том случае, если армия 1-го фронта не вернется.

В середине февраля мне неожиданно предложили подготовиться к походу и присоединиться к верховному командованию армии 1-го фронта. В то время я беспрестанно

размышлял над тем, к каким последствиям может привести стратегический план Мао. В конце концов я пришел к выводу, что он противоречит как интересам трудящихся всего мира, нашедшим отражение в решении VII конгресса Коминтерна о борьбе против фашизма и войны, так и интересам советского народа, на который обрушились бы все бедствия большой войны, если бы план Мао претворился в жизнь. Как уже однажды в Цзянси, я оказался опять в тяжелом конфликте с совестью. Но на сей раз речь шла о несравненно более серьезных вещах, чем тогда, во время мятежа Цай Тин-кая. На карту была поставлена политика единого фронта Коминтерна и мирная политика Советского Союза. Я еще раз перебрал в памяти все, что знал непосредственно или понаслышке об отношении Мао Цзэ-дуна к Советскому Союзу: его высказывание на III съезде КПК в 1923 году о том, что революция в Китае может победить только путем военной борьбы, поддержанной Советской Россией; его поддержка Ли Ли-саня в 1930 году, который хотел втянуть Советский Союз в вооруженный конфликт с империализмом, особенно с японским; его снова и снова повторявшийся с 1934 года тезис, что главное противоречие в мире — противоречие между Китаем и Японией и, следовательно, основной фактор революционной борьбы в мировом масштабе — это борьба китайского народа против японской агрессии и гоминьдановской реакции; его конкретные, выдвигавшиеся с 1935 года планы втянуть Советский Союз в конфликт сначала с гоминьдановским Китаем, а затем и с Японией посредством продвижения китайской Красной армии в Синьцзян или к границам Монголии и т. д. и т. п. В моей памяти всплыли японские провокации, которые я сам пережил в 1932 году в Маньчжурии, на Китайско-Восточной железной дороге, и проникнутые заботой о мире акции Советского правительства, предотвратившие пожар войны. Но я знал также, что Япония использует теперь марионеточное государство Маньчжоу-го для усиления провокаций против МНР, имевших цель создать под своей эгидой Великую Монголию, которая представляла бы непосредственную угрозу Советскому Союзу. Конечно, я тогда не мог знать, что летом 1936 года Мао Цзэ-дун сделал Эдгару Сноу заявление о том, что «Внешняя Монголия (Монгольская Народная Республика.— *О. Бр.*) после победы китайской революции автоматически станет частью китайской

федерации». Мао Цзэ-дун, очевидно, рассматривал МНР как будущую базу китайской Красной армии.
О правильности хода моих рассуждений свидетельствует, в частности, статья, появившаяся 6 марта 1936 года в гоминьдановской газете «Шэньцзин жибао», которую я получил недавно. «Своим прорывом в Шаньси, отмечалось в статье, красные войска преследуют цель: во-первых, соединиться с Внешней Монголией и получить помощь от СССР; во-вторых, создать постоянную угрозу провинциям Хэбэй и Чахар и тем самым вызвать вмешательство Японии. Если красным удастся осуществить один из этих замыслов, то этого окажется достаточно для создания огромной реальной опасности для Нанкинского правительства. Следовательно, борьба против коммунистов — это для Нанкинского правительства вопрос жизни и смерти».
Бессонными ночами я всесторонне обдумывал свою позицию как коммуниста-интернационалиста и в конце концов решил написать Мао Цзэ-дуну и членам Политбюро письмо, в котором, изложив свои соображения, выразил решительный протест против похода Красной армии 1-го фронта к границам МНР. Письмо получилось очень пространным, и сейчас я не в силах восстановить его полностью. Однако на основе своего доклада по этому поводу в Москве в 1939 году я могу дословно привести три основных момента.
Во-первых, я отмечал, что «выдвижение китайской Красной армии к границам Монгольской Народной Республики ставит под угрозу мирную политику Советского Союза и объективно может послужить поводом для нападения Японии на МНР». Это должно было спровоцировать вмешательство Советского Союза, писал я дальше, которому тем самым отводилась вспомогательная роль в проведении авантюристической политики Мао, игнорировавшей серьезные последствия, которые она имела бы для международного коммунистического движения и для миролюбивого внешнеполитического курса Советского Союза.
Во-вторых, писал я, «главная задача китайской Красной армии, вытекающая из основной политической задачи Компартии Китая — создания единого антияпонского фронта, в настоящее время состоит не в получении технической помощи от Советского Союза, а в проведении таких боевых действий во внутреннем Китае, которые способствуют образованию широкого единого антияпонского фронта

и разгрому войск национальных предателей». План Мао Цзэ-дуна о прорыве в Шаньси, продолжал я, служит не этой цели, а, напротив, способствует разжиганию гражданской войны и дает японским захватчикам дополнительный повод усилить агрессивные действия в Северном Китае (что и произошло в действительности).

В-третьих, я писал, ссылаясь на замечание Пэн Дэ-хуая, что «новый Великий поход главных сил к границам МНР, из которого они ввиду неизбежных контрмер со стороны врага, возможно, и не вернутся, серьезнейшим образом ставит под вопрос существование советского района в Северной Шэньси».

После перевода с русского языка на китайский я вручил письмо Чжоу Энь-лаю, который пообещал распространить его среди членов Политбюро. Я не знаю, было ли это сделано. Вместе с тем я заявил о своем отказе участвовать в походе. Через несколько дней Политбюро и Военный совет, часть штаба и тыловые службы покинули город и присоединились к армии. Я остался в Ваяобао. Ответа на письмо я не получил. Впрочем, не совсем так. Несколько позже Чжоу Энь-лай рассказал мне, что из Шаньси поступила радиограмма, в которой Политбюро объявляло мое поведение оппортунистическим и обвиняло меня в непонимании сущности советской мирной политики, в переоценке сил противника и недооценке мощи советского движения в Китае и китайской Красной армии. Чжоу Энь-лай передал мне это решение без каких-либо комментариев. При этом он предложил мне возобновить работу в штабе, не прекращая в то же время преподавательской деятельности в Военной академии. Речь шла об обороне новой базы от неожиданных вражеских налетов и нападений.

Чжоу Энь-лай чувствовал себя вполне уверенно, хотя он располагал только силами Военной академии, отдельных и местных частей, а также штабными и охранными подразделениями общей численностью всего лишь в несколько тысяч человек. Он рассчитывал на перемирие с Чжан Сюэляном и на пассивность Ян Ху-чэна. И оказался прав. В течение нескольких месяцев, пока не было армии 1-го фронта, советская база в Северной Шэньси ни разу не подверглась серьезной опасности. Разумеется, не следует забывать, что армия ушла не слишком далеко и в любой момент могла вернуться. Тем более что она не успела

выполнить задач даже второго этапа, предусмотренного планом Мао.

В Советский район в тот период часто вторгались банды миньтуаней. Конные бандиты врывались в деревни, убивали, грабили и убирались восвояси. Однажды непосредственная опасность нависла над Ваяобао, когда несколько сот человек ворвались в деревню, находившуюся совсем рядом с городом. Чжоу Энь-лай поднял по тревоге всех имевшихся под рукой бойцов для обороны города, расположенного на возвышенности и окруженного крепкими стенами, а я с Военной академией совершил вылазку. Но до схватки дело не дошло. В последний момент кто-то предупредил бандитов, и они в панике бежали, бросив добычу — продовольствие и лошадей. Преследование было бессмысленным, и мы вернулись в Ваяобао. Получив наглядный урок, бандиты больше не осмеливались появляться в окрестностях города. Я рассказал этот эпизод, чтобы показать, что наше сотрудничество было вполне удовлетворительным.

Столь редкие фронтовые сводки я регулярно получал из штаба. Кроме того, Чжоу Энь-лай снабжал моего переводчика китайскими газетами, приходившими из Шаньси «полевой почтой», и иногда беседовал со мной по-английски о политическом и военном положении, так что я в общем был в курсе событий.

Что же касается Восточного похода — так позже назвали операцию армии 1-го фронта,— то ее части 20 февраля переправились через Хуанхэ где-то между городами Ичуань и Суйдэ, занятыми 17-й гоминьдановской армией. Слабые шаньсийские войска, стоявшие на восточном берегу реки, почти не оказали сопротивления. Дальнейшее продвижение наших войск поначалу проходило успешно. Губернатор провинции Янь Си-шань не решился вступить в открытое сражение, хотя в его распоряжении находилось свыше 60 тысяч солдат, то есть он обладал двойным и даже тройным перевесом сил. Он ограничился обороной городов и охраной дороги Убао (на Хуанхэ) — Цисянь (на Фэньхэ), чтобы воспрепятствовать продвижению Красной армии в направлении провинциального центра Тайюань. Это позволило армии 1-го фронта захватить почти все сельские уезды в междуречье Хуанхэ — Фэньхэ до указанной дороги на севере общей площадью 25 тысяч квадратных километров.

Основная тяжесть боев выпала на долю 15-го корпуса. Действуя на севере, он должен был с тыла прикрывать переправу через Хуанхэ и обеспечивать левый фланг армии от войск Янь Си-шаня, которые концентрировались южнее Тайюаня. 1-й корпус, при котором находились Политбюро, Военный совет и верховное главнокомандование, совершенно свободно мог вести операции во всем междуречье вплоть до впадения Фэньхэ в Хуанхэ и, перерезав железнодорожную магистраль Датун — Пучжоу, прорвался в богатую долину реки Фэньхэ, где экспроприировал помещиков и торговцев, провел мобилизацию и вместо гоминьдановских властей создал новые местные власти. По данным штаба, число мобилизованных достигало 5—6 тысяч человек. Было захвачено свыше полумиллиона серебряных долларов, что при нашем стесненном положении было огромной суммой. К этому надо еще добавить солидные запасы продовольствия (рис, масло, соль и т. п.), текстиля и, в меньшем количестве, оружия и боеприпасов. Колонны носильщиков непрерывно доставляли трофеи в Северную Шэньси, где Чжоу Энь-лай организовал специальные этапные станции, которые находились под началом Мао Цзэ-миня, младшего брата Мао Цзэ-дуна.

Политической целью Восточного похода были объявлены «сопротивление японским агрессорам и наказание предателей, виновных в фактическом отделении Северного Китая». Через день после выступления армии 1-го фронта, снова получившей название «антияпонского авангарда», Мао Цзэ-дун от имени «Центрального правительства Китайской советской республики» обратился с призывом о созыве Всекитайской конференции. На первый взгляд казалось, что это соответствует московскому обращению от 25 ноября 1935 года. Фактически же призыв Мао продолжал уклонистскую политическую линию решения Политбюро от 25 декабря. Два обстоятельства сводили на нет призыв Мао. Во-первых, в нем содержался ряд неприемлемых в то время для Чан Кай-ши предварительных условий, например требование ликвидации «однопартийной диктатуры» гоминьдана, освобождение всех политических заключенных и установление «нормальных» отношений с «народным правительством», как стало теперь именовать себя Революционное правительство. Кроме того, предлагались немедленный разрыв дипломатических отношений с Японией, безотлагательное объявление ей войны, отправка

«карательной экспедиции» в Маньчжурию и т. п. Местом для проведения конференции была предложена Северная Шэньси (!). Во-вторых, и это самое главное, слова резко расходились с делами, ибо каждый понимал, что поход в Шаньси приведет к новой вспышке гражданской войны.

Действительно, Чан Кай-ши приказал своим армиям, стоявшим к югу от Хуанхэ в провинциях Хэнань и Цзянсу, немедленно выступить в Шаньси на помощь Янь Си-шаню. Аналогичный приказ он отдал войскам провинций Суйюань, Чахар и Хэбэй, хотя прекрасно понимал, что это может привести к захвату японцами северных провинций. Одновременно северо-восточная и 17-я армии должны были блокировать Хуанхэ и тем самым, отрезав нашей 1-й армии обратный путь в Северную Шэньси, овладеть ее почти беззащитной базой.

В конце марта развертывание войск противника восточнее Хуанхэ было в основном завершено. Войска Центрального гоминьдановского правительства (12—15 дивизий) под командованием генерала Чэнь Чэна заняли позиции вдоль реки Фэньхэ и железнодорожной линии, идущей по ее берегу, построили там укрепления и, опираясь на города с гарнизонами шаньсийских войск, несколькими колоннами, по две — три дивизии в каждой, начали медленно продвигаться на запад. Таким же порядком продвигались на севере главные силы Янь Си-шаня. Противник применял ту же тактику блокгаузов, которая использовалась во время 5-го похода против Центрального советского района.

В апреле сложилась крайне неблагоприятная для нас обстановка. Район военных действий в междуречье Хуанхэ — Фэньхэ неуклонно уменьшался, ограничивалась свобода маневра, а о решающем сражении не могло быть и речи, оно стоило бы нам огромных жертв. И к чему бы оно теперь привело? К прорыву линии укреплений на Фэньхэ для продвижения через Восточную Шаньси в Хэбэй и дальше в Чахар, поскольку прямой путь на Суйюань был отрезан.

Трудно было бы предугадать последствия таких действий. Отрезанной от своей базы 1-й армии пришлось бы в одиночку сражаться с превосходящими силами гоминьдановских войск, перед которыми в данной ситуации оставался выбор: или восстановить прежнее положение в Шаньси, то есть отбросить нашу 1-ю армию за Хуанхэ, или освободить поле действия для японских милитаристов, которые

в полной боевой готовности стояли в их тылу, что привело бы к потере не только Чахара и Хубэя, которые уже не шли в счет, но также Суйюани и Шаньси.

Уже тогда китайские газеты, следуя японским сообщениям, писали, что китайская Красная армия пляшет под дудку Москвы и Коминтерна, а японцы открыто заявляли, что Северному Китаю и Монголии, которые они считали своей сферой влияния, угрожают «красные», поэтому, дескать, им приходится усилить свои войска в Северном Китае для защиты Хубэя, Чахара, Суйюани и Шаньси от коммунистов. Японцы навязали соглашение «о борьбе против коммунизма в Северном Китае», которое с китайской стороны подписал так называемый Политический совет Хубэя и Чахара и которое фактически передавало власть в обеих провинциях в руки японских захватчиков. Знаменательно, что это соглашение было направлено не только против коммунистов, но определенно также против Чан Кай-ши. Одним словом, Восточный поход Мао Цзэ-дуна разжег пламя гражданской войны, укрепил позиции реакционных прояпонских элементов в Китае и дал японским агрессорам повод расширить свои стратегические плацдармы против Китая, МНР и в конечном счете против Советского Союза. Вот каковы были, независимо от замысла Мао, объективные последствия.

В сложившейся обстановке для Мао, Политбюро и Военного совета не оставалось ничего иного, как отступить в Северную Шэньси. Да и такая возможность появилась лишь в результате того, что Чжан Сюэ-лян и Ян Ху-чэн не выполнили приказ Чан Кай-ши о перекрытии переправ через Хуанхэ. Бо Гу уверял меня при встрече, что решение об отступлении было продиктовано главным образом военными соображениями, что Мао Цзэ-дун будто бы осознал неосуществимость в то время его стратегического плана. Положительным результатом, по мнению Бо Гу, явилось то обстоятельство, что теперь более последовательно, чем прежде, будет проводиться политика национального единого фронта.

Возможно, что разногласия в самой 1-й армии предопределили или, по крайней мере, ускорили принятие такого решения. Как уже отмечалось, главную тяжесть боев вынес на себе 15-й корпус. 1-й корпус, игнорируя приказы верховного главнокомандования, не оказал поддержки 15-му корпусу. В результате 15-й корпус понес бессмыс-

ленные потери, в особенности при отступлении и обеспечении переправы через Хуанхэ, где погиб командир корпуса Лю Чжи-дань. Действия Линь Бяо были осуждены Политбюро, а сам он временно отстранен от командования корпусом и назначен начальником Военной академии.

* * *

В последних числах апреля 1936 года Красная армия 1-го фронта вернулась в Северную Шэньси. Через неделю, в начале мая, Мао Цзэ-дун созвал в одном местечке восточнее Ваяобао заседание Политбюро. Чжоу Энь-лай передал мне приглашение присутствовать на нем. На следующее утро мы вместе верхом двинулись в путь и добрались до места к вечеру. Тогда же меня разыскал Бо Гу и, как он дал понять, по поручению Мао Цзэ-дуна пытался меня убедить выступить с самокритикой. По его словам, Мао придавал большое значение полному единодушию присутствующих, так как стремился устранить все разногласия в 1-й армии и избежать возможных «кривотолков» по поводу ее возвращения. Я согласился с легким сердцем, ибо операция в целом прошла так, как я предполагал с самого начала, и теперь мои тревоги относительно Советского Союза и МНР утратили какие бы то ни было основания.
Таким образом, на заседании, в котором участвовали и члены Военного совета, не входившие в состав Политбюро, царила «мирная атмосфера». Мао держался со снисходительностью победителя. Он выступил с программной речью, в которой вновь продемонстрировал искусство лавирования, что я уже не раз испытал на себе, особенно после объединения с 4-й армией. Очевидно, свою речь Мао обсудил предварительно с другими членами Политбюро, так как все выступали в том же духе. Я признал справедливой критику со стороны Политбюро в мой адрес в связи с письмом, которое после Восточного похода действительно утратило всякий смысл, а также «воздал должное» стратегии и тактике Мао в маневренной войне. Он в свою очередь снизошел до признания моих активных действий против миньтуаней. И другие, в том числе Ло Фу и Ван Цзя-сян, принявшие сначала план Мао без особого энтузиазма, теперь раскаялись и заявили о своей поддержке Мао Цзэ-дуна. Только Линь Бяо дулся и молчал — правда, не по политическим, а по чисто личным мотивам.

Нет необходимости вдаваться в подробности речи Мао Цзэдуна, поскольку она в основном соответствовала тексту принятой на совещании 5 мая телеграммы китайской Красной армии «Военному комитету нанкинского национального правительства, всем морским, наземным и воздушным вооруженным силам, всем партиям, группам, организациям и редакциям газет, всем соотечественникам, не желающим оказаться в ярме колониального рабства» [1]. Мне хотелось бы коснуться лишь некоторых моментов.

Главное и важнейшее состояло в том, что уже не было речи о стратегическом плане, предложенном Мао в начале года. И поныне этот план, как и само совещание, на котором он был изложен, обходится полным молчанием в маоистской историографии. Зато Мао объявил, как и в воззвании от 21 февраля, что «антияпонский авангард китайской Красной армии, руководимой КПК», предпринял Восточный поход, чтобы положить начало сопротивлению японским захватчикам и покарать китайских предателей. Под последними могли подразумеваться только члены Политического совета Хубэя и Чахара, которые действительно вели с японцами закулисные переговоры, тогда как губернаторы провинции Шаньси и Суйюань в то время оказывали довольно упорное сопротивление японскому натиску. Однако Восточный поход и был направлен именно против них. Поэтому довольно странно выглядело утверждение Мао, что этот поход якобы нанес тяжелый удар по японским империалистам и китайским изменникам и явился для китайского народа мощным толчком в борьбе за национальное освобождение. Как отмечалось выше, последствия Восточного похода были скорее обратными.

Решение об отступлении Мао мотивировал тем, что после блокирования шаньсийскими войсками и частями Центрального гоминьдановского правительства путей на Хэбэй и Чахар армия 1-го фронта стремилась в интересах формирующегося национального единого фронта покончить с гражданской войной, которая теперь могла быть на руку японцам и предателям. Таким образом, решающими должны были стать не военные, а политические соображения. Мао не остановился даже перед утверждением, что в результате многочисленных крупных побед в Запад-

[1] См. *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения, т. 1, стр. 476.

ной Шаньси появилась полная возможность прорвать блокаду по Фэньхэ и предпринять поход в Хэбэй.
Приходилось только удивляться тому, что участники совещания принимали все за чистую монету, хотя прекрасно знали истинное положение дел. Однако позиции Мао в Политбюро и Военном совете к тому времени настолько упрочились, что уже никто не осмеливался ему возражать. Следовало учитывать также, что Восточный поход, если рассматривать его как рейд с ограниченными целями, действительно имел успех. С политической точки зрения он расширил сферу влияния, с военной — принес богатые трофеи и усилил армию людьми и вооружением. И наконец, Совещание знаменовало — что было особенно важно для интернационалистов — новый этап в политике единого фронта, нашедшей свое выражение в телеграмме от 5 мая. Особенность этого этапа заключалась в том, что отныне единый фронт должен был включать гоминьдан и Чан Кай-ши и что на первый план выдвигалось требование прекратить гражданскую войну, «поскольку окончательное освобождение может быть достигнуто только в совместной борьбе всего китайского народа». Казалось, что наконец-то восторжествовала политика ИККИ.
Объективному наблюдателю, однако, сам ход совещания Политбюро и текст телеграммы от 5 мая показывали, что новая политическая линия во многом носила чисто декларативный характер и в известном смысле не подкреплялась практическими действиями. Так, Мао Цзэ-дун и Политбюро в проведении политики союзов ориентировались не на центральное гоминьдановское правительство во главе с Чан Кай-ши, а на местных правителей-милитаристов (в Северном Китае — на Чжан Сюэ-ляна и Ян Ху-чэна, а в Южном Китае — на губернаторов провинций Гуандун и Гуанси), при малейшей возможности выступавших против Центрального правительства и тем самым объективно подрывавших единый национальный фронт, который при тогдашнем соотношении сил ни в коем случае не мог быть создан без Чан Кай-ши.
Удивлял также и тот факт, что если гражданскую войну в районе действий 1-й армии — в Шаньси, Шэньси и Ганьсу — предусматривалось прекратить в течение месяца, то о Южном и Западном Китае, где оперировали 4-я армия, 2-й корпус и различные партизанские отряды, говорилось лишь в общей форме, без точного указания времени и места.

Не следует забывать, что Политбюро выступало от имени всей партии, а Военный совет и верховное командование — от имени всех вооруженных сил китайской Красной армии. Очевидно, намеренно не упоминалась Нинся, когда речь шла о безотлагательном заключении перемирия.
Кстати, Мао воспользовался случаем, чтобы подтвердить выдвигавшийся им после Цзуньи, особенно в Маоэргае, и подхваченный затем китайской (да и не только китайской) историографией тезис о том, что Великий поход Красной армии с самого начала и на всех этапах ставил целью, по его, Мао Цзэ-дуна, замыслу, концентрическое наступление против японских агрессоров.
В конце совещания была определена военная стратегия на ближайшее будущее, точнее говоря, с ней просто ознакомили присутствующих, поскольку она была выработана заранее. Стратегический план предусматривал расширение советского района на запад и укрепление его в качестве антияпонской базы. План должен был осуществляться, во-первых, путем политического разложения армий Чжан Сюэ-ляна и Ян Ху-чэна, а во-вторых, молниеносным рейдом в Нинся и Ганьсу для внезапного нападения и разгрома войск Ма Хун-куя и Ху Цзун-наня. Предполагалось установить в Ганьсу связь с 4-й армией и 2-м корпусом, которые в то время после беспрерывных боев и походов в Сычуани, Юньнани и Сикане (к этому я еще вернусь) двинулись на север. Можно было усмотреть и третью цель, о которой предпочитали не говорить вслух,— установить непосредственную связь с Советским Союзом. Очевидно, этот вопрос обсуждался в ближайшем окружении Мао. Я, во всяком случае, узнал об этом гораздо позже. Всплыла также идея Ло Фу о выходе к границам Монгольской Народной Республики через Нинся, однако предпочтение было отдано более раннему варианту — получению оружия и другой материальной помощи от Советского Союза через Синьцзян. В поддержку этого варианта выступил и Чжан Хао, который при этом указывал на принципиальную готовность Советского правительства именно этим путем оказать помощь китайской Красной армии. Вскоре в Москву для согласования конкретных мер направили Дэн Фа. В качестве перевалочного пункта был избран Хами — караван-сарай недалеко от западной границы Ганьсу, где находился аэродром, построенный в свое время немецкой «Люфтганзой».

Сунь Ят-сен, выдающийся революционер-демократ, духовный отец Синьхайской (1911—1913 гг.) и национальной (1925—1927 гг.) революций в Китае

Ван Мин
среди руководящих
деятелей ИККИ
во время VII конгресса
Коминтерна в 1935 г.
В первом ряду
(слева направо):
Георгий Димитров,
Пальмиро Тольятти,
Вильгельм Флорин,
Ван Мин;
во втором ряду
(слева направо):
Отто Куусинен,
Клемент Готвальд,
Вильгельм Пик,
Дмитрий Мануильский

**Горная цепь
на границе провинций
Гуандун и Хунань,
которую преодолела
Центральная
армейская группа
во время
Великого похода**

Один из многочисленных висячих мостов в Западной Юньнани

Типичные лёссовые пещеры в Шэньси

После единодушного одобрения нового стратегического плана совещание закончилось. В заключение был устроен праздник победы, на который я имел глупость не явиться, что вызвало неудовольствие Мао. На следующий день члены Политбюро, в том числе и Мао Цзэ-дун, отправились в Ваяобао, а войсковые командиры — в свои штабы. Через несколько дней Красная армия 1-го фронта двинулась на Нинся.

* * *

В Ваяобао меня прежде всего выселили из моей квартиры, находившейся неподалеку от Главного штаба. В нее перебрался Мао Цзэ-дун. Мне предложили пустовавшую фанзу за городской стеной. С этого времени, если мне не изменяет память, я уже больше не присутствовал на заседаниях Политбюро и Военного совета. Меня продолжали приглашать только на совещания актива и на партийные конференции, а иногда, правда редко, при чрезвычайных обстоятельствах для личных бесед.
Я тем не менее продолжал преподавать в Военной академии и, кроме того, занимался формированием и обучением кавалерийского полка — первого в китайской Красной армии. Из Нинся пригнали несколько сот лошадей, или захваченных у кавалерии Ма Бу-цина, или поступивших с монгольского конного завода. Прибыли также и бойцы, которые уже умели или хотели научиться ездить верхом. Хотя я сам не был кавалеристом, моих знаний и опыта, полученных в Военной академии имени М. В. Фрунзе, в командировках в Тамбовскую кавалерийскую дивизию и на маневрах в Белоруссии и на Украине, оказалось достаточно для выполнения обязанностей, которые пришлись мне по душе.
Пребывание в Ваяобао продолжалось, впрочем, недолго. В конце мая стоявшая в Юйлине 86-я гоминьдановская дивизия, воспользовавшись тем, что наша 1-я армия находилась далеко на западе и советский район оказался почти без защиты, предприняла внезапный налет на Ваяобао, где были сосредоточены все центральные учреждения, но не было войск. По указанию Мао город был оставлен без боя. Уходили из города в страшной спешке. Я, например, получил приказ только за час до выступления. Все учреждения перевели в Баоань, куда мы прибыли на следующий день или через день. Этот эпизод был настолько

скандальным, что о Ваяобао как временной красной столице впоследствии нигде и никогда даже не упоминалось.

Вскоре после этого, как мне рассказали, из Советского Союза через Монголию в Нинся пробилась вторая группа китайских товарищей с радиостанцией, кодом и т. п., откуда их переправили в Баоань. С этого момента была вновь налажена регулярная связь с ИККИ, что, несомненно, оказало положительное воздействие на политическую линию ЦК КПК и усилило влияние марксистско-интернационалистских сил в партийном руководстве. Это не означало, однако, что Мао Цзэ-дун коренным образом пересмотрел свои взгляды. Долгое время я полагал, будучи плохо и односторонне информирован, что его поведение изменилось, что отныне ЦК КПК в целом следовал согласованному с ИККИ политическому курсу, нацеленному на прекращение гражданской войны и создание национального единого фронта для совместного отпора японской агрессии. Однако ознакомление с соответствующими документами, в частности с директивами ИККИ в адрес ЦК КПК, открыло мне глаза. Разумеется, прямо игнорировать указания ИККИ, по крайней мере тогда, Мао Цзэ-дун не мог, но он мастерски владел искусством трактовать их в нужном ему духе. Большинство же членов Политбюро покорно шло теперь за ним. Отсюда и двойственность его политики, которой были присущи как левосектантские, так и правооппортунистические черты, хотя иногда она и приносила некоторые положительные плоды. В течение всего 1936 года проводилась именно такая политика.

Позитивным фактором следовало считать заключенное, не в последнюю очередь благодаря дипломатическим талантам Чжоу Энь-лая, надежное, хотя все еще секретное, соглашение с Чжан Сюэ-ляном о «взаимном ненападении и сотрудничестве в целях сопротивления Японии», к которому вскоре присоединился и Ян Ху-чэн. Оно гарантировало безопасность советского района в Северной Шэньси и, следовательно, предоставляло нашей 1-й армии широкие возможности оперировать в Нинся и Ганьсу. Кроме этого, Чжан Сюэ-лян оказал 1-й армии финансовую помощь и предоставил текстиль для обмундирования и т. д. Еще важнее были его политические уступки. Он позволил — разумеется, строго секретно — осуществлять через Яньань и Сиань беспрепятственную связь между ЦК и ком-

мунистическими организациями в гоминьдановском Китае, разрешил иметь подпольное бюро компартии в Сиани, где находилась его штаб-квартира, и «оказывать помощь в антияпонском воспитании» северо-восточной армии, иными словами, разрешил политическую агитацию среди своих солдат и офицеров.

В это же время Чан Кай-ши активизировал деятельность полевой жандармерии и «синерубашечников» в северо-восточной армии. Сложилась странная ситуация, когда обе стороны — компартия и гоминьдан — вели «войну в потемках» за политическое завоевание войск Чжан Сюэляна.

Проводившаяся Мао авантюристическая политика борьбы на два фронта достигла опасного кульминационного пункта летом 1936 года, когда Политический совет Юго-Запада, как называли себя губернаторы провинций Гуандун и Гуанси, открыто выступил против нанкинского Центрального правительства и для привлечения масс на свою сторону выдвинул лозунг «антияпонского северного похода». На самом деле губернаторы Гуандуна и Гуанси стремились сохранить собственную традиционную независимость и связанные с ней источники получения средств. Свидетельством направленности их выступления не против японских агрессоров, а против Чан Кай-ши служил хотя бы тот факт, что они не предприняли решительно никаких мер для пресечения происков японцев в Гуандуне и соседней Фуцзяни. Наоборот, даже в собственных провинциях они подавляли народное антияпонское движение, не говоря уже о расправах с коммунистами, которые они проводили с такой же беспощадностью, как и Чан Кай-ши.

Возникла угроза новой войны между генералами, которая была бы на руку лишь японским милитаристам. И несмотря на это, Мао Цзэ-дун заявил, что Красная армия готова поддержать юго-западную группировку в ее «антияпонском северном походе». А Политбюро ЦК в Баоани приняло решение, в котором говорилось, что борьба, начатая на этот раз Политическим советом Юго-Запада, отнюдь не является междоусобной войной китайских милитаристов, а, в известном смысле, носит характер национальной революции, так как прежде всего она направлена против Чан Кай-ши — главы контрреволюционеров и предателей родины. Поэтому в нынешних условиях войну с Японией нельзя отделять от войны с Чан Кай-ши, которую

народные массы могут превратить в мощную, подлинно национальную революцию.

Это решение явно противоречило воззванию от 21 февраля и телеграмме от 5 мая 1936 года. Становясь на сторону милитаристов юго-западных провинций, которые выступали против нанкинского Центрального правительства Чан Кай-ши, Политбюро объективно действовало в интересах японских агрессоров.

ИККИ осудил это решение как ошибочное. «Было бы правильнее,— радировал ИККИ,— решительно выступить против раздувания внутренней междоусобицы, провоцируемой японскими империалистами».

Замысел юго-западной группировки рухнул, и дело не дошло до крупных боевых действий, так как некоторые военачальники вместе со своими войсками перешли на сторону Центрального правительства. Возможно, это предотвратило несчастье, последствия которого трудно было предвидеть. В августе не кто иной, как Бо Гу, рассказал мне в анекдотической форме о разговорах в узком кругу по поводу нового стратегического плана в связи с выступлением юго-западной группировки, направленного на отстранение Чан Кай-ши от власти и развертывание антияпонской войны. Согласно этому плану, на Нанкин должны были двинуться с юга гуандунские и гуансийские войска, а с севера — 17-я и северо-восточная армии, тогда как Красной армии 1-го фронта надлежало выступить против японцев во Внутренней Монголии или в Северном Китае. Вся эта история выглядела настолько фантастично, что я до сих пор не могу сказать, шла ли речь о действительном замысле, или это была пустая болтовня. Так или иначе, этот план, если он вообще существовал, был отвергнут самой жизнью.

Осталась, однако, неприкосновенной политическая концепция Мао Цзэ-дуна, из которой исходили и этот сомнительный план, и предшествовавший ему Восточный поход. Сущность ее, как я могу теперь утверждать, сводилась к тому, чтобы, прикрываясь лозунгом антияпонского единого фронта, расколоть гоминьдан, сколотить блок из всех противников Чан Кай-ши и свергнуть нанкинское Центральное правительство. Только этим можно объяснить политическую и военную стратегию Мао Цзэ-дуна в 1936 году, которая, в зависимости от обстоятельств, в большей или меньшей степени противоречила установкам ИККИ.

Не случайно Политуправление Красной армии 1-го фронта было вынуждено уже тогда опровергать широко циркулировавшие в связи с этим слухи как «ложь» и «клевету» и приписывать их проискам «японских империалистов и китайских предателей». Ведь фигурировал же в это время в советском районе прежний лозунг: «Сначала разбить Чан Кай-ши, а потом японцев!». После 1937 года его заменил другой: «Никакой победы ни Чан Кай-ши, ни японцам!».

Но внешне Мао Цзэ-дуну приходилось все же всячески демонстрировать верность политике национального единого фронта. К этому его вынуждали как бурный рост народного антияпонского движения по всей стране, так и решительное требование ИККИ, к которому прислушивались марксисты-интернационалисты в Политбюро, несмотря на то что в целом они следовали в фарватере политики Мао. Так, например, в августе 1936 года в соответствии с указанием ИККИ Политбюро направило гоминьдану и Чан Кай-ши открытое письмо с предложением прекратить гражданскую войну и совместно выступить против японской агрессии. Однако и в этом письме содержались брань и обвинения по адресу Чан Кай-ши в том, что гражданская война, которую он ведет против коммунистов, и попустительство японской агрессии раскололи нацию и льют воду на мельницу японских милитаристов. «Вам не удастся,— говорилось в письме,— свалить ответственность за это на кого-нибудь другого».

Также по настоянию ИККИ Политбюро в середине сентября приняло решение «О новой обстановке в движении сопротивления Японии за спасение родины и о демократической республике». По сравнению с предшествовавшими документами данное решение означало, несомненно, шаг вперед. В нем, в частности, подчеркивалась необходимость «побудить нанкинское гоминьдановское правительство и его вооруженные силы к участию в сопротивлении Японии и выдвинуть лозунг образования демократической республики», ибо это — лучшее средство сплотить все антияпонские силы, гарантировать территориальную целостность Китая и предотвратить нависшую над китайским народом угрозу смертельной катастрофы. Однако и в этом документе не содержалось никаких критических замечаний по поводу зафиксированного в решении от 25 декабря 1935 года отношения к Чан Кай-ши, которое было

осуждено ИККИ как ошибочное. Чан Кай-ши даже не упоминался, хотя подчеркивалась необходимость «привлечь к антияпонской борьбе всех, кого можно, из представителей господствующих слоев для (обратите внимание на мотивировку) дальнейшего расширения единого национального фронта сопротивления Японии и дальнейшего укрепления собственных позиций и сил».

В октябре «Центральное советское правительство и Военный совет Красной народной армии Китая» отдали наконец приказ всем войскам Красной армии прекратить наступательные действия против гоминьдановских армий и предпринимать лишь необходимые меры самозащиты в тех случаях, когда они подвергнутся нападению. И этот приказ был отдан в то время, когда большая часть армии 4-го фронта в одиночку вела тяжелые бои в Ганьсу, которые в конечном счете привели к ее фактическому уничтожению! В приказе говорилось, что все военнопленные освобождаются с личным оружием в тех случаях, если их войсковые части воюют против Японии или они сами хотят вступить в ряды Красной армии. В этом пункте не было ничего принципиально нового, так как он соответствовал многолетней практике Красной армии, которая из-за отсутствия тыла всегда отпускала военнопленных, за исключением высших офицеров, на свободу, разумеется без оружия, а желающих принимала в свои ряды. Чисто декларативный характер носил и последний пункт о поддержке гоминьдановских армий, присоединившихся к фронту антияпонской борьбы, так как фактически в сфере влияния Революционного правительства находились только 17-я и северо-восточная армии, которые и без того уже заключили с 1-й Красной армией соответствующее секретное соглашение, а конкретной договоренности с командованием других войсковых соединений нанкинского Центрального правительства и провинциальных правительств до сих пор достичь не удалось.

Коренные вопросы о том, как создавать единый национальный фронт на широкой основе в рамках всего Китая и как строить отношения с Чан Кай-ши и подчиненными ему армиями, не были даже поставлены ни в августовском открытом письме, ни в сентябрьском решении, ни в октябрьском приказе. Однако все эти документы создавали впечатление, будто они полностью соответствуют политической линии Коминтерна после VII конгресса, насколько

она была нам известна, что многих, в том числе и меня, ввело в заблуждение. Мао Цзэ-дун и его сторонники утверждали, что прилагают все силы для «объединения Китая мирными средствами, создания демократической республики и изгнания из страны японских империалистов». Их утверждения звучали правдоподобно, поскольку как уже отмеченные, так и другие меры проводились исключительно от их имени и широко пропагандировались, а указания и директивы Коминтерна были известны только членам Политбюро или в лучшем случае высшим командирам и не доводились до сведения всех других партийных и армейских кадровых работников. В таком же неведении находился и я. Отрывочные намеки Бо Гу и других товарищей мало что проясняли.

В сентябрьском решении от 1936 года Политбюро формально признало справедливой критику ИККИ, направленную против того пункта в решении от 25 декабря 1935 года, в котором говорилось, что в ряды коммунистической партии может вступить каждый желающий независимо от своего социального положения и происхождения. Мне неизвестно, изменилась ли существовавшая ранее практика приема в партию. По моим личным впечатлениям, почти все осталось по-старому. Бо Гу, который был тогда то ли председателем местного советского правительства, то ли отвечал за его работу в Политбюро, высказывался примерно в таком же духе. Серьезные опасения вызывало у него намерение, с которым носился Мао, принять в партию Чжан Сюэ-ляна, «чтобы крепче взять в свои руки и его самого, и его северо-восточную армию». Кажется, в Политбюро возникли по этому поводу разногласия. На соответствующий запрос в ИККИ пришел резко отрицательный ответ, поэтому замысел Мао остался неосуществленным.

Это не означало, что ИККИ был принципиально против сотрудничества с Чжан Сюэ-ляном и Ян Ху-чэном. Совсем наоборот, он одобрял установление контактов с этими милитаристами, поскольку они признали единый антияпонский фронт и предоставили политработникам Красной армии возможность вести пропаганду в своих войсках. Планы Мао, однако, шли значительно дальше и притом в диаметрально противоположном направлении. Он хотел объединить Красную армию, северо-восточную и 17-ю гоминьдановские армии в Объединенную антияпонскую армию

Северо-Запада и вместе с Чжан Сюэ-ляном и Ян Ху-чэном создать антияпонское правительство Северо-Западного Китая, которое, опираясь на провинции Шэньси, Ганьсу и Нинся, должно образовать национальный единый фронт против Чан Кай-ши и устранить его правительство.

Основная идея этой утопии — ибо иначе нельзя назвать планы Мао в условиях того времени — была отнюдь не нова. Она восходила еще к 20-м годам и снова строилась на спекулятивных расчетах получения военной или по крайней мере материально-технической помощи Советского Союза (ср. стр. 179, 214—215 и др.). Чтобы добиться своей цели, Мао Цзэ-дун даже готов был предоставить Чжан Сюэ-ляну верховное командование Объединенной антияпонской армией. В то же время он поговаривал об оказании непосредственной военной помощи правительству провинции Суйюань, если она подвергнется нападению японцев. В этом случае территория, подвластная «северо-западному правительству», расширилась бы до границ Внутренней Монголии. Обо всем этом мне стало известно лишь из отдельных замечаний, проскальзывавших в разговорах, и поэтому не могу утверждать, обсуждало ли Политбюро эти планы и был ли о них информирован ИККИ. Можно с уверенностью сказать только одно: эти планы шли вразрез с установками ИККИ.

Эту весьма своеобразную политику единого фронта Мао Цзэ-дун перед партийной общественностью, точнее говоря, перед партийным активом мотивировал главным образом тем, что Чан Кай-ши под влиянием мощного реакционного прояпонского крыла в гоминьдановском руководстве, как и прежде, придерживается принципа — сначала разгромить коммунистов и лишь затем оттеснить японцев, причем не обязательно посредством военных действий, а, скорее, дипломатическим путем. Если мы хотим изолировать Чан Кай-ши от реакционного крыла и «побудить» его (надо понимать: заставить) прекратить гражданскую войну и присоединиться к национальному единому фронту для вооруженной борьбы против Японии, то мы должны оказывать на него двойное давление: во-первых, посредством массового антияпонского движения в масштабах всего Китая и, во-вторых, посредством антияпонской северо-западной армии и правительства Северо-Западного Китая.

Как убедительно это звучало! Ведь мы ежедневно читали и слышали, что не только милитаристы провинций Юж-

ного и Западного Китая, но и войска Центрального гоминьдановского правительства вели непрерывную борьбу против наших партизанских районов, против 4-й армии и 2-го корпуса! Всем было также известно, что Чан Кай-ши со времен Восточного похода готовил новый удар против нашей 1-й армии, который должен был привести к ее полному окружению и уничтожению в новом советском районе Шэньси — Ганьсу — Нинся. Я тогда не знал (и никто не знал, кроме очень узкого круга лиц) того, что мне стало лишь совсем недавно известно из документов: оказывается, летом 1936 года Чан Кай-ши через военного атташе китайского посольства в Москве пытался выяснить, возможны ли в принципе и на каких условиях совместные действия с китайской Красной армией против Японии. Военному атташе вежливо дали понять, что с этим вопросом следует обращаться в ЦК КПК в Баоани. Возможно, цитировавшиеся выше документы, в частности открытое письмо, как раз и явились ответом на этот зондаж. Для меня и по сей день остается загадкой, насколько серьезно обе стороны вели политический зондаж. Я склонен считать, что Мао Цзэ-дун и Чан Кай-ши стремились обеспечить себе наиболее благоприятные исходные позиции в преддверии новых междоусобиц, которые казались им неизбежными. Во всяком случае, несомненно одно: их политические акции никоим образом не ослабляли накала гражданской войны, продолжавшейся в течение всего 1936 года, и никак не повлияли на ее ход.

* * *

Военные события 1936 года, напротив, в значительной степени определили политические решения Мао Цзэ-дуна и Политбюро, по крайней мере, в двух отношениях: во-первых, в проведении, вразрез с политической линией ИККИ, собственной тактики национального единого фронта, нацеленной на ослабление нанкинского Центрального правительства, и, во-вторых, в изолировании Чжан Го-тао, единственного серьезного соперника, который тогда благодаря превосходству сил Красной армии 4-го фронта мог оспаривать у Мао Цзэ-дуна главенствующую роль в партийном руководстве.

В соответствии со стратегическим планом, разработанным после Восточного похода, 1-я армия весной 1936 года

двинулась в Нинся, где разгромила несколько полков Ма Бу-цина или Ма Хун-куя, но была остановлена у реки Циншуйхэ — одного из притоков Хуанхэ. Летом армия повернула на юг, в пограничный район провинции Ганьсу, и успешно продвинулась в верховья Цзинхэ. Однако и там ее задержали войска «трех Ма», на помощь которым были переброшены в спешном порядке несколько дивизий 1-й гоминьдановской армии Ху Цзун-наня. Противник окопался на берегах обеих рек и вдоль проходившей в междуречье дороги Пинлян — Гуюань — Хэйчэнчжэнь, ожидая на этих оборонительных рубежах прибытия главных сил 1-й гоминьдановской армии Ху Цзун-наня, которым надлежало перейти в контрнаступление из района реки Вэйхэ. На этом закончилась первая часть операции нашей 1-й армии. Операция привела к расширению советского района на 15—20 тысяч квадратных километров, что, правда, было значительно меньше намечавшегося. Местность во многом походила на Северную Шэньси с таким же редким населением, большую часть которого составляли мусульмане. До конца года главные силы 1-й Красной армии оставались, насколько мне известно, в новом районе. Штаб-квартира командующего армией Пэн Дэ-хуая находилась в городишке Цинъяне, в самом северо-восточном углу Ганьсу. Временами туда наезжал Чжоу Энь-лай, в известной степени замещавший Мао Цзэ-дуна в качестве генерального политкомиссара для осуществления административного деления и организации политической работы в новом районе. Насколько эти визиты способствовали созданию советских органов, я и теперь не могу сказать. Сам же Мао все это время оставался в Баоани. Я почти ежедневно видел его, так как пещера, в которой он обитал, находилась рядом с моей. Близких контактов у нас, однако, не установилось. Наше общение ограничивалось почти исключительно обменом тривиальными фразами. Возможно, какую-то роль в этом сыграло то обстоятельство, что тогда в моем распоряжении уже не было постоянного переводчика, а мои знания китайского языка все еще оставались весьма скромными. Главной же причиной отчужденности, несомненно, была неприязнь, которую питал ко мне Мао после моего письма в Политбюро. Тем не менее я продолжал периодически получать фронтовые сводки из штаба, если можно так назвать обычный пункт сбора донесений, который остался в Баоани вместе со службами тыла. Из сводок было

видно, что перед 1-й армией — дело происходило в середине осени — стояли две оперативные задачи. Первая — установить связь с 4-й армией и 2-м корпусом, которые в это время с боями пробивались из Сикана в Южную Ганьсу. Вторая (она касалась также самостоятельных и местных боевых частей) — подготовиться к разгрому нового похода Чан Кай-ши, направленного на окружение и уничтожение советского района Шэньси — Ганьсу — Нинся, к которому тот явно готовился. Конкретного плана действий по отражению этого похода не было. И это понятно, так как приходилось решать задачу с двумя неизвестными: во-первых, каково будет поведение Чжан Сюэ-ляна и Ян Ху-чэна, когда дело дойдет до решающей схватки, и, во-вторых, каковы намерения Чжан Го-тао относительно 4-й армии. Мао Цзэ-дун, как я слышал, даже подумывал о том, куда прорываться нашей 1-й армии при ухудшении обстановки. Со времени раскола о Красной армии 4-го фронта ходили самые невероятные слухи, и я сильно подозреваю, что их распускали умышленно. Свидетельством тому может служить хотя бы то обстоятельство, что усиление или ослабление этих слухов находилось в прямой зависимости от изменения отношения к Чжан Го-тао. Своего апогея эти слухи достигли зимой 1935/36 года. Шли разговоры о полном развале дисциплины в 4-й армии, о серьезных распрях в ее руководстве, о массовом терроре против жителей, как китайцев, так и представителей национальных меньшинств, о грабежах, мародерстве и даже случаях каннибализма. Чжан Го-тао клеймили как врага партии и революции, как заурядного бандита, презренного труса, искавшего спасения только в бегстве. Летом и осенью 1936 года, когда 4-я армия вместе с 2-м корпусом двинулась на север, слухи заглохли, но возродились с новой силой, когда основная часть 4-й армии погибла в так называемом «Западном походе». В конце концов, я и сам уже не знал, чему верить. Еще раньше до меня доходили весьма отрицательные отзывы о Чжан Го-тао и 4-й армии, но в Сикане я воочию убедился, что они в значительной мере, если не целиком, высосаны из пальца. В связи с крайне тяжелыми условиями, в которых 4-я армия вынуждена была вести бои, положение, однако, могло измениться. И разумеется, я столь же категорично, как и другие, осуждал Чжан Го-тао за создание второго Центрального комитета и Военного совета.

Больше всего меня озадачили скупые, но поступавшие более или менее регулярно сообщения нашего радио, которые подкреплялись и дополнялись попадавшей в наши руки гоминьдановской прессой. Из них следовало, что Красная армия 4-го фронта, включавшая также 5-й и 9-й корпуса бывшей Центральной армейской группы, летом 1935 года двинулась на юг и отбила у противника в Западной Сычуани укрепленные пункты Моугун, Лушань, Тяньцюань и другие. Зимой 1935/36 года она попыталась пробиться дальше на юг, по-видимому, рассчитывая соединиться со 2-м корпусом, а может быть, надеясь «перезимовать» в более благоприятных условиях. На некоторых участках 4-я армия дошла до низовий Дадухэ, но была остановлена превосходящими силами гоминьдановских войск и весной 1936 года вернулась назад в Сикан. Там она продвинулась вверх по течению Дадухэ и Ялунцзян и захватила огромный район площадью 100 тысяч квадратных километров, который простирался чуть ли не до границ Тибета и Цинхая. Уже в Западной Сычуани Чжан Го-тао осуществил свой старый план образования федеративного советского правительства. Заняв город Ганьцзы в Северо-Восточном Сикане, он основал первое тибетское народное правительство формально во главе с местным «живым Буддой», который, как высший лама, олицетворял светскую и духовную власть. 4-я армия, по нашим сведениям, состояла тогда из шести корпусов, включая 5-й и 9-й, и насчитывала 10—12 дивизий различной численности. Чжан Го-тао возглавлял как второй Центральный комитет, так и созданный им Реввоенсовет. Главнокомандующим был Чжу Дэ, его заместителем — Сюй Сян-цянь, генеральным политкомиссаром — Чэнь Чан-хао, а начальником штаба — Ван Хун-нун. Все ключевые посты фактически занимали руководящие кадровые работники 4-й армии. Но, как я уже отмечал, не было никаких конкретных доказательств того, что работников бывшей Центральной армейской группы якобы отстраняли от командных постов или даже преследовали, как об этом говорили в Баоани и позднее в Яньани. Только Лю Бо-чэна по непонятным причинам не было в списке армейского руководства.

Сведения о численности Красной армии 4-го фронта в Сикане были противоречивы. Гоминьдановские газеты писали о 70 тысячах человек. Очевидно, они включали в эту цифру и войска Хэ Луна. Мы определяли ее численность в 40—

50 тысяч человек. Во всяком случае, летом и осенью 1936 года 4-я армия располагала еще весьма внушительными силами. Иначе обстояло дело в Красной армии 2-го фронта, как теперь стали называть 2-й корпус, объединившийся с 6-м (в дальнейшем я буду пользоваться именно этим обозначением), которая летом 1935 года оставила свою базу. До ее прибытия в Северный Сикан наш штаб, по-моему, не имел с ней связи. И только летом 1936 года, то есть через год после ее выступления, я получил точные сведения. Когда она отправилась в Великий поход, в ней якобы насчитывалось 40 тысяч человек. К этой цифре я всегда относился с недоверием. В действительности следовало бы говорить о 30 тысячах, но и это означало, что по сравнению с 1934 годом ее состав удвоился (ср. данные на стр. 115). 2-я армия сначала двинулась в Южную Хунань, затем повернула на запад, переправилась через Уцзян в ее верховьях севернее Гуйяна, но была оттеснена дальше на юг, где ей пришлось с большими трудностями преодолевать скалистые горы на границе провинций Гуйчжоу и Юньнань, которые в свое время пересекали мы, и лишь севернее Куньмина смогла снова повернуть на запад. Кажется, это происходило зимой 1935/36 года. Преследуемая почти до самого Меконга превосходящими силами гоминьдановских войск, она наконец-то смогла прорваться на север и форсировать Цзиньшацзян около Шигу, значительно выше места переправы 1-й армии. Основная часть 2-й армии, двигаясь вверх по течению, достигла города лам Байюя в Северном Сикане. Крупный отряд, возможно во главе с армейским руководством, направился через плоскогорье прямо на Ганьцзы, где разместилась штаб-квартира Чжан Го-тао. 2-я армия столкнулась на своем пути с не меньшими, если не большими, трудностями и лишениями, чем 1-я и 4-я армии. По официальным данным, летом 1936 года, когда она через штаб 4-й армии связалась по радио с Баоанью, в ее рядах насчитывалось 15—20 тысяч человек. Чжоу Энь-лай считал цифру 15 тысяч более достоверной.

В Ганьцзы руководители 2-й и 4-й армий обсудили обстановку и выработали дальнейшую стратегию. Было решено еще летом оставить Сикан и вместе пробиваться в Ганьсу, причем каждая армия сохраняла организационную и оперативную самостоятельность. Об этом двусмысленном решении шла речь на одном из тех редких совещаний в Баоани,

на которые меня еще приглашали. Но я не помню, было ли это совещание Политбюро или Военного совета. Ему предшествовал обмен радиограммами, в которых Политбюро, ссылаясь на соответствующие директивы ИККИ, требовало покончить с расколом внутри партии и объединить все три армии, чтобы создать благоприятные предпосылки для образования единого национального фронта и обеспечить простор для ведения антияпонской войны. Чжан Го-тао был вынужден уступить перед этими аргументами, тем более что радиограммы Политбюро подписывал и Чжан Хао в качестве представителя или по меньшей мере связного ИККИ. Чжан Го-тао легко пошел на соглашение, поскольку, как он сам писал в 1938 году, его разногласия с Мао Цзэ-дуном «постепенно уменьшались после директив Коминтерна от декабря 1935 года о создании единого национального антияпонского фронта».

Мао Цзэ-дун придавал большое значение самостоятельности 2-й армии. На то у него были особые причины. Хэ Лун и Сяо Кэ являлись его старыми боевыми соратниками и считались преданными ему людьми. Находившаяся под их командованием 2-я армия вместе с вновь усилившейся 1-й армией могла служить противовесом 4-й армии, которая по численности превосходила или по крайней мере равнялась обеим этим армиям. И в политическом отношении Хэ Лун и Сяо Кэ, несомненно, усиливали влияние тех командных кадров в 4-й армии, которые, как, например, Чжу Дэ, хотели честного примирения Чжан Го-тао с Мао Цзэ-дуном. Это, вероятно, и привело к принятию и одобрению упомянутого решения, немедленно претворенного в жизнь. 2-я армия и корпуса 4-й армии сосредоточились в районе Сунпань и оттуда двинулись в общем тем же маршрутом, которым до этого шла 1-я армия. Они благополучно достигли границы Юго-Восточной Ганьсу, но при дальнейшем продвижении на север им пришлось выдержать ряд схваток с пятью-шестью дивизиями «трех Ма», которые стояли там гарнизонами, и с соединениями армии Ху Цзун-наня, выступившей против нашей 1-й армии. При этом 2-я и 4-я армии понесли серьезные потери, которые в значительной степени объяснялись недостаточным их взаимодействием. Характерно, что и 1-я армия не предприняла никаких действий для отвлечения противника. Только в октябре один-два полка 1-го корпуса пробились через Гуюань на Хойнин, куда уже вошли авангардные части 2-й и

4-й армий. В сопровождении этих полков 2-я армия двинулась на восток и соединилась с 1-й армией. К этому времени численность 2-й армии составляла 10—12 тысяч человек. Хэ Лун отправился в Цинъян — штаб-квартиру Пэн Дэ-хуая. О Сяо Кэ я ничего не слышал, и, по-моему, во время моего дальнейшего пребывания в Китае его имя больше не упоминалось. Вместо Сяо Кэ главным политкомиссаром 2-й армии был назначен Гуань Сян-ин.
4-я армия продолжала двигаться на север в направлении Нинся и вышла к Хуанхэ у города Цзинъюань, северо-восточнее Ланьчжоу. Ее главные силы форсировали Хуанхэ и начали роковой «Западный поход», завершившийся их трагической гибелью.

* * *

Для меня долгое время оставалось загадкой, как родилось решение о «Западном походе», поскольку я не был приглашен на соответствующие совещания партийного и армейского руководства и ничего не смог узнать из попавших в мои руки документов штаба. Сначала шли разговоры, что Чжан Го-тао предложил сформировать из соединений 4-й армии отдельную «Западную армию». Она должна была пройти через Ганьсу в Синьцзян, чтобы в Хами получить якобы подготовленные Советским Союзом материальные средства и оружие, а самому Чжан Го-тао предлагалось вернуться в Баоань и занять надлежащее место в Центральном Комитете, правительстве и Военном совете. Это звучало весьма убедительно. Хотя я не был посвящен в подробности, но знал, что Мао не отказался от старого плана получить через Синьцзян помощь от Советского Союза. В этом его стремления целиком совпадали с желаниями Чжан Го-тао, который не колебался относительно своей поездки в Баоань, поскольку еще раньше одобрил политику единого национального фронта, которая теперь, как он мог считать, стала официальной платформой КПК.
Итак, Чжан Го-тао сформировал «Западную армию», отдал ее под верховное командование Сюй Сян-цяня, оставил политкомиссаром Чэнь Чан-хао, а сам вместе с Чжу Дэ, Лю Бо-чэном и другими руководителями отправился в Баоань.
Такова была первая версия «Западного похода», воссоздаваемая, подчеркиваю еще раз, не по официальным источникам, а по слухам. Однако меня особенно поразило, что

в «Западную армию» кроме 5-го корпуса Дун Чжэнь-тана входили главные силы 4-й армии. Ее численность составляла, по данным, которыми я располагал, от 25 до 35 тысяч человек. 6—7 тысяч человек из состава 4-й армии остались на восточном берегу Хуанхэ и вместе с Чжу Дэ, Чжан Го-тао и другими двинулись в направлении Пограничного района Шэньси — Ганьсу — Нинся. Это означало, что после объединения 1-й и 2-й армий в советском районе Мао Цзэ-дун получил неоспоримый перевес в силах.
Вскоре появилась совершенно другая версия, в корне отличавшаяся от первой и на сей раз распространявшаяся официально. Объявлялось, что Чжан Го-тао предпринял «Западный поход» по собственной инициативе. Вопреки указанию Центрального Комитета идти на соединение с 1-й армией, Чжан Го-тао будто бы приказал 4-й армии переправиться через Хуанхэ и направиться в Северо-Западную Ганьсу, откуда он хотел установить связь с Советским Союзом. Если говорить о стратегической цели, то обе версии почти совпадали. Разница между ними заключалась в том, что за крах «Западного похода», который стал очевиден в ноябре — декабре 1936 года, всю вину свалили теперь на Чжан Го-тао.
Сначала я довольно скептически отнесся к новой версии, хотя должен признаться, что с течением времени уверовал в нее. Это произошло не только потому, что Мао Цзэ-дун и его сторонники постоянно повторяли и усиливали свои обвинения в адрес Чжан Го-тао, носившие вполне официальный партийный характер, и на протяжении ряда лет их высказывания были для меня единственным источником информации по данному вопросу. Влияло и то напряженное военное положение, которое сложилось к концу 1936 года, ибо с гибелью «Западной армии» численность наших регулярных войск сократилась почти вдвое. Решающим обстоятельством явилось поведение самого Чжан Го-тао, который в апреле 1938 года самовольно покинул Яньань, вскоре перешел на сторону гоминьдана и в опубликованном заявлении обвинил ЦК КПК в том, что тот в корыстных целях извратил политику единого национального антияпонского фронта. Я еще вернусь к тем политическим разногласиям, которые предшествовали этому инциденту и появились после него.
Сейчас я хочу остановиться только на развитии военных событий. Я сознательно придерживаюсь собственного до-

Общий вид Яньани

О. Браун
в Яньани,
1939 г.

Подразделения
8-й полевой армии
перед городскими
воротами Яньани

Слушатели
Антияпонского
университета «Канда»
обрабатывают пустошь

Занятия по тактике в Антияпонском университете «Канда»

клада, который представил в конце 1939 года в Москве, ибо он лучше всего передает мои тогдашние впечатления. Как уже говорилось, Чан Кай-ши после Восточного похода нашей 1-й армии дипломатическим путем нащупывал через Москву возможности как-то договориться с ЦК КПК и одновременно готовил поход, который должен был привести к окружению и уничтожению советского района Шэньси — Ганьсу — Нинся. Ударной силой в этой операции должны были служить армии Чжан Сюэ-ляна и Ян Ху-чэна в составе 12—15 дивизий, которые получили приказ продвигаться с юга и востока. Наступление этих армий было чистым фарсом, поскольку каждый их шаг предварительно согласовывался с нашим представительством в Сиани. Все передвижения войск происходили крайне медленно и без боев. С нашей стороны «противнику» фактически противостояли лишь местные части и партизанские отряды.

В начале осени Чан Кай-ши ввел в дело собственные войска. В районе Датуна он сосредоточил три-четыре дивизии и, таким образом, вместе с дислоцировавшимися севернее Тайюаня тремя-четырьмя шаньсийскими дивизиями располагал на северо-востоке советского района семью-восемью боеспособными дивизиями. Вторая центральная армейская группа в составе двух-трех дивизий, очевидно тех, которые раньше вели военные действия в Ганьсу, неожиданно продвинулась на северо-западе в Нинся. А на западе, в Ганьсу, как и прежде, стояли армия Ху Цзун-наня, занявшая позиции на Циншуйхэ, и части «трех Ма», составлявшие в общей сложности восемь — десять дивизий. И лишь на севере в кольце окружения оставалась брешь, но там простирались степи и пустыни.

Формальным поводом, вернее сказать, предлогом для выступления войск Чан Кай-ши в Шаньси и Нинся послужило вторжение в Суйюань по наущению японцев марионеточных армий Маньжоу-го и Чахара. Хотя войска провинции Суйюань отразили нападение собственными силами, Чан Кай-ши использовал это обстоятельство, чтобы под ширмой борьбы против японцев завершить окружение советского района.

Прежде чем 4-я армия успела форсировать Хуанхэ, войска Центрального гоминьдановского правительства вторглись в Нинся и внезапно захватили Цзиньюань. В результате была отрезана почти четвертая часть нашей армии вместе

с Чжу Дэ, Чжан Го-тао и другими руководителями, с частью штаба и тыловыми службами. Три четверти «Западной армии», успевшие переправиться через Хуанхэ, не смогли или не захотели вернуться и при постоянном давлении противника самостоятельно двинулись в общем направлении на северо-запад.

Оставшаяся группировка под командованием Чжу Дэ и Чжан Го-тао пробилась на восток. Около 4—5 тысяч бойцов влились в состав 1-й армии, а примерно 2 тысячи человек, не имевшие непосредственного отношения к боевым частям, прибыли в первых числах декабря 1936 года вместе с Чжу Дэ, Чжан Го-тао, Лю Бо-чэном и другими в Баоань. Их вид произвел на меня удручающее впечатление: на бойцах было изорванное в клочья и залатанное обмундирование, многие были в монашеских халатах и национальной тибетской одежде. Впрочем, дисциплина, судя по всему, оставалась на высоте. Вооружение штабных и охранных частей, в которых преобладали телохранители, было отличным. Официальной встречи с почетным караулом (как уже тогда было принято в китайской Красной армии) организовано не было. В Баоани остался только высший командный состав, остальные разместились в домах и пещерах далеко за городом.

Когда четверть века спустя я прочитал в книге Агнес Смэдли «Великий путь. Жизнь маршала Чжу Дэ» [1], что 4-я армия получила в Ганьсу от 1-й армии 40 тысяч пар обмундирования, то был поражен. При этом она ссылалась на мифические письма и дневники некоего доктора Хэйтема, о котором я еще буду говорить. Описанное Агнес Смэдли по этим же источникам «объединение» 1-й и 2-й армий с 4-й армией, по моему глубокому убеждению, также следует отнести большей частью к области фантазии. Судя по тому, что я сам слышал в Баоани и что было подтверждено последующими событиями, для предстоящего зимнего похода, который должен был проходить в Северо-Западной Ганьсу в чрезвычайно тяжелых условиях, «Западная армия» ни в коей мере не была подготовлена ни в отношении вооружения, ни в отношении обмундирования и прочих видов снабжения. К тому же армия буквально таяла на глазах. В декабре 1936 года после первого тяжелого пора-

[1] См. *Агнес Смэдли.* Великий путь. Жизнь маршала Чжу Дэ. Берлин, 1958, стр. 549 и далее.

жения, когда был разбит 5-й корпус, причем его командир погиб, в «Западной армии» еще насчитывалось 15—20 тысяч человек. Потери «Западной армии» возрастали по мере того, как она углублялась в узкий коридор между провинцией Цинхай и пустыней Гоби. Путь армии пролегал через районы, населенные преимущественно мусульманскими тюркскими племенами. Вынужденная обеспечивать себя одеждой, продовольствием и кровом, «Западная армия», грубо попирая религиозные нравы и обычаи местного населения, прибегала к безжалостным реквизициям и конфискациям. Тем самым она восстановила против себя местное население, которое оказывало все возрастающее сопротивление и активно поддерживало местных мусульманских генералов. В течение пяти месяцев — с ноября 1936 года по март 1937 года — части «Западной армии» выдержали десятки боев, по свидетельству гоминьдановской прессы — около 70. Еще большие потери армия несла от холода, голода, болезней и истощения.

В этом отчаянном положении перед высшим командованием «Западной армии», согласно сведениям, полученным в Баоани, встал вопрос: что делать? Существовало три выхода: возвращение в район Шэньси — Ганьсу — Нинся, прорыв в Синьцзян или расформирование армии для перехода к партизанской войне силами отдельных частей. Выбор пал на последний вариант, когда в марте 1937 года у города Цзюцюаня «Западная армия» была окончательно разгромлена, а Сюй Сян-цянь тяжело ранен. Группа бойцов в 800—1000 человек пробилась в Хами (Синьцзян), оказавшись, таким образом, в безопасности. Большинству руководящих кадровых работников, в том числе и Сюй Сян-цяню, удалось в сопровождении небольших отрядов или своих телохранителей вернуться в советский район. Несколько тысяч бойцов и командиров попали в плен. Часть из них после начала антияпонской войны вновь оказалась в советском районе Шэньси — Ганьсу — Нинся. В общей сложности от «Западной армии» уцелело вряд ли более 3—4 тысяч человек.

Официальная китайская историография всю вину за гибель «Западной армии» возлагает на Чжан Го-тао. Эта версия давала Мао Цзэ-дуну прекрасную возможность систематически подрывать авторитет Чжан Го-тао как члена ИККИ и Политбюро ЦК КПК. Уже в конце 1936 года в своих лекциях по стратегическим вопросам революционной

войны в Военной академии Красной армии в Баоани Мао Цзэ-дун характеризовал «курс Чжан Го-тао на отступление как классический пример страха перед врагом». Уничтожение «Западной армии» западнее Хуанхэ, утверждал Мао, «продемонстрировало окончательное банкротство этой линии». В официальном издании произведений Мао Цзэдуна имеется примечание такого рода: «В этот период (осенью 1936 года.— *О. Бр.*) Чжан Го-тао упорно продолжал борьбу против партии, неизменно проводя линию на отступление и ликвидаторство» [1]. В октябре 1938 года, то есть уже после бегства Чжан Го-тао из Яньани, Мао осудил эту линию в целом как «правый оппортунизм в революционной войне, который по своему содержанию являлся сочетанием линии Чжан Го-тао на отступление, его милитаристского уклона и антипартийного поведения» [2].

* * *

Независимо от того, было ли решение о «Западном походе» принято послушным Мао ЦК или Чжан Го-тао решился на этот поход самовольно, в декабре 1936 года встал вопрос: могли ли, и если да, то как, объединенные соединения Красной армии советского района Шэньси — Ганьсу — Нинся, численность регулярных частей которых составляла всего 30—35 тысяч человек, не считая 5—6 тысяч человек в составе самостоятельных частей и гарнизонных войск, вызволить из критического положения «Западную армию». Я считал, что такая возможность, несмотря на почти полное окружение советского района, имелась. С юга и востока наступление противника нам реально не грозило. Единственный активный фронт находился на западе, где были сконцентрированы все наши регулярные войска — 1-я и 2-я армии, а также остатки 4-й армии. Боевые действия со стороны противника в основном велись армией Ху Цзун-наня, так как дивизии «трех Ма» и Центрального гоминьдановского правительства в Ганьсу и Нинся были скованы «Западной армией». Таким образом, прорыв на Ганьсу был вполне реален. Верховное командование Красной армии строго следовало, однако, решению об отказе от

[1] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения, т. 1, стр. 426.
[2] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения, т. 2, стр. 359.

всяких наступательных действий. Даже тогда, когда Ху Цзун-нань начал продвижение от Циншуйхэ к Хуаньцзян, наши части продолжали подвижную оборону для сковывания противника. И лишь под Хуаньсянем они нанесли противнику короткий внезапный контрудар, уничтожив при этом вражескую бригаду. Армия Ху Цзун-наня немедленно отошла на исходные позиции. Наши части не преследовали ее. Положение стабилизировалось, однако «Западная армия» по-прежнему была предоставлена самой себе, не произошло и прорыва кольца окружения советского района.

Правда, вопрос о походе в Нинся или Ганьсу обсуждался партийным и армейским руководством. При этом вновь зашла речь об уже выдвигавшемся ранее, но отвергнутом Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала плане создания в северо-западных провинциях вместе с Чжан Сюэ-ляном и Ян Ху-чэном базы объединенных антияпонских вооруженных сил. Впрочем, вскоре этот план сошел со сцены, но отнюдь не окончательно. Эта идея, по-видимому, не вызвала особого энтузиазма у Чжан Сюэ-ляна, у которого были свои честолюбивые замыслы. Да и сам Мао Цзэ-дун, очевидно, тоже не стремился к взаимодействию с «Западной армией», которая тем временем все дальше уходила на северо-запад.

Тем временем Чан Кай-ши все теснее стягивал вокруг советского района кольцо блокады. Он усилил деятельность «синерубашечников» и полевой жандармерии в северо-восточной армии. Мао Цзэ-дун, который, по-видимому, списал со счета «Западную армию» и весьма скептически относился к обороне района Шэньси — Ганьсу — Нинся, задумал новый стратегический вариант Восточного похода в начале года: все регулярные части Красной армии (в том случае, если не произойдет никаких политических событий, которые обострят военное положение) должны прорваться на юг в районе Цзинъюань, на стыке армий Чжан Сюэ-ляна и Ху Цзун-наня, и затем либо, переправившись через Вэйхэ, идти через Южную Шэньси в Хэнань, либо снова форсировать Хуанхэ и продвигаться в направлении Шаньси — Хэбэй. Я не знаю, думал ли Мао Цзэ-дун о маневренной войне в тылу войск нанкинского правительства или собирался предпринять наступление против прояпонских марионеточных частей в Хэбэе и Чахаре. Возможно, он предусматривал оба варианта. В его стратегических

концепциях тогда, как и впоследствии, антияпонская война тесно связывалась с гражданской войной. Насколько мне известно, этот авантюристический план Мао Цзэ-дуна обсуждался довольно широким кругом лиц. Эта затея, впрочем, так и не осуществилась. Она окончательно была похоронена в связи с сианьскими событиями и коренным изменением политической обстановки.

Прежде чем остановиться на сианьских событиях, мне хотелось бы сделать несколько замечаний об отношении Мао и его сторонников в Политбюро к «Западной армии». Я узнал об этом из документов, попавших ко мне в руки значительно позднее.

Вместо того чтобы использовать реальные возможности для оказания непосредственной военной поддержки «Западной армии», Политбюро обратилось с просьбой о помощи в ИККИ. Из документов неясно, в чем конкретно должна была выразиться эта помощь, однако нетрудно догадаться, что речь шла о военном или, в крайнем случае, политическом вмешательстве Советского правительства. В тогдашней ситуации, разумеется, ни о первом, ни о втором не могло быть и речи. ИККИ дал ЦК КПК практические советы, в том числе оказать через Чжан Сюэ-ляна и Ян Ху-чэна давление на «трех Ма» (милитаристских генералов из рода Ма.— *Прим. пер.*) и в случае необходимости добиваться похода их войск в Ганьсу вместе с Красной армией. Затем ИККИ рекомендовал обратиться к нанкинскому правительству с предложением в интересах создания единого национального антияпонского фронта прекратить гражданскую войну, в частности все боевые действия «трех Ма» против «Западной армии». После дипломатического зондажа Чан Кай-ши в Москве и особенно после сианьских событий это было абсолютно реально. Однако рекомендации, как спасти из безвыходного положения «Западную армию» политическими средствами, игнорировались или, как уже отмечалось выше, настолько «видоизменялись», что превращались в свою противоположность. Это вольно или невольно подливало масло в огонь гражданской войны.

* * *

Утром 12 декабря 1936 года в Баоани царило необычное оживление. Беспрерывно звонил полевой телефон, соединявший квартиру Мао с резиденцией руководителей пар-

тии, правительства и армии. Сам Мао Цзэ-дун, имевший обыкновение работать по ночам и отсыпаться до полудня, на этот раз встал спозаранку. Сначала к нему пришел Чжоу Энь-лай, а несколько позже Ло Фу, Бо Гу и некоторые другие лица. Что же произошло?

Сенсационную новость я услышал сначала от телохранителя. Затем ее подтвердил Бо Гу, заглянувший ко мне по дороге. Оказывается, офицеры северо-восточной армии по приказу Чжан Сюэ-ляна на рассвете арестовали в Сиани Чан Кай-ши и держат его под строгой охраной в гостинице. Это известие с молниеносной быстротой распространилось повсюду. В Баоани оно вызвало всеобщее ликование, поскольку и в КПК, и в китайской Красной армии Чан Кай-ши ненавидели больше всех. По его приказу подверглись пыткам и были казнены десятки тысяч революционных рабочих и крестьян, а сотни тысяч жизней унесла гражданская война, зачинщиком и главным виновником которой был Чан Кай-ши.

Вечером в этот или на следующий день в Баоани состоялся митинг под открытым небом, на который собрались все члены партии, военнослужащие и советские работники из города и его окрестностей. Местных жителей на митинге почти не было, поскольку в Баоани гражданское население практически отсутствовало. Я пошел на митинг. Сначала, насколько я помню, выступил Мао Цзэ-дун, затем — Чжу Дэ и Чжоу Энь-лай. Все они говорили, что настало время рассчитаться с Чан Кай-ши, предателем национальных интересов Китая, и подвергнуть его публичному суду, что после его устранения откроется путь к объединению всей страны для борьбы против японского империализма, что от нанкинского правительства надо потребовать немедленного прекращения междоусобной борьбы за власть, особенно гражданской войны против Красной армии и преследования коммунистов. Должны состояться переговоры о создании коалиционного правительства под руководством главнокомандующего северо-восточной армией Чжан Сюэляна, губернатора провинции Шэньси, и главнокомандующего 17-й гоминьдановской армией Ян Ху-чэна, а также представителей от антияпонских организаций в гоминьдановском Китае и от коммунистической партии. Следует мобилизовать весь народ и все вооруженные силы страны на войну против Японии и ее приспешников в рядах гоминьдана.

Речи были встречены с восторгом. Однако призыв к объединению нации при одновременном требовании устранения Чан Кай-ши вызвал бы новые распри и тяжелые внешнеполитические осложнения. Этого противоречия, как будто, никто не замечал.
В последующие недели ЦК в Баоани развил бурную деятельность. Чжоу Энь-лай и Бо Гу отправились в Сиань для переговоров о судьбе Чан Кай-ши и о дальнейшей совместной политике. От Бо Гу, который после резкого осложнения обстановки раза два возвращался в Баоань для обсуждения с Мао, Политбюро и Военным советом (Военной комиссией ЦК) хода переговоров, я узнал некоторые подробности. Но они только частично подтвердились официальными сообщениями. Бо Гу рассказал мне, что вначале Чан Кай-ши отклонял всякие предложения о переговорах и категорически отказывался разговаривать с любым представителем КПК. Он указал на дверь даже Чжоу Энь-лаю, с которым работал бок о бок в период революции 1925—1927 годов. В беседах с Чжан Сюэ-ляном Чан Кай-ши защищал свою политику как единственно правильную в данных условиях и упрекал Чжана в том, что тот своими действиями вызвал кризис, который ставит под угрозу срыва дело объединения Китая и сводит на нет усилия помешать дальнейшему наступлению японцев.
Чжан Сюэ-лян сначала хотел выдать Чан Кай-ши коммунистам, но потом отказался от этого намерения. Вообще он целиком находился под влиянием Чжоу Энь-лая, который, действуя по указанию Мао, сознательно выдвигал Чжана на передний план. Наконец, Бо Гу намекнул мне, что имеются сведения, будто не только правительство Советского Союза, но также правительства США и Англии неодобрительно относятся к сианьскому инциденту. Более подробно он об этом не говорил, так что я, как и многие другие, не мог осознать в полной мере, какой резонанс вызвал в мире арест Чан Кай-ши.
Остался открытым вопрос, в какой степени руководство КПК было замешано в мятеже двух гоминьдановских генералов. Официально с самого начала решительно отрицалось участие КПК в этом деле. Всех уверяли, что события явились полной неожиданностью для коммунистической партии, и Бо Гу утверждал, что и он ничего не знал о них. А между тем на основе некоторых фактов можно было заключить, что и Мао Цзэ-дун, и Чжоу Энь-лай, и некоторые

их особо доверенные лица были информированы заранее. Чан Кай-ши прибыл в Сиань, чтобы заставить Чжан Сюэ-ляна и Ян Ху-чэна, об истинных отношениях которых с Красной армией он более или менее был осведомлен через своих агентов, вести активные наступательные действия против Красной армии. В целях обеспечения своей безопасности он отправил вперед полк полевой жандармерии, а сам остановился не в самом городе, а в пригороде. Все это, конечно, стало известно представителям ЦК КПК в Сиани, поддерживавшим постоянные контакты со штаб-квартирой Чжан Сюэ-ляна. Странным было и то обстоятельство, что именно к началу мятежа все члены Политбюро, находившиеся в то время в советском районе Шэньси — Ганьсу — Нинся, и несколько высших военачальников, и прежде всего Чжоу Энь-лай, который обычно пребывал на фронте или разъезжал по советскому району, оказались в Баоани. Наконец, в разговорах с Чан Кай-ши Чжан Сюэ-лян прямо заявлял, что ответственность за мятеж несет не он один, а «многие». Не подлежит сомнению, что Мао и Политбюро с самого начала со всей решительностью поддерживали мятеж. Об этом свидетельствовал сам ход митинга, который прекрасно описан Эдгаром Сноу, но он не упоминает доверенного лица, от которого получил эти сведения. Это нашло отражение также в обращении Центрального Комитета КПК к нанкинскому правительству от 15 декабря, вероятно составленному Мао, в котором говорится: «Известие о событиях в Сиани и об аресте Чан Кай-ши явилось для нас полной неожиданностью. Но эти события являются результатом трех ошибок в политике Чан Кай-ши: 1) капитуляции во внешнеполитическом плане; 2) походов против Красной армии; 3) угнетения народа». И далее: «Если вы хотите отмежеваться от Чан Кай-ши и прояпонской группировки, то должны проявить решительность и принять требования Чжан Сюэ-ляна и Ян Ху-чэна прекратить начатую войну, лишить Чан Кай-ши его постов и предать его публичному суду, образовать из представителей различных партий и групп, армий и слоев населения правительство единого фронта, отказаться от диктаторских и бюрократических методов правления, которые практиковал Чан Кайши, предоставить народу демократические свободы, восстановить запрещенные печатные органы, собрать все военные силы страны и незамедлительно перебросить их в Шаньси и Суйюань для вооруженного отпора Японии».

Меньше чем за три дня Чжоу Энь-лай и Бо Гу, с одной стороны, и Чжан Сюэ-лян и Ян Ху-чэн, с другой, выработали общую политическую платформу. Что касается отправки военных сил в Шаньси и Суйюань, то это были лишь одни разговоры, так как Чан Кай-ши такую переброску войск уже совершил, якобы для борьбы против Японии и ее марионеток, а на самом деле, чтобы замкнуть кольцо блокады или даже развернуть новое наступление против советского района, чего мы опасались. После ареста Чан Кай-ши военный министр нанкинского правительства Хэ Ин-цинь вместе с другими влиятельными представителями прояпонского реакционного крыла в гоминьдановском руководстве и в Центральном правительстве с большим рвением занимался сосредоточением военных сил с очевидной целью двинуть их в Шэньси для разгрома армий мятежных генералов и заключившей с ними союз Красной армии. Вряд ли эти люди сами верили, что таким способом смогут освободить Чан Кай-ши. Да это и не отвечало ни их интересам, ни интересам японцев. Поэтому обращение от 15 декабря, как ни прекрасно звучали его политические требования, имело лишь пропагандистское значение, оно адресовалось политиканам, часть которых была куда более реакционной и прояпонской, чем сам далеко не безгрешный Чан Кай-ши.

Вместо широко разрекламированного объединения народа для отпора Японии вырисовывалась угроза новых междоусобиц и гражданской войны, о чем могли только мечтать японские агрессоры. Мао Цзэ-дун и его сторонники, несомненно, отдавали себе в этом отчет. Не случайно в обращении говорилось о «начатой войне».

В первые же дни в Сиани состоялось обсуждение конкретных военных мер. Был создан «Чрезвычайный комитет объединенной антияпонской армии» во главе с Чжан Сюэляном, в состав которого наряду с Ян Ху-чэном вошел и Чжоу Энь-лай. Он должен был осуществлять административную и военную власть во всей Шэньси и, по возможности, в других северо-западных провинциях, затем предполагалось создать независимое от Нанкина «Антияпонское северо-западное правительство». В третий раз за короткий период Мао Цзэ-дун выдвинул свою излюбленную идею, согласно которой Советский Союз должен был не только прикрыть тыл китайской Красной армии, но и ввязаться в прямой конфликт с гоминьдановским Китаем и Японией.

Чжан Сюэ-лян сконцентрировал близ Сиани свою северо-восточную армию и потребовал у верховного командования Красной армии перебросить главные силы на юг, чтобы совместными усилиями отразить ожидаемое наступление нанкинских войск. На пути следования частей Красной армии Чжан вывел части северо-восточной армии из целого ряда населенных пунктов, в том числе из городов Яньань, Ганьцюань, Фусянь, Лочуань, расположенных на тракте, ведущем в Сиань. В эти города вступили части Красной армии. Ее главные силы заняли исходные позиции северо-восточнее и северо-западнее Сиани, а 15-й корпус выдвинулся даже южнее Сиани. В Ганьсу и Нинся остались лишь некоторые части, тогда как другие соединения сменили войска Ян Ху-чэна на севере, заняли город Цзиньбянь у Великой китайской стены и подошли к Юйлиню.
Таким образом, район, находившийся под контролем КПК и китайской Красной армии, без единого выстрела был расширен на десятки тысяч квадратных километров, где проживало около миллиона человек. Это значительное приращение территории было сделано исключительно за счет союзных с Красной армией милитаристов. Принятые военные меры шли вразрез с обращением к нанкинскому правительству, в котором после требования о переброске всех военных сил страны на север говорилось: «Если это будет сделано, то руководимая нами 200-тысячная Красная армия будет готова вместе с вашими войсками занять исходные рубежи для беспощадной национально-революционной борьбы за освобождение нашей родины». Следует отметить, кстати, что 200 тысяч человек не набралось бы даже вместе с армиями Чжан Сюэ-ляна и Ян Ху-чэна. Красная армия в районе Шэньси — Ганьсу — Нинся, находившаяся в непосредственном подчинении верховного командования в Баоани, насчитывала в то время, включая регулярные и нерегулярные соединения, не более 40 тысяч человек. В «Западной армии», полностью отрезанной и действовавшей самостоятельно, было еще 15—20 тысяч. В оставленных старых опорных базах, прежде всего в бывшем Центральном советском районе, а также в тех районах, по которым проходила Красная армия во время Великого похода, действовали партизанские отряды различной численности, которые, по официальным, вероятно преувеличенным, данным, составляли в общей сложности также около 40 тысяч бойцов. Однако, эти отряды, действовавшие

в различных районах страны, не контролировались верховным командованием Красной армии, поскольку с ними не было связи. Итак, численность войск Коммунистической партии Китая составляла максимум 90—100 тысяч человек, причем больше половины их находилось в Южном и Западном Китае. Верховное командование реально располагало только 40 тысячами человек в Шэньси — Ганьсу — Нинся. Это число довольно точно соответствовало тем данным, которые были зарегистрированы в 1937 году после реорганизации Красной армии в 8-ю полевую армию.

Если двустороннее военное выступление, предпринятое сразу же после ареста Чан Кай-ши, успешно развивалось, то политика, которую проводили «патриотические генералы», как назвал в одном из своих публичных заявлений,— наверняка не без одобрения Мао Цзэ-дуна,— Чжан Сюэ-ляна и Ян Ху-чэна Хэ Лун, и которая не только активно поддерживалась, но и, по всем признакам, была инспирирована Центральным Комитетом КПК в Шэньси, буквально через несколько дней зашла в тупик.

Передававшиеся ежедневно по радио из Баоаня и Сианя обращения и воззвания не вызвали никаких откликов в стране. Представители антияпонского движения в гоминьдановском Китае, даже те, которых преследовал и бросал в тюрьмы Чан Кай-ши, решительно отказывались от какого бы то ни было сотрудничества с сианьскими мятежниками, действия которых они справедливо расценивали как раскол единого национального фронта. Они получили поддержку широких народных масс, которые, воодушевленные недавними военными успехами в Суйюани, требовали решительной борьбы против Японии. Даже китайские милитаристы, постоянно отстаивавшие независимость своих провинций от центральной власти, явно отмежевались от Чжан Сюэ-ляна и Ян Ху-чэна. «Национально-революционная» группировка в Шэньси, а вместе с ней и ЦК КПК оказались в изоляции. Коммунисты в гоминьдановском Китае, по крайней мере большинство из них, с недоумением и тревогой воспринимали политику партийного руководства.

Буквально за одну ночь наступил коренной перелом, о чем я узнал конфиденциально из радиограммы ИККИ из Москвы. Поговаривали, будто Сталин лично занимался этим делом. Были отозваны из Сианя Чжоу Энь-лай и Бо

Гу, поспешно собралось Политбюро. После долгих колебаний было решено отказаться от требований публичного суда над Чан Кай-ши, добиться его освобождения и вступить с ним в переговоры о проведении общей политики, направленной на демократизацию общественной жизни в Китае и на борьбу против японского агрессора.

Всех обстоятельств, касающихся этого решения, я не знаю. Эдгар Сноу пишет, как обычно не ссылаясь на источники, что радиограмма из Москвы вызвала приступ дикой ярости у Мао Цзэ-дуна, а Чжоу Энь-лай сообщил одному авторитетному лицу, что это было «самым трудным решением в их жизни». Даже если этого и не было, безусловно одно: Мао Цзэ-дун пытался навязать ИККИ свою сектантскую авантюристическую политику и продолжал ее отстаивать даже после получения радиограммы, в то время как Бо Гу и Ло Фу сразу перешли на сторону Исполкома Коминтерна. Мао отступил только тогда, когда осознал полную несостоятельность своего замысла.

Я это подчеркиваю, ибо впоследствии Мао, грубо искажая историческую правду, приписал себе главную заслугу в мирном урегулировании сианьского конфликта. Так, 28 декабря 1936 года в своем «Заявлении по поводу заявления Чан Кай-ши» он утверждал: «Коммунистическая партия настаивала на мирном урегулировании сианьских событий и прилагала значительные усилия для достижения этой цели» [1]. Эта версия и вошла в маоистскую историографию. Ху Цяо-му в своей брошюре «30 лет Коммунистической партии Китая» утверждает: «Коммунистическая партия Китая считала, что в условиях того времени в целях организации сопротивления агрессии японского империализма сианьские события следовало разрешить мирным путем. Поэтому Чан Кай-ши был освобожден, и в стране был достигнут внутренний мир» [2].

К сожалению, эта фальсификация, давно опровергнутая многочисленными опубликованными документами, ввела в заблуждение даже некоторых добросовестных, но плохо информированных публицистов.

Если о внутриполитических последствиях сианьской авантюры мы (я имею в виду всех руководящих работников коммунистической партии в районе Шэньси — Ганьсу —

[1] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения, т. 1, стр. 436.
[2] *Ху Цяо-му.* 30 лет Коммунистической партии Китая. Пекин, 1956, стр. 54 (на русск. яз.).

Нинся, за исключением самой верхушки) были частично осведомлены, то вызванные ею международные осложнения долгое время оставались для нас тайной. Мы тогда еще ничего не знали ни о провокационных заявлениях японской прессы о «руке Москвы» в сианьских событиях, которые-де должны были положить начало гигантскому коммунистическому заговору на Дальнем Востоке, ни об утверждениях о формировании Чжан Сюэ-ляном совместно с китайскими коммунистами нового правительства и заключении им с Советским Союзом оборонительно-наступательного пакта. Также мы ничего не знали о пресловутом антикоминтерновском пакте, незадолго до того заключенном милитаристской Японией с нацистской Германией. И разумеется, мы ничего не знали об официальном опровержении ТАСС, о передовой статье в газете «Правда» от 14 декабря, о других советских заявлениях, не говоря уже о телеграммах ИККИ в адрес ЦК КПК, в которых прямо указывалось на опасность опустошительной гражданской войны в Китае и полного закабаления страны Японией и содержалось категорическое требование мирного разрешения конфликта. Текст телеграмм опубликован в сборнике «Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения», изданном в Москве в 1972 году.

Не стоит останавливаться здесь на всех внутренних и международных обстоятельствах, связанных с сианьскими событиями. Все эти проблемы достаточно хорошо освещены в многочисленных исследованиях и публикациях советских авторов. Я могу, в частности, сослаться на работу К. В. Кукушкина «Коминтерн и единый национальный антияпонский фронт в Китае (1935—1943 гг.)» в сборнике «Коминтерн и Восток», вышедшем в Москве в 1969 году, в которой содержится богатейший материал о политике единого фронта вплоть до 1943 года.

После принятия Политбюро в Баоани нового решения переговоры с Чан Кай-ши, к которым снова подключился Чжоу Энь-лай, успешно завершились. Чан Кай-ши был выпущен из-под ареста. Он дал устные обязательства реорганизовать гоминьдан и нанкинское правительство, изгнать из него прояпонские элементы и ввести сторонников сопротивления Японии; освободить руководителей патриотического движения и всех других политических заключенных; гарантировать народу гражданские права и свободы; покончить с политикой «карательных походов против комму-

нистов» и совместно с Красной армией организовать сопротивление японским захватчикам; созвать конференцию спасения родины с участием представителей от всех партий и групп, от всех слоев населения, от всех вооруженных сил, которая должна будет выработать общую линию борьбы с японскими захватчиками и спасения страны; наладить сотрудничество с государствами, сочувствующими борьбе Китая против Японии; наметить другие конкретные мероприятия для спасения страны.

Это соглашение не зафиксировано письменно, и, следовательно, его не подписали договаривающиеся стороны. Оно должно было держаться в тайне, чтобы облегчить Чан Кай-ши возможность необходимых шагов для проведения новой политики. По той же причине не указывались точные сроки выполнения обязательств. Однако мы в Баоани тут же узнали о соглашении до мельчайших подробностей. Мао Цзэ-дун распорядился сообщить о нем по сианьскому радио на китайском языке и через посредников, среди которых, как говорили, была Агнес Смэдли, на английском. Чан Кай-ши, которого в качестве добровольного пленника сопровождал Чжан Сюэ-лян, в своем заявлении от 26 декабря в Лояне, куда он прибыл из Сианя, охарактеризовал обнародование соглашения как нарушение слова, приведя при этом цитату из Конфуция: «Слово должно быть верным, действие должно быть решительным». Мао Цзэ-дун ответил на это в своем заявлении от 28 декабря: «Чан Кай-ши заплатил за свою свободу тем, что принял сианьские условия». Дальше шла угроза: «Китайский народ больше не позволит Чан Кай-ши увиливать от оплаты векселя, не сделает ему никаких скидок. Если в деле сопротивления японским захватчикам Чан Кай-ши думает топтаться на месте, затягивать выполнение данных им обещаний, революционная волна народного возмущения сметет его с пути».

Острая публичная полемика снова поставила под угрозу зарождавшийся единый национальный фронт. Она показала, что Мао и после урегулирования сианьского конфликта не отказался от старой сектантской политики, нацеленной на ослабление и раскол гоминьдана. Тем самым японцы получили повод усилить нажим на нанкинское правительство. Бо Гу в беседе со мной высказал удивление по поводу заявления от 28 декабря и разглашения секретной договоренности, подчеркнув, однако, что это,

наверное, тактический ход, который заставит Чан Кай-ши играть в открытую и неукоснительно выполнять взятые на себя обязательства. Бо Гу выразил уверенность в том, что отныне политическая линия ИККИ, которую в Москве энергично поддерживало представительство КПК во главе с Ван Мином, будет неуклонно проводиться в жизнь. Это звучало успокаивающе, хотя и оставались некоторые сомнения, которые особенно усилились после того, как распространились слухи о том, что Чан Кай-ши был освобожден Чжан Сюэ-ляном без ведома Чжоу Энь-лая и что Чжоу Энь-лай пытался перехватить их по пути на аэродром, но добрался туда только тогда, когда самолет с Чжан Сюэляном и Чан Кай-ши уже находился в воздухе.

* * *

В конце 1936 — начале 1937 года Центральный Комитет, Революционное правительство и все центральные учреждения, в том числе Военная академия и некоторые воинские части, передислоцировались в Яньань, которой на целое десятилетие суждено было стать «красной столицей» Китая. Если из Ваяобао в Баоань мы перебирались ночью, ежеминутно ожидая нападения, то теперь мы двигались в Яньань как победители, без каких бы то ни было мер предосторожности. Над нами уже не висели бомбардировщики. По крайней мере одно из своих обещаний Чан Кай-ши выполнил сразу: после своего освобождения он прекратил продвижение нанкинских правительственных войск в Шэньси и вообще всякие военные действия.
Окруженная лёссовыми холмами, Яньань располагалась на равнине, на стыке трех речных долин. Вокруг города, на севере, по цепи холмов тянулись мощные крепостные стены. Город с многочисленными довольно благоустроенными домами и виллами разительно отличался от Баоани. Под стать городу были и пригороды, где располагались роскошные усадьбы, покинутые их владельцами — крупными помещиками, гоминьдановскими чиновниками, ростовщиками и торговцами. Никаких проблем с расквартированием не существовало. Мне вместе с доктором Хэйтемом, которого называли китайским именем Ма Хай-дэ, отвели домик с нарядным палисадником. Более двух с половиной лет, до моего отлета в Москву, прожили мы вместе.
В городе было еще более 3 тысяч жителей. На рынке крестьяне и лоточники торговали мясом, яйцами, овощами и

другими продуктами. Работали лавки, харчевни и даже несколько респектабельных ресторанов. Яньань жила нормальной мирной жизнью. Это была необычная для нас картина. Впрочем, мы оставались лишь сторонними наблюдателями, поскольку у нас не было денег. Как и раньше, размещением и снабжением занимались соответствующие органы местного советского правительства и тыловые службы штаба армии. Такой порядок сохранялся и в последующие годы.

В политическом смысле оптимизм Бо Гу как будто оправдался. Первоначально продолжало функционировать Временное революционное, или Центральное, правительство. Но наряду с ним было учреждено Северо-Западное бюро, во главе которого некоторое время стоял Бо Гу. Бюро должно было осуществлять функции Центрального правительства на территории советского района. В феврале 1937 года ЦК КПК направил 3-му пленуму ЦИК гоминьдана телеграмму, в которой изложил программу гражданского мира и сотрудничества, в основном соответствовавшую достигнутой в Сиани договоренности.

В телеграмме говорилось, что ЦК КПК готов дать следующие гарантии:

1) прекратить повсюду в стране проведение курса на вооруженное восстание для свержения национального правительства;

2) переименовать Центральное советское правительство в правительство Особого района Китайской республики, Красную армию — в Национально-революционную армию, подчинив их Центральному правительству и Военному комитету в Нанкине;

3) отказаться от политики конфискации крупных землевладений и ростовщического капитала;

4) решительно проводить в жизнь общую программу единого национального антияпонского фронта.

Прежнее требование о немедленном объявлении войны Японии было заменено более общим лозунгом «изгнания японцев из Китая, решительной подготовки к войне».

На этой основе в течение нескольких месяцев в Нанкине велись переговоры на высшем уровне между Чан Кай-ши и Чжоу Энь-лаем и в Яньани с прибывшей туда в апреле 1937 года делегацией гоминьдана. Судя по всему, Политбюро ЦК взяло курс на создание единого национального фронта, что фактически свидетельствовало о его честном

намерении примириться с гоминьданом, а следовательно, и с Чан Кай-ши. Таким образом, это означало укрепление марксистско-интернационалистских сил в партийном руководстве. Эти силы опирались, с одной стороны, на настроения широких масс в самом Китае, особенно в гоминьдановских районах, которые все настойчивее требовали прекращения гражданской войны и оказания отпора японской агрессии. Подобные настроения все в большей степени распространялись также и среди господствующих слоев, о чем свидетельствовала их реакция на сианьские события. С другой стороны, марксистско-интернационалистские силы в руководстве КПК опирались на решительную поддержку ИККИ и представительства КПК в Москве. И с этим не мог не считаться Мао Цзэ-дун. Однако было неясно, отступил ли он перед фактами из тактических соображений, или принципиально изменилась его позиция в целом.

Перемена политического курса как в КПК, так и в гоминьдане проходила не без трудностей и колебаний. Из сианьского конфликта Чан Кай-ши вышел отнюдь не блистательным победителем, как может показаться на первый взгляд. Ван Цзин-вэй, Хэ Ин-цинь и другие реакционные прояпонские деятели в руководстве гоминьдана, нанкинском правительстве и правительствах некоторых провинций Северного Китая делали все, чтобы сорвать создание единого фронта с коммунистами. Под их нажимом 3-й пленум ЦИК гоминьдана принял решение «О полном искоренении красной опасности» и в ответ на предложенные ЦК КПК гарантии потребовал как минимум ликвидации китайской Красной армии и всех других вооруженных сил КПК, упразднения китайского советского правительства и подчиненных ему органов, признания трех принципов Сунь Ят-сена, прекращения коммунистической пропаганды и отказа от классовой борьбы.

Всячески маневрируя, Чан Кай-ши вместе с тем обещал предоставить демократические свободы и освободить политических заключенных. Поначалу в политической жизни гоминьдановского Китая почти никаких изменений не произошло. Выполнение сианьского соглашения затягивалось, большинство политзаключенных оставалось в тюрьмах, не было реорганизовано нанкинское правительство, не было заметно никаких приготовлений к проведению демократических реформ, если не считать более терпимого отноше-

ния к антияпонским силам, включая и находившихся на свободе коммунистов, и легализации отношений с Яньанью, которые до сих пор поддерживались неофициально. И даже эта более чем скромная «либерализация» вызвала у японских милитаристов сильное недовольство. Резче, чем раньше, они стали подвергать Чан Кай-ши публичным обвинениям и перебросили в Северный Китай крупные воинские соединения.

Лишь в военном отношении наблюдались явные сдвиги. С начала 1937 года все боевые действия против Красной армии в Шэньси — Ганьсу — Нинся были прекращены. Большая часть войск Центрального гоминьдановского правительства была переброшена на север и восток, что могло рассматриваться как выдвижение на исходные позиции для боевых действий против японской агрессии и их китайских марионеток. Я не знаю, установился ли гражданский мир в старых советских базах и партизанских районах Южного и Центрального Китая, но, вероятно, да, поскольку никаких сведений о боевых действиях оттуда не поступало. Только в Ганьсу войска «трех Ма» продолжали бои до полного разгрома «Западной армии», и никто даже пальцем не шевельнул, чтобы предотвратить роковой исход.

Мао Цзэ-дун воспользовался гибелью «Западной армии», чтобы избавиться от заклятого врага и единственного соперника в партийном руководстве — Чжан Го-тао. Пока существовали пусть даже остатки «Западной армии», Чжан Го-тао все еще располагал значительными военными силами. Нельзя было сбрасывать со счетов и кадровых работников тех частей 4-й армии, которые остались на восточном берегу Хуанхэ и влились в 1-ю армию. Хотя большинство из них были заменены командирами и политработниками 1-й армии и отправлены на переподготовку в Военную академию или в партийную школу, они, несомненно, находились под влиянием Чжан Го-тао. Кроме того, Чжан Го-тао сохранял авторитет, хотя в какой-то степени номинально, одного из основателей КПК, полноправного члена Исполкома Коминтерна и Политбюро ЦК и заместителя председателя китайского советского правительства. Ему могли бы предъявить обвинение в нежелании работать в этих органах, но практически у него не было для этого никаких объективных возможностей.

Мао Цзэ-дун решил, что наступил удобный момент окончательно расквитаться с Чжан Го-тао. В войсковых частях,

учреждениях, школах по подготовке кадров, особенно в Военной академии и партийной школе, прошли собрания актива. Я сам участвовал по крайней мере в одном из них — то ли в штабе тыла, то ли в Военной академии. Собрание проходило под лозунгом «Искоренить ошибки Чжан Го-тао!». В партийном печатном органе появилось «Сообщение об ошибочной правооппортунистической линии Чжан Го-тао». Его обвиняли в том, что он утратил веру в революцию, следовал военной стратегии дезертирства, вел фракционную борьбу в партии и армии, насаждал личную диктатуру, при воспитании кадров злоупотреблял строгими наказаниями (знакомые ноты!), а в отношениях с народными массами прибегал к милитаристским методам.

После такой подготовки в начале апреля в Яньани состоялось расширенное заседание Политбюро, в котором приняли участие также члены правительства и военачальники. Я не получил приглашения и поэтому могу только в общих словах повторить то, что услышал об этом заседании позднее. Чжан Го-тао обвиняли в том, что его политическое, организационное и военное руководство в советских районах Хубэй — Хэнань — Аньхой и Сычуань — Шэньси было неправильным, что он допускал серьезные ошибки при создании Советов, подавлении контрреволюционеров и в отношении массовых движений. Главные же обвинения касались раскола партии и армии в результате «самочинного создания параллельного Центрального комитета и сепаратного Военного совета». И наконец, на него взвалили всю тяжесть ответственности за гибель «Западной армии».

Чжан Го-тао решительно отверг все обвинения как клевету не только на него лично, но и на бывшие советские районы и 4-ю армию и отказался выступить с самокритикой.

Во время этого заседания или вскоре после него распространились странные слухи, до сих пор оставшиеся для меня загадкой. Говорили, будто бы командиры батальонов, полков и дивизий 4-й армии организовали в Военной академии заговор с целью бежать из Яньани, поднять часть 4-й армии, вместе с ними развязать партизанскую войну за пределами подвластных Мао Цзэ-дуну районов и создать новую советскую базу. В случае удачи во главе их должен был стать Чжан Го-тао. Заговор раскрыли, и несколько десятков «заговорщиков» арестовали, причем некоторые из них, как говорили, оказали сопротивление и

были убиты. ЦК назначил следственную комиссию — своего рода военный трибунал под председательством авторитетного начальника партшколы Дун Би-у. Однако комиссия не смогла найти никаких подтверждений обвинениям, которые выдвигались против Чжан Го-тао и арестованных командиров 4-й армии. Уже через несколько месяцев они были освобождены и восстановлены на командных постах. Я передаю эту историю с большими оговорками, поскольку ничего не могу подтвердить собственными наблюдениями. Я не заметил никаких признаков готовящегося заговора, хотя почти ежедневно появлялся в Военной академии, преподавал тактику и беседовал с командирами 4-й армии, в том числе с одним комдивом, который в свое время возглавлял Военную академию в Сикане и не скрывал своих симпатий к Чжан Го-тао. Скорее всего это была клевета или провокация с целью облегчить устранение Чжан Го-тао, с которым в то время у Мао Цзэ-дуна не было никаких принципиальных политических разногласий. Эта попытка провалилась. Бо Гу рассказал мне впоследствии, что не последнюю роль сыграло вмешательство ИККИ, который настоятельно предложил покончить со всеми старыми спорами, ибо главной задачей было сохранение единства партии и последовательное претворение в жизнь политики единого национального фронта.

Я не знаю истинной подоплеки дальнейших событий, но Чжу Дэ, Ло Фу, Чжоу Энь-лаю и другим вскоре удалось убедить Чжан Го-тао выступить в интересах мира внутри партии с самокритикой. Это выступление было опубликовано в партийном органе в Яньани. Он признал, не приведя, однако, ни одного конкретного факта, свои «правооппортунистические ошибки» и «милитаристские замашки», которые «переросли в действия против центрального руководства партии». Предельная лаконичность и нарочитая туманность самокритичного выступления Чжан Го-тао не оставляли сомнений, что оно было сделано под нажимом. Под обманчивой видимостью наступившего спокойствия продолжали тлеть угли конфликта.

Партийное руководство вновь со всей энергией принялось за выполнение актуальных задач. Это было крайне необходимо, так как новая политика первоначально не встретила понимания и вызывала глухое недовольство как у населения, так и в войсках. Крестьяне боялись, что их лишат всех итогов раздела земли и других аграрных пре-

образований. Красноармейцы видели в этой политике просто капитуляцию перед гоминьданом, надругательство над бесчисленными жертвами десятилетней гражданской войны. Поэтому ЦК принял решение развернуть широкую пропагандистскую кампанию по разъяснению кадровым работникам и массам сущности уступок, содержавшихся в четырех гарантиях 3-му пленуму Центрального исполнительного комитета гоминьдана. В основу этой деятельности легли разработанные уже в феврале директивы ЦК и последовавшее за ними обращение ко всем членам партии. В обоих документах четыре гарантии характеризовались как необходимый и допустимый компромисс для укрепления гражданского мира, обеспечения демократических прав и начала в ближайшее время боевых действий против японских агрессоров. Однако этот компромисс, говорилось выше, не означает ограничения самостоятельности КПК, а, наоборот, позволяет развернуть легальную деятельность компартии на территории всей страны. Сохраняется полное руководство КПК революционными вооруженными силами. Замена Советов новыми демократическими органами, прекращение конфискации землевладений, ослабление экономической политики, переименование Красной армии и подчинение ее нанкинскому Центральному правительству ничего, по существу, не меняют. Основной целью попрежнему остается всемерное расширение политического влияния и увеличение численности КПК и, таким образом, обеспечение ее ведущей роли в национально-революционном движении. Иным путем невозможно одержать победу в национальной революции.

Эти аргументы звучали весьма убедительно и возымели действие. Настораживало, пожалуй, только то, что ни единым словом не упоминалось о решении 3-го пленума Центрального исполнительного комитета гоминьдана. Его приняли к сведению и перекроили на свой лад. «Роспуск» китайского советского правительства и Красной армии назвали «переименованием», а «прекращение» всякой коммунистической пропаганды трактовали как усиление. Три принципа Сунь Ят-сена стали толковать как некое единство трехчленного ряда: национализм — демократизм — социализм. Никто не отказывался от классовой борьбы, но она была сведена к борьбе с прояпонскими элементами, поскольку на первый план выдвигался лозунг национализма.

У меня возникло смутное ощущение, что оба основных противника — Чан Кай-ши и Мао Цзэ-дун ведут двойную игру. Они понимали, что война с Японией неизбежна и что вести ее можно только объединенными силами, но каждый хотел выиграть за счет другого. Последующие события подтвердили справедливость моих подозрений.

* * *

В мае 1937 года в Яньани состоялась партийная конференция китайского Советского района, названная позже Всекитайской конференцией КПК. По моим подсчетам, в ней участвовало около 150 делегатов. Впрочем, термины «всекитайская» и «делегаты» можно употреблять только условно. В основном присутствовали представители центральных партийных органов, местных партийных организаций и Красной армии района Шэньси — Ганьсу — Нинся, а также политработники, возглавлявшие коммунистические ячейки в северо-восточной армии, и партийные руководители из Северного Китая, в частности из Пекина. Отсутствовали представители партийных организаций Центрального и Южного Китая, прежде всего старых опорных баз и разрозненных партизанских районов, члены Политбюро Сян Ин и находившиеся в Москве Ван Мин, Кан Шэн и Чэнь Юнь. Почти все участники совещания, за исключением, быть может, представителей гоминьдановских районов, не были избраны, их назначали сверху.
Я тоже получил приглашение и, сидя в одном из первых рядов, имел возможность внимательно следить за ходом конференции. Из того, что говорили, я в лучшем случае понял половину: мой новый переводчик имел довольно низкую квалификацию. Кроме того, часто мне приходилось отлучаться для проведения занятий в Военной академии. Тем не менее у меня сложилось определенное представление о конференции, проходившей временами довольно бурно. Этому во многом способствовали мои беседы в перерывах между заседаниями со старыми знакомыми. Кроме Бо Гу и других товарищей я встретил здесь Ян Шан-куня, бывшего политкомиссара у Пэн Дэ-хуая, которого не видел несколько лет. Это была наша последняя встреча, так как после конференции он уехал в Северный Китай, где возглавил партийную работу. Хорошо говоривший по-русски, всегда дружески настроенный, Ян Шан-кунь оказал мне ценную помощь.

Председательствовал на конференции Ло Фу. В президиуме сидели все находившиеся в Яньани члены Политбюро, включая Чжан Го-тао, а также высшие армейские командиры. Не было Чжоу Энь-лая, находившегося, по-видимому, в Нанкине, и Ван Цзя-сяна, который был тяжело болен. С основным докладом «Задачи антияпонского национального единого фронта на современном этапе» выступил Мао Цзэ-дун. Положения доклада в целом соответствовали новой политической линии, обозначившейся после сианьского конфликта. Я не буду подробно останавливаться на этом докладе, поскольку он без особых изменений включен в «Избранные произведения» Мао Цзэ-дуна под новым названием «Задачи коммунистической партии в период антияпонской войны» [1].

Правда, есть значительные расхождения в отдельных формулировках, но это и не удивительно, если учесть, что текст доклада редактировался дважды. Так, в первой части своего доклада Мао, освещая «современный этап развития внешних и внутренних противоречий в Китае», снова повторил, что главным противоречием в мире является антагонизм между империалистической Японией и Китаем. Он ни слова не сказал о присоединении к «всемирному фронту борьбы за мир». После резкой критики гоминьдана сразу же делался вывод о переходе от первого этапа борьбы за образование единого фронта ко второму, то есть от лозунга «национализма» к лозунгу борьбы за «демократию и свободу» (разумеется, речь шла о гоминьдановском Китае), которая «является на данном этапе развития главным звеном в общей цепи задач революции».

Борьбе за демократию и свободу Мао посвятил вторую часть своего выступления, в которой особое внимание уделил союзу «революционных классов», а именно «пролетариата, крестьянства, городской мелкой буржуазии и национальной буржуазии». Впоследствии он причислил к ним все «патриотические элементы» вплоть до крупных землевладельцев. Классовый подход, как и прежде, смазывался, поскольку этим партнерам по союзу открывались двери в коммунистическую партию. С другой стороны, в последней части доклада отмечалась руководящая роль коммунистической партии и Национально-революционной армии, то есть Красной армии. В ней говорилось об опасно-

[1] См. *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения, т. 1, стр. 447 и далее.

сти возрождения хвостизма Чэнь Ду-сю, который привел к поражению революции 1925—1927 годов. Существует лишь альтернатива: или буржуазно-демократическая республика, или социализм, но ни в коем случае нельзя забывать о конечной цели. Необходимыми предпосылками для ее достижения являются полная независимость и самостоятельность компартии и Национально-революционной армии в рамках единого общенационального фронта.

Некоторая противоречивость высказываний Мао вызвала множество вопросов и ряд возражений участников конференции, особенно в отношении классовой линии, переоценки роли армии, практического осуществления политики единого фронта и ее возможных последствий. В своем заключительном слове, которое также вошло в «Избранные произведения», Мао Цзэ-дун отвечал на вопросы, и его доклад единодушно был одобрен конференцией.

Второй основной доклад «О Коммунистической партии Китая в последнем десятилетии» делал Ло Фу. Он отстаивал генеральную линию КПК после проходившего в 1928 году VI съезда, за исключением периода лилисаневщины, которая, как отметил докладчик, с помощью Коминтерна была быстро преодолена. О боях и жертвах в районах господства гоминьдана он говорил почти теми же словами, что и Бо Гу в Цзуньи. К величайшим достижениям в десятилетней борьбе коммунистической партии Ло Фу отнес: мобилизацию китайского народа на национальную освободительную борьбу; повышение сознательности и боевитости рабочих, крестьян и мелкой буржуазии; создание советской власти и Красной армии; проведение новой политики единого национального антияпонского фронта; превращение КПК в боевую партию, тесно связанную с массами. Он высоко отозвался о нелегальной деятельности коммунистов и высказался за соединение легальной и нелегальной работы в «районах единого фронта».

Доклад вызвал в основном положительные отклики и был одобрен конференцией. Оба доклада вскоре, после дополнительного редактирования, были изданы отдельными брошюрами.

Чжан Го-тао редко появлялся на заседаниях, его место в президиуме почти всегда пустовало. Тем не менее он вызвал, как мне кажется невольно, небольшой инцидент. Ему пришлось под нажимом Политбюро или президиума

выступить с небольшой покаянной речью, в которой он, однако, заявил, что было бы ошибочным осуждать прошлое с точки зрения нынешней политики единого общенационального фронта, безоговорочно им поддерживаемой. С этими словами Чжан Го-тао покинул зал. Некоторые делегаты выступили с яростными нападками на Чжан Го-тао, но на его защиту встали присутствовавшие на заседании кадровые работники 4-й армии. Разгоревшейся словесной баталии положил конец Ло Фу, подчеркнувший, что партийное руководство уже подвергло Чжан Го-тао критике и на этом следует поставить точку, ибо на его счету не только ошибки, но и большие заслуги.

В заключение Ло Фу обратился ко всем коммунистам с призывом немедленно вернуться на свои боевые посты перед лицом надвигающейся войны с Японией. Надлежало ускорить реорганизацию главных сил армии и выдвинуть их на исходные позиции, благоприятные для ведения маневренной войны, а всем возвращающимся в города товарищам следует тут же уйти в подполье и перестроить партийные и массовые организации в интересах оказания всемерной поддержки антияпонской войне.

Итак, эта конференция знаменовала собой большой прогресс. В основном возобладала политическая линия ИККИ и китайских марксистов-интернационалистов. Внутри страны КПК включилась в единый антияпонский фронт, а в международном масштабе — хотя и с некоторыми оговорками — в борьбу против войны и фашизма. Поэтому никто не придал особого значения тому факту, что Мао Цзэ-дун, как главный докладчик на конференции, официально провозгласил новую политику и, еще более укрепив тем самым свои позиции в партийном руководстве, получил возможность на практике проводить, как он это неоднократно делал и ранее, совершенно иную политическую и военную стратегию и тактику.

* * *

Предсказание Ло Фу сбылось. Через два месяца после конференции вспыхнула война между Китаем и Японией. В течение этого времени в районе Шэньси — Ганьсу — Нинся, в соответствии с решениями конференции и на основе достигнутой в Нанкине договоренности, был разработан ряд мероприятий, проведение которых продолжалось весь 1937 год и захватило даже 1938 и 1939 годы.

Советский район был преобразован в Особый район (позже — Пограничный район) с автономными правами, что и было признано Чан Кай-ши. Как уверял Мао Цзэ-дун, Особый район номинально являлся «составной частью единой республики», а фактически представлял собой отделенный от остального Китая анклав, своего рода государство в государстве. В первые месяцы туда даже не допускались гоминьдановские чиновники, не говоря уже об офицерах. Такие гражданские учреждения, как почта, связь, загсы и прочие, находились под полным контролем правительства района. Не было только собственной денежной системы, которая была упразднена еще раньше.
Впрочем, говорить о совершенно обособленном анклаве было бы не совсем правильно. По-прежнему не было постоянных, стабильных границ. В ряде уездов возник своего рода военный вакуум, так как Чан Кай-ши перебросил главные силы северо-восточной армии на восток, а часть 17-й армии Ян Ху-чэна (который удрал за границу) — на север. Соединения Национально-революционной армии, как некоторое время называлась Красная армия, вошли в эти уезды и создали там новые органы власти вместо гоминьдановских. Этот процесс, первоначально протекавший более или менее мирно, в конечном счете привел к конфликтам, которые начиная с лета 1939 года все чаще выливались в вооруженные столкновения. Таким образом, Особый район Шэньси — Ганьсу — Нинся значительно увеличился и к концу 1939 года включал полностью или частично 23 уезда. Территория района простиралась от реки Хуанхэ на востоке до горной цепи на границе провинций Нинся и Ганьсу на западе и от Великой китайской стены на севере до реки Цзинхэ на юге.
Но вернемся к событиям начала лета 1937 года. После роспуска Временного революционного, или Центрального советского, правительства появилось Районное правительство во главе с Линь Бо-цюем, с которым я не был знаком лично. Его заместителем до своего бегства из Яньани в 1938 году являлся Чжан Го-тао. Для осуществления «новой демократической системы» Районное правительство наметило создать выборное собрание, своего рода парламент, которое, однако, до моего отъезда не собиралось и, по-видимому, так и не было создано. Только в городах и сельских уездах зимой 1937/38 года были учреждены «местные собрания», но не знаю, как они функционировали

и функционировали ли вообще. Лично я ни о каких выборах не слышал. Это, впрочем, объясняется, возможно, тем, что я общался только с узким кругом лиц: старыми знакомыми из руководства, работниками Военной академии и штаба тыла. Из местных партийных и армейских кадровых работников, которые под непосредственным контролем Центрального Комитета осуществляли власть в Особом районе, я почти никого не знал близко. Мне, конечно, приходилось встречаться с ними, но я не знал, «кто есть кто». Не запомнился даже Гао Ган, первый секретарь партийного комитета района.
На майской партийной конференции Мао Цзэ-дун поставил задачи осуществлять «планомерное хозяйственное строительство» для улучшения условий жизни населения и «планомерное культурное строительство» для ликвидации неграмотности.
В экономике наблюдались постепенные сдвиги, но они не имели ничего общего с «планомерным строительством». Возвращались торговцы и другие состоятельные жители и даже некоторые крупные помещики, после того как стало известно, что им ничто не угрожает. Росла торговля с гоминьдановским Китаем, хотя недолго и в ограниченных масштабах, так как в Особом районе не хватало ни денег, ни товаров. Основными статьями «импорта» являлись ткани, керосин, соль и другие предметы первой необходимости, а также чай, сахар, рисовая водка, табак и т. п.
Вместе с тем по мере увеличения численности партии, армии и правительственных органов росли трудности со снабжением. Когда же в Шэньси — Ганьсу — Нинся хлынул поток беженцев из гоминьдановских районов, которым угрожала японская оккупация, ничего не оставалось, как перейти на самоснабжение и ввести автаркическую систему натурального хозяйства, которая с годами расширялась. Свободных земель было больше чем достаточно, так как местные крестьяне выращивали стручковые и овощи только в плодородных долинах, оставляя необработанными лёссовые плато и склоны холмов, где не хватало влаги. На обработку этих пустующих земель был брошен весь личный состав воинских частей, работники учреждений, организаций, учащиеся школ и т. д. Единственными орудиями труда служили мотыги и лопаты. Это была адская работа. Прежде всего посеяли и собрали урожай проса и гаоляна. Около домов выращивали капусту, лук и даже помидоры.

Из степей Ордоса и пограничных областей Внутренней Монголии пригоняли скот, чем частично восполняли хроническую нехватку мяса. Скот приходилось либо выпрашивать, либо отбирать силой у местных князьков. Японские контрабандные товары конфисковывались и — я однажды наблюдал такую картину — публично сжигались. Вскоре, однако, конфискованную контрабанду стали распределять среди работников центральных учреждений, а на полулегальную торговлю контрабандой стали смотреть сквозь пальцы.

Вместе с тем мне хотелось бы отметить те огромные усилия, которые предпринимались в области просвещения. По меньшей мере 90 процентов местного населения, большинство военнослужащих, особенно уроженцев Северо-Западного Китая и даже участников Великого похода, были неграмотными. Примитивным способом печатались буквари с картинками, в которые были включены самые элементарные понятия. Эти буквари стали учебным пособием как в многочисленных кружках ликбеза, так и во вновь организованных начальных школах. Я сам пользовался ими, чтобы научиться читать и писать по-китайски. Кроме того, продолжалась начатая гоминьдановскими языковедами работа по созданию латинизированной письменности для разговорного языка (байхуа), введенного в литературу Лу Синем и другими современными писателями. Эти попытки, однако, кончились неудачей ввиду специфического строя и фонетики китайского языка, а также из-за обилия различных диалектов, на которых говорили оказавшиеся в Особом районе выходцы из всех провинций Китая. Поэтому латинизированные тексты дублировались старыми, частично упрощенными иероглифами, которые использовались для издания «Яньань жибао», журналов и рукописных стенгазет. Выпускались также книжки-картинки наподобие старых «морита мориторис» и современных комиксов.

Немало было сделано и в области культуры. Создавались многочисленные агитбригады, танцевальные и певческие коллективы, самодеятельные театры и т. д. Используя классические формы пьес, песен, устных рассказов, они нередко наполняли их новым содержанием. Особенно мне врезались в память новогодние игры и шествия с драконами, в которых соперничали выходцы из различных мест Китая. Наряду с этим уже с самого начала в Яньани

утвердилась реалистическая манера исполнения спектаклей, например при постановке драматической повести Лу Синя «Подлинная история А-Кью». Появилась и кинопередвижка. Под открытым небом с огромным успехом демонстрировались фильмы, выпущенные шанхайской и другими студиями, а позднее и советские киноленты.

Итак, в 1937 году предпринимались огромные и в целом — я еще раз повторяю — плодотворные усилия в области просвещения и культуры. Но они отнюдь не были самоцелью. Они стали важнейшим средством влияния на массы. И я думаю, что не ошибусь, если скажу, что это были первоначальные формы появившейся вскоре и с годами все более усиливавшейся «линии масс», как особого стиля руководства и работы, подменившего собой демократический централизм. Я также думаю, что самообеспечение, которое в 1937 и в последующие годы связывалось со специфическими условиями жизни в Особом районе, в известной степени определяет и нынешнюю экономическую политику правящей группы Мао Цзэ-дуна. Эти мероприятия не имели ничего общего с провозглашенным на партийной конференции лозунгом «единой демократической республики». Они, на мой взгляд, составляли и составляют до сегодняшнего дня характерную особенность политической стратегии и тактики Мао, основанных на опыте гражданской и антияпонской войн.

Первым требованием на майской партийной конференции Мао Цзэ-дун выдвинул незамедлительную реорганизацию Красной армии в Национально-революционную армию, которая во всех отношениях должна была служить образцом для общекитайских, то есть гоминьдановских, вооруженных сил. По согласованию с Военным советом нанкинского правительства армейские соединения в Шэньси — Ганьсу — Нинся были сведены в три дивизии. По образцу гоминьдановской армии каждая дивизия состояла теперь из двух бригад, а каждая бригада в зависимости от численности — из двух — четырех полков. Штабу армии позднее был придан артиллерийский полк, имевший на вооружении гранатометы и легкие полевые орудия, а дивизиям и бригадам — отдельный полк особого назначения (обычно кавалерийский), который выполнял задачи разведки, связи, охраны и служил резервом штаба. Полки и нижестоящие подразделения сохранили в основном прежнюю трехчленную структуру. По требованию Чан Кай-ши институт

политических комиссаров формально был упразднен. Фактически же никаких изменений не произошло. Прежние политкомиссары возглавили политические и особые отделы, состав которых значительно расширился, поскольку в их задачи входили политическая работа в своих войсках, среди населения, в войсках противника, преимущественно среди «дружественных», и борьба с вражескими агентами, предателями, саботажниками.

Фактическая численность каждой из трех дивизий в начале лета 1937 года колебалась от 8 до 10 тысяч человек. Общая численность Национально-революционной армии, включая тыловые службы и штабы с войсками охраны, вероятно, не превышала 30—35 тысяч человек. К концу года, когда армия начала боевые действия в Шаньси, ее состав достигал, по официальным данным Яньани, почти 40 тысяч. Увеличение численности объяснялось главным образом притоком солдат из разгромленных на фронте гоминьдановских войск.

Охранные войска Особого района не были подчинены армейскому командованию, а находились под командованием того самого Сяо Цзин-гуана, который осенью 1933 года без боя сдал Личуань на северо-востоке Центрального советского района, а в конце 1934 года во время Великого похода бежал с поля боя. Охранные войска в 1937 году составляли пять полков численностью 4—5 тысяч человек. В 1938—1939 годах, когда начались первые стычки с гоминьдановскими войсками, их численный состав был увеличен до 6—8 тысяч за счет трех снятых с фронта полков. Такой в основном оставалась численность охранных войск до моего отлета из Яньани.

Для усиления охранных войск были созданы местные отряды милиции, или «народное ополчение». Эти отряды формировались в городах и уездах из добровольцев по типу прежних местных организаций самообороны. В отдаленных пограничных уездах им не раз приходилось участвовать в боевых действиях, но лично я никогда этого не видел.

Особое внимание Центральный Комитет уделял подготовке кадров. Несмотря на расширение партийной школы, они готовились в основном в Военной академии. Между партшколой и Военной академией произошло разделение функций. В партийную школу принимали теперь только членов партии. Большая часть из них, пройдя краткосрочную

(три — шесть месяцев) подготовку, направлялась на легальную или подпольную работу в гоминьдановские районы. Военная же академия готовила младших, средних и высших командиров и политработников для Национально-революционной армии, а впоследствии — и для партизанских отрядов и местных органов управления в тылу японских оккупантов. Слушатели, срок обучения которых составлял шесть месяцев, делились на так называемые контингенты, своего рода факультеты. Вскоре Военная академия в Яньани оказалась не в состоянии вместить все увеличивающееся число слушателей, поэтому она частично разместилась в загородном монастыре. Со временем академия получила широкую известность как Антияпонский университет «Канда».

О том, какое огромное значение придавал Мао Цзэ-дун этому университету, свидетельствует тот факт, что он взял над ним шефство и, так же как до этого в Баоани, читал лекции по военным, политическим, теоретическим и даже философским вопросам. Важнейшие из прочитанных им тогда лекций, разумеется после соответствующего редактирования, вошли в его «Избранные произведения». Это — «Стратегические вопросы революционной войны в Китае», «Относительно практики» и другие. Номинально начальником университета был Линь Бяо, фактически — Ло Жуй-цин. И в подготовке кадров обозначался все отчетливее тот политический курс, который Мао Цзэ-дун думал проводить в антияпонской войне. Этот курс сводился к тому, чтобы максимально усилить по всей стране влияние и сеть организаций КПК под его личным руководством, взять под свой контроль общенациональную освободительную борьбу, создавая для этой цели опорные пункты и базы партии и армии как в тылу гоминьдана, так и в тылу японских войск. Это полностью соответствовало смыслу старого лозунга: «Никому победы», то есть ни японцам, ни гоминьдану. Однако подлинного значения этого лозунга еще никто не осознавал. И поэтому никто, за исключением, может быть, Чжан Го-тао, хотя об этом я не могу сказать ничего конкретного, против него не возражал. Только после того, как вспыхнула война, по этому вопросу возникли дискуссии, начало которым положило Расширенное совещание Политбюро ЦК в Лочуани в конце августа 1937 года.

1937
1939

ПЕРВЫЕ ГОДЫ АНТИЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

ГЛАВА

7 июля 1937 года японские милитаристы спровоцировали конфликт у моста Лугоуцяо под Пекином, известного также под названием моста Марко Поло. Во время маневров они под надуманным предлогом захватили мост, а затем после интенсивной артподготовки штурмом овладели городом Ваньпином. Китайский гарнизон оказал ожесточенное сопротивление, но был разбит.

На следующий день известие об этом достигло Яньани. Состоялись партийные собрания, на которых сообщалось, что Центральный Комитет немедленно обратился к Чан Кай-ши с призывом сплотить весь китайский народ и все вооруженные силы страны в единый национальный фронт для оказания решительного отпора японским захватчикам. Гоминьдану и коммунистической партии надлежало плечом к плечу отразить новое японское нападение и изгнать японских агрессоров с китайской земли. В тот же день было опубликовано воззвание, которое было распространено и за пределами Особого района Шэньси — Ганьсу — Нинся. Оно призывало к национально-революционной войне. Через несколько дней я узнал, что высшие военачальники Национально-революционной армии направили Чан Кай-ши радиограмму, в которой от имени всех командиров и солдат потребовали немедленной отправки их на фронт для борьбы против японских захватчиков.

Из-за отсутствия точной информации я не могу судить, к каким практическим результатам привели эти меры. Я только слышал, что после провокации у Лугоуцяо японские и китайские части стояли в полной боевой готовности вдоль железнодорожной магистрали Пекин — Тяньцзинь и у реки Юндинхэ, однако после первого крупного столкновения происходили только мелкие стычки. Вероятно, японцы стремились выиграть время до подхода подкреплений. Они как будто вели переговоры с китайским генералом Сун Чжэ-юанем, командующим 29-й гоминьдановской армией и губернатором провинций Хэбэй и Чахар, в ведении которого находилась эта боевая зона. Он был склонен, кажется, к мирному урегулированию, хотя это означало «демилитаризацию», то есть отход китайских войск из Чахара и Хэбэя, что развязало бы руки японским захватчикам в Северном Китае. В Яньани поговаривали о том, что Чан Кай-ши и теперь тянет время, не вводя в дело войска Центрального правительства. Он все еще не решался порвать с прояпонскими и антикоммунистическими эле-

ментами в руководстве гоминьдана и в Центральном правительстве и стремился к компромиссу с ними. Рассчитывал он при этом также на политическое посредничество Англии и особенно США.

Только позже я узнал от знакомых китайских радиоперехватчиков и от Агнес Смэдли, приехавшей в конце лета или осенью в Яньань, что еще 7 июля, то есть сразу же после японской провокации у Лугоуцяо и до опубликования воззвания ЦК КПК, Чан Кай-ши выступил за войну во имя спасения страны и обещал генералу Сун Чжэ-юаню начать переброску войск Центрального правительства по двум железнодорожным линиям, идущим с юга на Пекин и Тяньцзинь.

В течение июля и августа я не заметил в Шэньси — Ганьсу — Нинся никаких признаков подготовки к немедленному выступлению против японцев. Разумеется, в новых обстоятельствах не могло быть и речи о новом Восточном походе на собственный страх и риск, без согласия Чан Кай-ши и Янь Си-шаня, губернатора Шаньси. Может быть, поэтому военные мероприятия того периода благоразумно, как я хотел бы выразиться, ограничивались завершением реорганизации армии, отправкой командиров и политработников из «Канда» в части и переброской соединений к Хуанхэ в Северо-Восточную Шэньси.

В некоторой мере прояснила обстановку для меня, как и для большинства других, программная речь Мао Цзэ-дуна, с которой он выступил 23 июля 1937 года. В тот день личный состав Антияпонского университета, партийной школы и центральных учреждений промаршировал на учебный плац перед городскими воротами Яньани. Туда же пришли и многие другие лица. Состоялся митинг. Мао Цзэ-дун говорил о «политической линии, практических мероприятиях и перспективах борьбы против наступления Японии» [1]. Вначале он зачитал воззвание ЦК КПК от 8 июля. Затем он процитировал отрывки из интервью Чан Кай-ши, которое тот дал в своей летней резиденции Лушани 17 июля. Впрочем, и из этого документа также недвусмысленно вытекало, что Чан Кай-ши не допускал и мысли о каком бы то ни было удовлетворении японских требований. По-моему, эти цитаты довольно точно переданы в «Избранных произведениях». Затем Мао обрушился на Сун Чжэ-юаня,

[1] См. *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения, т. 2, стр. 9 и далее.

обвинив его в том, что он капитулировал перед японцами, принес им извинения за инцидент, отвел 29-ю армию из районов восточнее Лугоуцяо и Юндинхэ, подавил в Северном Китае антияпонское народное движение и создал единый с японцами фронт против коммунизма.

Вскоре обнаружилась полная беспочвенность этих обвинений. Через несколько дней именно японские войска на широком фронте развернули наступление на Пекин и Тяньцзинь. Завязалось сражение, особенно ожесточенное у ворот Пекина, в ходе которого 29-я армия потеряла тысячи убитыми, десятки тысяч ранеными, пленными и пропавшими без вести. Пекин и Тяньцзинь были захвачены японцами. Можно по-разному оценивать ход боевых действий, но одно бесспорно: генерал Сун не только не капитулировал перед японцами, но ввел в бой 29-ю армию. Заслуживают внимания два обстоятельства. Во-первых, известие о сражении под Пекином и Тяньцзинем пришло в Яньань с большим опозданием. Во-вторых, в своих «Избранных произведениях» Мао не называет по имени генерала Суна, а ограничивается только общими рассуждениями об измене, колебаниях и уступках.

Тем не менее свой тезис об одной политической линии и двух системах практических мер Мао Цзэ-дун основывал именно на мнимой капитуляции Сун Чжэ-юаня и выжидательной политике Чан Кай-ши. В своем выступлении 23 июля Мао выдвинул совершенно правильные лозунги, которые, по всей вероятности, были утверждены Политбюро и согласованы с ИККИ: общая мобилизация всех вооруженных сил страны, всеобщая мобилизация народа, перестройка системы государственного управления, внешняя политика, подчиненная задачам борьбы против японских захватчиков, как-то: заключение союза с СССР, завоевание сочувствия США, Франции и Англии. Эти и другие лозунги увенчивались многократным повторением категорического утверждения, что окончательная победа может быть завоевана только во всеобщей народной войне при активном ведении наступательных боевых действий. В своей речи Мао Цзэ-дун не остановился специально на военной стратегии. Однако он настойчиво подчеркивал, что партизанская война имеет большое стратегическое значение, признавая, правда, необходимость согласования таких действий с операциями регулярных войск на фронте. Именно здесь, как мне кажется, Мао впервые открыто зая-

вил, что стратегия и тактика революционной войны в Китае, как он их излагал в своих лекциях в «Канда», обязательны и для антияпонской войны. Против этого нечего было бы возразить, если бы он вскоре не отбросил им же самим выдвинутое условие о необходимости координировать действия с фронтовыми частями и не начал своеобразную войну на два фронта — против японских оккупантов и против гоминьдановского правительства, причем центр тяжести очень скоро стал перемещаться на второе направление. Уже по его выступлению 23 июля можно было понять, что такой курс планировался Мао с самого начала: он упрекал Чан Кай-ши за то, что тот свою нынешнюю правильную политическую линию не подкрепляет практическими делами, по-прежнему терпит в своем правительстве капитулянтов и предателей и хочет вести однобокую оборонительную войну, без привлечения широких народных масс и что такая позиция неминуемо приведет к поражению и полному закабалению Китая.
Нельзя отрицать частичной справедливости этих упреков. Вопрос состоял лишь в том, не являлся ли этот фактический вызов, хотя и высказанный в форме предостережений и советов, новым шагом по пути дискредитации гоминьдана в антияпонской войне и, следовательно, по пути борьбы за гегемонию в национально-революционном движении. Во всяком случае, выступление Мао никоим образом не способствовало укреплению единого фронта, а вело, скорее, к усилению обоюдного скрытого недоверия потенциальных союзников, тем более что основные положения этого выступления вскоре распространились по всему Китаю в виде второго воззвания ЦК КПК.

* * *

После захвата в конце июля 1937 года Пекина, Тяньцзиня и Чжанцзякоу японские войска в августе стремительно двинулись на юг вдоль железнодорожных линий на Нанкин и Ухань. Главный удар наносился первоначально правым флангом, войска которого должны были овладеть Тайюанем. Одновременно на севере армейская группа наступала на железнодорожный узел Датун, чтобы оттуда пробиваться на Баотоу, административный центр провинции Суйюань и в то время конечный пункт железной дороги, шедшей с востока на запад. Стратегический замысел врага разгадать было нетрудно. Японские милитаристы хотели

занять северо-китайские провинции Хэбэй, Шаньси и Шаньдун и создать там марионеточное государство наподобие Маньчжоу-го. Если бы это им удалось и они овладели бы помимо Чахара и Суйюани наиболее развитой и густонаселенной восточной частью Внутренней Монголии, то в их распоряжении оказался бы огромный и стратегически важный тыл для осуществления далеко идущих завоевательных планов, которые они вынашивали под лозунгом создания «сферы совместного процветания Великой Азии».

Все это легко можно было уяснить из тех сообщений, которые получали в Яньани. Неясным оставалось пока одно: какой вариант «Великой Азии» попытаются осуществить японцы — северный или южный. Северный вариант — завоевание советского Дальнего Востока и Монгольской Народной Республики с последующим отторжением от Советского Союза всей Восточной Сибири — нельзя было игнорировать из-за существования антикоминтерновского пакта и сосредоточения в Маньчжурии отборной, великолепно вооруженной и обученной Квантунской армии, которая не использовалась для военных действий в Китае, год от года усиливалась и уже в начале 30-х годов — я это видел воочию — была полностью готова к наступательным действиям. Южный вариант — завоевание всего Китая, за исключением, может быть, отдаленных и труднодоступных западных провинций, с последующим выходом в Индокитай и в район Тихого океана — казался в 1937 году не менее вероятным и тоже должен был приниматься во внимание. Во всяком случае, к августу мощные морские, сухопутные и воздушные силы Японии приготовились к захвату Шанхая, причем японский военно-морской флот практически блокировал все китайские порты, расположенные южнее. Перед этими японскими силами, по всей вероятности, стояла задача — и жизнь это подтвердила — двинуться от побережья вверх по Янцзы в сердце Китая — на Нанкин и Ухань и полностью лишить или свести к минимуму поставки морем Чан Кай-ши оружия и других военных материалов из США, Франции и Англии.

Может показаться неуместным, что, говоря о непосредственных реальных и предполагаемых операциях японцев, я остановился на двух вариантах их стратегического замысла, которые пока еще вырисовывались весьма смутно. Но об этом говорили в Нанкине и в Яньани, как мне не раз

сообщал Бо Гу, который участвовал в проходивших там переговорах. В этих обстоятельствах Чан Кай-ши должен был сделать вывод, что можно и необходимо в кратчайший срок стабилизировать под его руководством внутренний фронт и предпринять все, что было в его силах, для получения внешней помощи как от Советского Союза, так и от западных империалистических держав. Мао Цзэ-дун же, который находился в плену собственной концепции о возможности победы над Японией только путем всеобщей народной войны под его единоличным руководством, в политическом отношении ориентировался на раскол гоминьдана, а в военном — на партизанскую войну в Северном Китае, причем он в перспективе не исключал возможности вооруженного столкновения между Советским Союзом и Японией, а также рассчитывал на значительное ослабление гоминьдановского Китая в случае избрания японцами южного стратегического направления.
Во второй половине августа Национальный военный совет Центрального правительства в Нанкине включил Красную армию Особого района Шэньси — Ганьсу — Нинся под названием 8-й полевой армии в гоминьдановские войска, которые со времен Северного похода 1926—1927 годов назывались Национально-революционными вооруженными силами Китая. 8-я полевая армия вошла в состав 2-й военной зоны в Северной Шэньси, которая находилась под командованием губернатора этой провинции Янь Си-шаня. Командующим был назначен Чжу Дэ, а его заместителем — Пэн Дэ-хуай, который фактически вел все дела на фронте, ибо Чжу Дэ большую часть времени находился в Яньани. Линь Бяо командовал 115-й дивизией, сформированной в основном из бывших войск 1-го фронта и 15-го корпуса. Командиром 120-й дивизии (бывшей армии 2-го фронта) стал Хэ Лун, а Лю Бо-чэна поставили во главе 129-й дивизии (из остатков войск 4-го фронта и некоторых отдельных частей). В начале сентября 8-я полевая армия двинулась в Шаньси. Чжу Дэ и Пэн Дэ-хуай опубликовали заявление, в котором заверяли Чан Кай-ши в своей полной лояльности. В Шэньси — Ганьсу — Нинся остались только охранные войска под командованием Сяо Цзин-гуана.
Несколько позже, примерно в середине октября, Национальный военный совет в Нанкине санкционировал формирование из коммунистических войск южнее Янцзы, то

есть на территории бывшего Центрального советского района, Новой 4-й армии под командованием Е Тина и Сян Ина, которая вошла в состав 3-й военной зоны в Восточном Китае. Насколько мне известно, только в начале 1938 года она впервые столкнулась с японскими войсками, которые начали движение от Шанхая и Нанкина по южному берегу Янцзы. Хотя Сян Ин, в отличие от Мао Цзэдуна, скрупулезно соблюдал соглашения с гоминьданом, тем не менее между Новой 4-й армией и местными гоминьдановскими частями под командованием реакционных генералов с самого начала возникли трения, которые уже в конце 1937 года привели к разоружению одной из частей 4-й армии. И наконец, в 1941 году гоминьдановские войска совершили нападение на Новую 4-ю армию, в результате которого Сян Ин был убит, а Е Тин попал в плен.

* * *

Еще во второй половине августа правительство СССР заключило с Центральным правительством в Нанкине договор о ненападении и предоставило ему материальную и техническую помощь. Это был неоценимый вклад в дело борьбы против войны и фашизма в этой части земного шара. Договор укрепил моральный дух всех китайских патриотов — участников движения Сопротивления, обеспечил тыл Китая — как в политическом, так и в военном отношении — на его северных границах с СССР и МНР. Кроме того, получали непосредственную помощь китайские вооруженные силы. Были оборудованы перевалочные базы в Урумчи, Хами и Ланьчжоу. Самолеты доставляли снаряжение в Шэньси и Сычуань, откуда оно перебрасывалось на фронт. Позже была построена шоссейная дорога, проходившая по древней караванной дороге через Синьцзян. Сотни советских летчиков и тысячи шоферов участвовали в переброске грузов. Поговаривали также о советских военных летчиках и военных советниках.
Помощь, которую нельзя недооценивать, СССР оказывал китайским вооруженным силам еще и тем, что его Дальневосточная армия сковывала Квантунскую армию, уже тогда, по имевшимся у нас сведениям, включавшую 20—30 дивизий численностью около полумиллиона человек.
Заключение советско-китайского договора было встречено в Яньани с напускным энтузиазмом. Удивляться этому не приходится. С одной стороны, Мао Цзэ-дун считал, что до-

говор соответствует его стратегической концепции о втягивании Советского Союза в китайско-японскую войну и мог вызвать конфликт между Советским Союзом и Японией, который оказал бы благоприятное воздействие на положение 8-й армии в Северном Китае.

Признаки назревания подобного конфликта проявлялись все сильнее. Как известно, в 1938 году японские милитаристы спровоцировали военное столкновение с Дальневосточной армией у озера Хасан южнее Владивостока. Соединения Квантунской армии попытались захватить высоту Заозерная на границе с Кореей, но в ходе десятидневных боев понесли тяжелые потери и были отброшены. В 1939 году на Халхин-Голе японцы попытались еще раз прощупать боеспособность монгольских и советских войск. В тяжелых боях, продолжавшихся несколько месяцев, японцы потеряли десятки тысяч убитыми и ранеными. Эти поражения Квантунской армии, безусловно, сыграли немалую роль в том, что японцы во второй мировой войне предпочли для своей агрессии направление Южных морей. Должно быть, это вызвало у Мао, хотя тот и считался с возможностью такого развития событий, глубокое разочарование, за которое он был, правда, сторицей вознагражден наступлением советско-монгольских войск на Маньчжоу-го и капитуляцией Квантунской армии в 1945 году. С другой стороны, Мао с крайним неудовольствием воспринял весть о том, что материальная и техническая помощь Советского Союза предоставлялась в основном нанкинскому правительству, а в Яньань первое время направлялись преимущественно медикаменты и медицинское оборудование, в которых ощущалась острая нужда, а также политическая литература — газеты, журналы, произведения классиков марксизма, особенно Ленина, а также речи и статьи Сталина. Кстати, я мог теперь читать «Правду», но, к сожалению, нерегулярно, разрозненные номера. Мао Цзэ-дуна весьма раздражал тот факт, что военный потенциал Центрального правительства, ослабления которого он так жаждал, усиливается. Он умышленно закрывал глаза на то, что именно гоминьдановские армии, какие бы неудачи их ни преследовали и какие бы тяжелые поражения они ни терпели, вынесли на себе, по крайней мере в течение первых полутора лет, главную тяжесть войны и, следовательно, помощь им означала помощь всему китайскому народу. В Яньани были в обиходе саркасти-

ческие афоризмы типа «Буржуазии — оружие, пролетариату — книги», «Чем больше советников, тем крупнее поражения». Вероятно, имелось в виду, что в Нанкине все еще пребывали военные советники фашистской Германии. Я не помню, кто мне пересказал эти афоризмы, но они явно были в духе изречений Мао.

Стремительное наступление японцев в Китае поставило под угрозу сферы влияния и рынки западных империалистических держав, однако Франция заняла выжидательную позицию, а США и Англия, хотя на словах заверили Чан Кай-ши в своей поддержке, не спешили с выполнением обещаний. Материальная и техническая помощь этих государств была сравнительно невелика, хотя они имели все возможности для ее оказания через Гонконг и Индокитай. Англичане, правда, начали строить автостраду Бирма — Юньнань, но в 1939 году в целях обеспечения модус вивенди с Японией строительство было временно приостановлено. США, руководствуясь собственными интересами, пытались примирить КПК с гоминьданом, но, когда их попытки не увенчались успехом, они, видя усиление 8-й полевой армии, решили добиваться примирения гоминьдановского Китая с Японией под флагом антикоммунизма.

Я привожу все эти факты и обращаюсь иногда к более поздним событиям для того, чтобы дать общее представление о том, как тогда воспринимали я и большинство людей в Яньани помощь Китаю из-за рубежа. Никаких сообщений на эту тему в китайской печати не появлялось, но поскольку я читал «Правду» и другие советские и западные газеты, то был осведомлен несколько лучше, чем другие. В целом у меня создалось впечатление, что лицемерная позиция западных империалистических держав замалчивалась, а активная поддержка со стороны Советского Союза принижалась. Ничего не меняла время от времени выражавшаяся официально признательность Советскому Союзу за его политику. Положительно оценивалась лишь «солидарность всего прогрессивного человечества».

Мао Цзэ-дун с самого начала также умышленно преуменьшал или замалчивал значение боевых действий гоминьдановских войск. Я приведу один пример. В сентябре или октябре 1937 года редактор яньаньского военно-политического журнала предложил мне писать ежемесячные обзоры военных действий на основе оперативных сводок

штаба, предназначавшихся для узкого круга лиц. Я дал согласие и через несколько дней принес ему первую статью с объективным освещением обстановки. Через неделю он заглянул ко мне и извинился за то, что статья не может быть опубликована из-за запрещения всей рубрики. На мой недоуменный вопрос он ответил, что это сделано по распоряжению председателя Мао. В данном случае я не считал, что запрет направлен лично против меня, поскольку ранее по поручению ЦК написал пространную статью о гражданской войне и интервенции в Испании, которая была сразу же опубликована, конечно не под моей фамилией, и даже заслужила похвалу. Зимой 1937/38 года я написал по заданию штаба ряд статей о тактике боевых действий против противника, имеющего на вооружении танки, авиацию, артиллерию и т. д. Все эти статьи были напечатаны, правда за подписью переводчика. Лишь один раз, по недосмотру, в качестве автора фигурировал Ли Дэ, благодаря чему я удостоился признательности некоторых читателей, а редактор получил выговор.

Безусловно, на основании этого запрета трудно судить об отношении Мао Цзэ-дуна к единому антияпонскому фронту и национально-революционным вооруженным силам Китая. Исчерпывающий ответ на этот вопрос дало проведенное в конце августа в Лочуане расширенное совещание Политбюро с участием представителей 8-й полевой армии. Я не был приглашен на заседание и поэтому могу поделиться лишь тем, что узнал из официальных сообщений, частных бесед, на партийных собраниях и партийном активе, который состоялся, кажется, в ноябре.

Перед совещанием ЦК КПК обнародовал по рекомендации ИККИ состоявшую из 10 пунктов программу спасения родины. В нее были включены также преамбула с анализом обстановки и заключение. Она была утверждена на совещании в Лочуане. Примечательно, что эта программа включена в «Избранные произведения» Мао Цзэ-дуна под заглавием «За мобилизацию всех сил для завоевания победы в войне против японских захватчиков» [1], хотя она была составлена в Москве Ван Мином и одобрена Секретариатом ИККИ. Программа, ставившая на первое место борьбу против Японии и требовавшая организации единого национального фронта на основе взаимного доверия

[1] См. *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения, т. 2, стр. 25 и далее.

и сотрудничества между коммунистической партией и гоминьданом, получила, насколько я могу судить, всеобщее одобрение в партийных кругах.

На совещании, однако, упор был сделан на обвинении руководства гоминьдана в заискивании и уступках японцам, в свертывании общенародного антияпонского движения и в стремлении вести однобокую войну только силами правительственных войск. От гоминьдана снова требовали полного и кардинального изменения общей политики, очищения правительственного аппарата, признания и содействия массовому антияпонскому движению и превращения однобокой правительственной войны в войну общенародную. Звучало это весьма убедительно, хотя и не содержало ничего нового.

Подоплеку этих обвинений и требований раскрывала внутренняя директива ЦК, которую, правда, я сам никогда не читал, но с ней меня в основных чертах познакомил Бо Гу, являвшийся, по его собственному признанию, одним из авторов. В соответствии с директивой всем коммунистам Китая надлежало активно действовать в рамках единого фронта, проникать в существующие организации или создавать новые и завладевать ключевыми позициями в гоминьдановских органах управления и вооруженных силах, чтобы разлагать их изнутри. Политическая борьба против гоминьдана и других политических партий и групп, особенно против троцкистов, не должна прекращаться ни на минуту. В этих целях надлежало использовать все легальные и нелегальные возможности.

Бо Гу, который безоговорочно проводил линию Мао, рассказал мне также, что на совещании в Лочуане возникли острые разногласия по поводу единого национального фронта и задач, стоящих перед Коммунистической партией Китая. Столкновения происходили в основном между Мао Цзэ-дуном и Чжан Го-тао. Мао по-прежнему утверждал, что Чан Кай-ши ведет нерешительную, ограниченную, однобокую войну, которая неизбежно приведет к поражению. Рано или поздно гоминьдан капитулирует перед Японией или его разгромят, если какая-то часть его вооруженных сил будет продолжать боевые действия. И тогда ведущая роль в стране перейдет к КПК. Поэтому не надо идти ни на какие уступки гоминьдану, а наоборот, КПК должна действовать совершенно независимо и самостоятельно от гоминьдана как в политическом, так и в военном

отношении, и даже выступать против него при первой же благоприятной возможности. В конечном счете речь идет о том, кто возьмет верх — гоминьдан или коммунистическая партия, буржуазия или пролетариат.
Чжан Го-тао, напротив, считал, что хотя правое крыло гоминьдана может отколоться, однако ядро его сохранится. Война, которая укрепила в народе авторитет гоминьдана, может со временем перерасти в войну общенародную, и любая односторонняя акция компартии явится вызовом гоминьдану и чревата опасностью распада единого фронта, что было бы катастрофой для китайского народа. Перед лицом могущественного врага необходимо найти приемлемое для обеих сторон решение.
Ло Фу предложил в конце концов компромиссную формулировку. С одной стороны, признавалось, что гоминьдановский метод ведения боевых действий чреват опасностью поражения, а с другой — утверждалось, что вовлечение в единый антияпонский фронт миллионных масс обеспечит окончательную победу. Хотя эта формулировка и была принята, тем не менее разногласия по вопросу о едином фронте остались.
Расхождения во взглядах обнаружились и при обсуждении организации и стратегии 8-й полевой армии. Чжу Дэ, поддерживаемый Чжоу Энь-лаем и другими, настаивал на формальном включении 8-й армии в состав Национально-революционных вооруженных сил, подчеркивая при этом, что она не должна в них раствориться. Далее, он выступил за ее подчинение в оперативном отношении нанкинскому Военному совету в лице командующего 2-й военной зоной генерала Янь Си-шаня. Между прочим немаловажное значение при этом имел и тот фактор, что 8-я армия получала от нанкинского правительства денежные средства и материальное обеспечение. Мао Цзэ-дун, однако, исходя из своего главного тезиса о близком политическом и военном крахе гоминьдана, напротив, отстаивал полную организационную и оперативную самостоятельность 8-й армии.
Вопрос о наиболее приемлемой военной стратегии и тактике оставался открытым. Чжу Дэ и Пэн Дэ-хуай высказались за эффективное взаимодействие с гоминьдановскими войсками в соответствии с директивами нанкинского Военного совета. Оба они отвергли тактику позиционной войны и ратовали за ведение 8-й армией, как выразился

Пэн, комбинированной маневренно-партизанской войны. Мао Цзэ-дун ссылался на то, что 8-я армия, уступавшая гоминьдановским войскам и по численности, и по технической оснащенности, не может рассчитывать на сколько-нибудь значительные успехи на фронте и не в состоянии разжечь пламя всенародной войны. Он требовал, чтобы 8-я армия не ограничивалась отведенной для нее 2-й военной зоной — провинцией Шаньси, а вела боевые действия в тылу японских оккупантов, то есть совершенно самостоятельную чисто партизанскую войну для создания собственных баз в горных районах, для мобилизации населения и неуклонного расширения своих рядов путем формирования новых соединений.

В итоге было выработано компромиссное решение, по которому 8-й армии предстояло на первых порах во взаимодействии с гоминьдановскими войсками вести боевые действия в Шаньси, а в случае прорыва фронта и дальнейшего продвижения японцев рассредоточить свои части по всему Северному Китаю и действовать в соответствии с указаниями Мао Цзэ-дуна.

Итак, несмотря на расплывчатые компромиссные формулировки, Мао Цзэ-дун, как прямо сказал мне Бо Гу, одержал верх на совещании в Лочуане. Через десятилетия Чжу Дэ и Пэн Дэ-хуай будут ошельмованы хунвэйбинами Мао Цзэ-дуна, в частности и за их позицию на этом совещании. Чжоу Энь-лай, который, как всегда, держал нос по ветру, разумеется, избежал каких бы то ни было нападок. В ходе этой и последующих бесед со мной Бо Гу утверждал, что стратегия и тактика, которые Мао Цзэ-дун навязал в Лочуане, соответствовали директивам нанкинского правительства. Тот же аргумент употреблялся и для низовых партийных организаций. Не имея никакой другой информации, я до последнего времени верил, что в качестве района операций 8-й армии были определены оккупированные японцами территории в Северном Китае, а задачей ставилось нарушать тыловые коммуникации противника, затруднять снабжение и таким образом ослаблять его главные силы, находившиеся на фронтах. И я высказал предположение, что Чан Кай-ши питал тайную надежду, что в этих операциях 8-я армия будет постепенно истреблена. Ознакомившись с соответствующими материалами, я вижу теперь, что первая часть этого утверждения ошибочна. Район операций 8-й армии в тылу японских захватчиков

определил отнюдь не Чан Кай-ши, а сам Мао Цзэ-дун, нарушив тем самым директивы нанкинского Военного совета. Таким образом, несомненно также и то, что решения Лочуаньского совещания и наши последующие практические действия ослабляли и постепенно разваливали единый национальный фронт, который со своей стороны всеми силами старалось взорвать реакционное прояпонское крыло гоминьдана. Правильность приведенной выше оценки концепции Мао подтверждается и тем, что он сам в своих выступлениях и статьях в конце 30-х годов, в частности в лекциях, прочитанных в Антияпонском университете «Канда», постоянно уточнял и дополнял ее.

В этой связи в статье, опубликованной в 1969 году в еженедельнике «Хорицонт», я писал: «Исходя из того, что антияпонская война носит затяжной характер, Мао Цзэ-дун развил свою старую теорию о партизанской войне как основной форме борьбы. Согласно этой теории, главной силой в борьбе является крестьянство, а ее оплотом — деревня. Поэтому все усилия необходимо направить на создание опорных баз в глубоком тылу противника, так как он может контролировать только крупные населенные пункты и важные коммуникации. Эта задача возлагалась на армию, которую, следовательно, предлагалось не концентрировать для решающих боевых действий, а, напротив, рассредоточить, разбить на небольшие отряды, чтобы они самостоятельно заняли все свободные от японцев районы, создали там органы власти и защищали их от нападений оккупантов и от «мероприятий гоминьдановских реакционеров». В этой концепции проявилась авантюристическая тенденция, преследующая цель занять в войне против Японии выжидательную позицию и превратить антияпонские опорные базы в антигоминьдановские. Поражение гоминьдановских войск на главных фронтах надо, по мысли Мао, использовать для того, чтобы в ходе самостоятельных, не согласованных операций постоянно расширять собственную территорию и увеличивать свои вооруженные силы. Свои расчеты Мао строил на том, что чем тяжелее будут поражения гоминьдановских армий, и чем, следовательно, дальше будут продвигаться в глубь Китая японцы, тем обширнее будет территория, оккупированная японскими войсками».

И сейчас я готов подписаться под каждым этим словом. Замечу, что речь шла не о принципиальном требовании

сохранить независимость и самостоятельность компартии внутри единого национального фронта (в этом отношении все, за исключением, пожалуй, одного Чжан Го-тао, были единодушны), а о двойственной политической и военной стратегии, которая с течением времени все более и более нацеливалась не против японских агрессоров, а против гоминьдана. И действительно, как говорили руководящие работники Антияпонского университета «Канда», подлинная сущность этой стратегии состояла в том, чтобы, убаюкав гоминьдан видимостью компромиссов, вытеснить его из Северного Китая, а затем, по мере укрепления партии, лишить руководящей роли в антияпонской борьбе и политической власти в масштабах всего Китая.

Поначалу истинный смысл политики Мао Цзэ-дуна всячески маскировался. Сделать это было тем более легко, что в Лочуане возражения против нее — опять-таки если не считать позиции Чжан Го-тао — звучали крайне робко и были завуалированы компромиссными формулировками. В опубликованном в Яньани в конце сентября заявлении Центральный Комитет подтвердил свое прежнее признание трех принципов Сунь Ят-сена и вновь обязался прекратить какую бы то ни было вооруженную борьбу против гоминьдановского правительства, отказаться от конфискации земель крупных помещиков, упразднить систему Советов, подчинить 8-ю полевую армию Национальному военному совету Центрального правительства и перейти к демократическому режиму, который должен быть создан на территории всей страны. Это заявление было опубликовано по требованию Чан Кай-ши. Однако, как показало ближайшее будущее, линия Мао Цзэ-дуна не претерпела никаких изменений.

* * *

Боевые операции против японских войск развивались так, как и следовало ожидать. Гоминьдановские армии не выдержали натиска врага. В конце сентября пал Тайюань, в середине октября — Шанхай, в середине декабря — Нанкин.

К концу 1937 года гоминьдановские войска, по непроверенным данным, потеряли 300 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными. Число пленных было крайне незначительно, и это свидетельствовало прежде всего о том, что гоминьдановские солдаты, несмотря на общую слабость ар-

мий и бездарность их генералов, сражались мужественно. Центральное правительство переехало в Ухань.
8-я полевая армия отошла далеко на севере за Хуанхэ и на ее восточном берегу, в северо-западном углу провинции Шаньси, создала довольно большой плацдарм, который стал ее первой прочной базой за пределами Шэньси — Ганьсу — Нинся. Вопреки директивам Мао 8-я армия первоначально сражалась совместно с гоминьдановской армией и в дальнейшем координировала с ней свои боевые действия. Примыкая к левому флангу частично отступивших шаньсийских войск, 8-я полевая армия двинулась между Датуном и Тайюанем в Восточную Шаньси и оказалась, таким образом, на фланге и в тылу быстро продвигавшихся на юг японцев. Там, где лёссовое плато переходит в Северо-Китайскую равнину, на высоте 1800 метров проходит через перевал Пинсингуань автомобильная дорога на Тайюань. Здесь шедшая в авангарде 8-й армии 115-я дивизия под командованием Линь Бяо атаковала находившуюся на марше японскую бригаду (она не в состоянии была развернуться в ущелье), полностью уничтожила ее и захватила богатые трофеи. На поле боя осталось 3 тысячи убитых и раненых японских солдат и офицеров. По словам самого Линь Бяо, решение напасть на японскую колонну он принял на собственный страх и риск, не получив на свой запрос ответа из Яньани, что было равносильно отказу. Вслед за этой победой до конца года был проведен целый ряд небольших успешных боев, например у Синькоу и Ниньу (в Северо-Восточной Шаньси), близ Гуанлина, Лайюаня и других уездных городов в обширном пограничном районе Шаньси — Хэбэй. В одном из таких боев, возможно даже на перевале Пинсингуань, Линь Бяо был ранен.
В конце 1937 — начале 1938 года он возвратился в Яньань и затем отправился на лечение в Советский Союз, где, по-видимому, прослушал курс в Академии Генерального штаба.
Успехи 8-й армии подняли ее авторитет в гоминьдановских войсках и укрепили доверие к ней населения в районе боевых действий, что способствовало пополнению ее рядов и облегчало создание баз. В Яньани особенно бурно праздновали победу у Пинсингуаня. Сочинялись песни и сказания, которые исполнялись хоровыми и танцевальными группами, а также традиционными уличными

певцами и рассказчиками. В партийных организациях проводились собрания, в школах по подготовке кадров, в частности в Антияпонском университете «Канда», читались лекции. «Пинсингуань» стал крылатым словом, хрестоматийным примером правильности учения Мао о партизанской войне и в то же время смертным приговором «стратегии пассивной обороны» Чан Кай-ши. Так Мао Цзэ-дун использовал победу, одержанную, я повторяю, вопреки его намерениям, для укрепления своего положения и самовосхваления.

О том, что в ряде успешных сражений в Северном Китае участвовали и гоминьдановские войска, совсем не упоминалось. Вообще в Яньани создалось впечатление, что гоминьдановские армии постоянно в панике отступают и близки к полному развалу. В какой-то мере это соответствовало истине. Чан Кай-ши ввел в действие в Северном Китае свои отборные дивизии гораздо позднее, да и то в ограниченных масштабах. Провинциальным же войскам, по численности, правда, не уступавшим противнику, было не под силу устоять перед натиском прекрасно оснащенных и обученных вражеских войск. Немалую роль играли также бездарность многих генералов, соперничество и междоусобные распри между ними и, наконец, полная неразбериха со снабжением, толкавшая многих солдат на путь мародерства. Все это в известной степени оказывало деморализующее воздействие на гоминьдановские войска, порождало шатания и разброд среди военачальников; некоторые из них в дальнейшем стали на путь открытой измены, переметнулись к японцам и сформировали китайские марионеточные части, которые использовались, как правило, против 8-й армии.

В первые месяцы войны, однако, случаи предательства были довольно редки. Более широкие масштабы они приняли только с 1938 года. Тем не менее Мао Цзэ-дун с самого начала беспрестанно твердил, что именно предательство гоминьдановских генералов диктует необходимость постепенного перехода 8-й армии от сотрудничества с местными гоминьдановскими властями, оставшимися в тылу японских войск, к конфронтации.

Главную причину огромных людских, материальных и территориальных потерь китайской стороны, особенно на первом этапе войны, я видел в разительной несоразмерности боеспособности китайских и японских войск. На стороне

японцев были фактор внезапности, наступательная стратегия, несравненно более совершенная техника и тактика и, не в последнюю очередь, высокий боевой дух. Что могла этому противопоставить Национально-революционная армия Китая, даже если бы ей и не были присущи отмеченные выше пороки? Разброд в политическом руководстве гоминьдана, незнание современных форм организации и методов оперативного управления вооруженными силами, упование на стратегическую и тактическую оборону в позиционной войне. Все это, естественно, сказывалось на армии, крайне неудовлетворительно подготовленной к большой войне с внешним врагом, который превосходил ее во всех отношениях. И не случайно японцы в течение считанных месяцев прорвали фронт в приморских провинциях Цзянсу и Чжэцзян, где были сосредоточены отборные дивизии Чан Кай-ши, опиравшиеся на крепкий тыл, и расчистили себе путь в глубь Китая.

Рассматривая в целом сложившуюся к концу 1937 года военную обстановку, я никак не могу согласиться с мнением, которого придерживались в Яньани, будто победа 8-й армии при Пинсингуане и другие ее успешные операции в тылу японцев имели решающее стратегическое значение. Разумеется, эти успехи укрепили у населения волю к сопротивлению, повысили боевой дух войск и развеяли миф о непобедимости японской армии. Верно также и то, что отныне японцы были вынуждены усилить охрану захваченных ими городов и прежде всего железнодорожных магистралей и шоссейных дорог. Для этого им пришлось снимать с фронта воинские части. Но на первом этапе войны их понадобилось не так уж и много, и поэтому решающего влияния на темпы японского наступления это не оказало. Японцы потеряли всего лишь несколько недель, да и то главным образом из-за сопротивления гоминьдановских войск. Влияние действий 8-й армии на общую обстановку усилилось только в 1938—1939 годах, когда она создала крупные опорные базы севернее Хуанхэ.

Боевые действия 8-й армии привели к непредвиденным последствиям для Яньани. С сентября японские воздушные силы начали совершать налеты на город. Первыми обычно прилетали разведывательные самолеты, а следом бомбардировщики. Почти ежедневно, а иногда и по нескольку раз в день они обрушивали на город фугасные бомбы.

Через год от Яньани остались одни руины. Уцелела лишь часть городской стены.
Со временем город обезлюдел. Кое-кто из его обитателей перебрался в отдаленные места, а основная масса переселилась в пещеры — либо в старые, где жили крестьяне, либо в новые, которые сначала сотнями, а потом тысячами выкапывались в склонах окрестных лёссовых холмов. Один тоннель протяженностью около 100 метров был превращен даже в торговые ряды. Там предлагали не только товары, но и горячую пищу.
Мао Цзэ-дун занял большую пещеру на краю города. Его жилище, в отличие от других, было прямоугольной формы. Эта пещера, отрытая в центре подножия холма, служила надежным бомбоубежищем. Дом, где Мао жил прежде, долгое время стоял невредимым, и иногда там проводились заседания и совещания.
Меня с Ма Хай-дэ поселили в крестьянском жилище перед городскими воротами, в пяти минутах ходьбы от пещеры Мао. Крестьянский двор состоял из пяти пещер с большой ровной площадкой перед ними. Крестьянской семье пришлось довольствоваться двумя пещерами. Третью заняли охранники и конюхи, а в двух оставшихся разместились я и Ма. Жилось в пещерах довольно сносно. Зимой они спасали от холода, а летом от жары. Хорошо защищали они и от японских бомб. Только песчаные блохи и крысы не давали нам покоя, но и к ним мы привыкли. Воздушные налеты продолжались и после разрушения города. В ближних и дальних окрестностях Яньани японские летчики выискивали важные, по их мнению, в политическом и военном отношении объекты. Волна за волной японские самолеты проносились на бреющем полете над холмами или заходили в пике и сбрасывали бомбы, но они почти не причиняли ущерба. Жизнь не только не замерла, а, напротив, с каждым днем становилась интенсивнее.

* * *

На аэродроме, построенном северо-восточной армией Чжан Сюэ-ляна в нескольких километрах от Яньани, в 1937—1938 годах приземлились два советских самолета. Вместе с печатными изданиями, медикаментами и медицинским оборудованием они доставили мощный радиопередатчик и несколько зенитных пулеметов. Но самое главное — с первым самолетом, который прилетел, кажется, в конце

октября, прибыли члены Политбюро и Центрального Комитета КПК, до тех пор находившиеся в Москве. Возглавляли их Ван Мин (Чэнь Шао-юй), Чэнь Юнь (Ляо Чэньюнь) и Кан Шэн (Чжао Юн). На аэродроме им устроили радушную встречу. Я тоже пришел, но постарался затеряться в толпе. Речей, помнится, не было.
Вечером состоялся прием для узкого круга лиц, на котором я не присутствовал. Там, как я слышал, Мао Цзэ-дун похвалил Ван Мина за обращение от 1 августа 1935 года, которое заложило основу для создания единого национального фронта. Ло Фу особо подчеркнул заслуги Ван Мина в преодолении в 1931 году лилисаневщины и его многолетнюю плодотворную работу в ИККИ. Он похвалил также Чэнь Юня за образцовое выполнение задания после совещания в Цзуньи и Кан Шэна — за обеспечение безопасности центральных партийных органов в Шанхае. Что касается последнего, то это было чистым лицемерием, так как созданная и возглавлявшаяся Кан Шэном служба безопасности — и об этом знали все в ЦК — скандально провалилась: в Шанхае в 1934 году произошли массовые аресты руководящих работников партии и была захвачена наша радиостанция, из-за чего на долгое время прервалась связь ЦК с внешним миром.
В свою очередь Ван Мин, как представитель ИККИ, входивший в его Президиум и Секретариат, отметил руководящую роль Мао Цзэ-дуна в партии, но указал на необходимость усилить коллективное руководство с включением в него Чжан Го-тао и высказался за искреннее и тесное сотрудничество с гоминьданом и Чан Кай-ши в национальной борьбе сопротивления при сохранении, разумеется, независимости и самостоятельности КПК.
О речах на приеме я слышал только в пересказе, поэтому не берусь судить, был ли это просто традиционный обмен банальными любезностями, или высказывались какие-то серьезные суждения. В пользу первого предположения говорит обилие взаимных восхвалений. Однако в словах Ван Мина содержалась осторожная критика внутрипартийной и общенациональной политики Мао. Непосвященному на первый взгляд могло показаться, будто все обстояло в высшей степени благополучно. От взора постороннего зрителя было скрыто то, что происходило за кулисами. Я все же полагал, что линия ИККИ, представленная Ван Мином, будет проводиться в жизнь без каких-либо отклонений и

искажений и группа марксистов-интернационалистов, которых Мао Цзэ-дун так ловко переиграл, расколол и в той или иной мере перетянул на свою сторону, снова объединится и скажет свое веское слово. Поэтому меня просто ошеломила речь Мао на партактиве в середине ноября, сразу после падения Шанхая. Это было одно из последних собраний ответственных партийных работников, на котором мне довелось присутствовать. Я уже не сидел впереди. Рядом со мной оказался Ма Хай-дэ. Переводчика у нас не было. Незадолго до партактива у меня был переводчик, который переводил мои лекции в университете «Канда». Но еще в начале месяца он погиб при бомбежке. Дело было так. Мы с переводчиком из университета направлялись ко мне домой и уже начали взбираться на холм, как вдруг из-за горы вынырнула эскадрилья японских бомбардировщиков. Мы бросились к спасительной пещере. Едва я, задыхаясь, добрался до входа, как за спиной рванули бомбы. Метрах в пятидесяти ниже входа в пещеру мы обнаружили воронку. Это было прямое попадание. От переводчика ничего не осталось.

Без переводчика я многого не понял в речи Мао. Почти ничем не помогли и пояснения Ма Хай-дэ, который к тому времени немного больше меня преуспел в китайском языке. После собрания я попросил рассказать мне обо всем подробнее. У меня в целом сложилось впечатление, что Мао снова отстаивал, а точнее, продолжал линию, которую развивал на прежних заседаниях, в частности на расширенном совещании Политбюро в Лочуане. Он с еще большим рвением обрушился с нападками на гоминьдан и тех коммунистов, которые якобы попали под влияние и оказались в «духовном плену» у гоминьдана, так как восприняли всерьез сотрудничество с ним. Эти мои впечатления подтвердились, когда я прочитал тезисы речи Мао, опубликованные позже в его «Избранных произведениях» под заголовком «Обстановка, сложившаяся в войне против японских захватчиков после падения Шанхая и Тайюаня, и вытекающие из нее задачи» [1].

Вначале, правда, Мао Цзэ-дун заявил, что «частичное сопротивление», или «однобокая война», которую ведет гоминьдан, является национальной войной и по своей природе революционна. Но затем он сразу же снял свой тезис

[1] См. *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения, т. 2, стр. 93 и далее.

или по крайней мере ограничил его смысл, утверждая, что такой способ ведения войны уже вызвал серьезный кризис, о чем свидетельствует потеря Тайюаня и Шанхая, и неизбежно ведет к поражению. Выиграть войну способны только то правительство и та армия, которые хотят и могут вести подлинно национально-революционную народную войну в соответствии с программой из 10 пунктов. Таким образом, Мао еще раз открыто продемонстрировал свое стремление быть единственным руководителем в антияпонской войне. Он снова подчеркнул, что Китай переживает переломный момент, когда решается вопрос о том, кто кого поглотит: коммунистическая партия гоминьдан или гоминьдан коммунистическую партию. В этой связи он рисовал все ужасы полной или частичной капитуляции, вкладывая в это понятие двоякий политический смысл. С одной стороны, Мао говорил о «правых капитулянтах» внутри партии, которые отказались от классовых позиций, подчинив все интересам единого фронта и приспосабливаясь к непоследовательной буржуазии. Одновременно он обличал «возрождение милитаристских тенденций» в 8-й армии, понимая под этим сотрудничество военачальников-коммунистов с гоминьдановскими воинскими соединениями и гражданскими властями, что-де противоречило директивам партийного руководства. С другой стороны, Мао призывал к борьбе против «серьезной опасности» национальной капитуляции, носителями которой являются в основном реакционные компрадоры и крупные помещики, а также в значительной степени пораженчески настроенные и колеблющиеся элементы национальной буржуазии и некоторых верхушечных слоев мелкой буржуазии. Против них необходимо мобилизовать в рамках и при использовании единого фронта рабочих, крестьян и массы городской мелкой буржуазии.

Следовательно, в период антияпонской войны Мао Цзэдун в своей внутренней политике определил два основных направления борьбы: против правых и центристских (как он их называл) сил гоминьдана, с одной стороны, и против марксистского крыла в партии — с другой. Подлость при этом состояла в том, что потенциальным резервом и объективными пособниками национальных капитулянтов Мао называл именно представителей марксистского крыла, с которыми «надлежало вести борьбу» как в партии, так и в армии. При такой ориентации, на мой взгляд, не чем

иным, как демагогией и лицемерием, нельзя назвать высказывание Мао о необходимости расширять и укреплять единый национальный фронт и осуждение им всяких действий, которые могли бы ослабить или подорвать единый фронт между гоминьданом и коммунистической партией. При первой же возможности я спросил Бо Гу, как примирить эти противоречия. Бо Гу сослался на составленную им директиву ЦК от 12 августа и неизвестное мне более позднее решение ЦК по вопросу участия представителей коммунистической партии в гоминьдановских органах власти.

С начала антияпонской войны, по мнению Бо Гу, в руководстве гоминьдана, в Центральном правительстве и подчиненных им органах практически ничего не изменилось. Не были удалены реакционные, антикоммунистические и прояпонские элементы, не проводились демократические реформы, не были мобилизованы широкие массы. Поэтому коммунистическая партия не может совместно с гоминьдановцами участвовать в управлении на высшем и среднем уровнях, а должна отмежеваться от носителей власти. В противном случае она скомпрометирует себя в глазах народа и окажет услугу гоминьдану, который намерен свести к минимуму или вообще уничтожить влияние коммунистов. По-иному обстоит дело на низшем, или локальном и региональном, уровне. Здесь давление масс настолько велико, что в течение определенного времени можно успешно сотрудничать с гоминьданом, сообразуясь с конкретными местными условиями. Это, разумеется, относится лишь к контролируемым гоминьданом районам и к ближнему тылу японцев. Никто даже и не думает делить власть на территории собственных баз (бывших советских районов) и в глубоком тылу японцев, где коммунистическая партия прочно держала в своих руках управление.

В гоминьдановских же районах представители коммунистической партии посредством единого фронта проникают во многие органы власти, организации и даже в ряды самого гоминьдана, с тем чтобы претворять в жизнь программу из 10 пунктов и подготовить почву для захвата власти в будущем. В резиденции Центрального правительства и ряде важных городов Центрального и Южного Китая были учреждены официальные представительства партии и пункты связи 8-й и Новой 4-й армий, легальное существование которых, разумеется, ни в коем случае

не должно было ставиться под угрозу преждевременными или опрометчивыми действиями.

Так следовало, по мнению Бо Гу, понимать высказывания Мао Цзэ-дуна. Надо было сохранять видимость единства до тех пор, пока ход войны не изменит соотношения сил внутри страны. Только в этом случае единый национальный фронт может быть претворен в жизнь на более высоком уровне, вплоть до создания коалиционного правительства.

Эта беседа с Бо Гу многое для меня прояснила. Я понял, что Мао Цзэ-дун, как следовало уже из его речи, упорно продолжает свою старую линию борьбы на два фронта — против Японии и против гоминьдана. Наводило на размышление то, что Бо Гу, говоря о политической стратегии Мао, упомянул о возможности создания коалиционного правительства. Об этом я услышал впервые. Казалось, что наметилась новая линия, к которой склоняется Бо Гу и, возможно, другие марксисты в ЦК. Была ли это линия ИККИ, представленная Ван Мином? И не потому ли Мао в своей речи, яростно заклеймив «правых капитулянтов» внутри партии, лишь по-отечески пожурил тех, чьи действия подрывали единый фронт?

Ответ не заставил себя ждать. Но получил я его не от Бо Гу. Он только подтвердил то, что я уже знал или предполагал: Коммунистическая партия Советского Союза и Исполком Коминтерна — он сказал просто Сталин и Димитров — рассматривали прочный и широкий единый национальный фронт как залог победы в антияпонской войне. И именно на это должна быть направлена политика Центрального Комитета КПК. Задача марксистов в партийном руководстве должна сводиться к тому, чтобы, не умаляя руководящего положения Мао, оказывать на него воздействие с целью предостеречь от таких сектантских ошибок, как преждевременная постановка вопроса о гегемонии в антияпонской войне и о захвате власти в Китае.

В Антияпонском университете «Канда» мне рассказали, что Ван Мин на собрании актива подверг резкой критике речь Мао. Нужно, говорил Ван Мин, не обвинять гоминьдан в поражениях на начальном этапе войны, а сделать все, чтобы поднять боевой дух среди населения и в армии. Надо не вносить раскол в единый фронт, расчленяя его на правые, центристские и левые группировки, а вовлекать в него все силы, за исключением лишь национальных

предателей и троцкистов. Ошибочным было бы уже сейчас ставить вопрос о гегемонии и власти. Все должно быть подчинено интересам отпора Японии. Проведения необходимых внутренних и военных реформ следует добиваться не путем ультиматумов, а терпеливым убеждением и собственным примером в ходе длительной войны. При этом надо исходить из реального положения вещей, то есть из существования Центрального правительства и Национально-революционных вооруженных сил под руководством Чан Кай-ши.

Мое изложение, разумеется, не претендует ни на исчерпывающую полноту, ни на абсолютную точность. Но, думаю, суть передана правильно. Во всяком случае, это совпадало с тем, что рассказал мне Бо Гу о выступлении Ван Мина на приеме. Таким образом, в ЦК существовали две различные, если не сказать противоположные, платформы, представленные Ван Мином и Мао Цзэ-дуном.

В декабре 1937 года в Яньани состоялось совещание Политбюро, о котором я узнал опять-таки только косвенным путем. На этот раз присутствовали почти все избранные члены и кандидаты Политбюро, в том числе Ван Мин, Чэнь Юнь, Кан Шэн, а также Сян Ин, прибывший из Цзянси, с которым мне, к сожалению, не удалось встретиться. Не было Ван Цзя-сяна, отправленного в начале года в Москву в качестве представителя КПК в ИККИ. Пэн Дэ-хуай и Чжан Хао, кооптированные в декабре 1935 года, в это время находились, насколько мне известно, в штаб-квартире 8-й армии. Никого из посторонних на это многодневное совещание не допустили. Была выставлена усиленная охрана.

То, что происходило на совещании, осталось тайной. Однако его политические результаты стали известны из внутрипартийной информации, многочисленных статей и манифеста ЦК, опубликованного после падения Нанкина. Основу манифеста составлял призыв ко всем патриотам страны «крепить духовное единство гоминьдана и коммунистической партии и вести войну сопротивления до окончательной победы».

В манифесте, в частности, говорилось, что, несмотря на неизбежные потери и поражения на первом этапе войны, героическое сопротивление, возглавляемое Чан Кай-ши, продемонстрировало небывалое единство и мощь нации и тем самым заложило фундамент окончательной победы.

ЦК официально заявил, что цели обеих партий в принципе совпадают и что КПК полна решимости еще теснее сотрудничать с гоминьданом не только для достижения победы в антияпонской войне, но и в период национального восстановления после ее успешного завершения. В настоящий момент, говорилось в манифесте, война вступила в решающий, критический этап. Главной опасностью является не столько напряженная военная обстановка, сколько усиливающееся стремление Японии «натравить китайцев на китайцев». Поэтому необходимо беспощадно искоренять вражеских агентов, национальных предателей и троцкистов. Далее перечислялись конкретные задачи по мобилизации всех сил и ресурсов страны, укреплению и пополнению «Объединенных национально-революционных вооруженных сил», их использованию под «единым верховным командованием» и по «единым оперативным планам», расширению и усилению будущего «Объединенного национального правительства», перестройке экономики на военный лад, упрочению тыла, а также по всемерной активизации зарубежной пропаганды и внешнеполитической деятельности.

В военном отношении основной упор, согласно манифесту, следовало сделать на оборону долины Янцзы для обеспечения безопасности новой столицы — Уханя и развертывание партизанской войны в тылу японцев, чтобы выиграть время для достижения численного перевеса. В этом пункте отразилось уже существовавшее разделение военных задач, которое первоначально — вопреки моему ошибочному предположению — проводилось Мао Цзэ-дуном в одностороннем порядке, а теперь волей-неволей признавалось Чан Кай-ши.

В манифесте воплотились также некоторые другие идеи Мао, например о наступившем кризисе и связанном с ним переходном этапе. В остальном же манифест в корне противоречил выступлению Мао на партийном активе. Политбюро и его Постоянный комитет одобрили тезис Ван Мина, что все должно быть подчинено антияпонской войне и все следует делать для национального единого фронта и через него. Этот тезис Мао до сего времени клеймил как «правое капитулянтство», правда не называя конкретных имен. Теперь же, чтобы не остаться в изоляции, и Мао поддержал этот тезис. Ван Мин, Ло Фу, Чжоу Энь-лай и другие опубликовали в органах партийной печати статьи,

где разъясняли и уточняли новую линию. Даже Мао, ссылаясь на критическую военную обстановку, открыто выступал в поддержку этой линии, хотя и с оговорками.
Как явствовало из внутрипартийной информации, Политбюро приняло ряд решений по партийной работе. Чэнь Юнь и Кан Шэн были избраны в Постоянный комитет, куда, как и прежде, входили Ван Мин, Мао Цзэ-дун, Ло Фу, Бо Гу и Чжоу Энь-лай. Западные источники утверждают, будто Чжу Дэ и Чжан Го-тао тоже были членами Постоянного комитета.
За пределами Особого района Шэньси — Ганьсу — Нинся было создано три бюро Центрального Комитета. Их главная задача заключалась в восстановлении по всей стране старых и создании новых партийных организаций. Кроме того, каждое бюро имело свои особые задачи.
Северо-Китайское бюро во главе с Лю Шао-ци должно было в районе действий 8-й полевой армии, то есть в японском тылу, поднимать массы на партизанскую войну, расширять имевшиеся и создавать новые базы, проводить необходимые социально-экономические реформы, например снижение арендной платы, и создавать «демократические органы власти» под руководством партии.
Юго-Восточно-Китайскому бюро во главе с Сян Ином надлежало направлять деятельность Новой 4-й армии и мобилизовывать массы в провинциях Юго-Восточного Китая.
И наконец, Центрально-Китайское бюро при штаб-квартире Чан Кай-ши в Ухани представляло коммунистическую партию перед руководством гоминьдана и Центральным правительством. Оно занималось также политической и организационной работой по строительству партии не только в Центральном Китае, но и во всем гоминьдановском Китае и издавало собственную газету. Ввиду особой важности Центрального бюро в него были включены три члена Политбюро и Постоянного комитета — Ван Мин, Бо Гу и Чжоу Энь-лай. Правда, кто-нибудь из них, а то и сразу двое большей частью отсутствовали. Они по очереди выезжали для инспекции и руководства в другие районы, в частности на юг или в Яньань на заседания и совещания. Чаще всего это приходилось делать Чжоу Энь-лаю.
Это бюро мы называли «вторым Политбюро». И в самом деле, со временем произошло определенное разделение функций между ним и яньаньским ЦК. Уханьское бюро

проводило линию единого фронта, утвержденную в декабре 1937 года и одобренную ИККИ. Мао же в Яньани вел свою собственную политику. Внешне, правда, насколько я могу судить, он поддерживал новую линию партии, но почти нигде не выступал, кроме университета «Канда». Исподволь он энергично готовился к тому, чтобы провести в жизнь свою старую уклонистскую линию и в удобный момент узаконить ее на пленуме ЦК или на партийном съезде, созыв которого был намечен Политбюро. Используя свою власть признанного вождя партии и председателя Военного совета (Военной комиссии ЦК), Мао в политических и стратегических директивах Северо-Китайскому бюро ЦК и полевому штабу 8-й армии навязывал курс на заполнение военного вакуума в японском тылу путем овладения отдельными районами, политической мобилизации и фактического захвата власти. В 8-й армии это было нетрудно сделать. Под директивами стояли подписи главнокомандующего Чжу Дэ, а большинство командиров, и прежде всего командиры дивизий Линь Бяо, Хэ Лун и Лю Бо-чэн, были и без того преданы Мао. Я не слышал также, чтобы Ян Шан-кунь и Пэн Дэ-хуай, которые вначале несколько скептически отнеслись к фаталистическим взглядам Мао Цзэ-дуна о перспективах войны, высказывали теперь какие-либо возражения. Следовательно, если бы дело дошло до новых разногласий в ЦК, Мао мог рассчитывать на поддержку руководящих кадров 8-й армии и новых «антияпонских» баз.

В ЦК Мао тоже укрепил свои позиции. Его старые друзья, например Дун Би-у, которого он вскоре направил в Центрально-Китайское бюро, были твердо на его стороне. Он заручился также поддержкой Чэнь Юня и Кан Шэна, которые занимали в ЦК ключевые позиции. Чэнь Юнь взял на себя руководство орготделом и Комитетом народного движения, ведавшего профсоюзными, женскими и молодежными организациями. Кан Шэн возглавил службу безопасности (сначала — Управление политической охраны, затем — Управление общественных дел), которая со временем распространила сферу своей деятельности за пределы Особого района на базы 8-й и Новой 4-й армий, на их многочисленные пункты связи, а также на партийные бюро в гоминьдановских районах.

Ло Фу, значительно утративший былое влияние, казалось, не входил в новую группировку. Впрочем, точно

я не знаю. У меня также мало сведений относительно позиции Гао Гана и других высших кадровых работников в руководстве партии и правительстве Особого района Шэньси — Ганьсу — Нинся. В основном Мао рассчитывал здесь на начальника охранных войск, своего старого соратника Сяо Цзин-гуана. Чжан Го-тао по-прежнему состоял членом Политбюро и формально исполнял обязанности председателя правительства. Очевидно, его политические и личные разногласия с Мао Цзэ-дуном стали уже непримиримыми. Неясным было для меня и положение во «втором Политбюро» и в Новой 4-й армии. Бо Гу и Чжоу Энь-лай, по всей видимости, лавировали между Мао и Ваном, тогда как Сян Ин явно придерживался политики, проводимой в ЦК Ваном.

Когда обнаружилось, что зимой 1937/38 года немцы безуспешно пытались посредничать между Центральным китайским и японским правительствами, сторонники Мао вновь высказали обоснованное сомнение в решимости Чан Кай-ши вести антияпонскую войну до победного конца без всяких компромиссов. Чан Кай-ши, однако, поспешил опровергнуть эти подозрения. Снова упрочился, таким образом, национальный фронт и укрепилось политическое положение Ван Мина. На новом совещании Политбюро в марте 1938 года не только Бо Гу и Чжоу Энь-лай, но сам Мао Цзэ-дун и его сторонники поддержали декабрьские решения 1937 года.

* * *

Мао, однако, исподволь продолжал готовиться к ревизии данных решений. Он понимал, что это будет длительный процесс и для утверждения своей концепции необходимо иметь солидный теоретический багаж. Поэтому он усердно занялся изучением произведений Ленина и Сталина, перевод которых на китайский язык осуществлялся специальной группой переводчиков. Выбор и последовательность переводов, сообразуясь с желаниями Мао, определял Бо Гу. Руководил этой работой молодой, очень эрудированный китаец, бегло говоривший по-русски и по-английски. Помнится, его звали У. Это, возможно, был секретарь Мао в Особом районе У Лян-пин.

В июле — августе 1937 года на основе лекций, прочитанных в Антияпонском университете «Канда» и партийной школе, Мао Цзэ-дун написал философские работы «Отно-

сительно практики» и «Относительно противоречия», которые впоследствии вошли в книгу по диалектическому материализму. Нет необходимости здесь говорить о них подробно. Специалисты уже отмечали вульгаризаторский характер этих философских работ Мао.

В первой половине 1938 года много внимания Мао уделил теоретическому анализу и обобщению своих взглядов на стратегию в революционной войне, причем опыт гражданской войны он применил к антияпонской войне. Это, в частности, касается работы «Вопросы стратегии партизанской войны против японских захватчиков», основные тезисы которой были также изложены в Антияпонском университете. Неизвестным для меня оставался тогда его курс лекций «О затяжной войне», который в более поздней официальной редакции был прочитан в «Обществе по изучению проблем войны против японских захватчиков». Вероятно, в общество входил избранный круг видных политических и военных деятелей, поскольку эти лекции, как, впрочем, и «Вопросы стратегии...», вышли из печати значительно позже. Я сам познакомился с обеими работами лишь в 50-х годах, когда избранные сочинения Мао Цзэ-дуна впервые вышли на русском языке. Если мое предположение верно, то остававшееся для меня неизвестным общество, о создании которого говорилось выше, вполне могло быть ядром фракционной группировки, созданной Мао с целью изолировать Ван Мина и подвергнуть нападкам защищаемую последним линию ИККИ.

Теоретические занятия Мао отнюдь не преследовали цели пополнить свои явно недостаточные знания в области марксизма. Скорее, он подыскивал необходимые формулировки, с помощью которых мог бы обосновать свои собственные, чуждые марксизму-ленинизму взгляды, а точнее, завуалировать их.

Примечательно, например, что в своей работе «О затяжной войне» он, даже в отредактированном варианте, все время делал упор на «особенности Китая», выводя из них некие специфические закономерности. Исходя из своих теоретических посылок, Мао сочинял такие лозунги, которые в неизменном виде используются и сейчас: «В Китае главной формой борьбы является война, а главной формой организации — армия» или «Винтовка рождает власть». Подобных примеров можно привести сколько угодно.

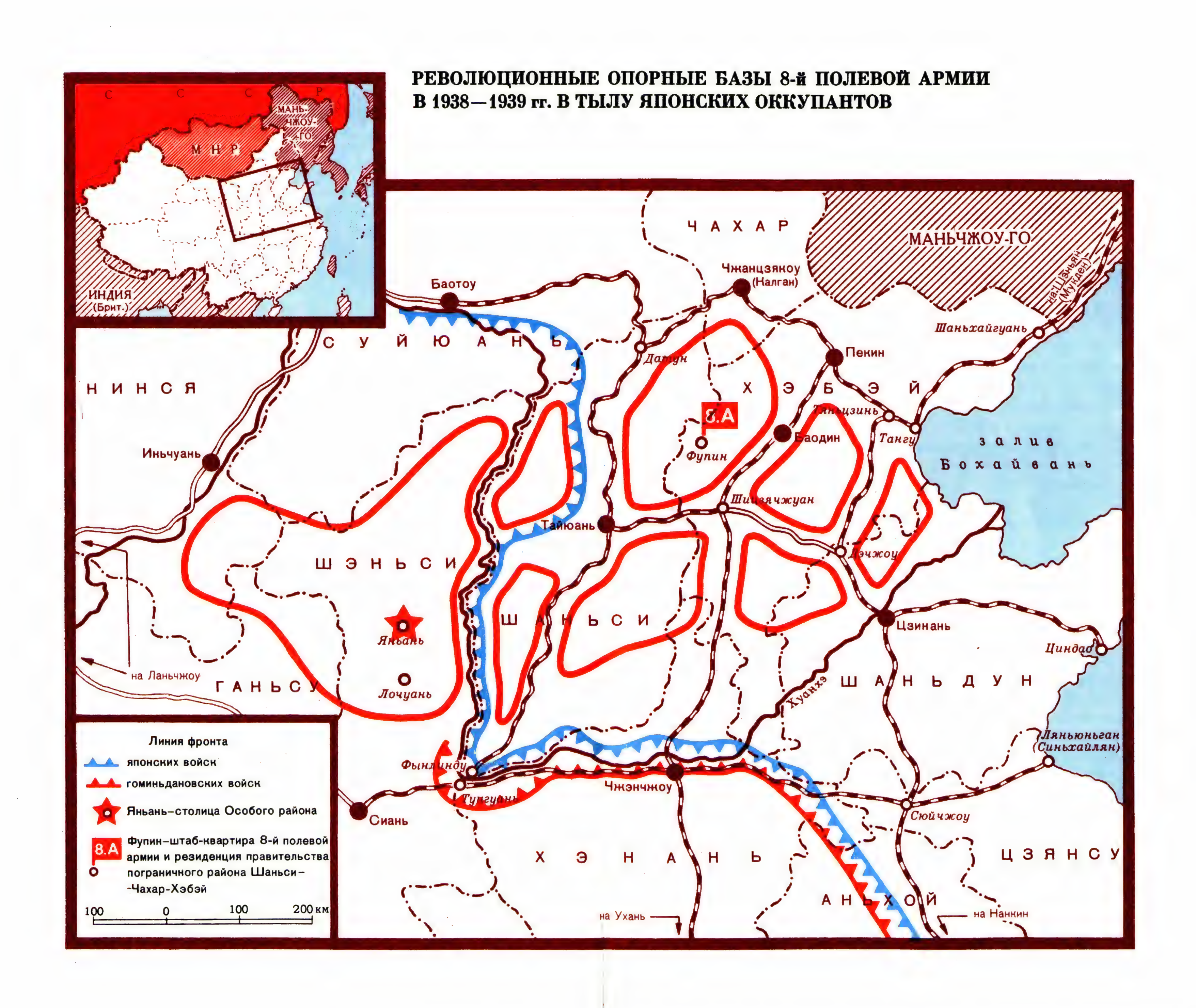
В этом явно проявилось стремление Мао протащить под флагом «творческого применения марксизма-ленинизма к конкретным условиям Китая» свои идеи.

* * *

Однажды утром, в начале апреля 1938 года, меня позвали к Мао Цзэ-дуну. Необычными были и время, и срочность приглашения. Когда я вошел, Мао сидел за рабочим столом. Перед ним стояли несколько руководящих работников из Антияпонского университета, в том числе Ло Жуй-цин, и несколько незнакомых мне товарищей, по-видимому из службы безопасности. Не помню, были ли среди присутствовавших члены Политбюро или Постоянного комитета. Время от времени заходил посыльный, приносил донесения, получал указания. Наше ожидание затянулось. Наконец Мао объявил нам, что Чжан Го-тао с небольшой группой сторонников бежал в Сиань, откуда был отправлен гоминьдановцами в Ухань, в штаб-квартиру Чан Кай-ши. По некоторым данным, Чжан Го-тао подбивал командиров бывшей 4-й армии последовать за ним. Не исключается и заговор, подчеркнул Мао. Служба безопасности приняла соответствующие меры. На нас Мао возложил задачу предупредить волнения в «Канда» и посоветовал пока что никому не говорить о предательстве Чжан Го-тао. Мы направились было к выходу, но Мао Цзэ-дун нас вернул. Он, по-видимому, ожидал дополнительных известий. Время тянулось медленно. У меня мелькнула мысль, что Мао не доверяет и нам. Он был явно озабочен и растерян. Наконец Мао Цзэ-дун отпустил нас. Мы направились в университет. То и дело нам попадались подразделения охранных войск. В университете, однако, все было спокойно. На ломаном китайском языке я кое с кем побеседовал. Но никто ничего не знал. Долго я сидел в кабинете Ло Жуй-цина, однако тот тоже не знал, что делать. И я пошел домой. Ничего не случилось и в следующие дни. Никакого заговора и в помине не было.

Спустя две недели в первичной партийной организации штаба тыла, в которой я состоял, сообщили об исключении Чжан Го-тао из партии. Жена Ло Фу, секретарь партийной организации (ее имя я забыл), зачитала по листку, напечатанному на гектографе, длинный «перечень грехов» Чжан Го-тао и перечислила «терпеливые попытки» Центрального Комитета и лично Мао Цзэ-дуна привлечь его

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОПОРНЫЕ БАЗЫ 8-й ПОЛЕВОЙ АРМИИ В 1938—1939 гг. В ТЫЛУ ЯПОНСКИХ ОККУПАНТОВ

к активной работе, а после бегства — убедить вернуться. Затем последовала ошеломляющая новость, что Чжан Го-тао якобы пытался объединить вокруг себя старые кадры и нанести «удар по Ван Мину», поскольку Чжан Го-тао будто бы не согласен с политической линией ИККИ и ЦК КПК, которую безоговорочно проводил в жизнь Ван Мин. И тут меня осенило: ведь предметом постоянных разногласий между Мао Цзэ-дуном и Ван Мином в последнее время была именно политика единого национального фронта.

Когда в конце апреля Ло Фу выступал на собрании актива, то ни слова не сказал о мнимом ударе по Ван Мину. Теперь утверждалось, будто Чжан Го-тао заявил в Сиани, что он не мог работать в Шэньси — Ганьсу — Нинся и хочет выйти из партии. За это Центральный Комитет исключил его как предателя, который не подчиняется партии и вступил в сомнительные связи с гоминьданом. Отсюда вытекало, как и подтвердил Бо Гу, что исключение из партии произошло по настоянию Мао еще до прибытия Чжан Го-тао в Ухань и что Ван Мин, Чжоу Энь-лай, Бо Гу и другие, а также ИККИ были поставлены перед совершившимся фактом. ИККИ одобрил исключение Чжан Го-тао из партии значительно позже, после его выступления в начале мая с «Обращением к китайскому народу», в котором он обвинял Мао Цзэ-дуна и коммунистическую партию в прежней сектантской линии в антияпонской войне и преследовании узкопартийных целей вместо защиты общегосударственных и национальных интересов. Текста обращения я никогда не видел. Я узнал о нем из внутрипартийной информации и из статьи Ло Фу, написанной в ответ на обращение.

Я уже говорил о том, что считал Чжан Го-тао ренегатом, которого с полным основанием исключили из партии. Мое мнение не изменилось, когда я через несколько месяцев узнал правду о его бегстве. Дело происходило так. Чжан Го-тао, как обычно в сопровождении телохранителей, отправился с официальной миссией в качестве главы правительства на какую-то торжественную церемонию за пределами Особого района. Перед поездкой он сказал, что не вернется, так как с Мао ужиться невозможно, а отправится в Ухань для переговоров со «вторым Политбюро» и, в случае необходимости, обратится в ИККИ. По-видимому, так и было, потому что еще

в Сикане Чжан заявлял, что он подчиняется только ИККИ. Из предшествовавших событий было ясно, что Мао не успокоится до тех пор, пока не избавится от своего старого противника и соперника. Однако Чжан Го-тао, переметнувшись к гоминьдановцам и обнародовав свое обращение, сам подписал себе как политическому деятелю смертный приговор. Большей услуги Мао Цзэ-дуну он оказать не мог.

* * *

Вопреки заявлениям Мао Цзэ-дуна в конце 1937 года и разъяснениям Бо Гу в 1938 году началось тесное сотрудничество коммунистической партии с гоминьданом на высшем уровне. Основой для этого послужила «Программа сопротивления Японии и строительства государства», принятая на чрезвычайном съезде гоминьдана в конце марта — начале апреля, которая, судя по информации и комментариям в Яньани, была настолько близка к программе из 10 пунктов КПК, что, хотя по-прежнему отрицалось ее открытое и прямое участие в национальном правительстве, однако уже допускалось участие в его «демократических органах». Такими органами ЦК считал предусмотренные программой гоминьдана Национально-политический совет и соответствующие провинциальные и уездные Советы, члены которых, правда, не избирались, а назначались Центральным правительством и его исполнительными органами по рекомендации политических партий и групп. Им предоставлялись только совещательные, а не законодательные права. В состав Национально-политического совета, который впервые собрался в Ухане в начале июля, входили семь руководящих деятелей КПК во главе с Мао Цзэ-дуном. Он, правда, предпочел не участвовать в заседании, передав свои полномочия Ван Мину. Ван Мин заявил о готовности коммунистической партии оказать Национальному правительству поддержку в выполнении программы, принятой съездом гоминьдана, но подчеркнул, что конечной целью коммунистической партии остается борьба за коммунизм.

Выступление Ван Мина было согласовано с Мао Цзэ-дуном, о чем свидетельствовало заявление коммунистической фракции в Национально-политическом совете, в котором прямо упоминалось решение ЦК КПК об активном участии в работе Совета назначенных ЦК и утвержденных

Центральным правительством руководящих деятелей партии. Это должно было укрепить силы сопротивления на данном этапе борьбы, особенно при стратегически важной обороне Уханя. Создание Совета, подчеркивалось в заявлении коммунистической фракции, является первым шагом по пути подлинной демократизации политической жизни в масштабах всей страны. Совет послужит основой для создания в будущем представительного органа народовластия, обладающего всеми полномочиями. КПК искренне стремится к тесному сотрудничеству с гоминьданом и готова вместе с ним обсудить и осуществить необходимые меры, которые позволят уничтожить японских захватчиков и откроют Китайской республике путь к независимости, свободе и счастью.

Прежний принцип неучастия в Национальном правительстве и его центральных органах был отброшен еще до принятия чрезвычайным съездом гоминьдана новой программы и создания Национально-политического совета. В начале февраля 1938 года Национальный военный совет решил создать политический отдел. Его возглавил Чэнь Чэн, один из наиболее способных гоминьдановских генералов и ближайший соратник Чан Кай-ши, а его заместителем был назначен Чжоу Энь-лай. После переговоров в ЦК Чжоу Энь-лай не только сам занял этот пост, но привлек к работе целый ряд коммунистов, в том числе Го Можо, который позднее стал председателем комитета по культурной работе. Этот комитет был включен в политический отдел и развернул среди личного состава вооруженных сил гоминьдана широкую агитационную и пропагандистскую работу, которая доставила немало забот гоминьдановскому руководству.

Все это породило некоторое смятение в Яньани, где продолжали придерживаться прежнего лозунга войны на два фронта — против японской агрессии и против гоминьдана. В партийных организациях и школах по подготовке кадров говорили по-прежнему о военной несостоятельности гоминьдана и сомнительности его реформ. Утверждалось, что единственным залогом победы над Японией и строительства нового Китая является партизанская война, которую коммунистическая партия ведет совершенно самостоятельно и благодаря которой будут созданы мощная Народно-освободительная армия и крупные революционные базы. Поэтому вся политическая и прежде всего партийная

работа должна концентрироваться в армии и революционных базах с центром в Яньани. Рекомендовалось вести работу в гоминьдановских районах в условиях конспирации, чтобы не попасть в руки классового врага, даже если он выступает в роли временного союзника. Звучало это ультрареволюционно, но в корне противоречило последним решениям Политбюро и проводившейся в Ухани линии. Тем не менее в Яньани продолжали действовать в соответствии с этими установками и взглядами. С конца 1937 года отдел кадров ЦК начал направлять подготовленных товарищей на легальную работу в опорные базы сопротивления и на полулегальную или конспиративную работу в гоминьдановские районы Китая. Кадровая политика и в дальнейшем не претерпела изменений, хотя лежавшая в ее основе политическая линия в течение 1938 года была скорректирована так, чтобы соответствовать новой обстановке и не вступать в резкое противоречие с официальной партийной политикой. То «разделение функций» между ЦК в Яньани и «вторым Политбюро» в Ухани, о котором я уже говорил, сохранялось с той лишь разницей, что отныне Мао Цзэ-дун с присущим ему двуличием собственной персоной олицетворял обе линии. Наглядно это проявилось в его выступлении на 6-м расширенном пленуме ЦК в Яньани в октябре — ноябре 1938 года. Но прежде чем перейти к этому пленуму, я должен вкратце охарактеризовать общую военную обстановку, ибо в течение 1938 года она в корне изменилась, что в значительной степени повлияло на решения 6-го пленума ЦК и на дальнейшую политику партийного руководства.

* * *

8-я полевая армия после первых успешных боев вела боевые действия не всем своим составом, а изредка дивизиями и в основном отдельными бригадами, полками и даже батальонами. Они совершали атаки на небольшие колонны японцев, прежде всего на обозы. Таким образом при минимальных потерях они захватывали многочисленные трофеи и завоевывали симпатии местного населения. Их главной целью было создание опорных баз в горных и других труднодоступных районах вдали от городов и коммуникаций, где не было постоянных японских гарнизонов. Самая крупная такая база площадью 40—50 тысяч квадратных километров была создана на стыке провинций Шаньси —

Чахар — Хэбэй. В отдаленном уездном центре Фупин Пэн Дэ-хуай разместил свою штаб-квартиру. Фупин стал также резиденцией правительства «освобожденных районов» Северного Китая. Впрочем, позднее город был захвачен японцами.

В 1938—1939 годах восточнее и севернее Хуанхэ возникли новые опорные базы, которые широкой полосой простирались от провинций Суйюань и Шэньси через Шаньси и Хубэй до морского побережья в Шаньдуне. Южнее к этой полосе примыкали более мелкие базы, протянувшиеся от Цзянсу и Аньхоя до Чжэцзяна и Цзянси. Здесь действовала Новая 4-я армия и руководимые ею партизанские отряды.

Сообщения об этих опорных базах, их размерах и численности наших частей, ведущих боевые действия, были настолько скупы и порой противоречивы, особенно в отношении Центрального и Южного Китая, что трудно было представить общую картину. Ориентировочно площадь «освобожденных районов» в Северном Китае к концу 1938 года достигала четверти миллиона квадратных километров с населением почти в 20 миллионов, а к концу 1939 года — полмиллиона квадратных километров с 50 миллионами жителей. Я заранее оговариваю условность этих цифр, поскольку они взяты из не особенно достоверных китайских источников, в которых утверждается, в частности, что около половины оккупированной японцами территории составляли «освобожденные районы». В какой-то степени это, вероятно, справедливо, так как японское командование на первом этапе войны не обращало никакого внимания на 8-ю полевую армию и ее опорные базы, не говоря уже о Пограничном районе Шэньси — Ганьсу — Нинся. Сам Мао Цзэ-дун в апреле 1944 года, выступая на собрании высших руководящих работников в Яньани, заявил: «Японские милитаристы высоко оценивали силы гоминьдана и относились с пренебрежением к коммунистической партии, а потому главные свои силы они бросили в наступление на гоминьдановском фронте... Руководимым же коммунистической партией опорным базам сопротивления японские милитаристы не придавали значения, считая, что там партизанит всего лишь небольшая кучка коммунистов»[1]. В самом деле, японцы

[1] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения, т. 4, стр. 304—305.

сконцентрировали все силы на главных стратегических направлениях и ни разу не атаковали Особый район Шэньси — Ганьсу — Нинся, а наступление на новые опорные базы 8-й армии повели только в начале 40-х годов.
Когда речь идет об этих опорных базах, то имеются в виду только сельские районы, которые разделялись находившимися под контролем японцев городами, железнодорожными магистралями и шоссейными дорогами. Часть населения, правда, сравнительно небольшая, покинула эти районы. Тем не менее данные районы представляли собой несравненно более крупные и более богатые революционные базы, чем все бывшие советские районы, вместе взятые. Сохранившиеся органы власти и отрезанные войсковые части гоминьдановского правительства были «интегрированы» или, если они сотрудничали с японцами, разгромлены и изгнаны, а имущество бежавших крупных помещиков, торговцев и т. д. было экспроприировано. Больше никого не трогали — ни крестьян, ни мелкую буржуазию, ни представителей буржуазного и феодального класса, если те признавали войну сопротивления и лояльно относились к новым органам власти. Формально им даже предоставили от половины до двух третей мест в местных национальных советах. К органам исполнительной власти это, правда, не относилось. Такие экономические мероприятия, как снижение арендной платы, которые были проведены в Шэньси — Ганьсу — Нинся после начала антияпонской войны, обеспечили поддержку широких масс бедняков.
Опираясь на эти «освобожденные районы», которые совершенно справедливо называли в Яньани революционными опорными базами (я тоже буду употреблять это наименование), 8-я полевая армия быстро увеличивалась. Правда, сведения о ее численности весьма противоречивы. По данным штаба тыла, которые я приводил в своем докладе по возвращении в Москву в конце 1939 года, численность 8-й армии в 1938 году увеличилась до 60 тысяч человек, или удвоилась, а в 1939 году регулярные войска насчитывали 120 — 150 тысяч человек. По более поздним китайским источникам, уже на конец 1938 года фактическая численность определялась в 150 — 180 тысяч человек, а Мао Цзэ-дун на 6-м пленуме ЦК говорил даже о 200 тысячах [1]. Я считаю эти цифры завышенными, даже если в них

[1] См. *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения, т. 2, стр. 375.

включена Новая 4-я армия, охранные войска Особого района и отдельные партизанские отряды.
Как бы то ни было, бурный количественный рост 8-й армии не подлежит сомнению. С этим был вынужден считаться и Чан Кай-ши. Осенью 1938 года, по ходатайству из Яньани, он переименовал 8-ю полевую армию в 18-ю армейскую группу в составе трех корпусов, признав ее тем самым независимой военной силой, которая отныне подчинялась только Национальному военному совету Центрального правительства. Это, впрочем, имело чисто номинальное значение, ибо Чан Кай-ши не мог оказывать эффективного воздействия на ход боевых действий в японском тылу, а Мао Цзэ-дун и не помышлял о выполнении его указаний. Кстати, новое наименование не привилось, и поэтому в дальнейшем я буду говорить о 8-й армии. Всю свою энергию 8-я армия и созданные ею местные органы власти (из-за недостатка информации я ничего не могу сказать о новой 4-й армии и о партизанских отрядах, действовавших в Восточном и Южном Китае) направили на всемерное расширение и укрепление революционных баз и мобилизацию их населения на борьбу на два фронта — против японских оккупантов и против китайских предателей и коллаборационистов. Наряду с регулярными войсками возникла «местная милиция», как это имело место и раньше в советских районах. «Местная милиция», формировавшаяся как отряды так называемого народного ополчения или крестьянской самообороны, обеспечивала порядок в опорных базах и вела «малую войну» против японских частей, предпринимавших карательные экспедиции. Уже в конце 1938 года ее численность определялась в миллион человек, а в 1939—1940 годах, по непроверенным данным, возросла до 2 миллионов.
Регулярные части 8-й армии с течением времени все чаще уклонялись от крупных сражений. Их действия ограничивались в основном засадами, налетами и мелкими стычками, которые, однако, наносили значительный ущерб противнику и вынуждали его держать в тылу большое количество войск. Правда, начиная с конца 1938 года японцы все в больших масштабах стали привлекать китайские марионеточные войска под командованием предателей — генералов и политиканов. Сведения, что в начале сороковых годов против революционных баз действовали 60 процентов всех японских и 90 процентов всех марионеточных

войск (о которых я узнал позже), представляются мне сомнительными. Как бы то ни было, с 1938—1939 годов 8-я армия со своими опорными базами и «местной милицией» оказывала все более сильное воздействие на военную обстановку и в немалой степени способствовала достижению известного равновесия сил в китайско-японской войне. То же самое, но в гораздо меньших масштабах, можно сказать и о Новой 4-й армии и отдельных партизанских отрядах в других опорных базах.
Другим — и в 1938—1939 годах все еще решающим фактором — являлись гоминьдановские вооруженные силы Национально-революционной армии Китая. На первом этапе войны они понесли колоссальные потери и были вынуждены оставить огромные территории в Северном и Восточном Китае с важнейшими городами и промышленными центрами. Однако Чан Кай-ши и Национальному военному совету удалось, разумеется не без иностранной, в первую очередь советской, помощи, реорганизовать разгромленные армии и сформировать, вооружить и обучить новые. В Яньани об этом почти не говорили. Как и прежде, разговоры в основном велись об отрицательных явлениях: поражениях, отступлениях, принудительных вербовках, капитулянтских настроениях, изменах и т. п. Несомненно, многое из перечисленного соответствовало действительности. Но это была только полуправда. Из бесед с хорошо осведомленными товарищами я узнал не только о создававшихся мощных резервах, но и о постепенной перестройке методов ведения войны: после падения Нанкина стали переходить от действительно преобладавшей пассивной обороны в позиционной войне к тактике маневренной войны.
Все это дало первые плоды уже весной 1938 года, когда японцы развернули новое крупное наступление, чтобы полностью овладеть стратегически важными железнодорожными магистралями — Лунхайский (из Цзянсу в Шэньси) и Тяньцзинь-Нанкинской. Японцы двинулись из Цзинаня на юг и из Нанкина на север — к узловому пункту Сюйчжоу. Где-то южнее Сюйчжоу гоминьдановские войска нанесли им мощный контрудар. Было разгромлено, если не уничтожено, несколько японских дивизий. Гоминьдановские войска эвакуировали Сюйчжоу лишь полтора месяца спустя. Отсюда японцы начали продвижение вдоль Лунхайской железной дороги через Кайфын и Чжэнчжоу —

крупный железнодорожный узел на пересечении Лунхайской и Пекин-Уханьской магистралей. Чжэнчжоу пал в начале июня. Дальнейшее же продвижение японцев замедлилось и наконец приостановилось. Они так и не смогли пересечь границы провинции Шэньси. Возможно, они к этому и не стремились, чтобы не распылять свои силы на второстепенных направлениях.

В Яньани, надо отдать должное, отметили и по достоинству оценили победу под Сюйчжоу. Но вскоре ее заслонили другие события, давшие повод к критике и дискуссиям. Летом значительные силы японцев двинулись вверх по Янцзы с явным намерением захватить Ухань. Гоминьдановские войска отказались от намерения любой ценой защищать долину Янцзы, поскольку, как показал опыт войны, они намного отставали от японцев как в техническом, так и в тактическом отношении. Они вели сдерживающие бои, стараясь сохранить живую силу, и «жертвовали пространством, чтобы выиграть время», как гласила новая установка Чан Кай-ши. В результате японцы в течение двух месяцев продвинулись на 400 километров и в конце июля заняли Цзюцзян — город, сам по себе не имеющий значения, но, так как он расположен в предполье Уханя, это был важный стратегический пункт. Встал вопрос, следует ли оборонять Ухань, важный политический и экономический центр, и если да, то как.

В ЦК КПК существовали два мнения па этот счет. Я не берусь судить, расходились ли взгляды Мао Цзэ-дуна и Ван Мина с самого начала, как утверждалось впоследствии, или изменилось мнение ЦК в целом, что мне представляется более вероятным. Я только знаю, что сначала Мао характеризовал «подвижную оборону» долины Янцзы, и не совсем без основания, если учесть стремительные темпы японского продвижения, как «паническое отступление» и считал возможной при определенных условиях длительную оборону Уханя. В числе необходимых условий он называл безотлагательную коренную перестройку экономических, социальных и политических отношений в гоминьдановских районах, чтобы мобилизовать миллионные массы на сопротивление и укрепить боевой дух войск; строительство внешней, выдвинутой далеко вперед линии обороны, поддерживаемой активными боевыми действиями на флангах и в тылу наступающего противника; и, наконец, замену бездарных гоминьдановских генералов

коммунистами и другими надежными военачальниками, по принципу «способность, а не дружба!». В том же духе высказались Ван Мин, Бо Гу и Чжоу Энь-лай, который пошел даже дальше: он назвал успешную оборону Уханя стратегически важной, а предпосылки к ней — благоприятными. По его мнению, оборона может стать поворотным пунктом войны, так как даст выигрыш во времени, для того чтобы с новыми силами продолжить борьбу и подготовиться к решающим сражениям последнего этапа.

В течение трех месяцев — с конца июля до конца октября — шли бои на подступах к Уханю. Окружение города японскими частями вынудило ЦК отказаться от своей прежней установки. Яснее всего это выразил Чжоу Энь-лай. Исходя из концепции затяжной войны, говорил Чжоу Энь-лай, взятие или потеря Уханя не может рассматриваться как решающий фактор. Напротив, бесконечная оборона города любой ценой уменьшает шансы на расширение войны и не способствует наступлению перелома в соотношении сил.

Высказывания Чжоу Энь-лая поразительно совпадали с заявлениями Чан Кай-ши, который в то время утверждал, что ключ к победе — не в обороне отдельных городов и районов. Надо избегать сражений, которые навязывает противник, и вынуждать его вести боевые действия в горных, озерных и болотистых районах — тогда пространство и время будут работать против него. Создавалось впечатление, что теперь уже Чан Кай-ши хочет позаимствовать у Мао Цзэ-дуна его стратегические и тактические принципы.

В октябре Ухань был оставлен. Центральное правительство вместе со всеми учреждениями переехало в глубь страны, в Чунцин. «Второе Политбюро» перебралось туда же. В конце октября японцы вступили в Ухань. Почти одновременно они овладели Кантоном, последним крупным морским портом в Южном Китае.

На фронтах установилось относительное затишье. Японские милитаристы достигли своих главных стратегических целей. Они блокировали все китайское побережье, прочно удерживали в своих руках крупные города, в которых была сконцентрирована почти вся промышленность, контролировали железные и шоссейные дороги в оккупированных районах. Вряд ли японцы собирались продвигаться дальше в глубь страны. Они бы ничего от этого не выиграли, да у

них и не было таких сил, которые могли бы удерживать огромные территории Внутреннего Китая. Они стремились теперь к реорганизации своих ослабленных непрерывным полуторагодовым наступлением войск и консолидации захваченных районов, особенно тыла. В этом Мао Цзэ-дун был прав, утверждая, что первый этап войны в основном завершен и начался новый этап — этап стратегического равновесия сил, когда партизанская война приобретает большее значение.

* * *

Именно так представлял я себе военную обстановку, когда состоялся 6-й расширенный пленум ЦК, проходивший при закрытых дверях, и лишь немногое из того, что там говорилось, получило гласность. Я тоже, кроме отдельных деталей, мало что сумел почерпнуть из коротких газетных сообщений и случайных разговоров, но создавалось впечатление, что дело доходило до резких столкновений. Как мне рассказывали, отчетный доклад Мао Цзэ-дуна от имени Политбюро за период после 5-го пленума, состоявшегося в январе 1935 года, был пронизан национализмом, на передний план выпячивались специфические особенности Китая. Ван Мин, наоборот, подчеркивал неразрывную связь национально-освободительной войны китайского народа с борьбой всех прогрессивных сил в мире против войны и фашизма. Нельзя считать антияпонскую войну изолированной, а нужно подчинить ее этой всемирной борьбе. Это соответствует, говорил Ван Мин, принципам пролетарского интернационализма, в духе которых действует Советский Союз, оказывая помощь всему Китаю в борьбе против японских захватчиков.

В центре доклада Мао, не считая экскурсов в историю КПК, которые занимали большое место в его рассуждениях и преследовали цель представить его политику и стратегию как единственно правильные, находился вопрос о едином национальном фронте и роли в нем коммунистической партии. Здесь особенно ярко проявилось двуличие Мао. С одной стороны, он восхвалял «славную историю» и «блестящее будущее» гоминьдана, называя его старшим партнером в едином фронте, и торжественно обещал безоговорочную поддержку Чан Кай-ши. С другой стороны, он объявлял абсолютно неправильным лозунг «Все через единый фронт» и отстаивал метод ставить союзника перед

совершившимся фактом, действуя по принципу: «Сначала казнить, а потом доложить» (то есть сначала действовать, потом докладывать), как с самого начала практиковала 8-я армия в Северном Китае. Об этом, впрочем, можно прочитать в «Избранных произведениях» Мао Цзэ-дуна, где его выступления на пленуме представлены в урезанном и приглаженном виде [1]. Мао называл это «самостоятельностью и независимостью внутри единого фронта, т. е. единством и в то же время независимостью» [2].

Бо Гу, который признался мне, что необходимо пересмотреть прежние решения Политбюро, не сказал, с кем полемизировал Мао, но это мог быть только Ван Мин. Против него, а возможно, и против Лю Шао-ци, Сян Ина и других — тех, кто высказывался за усиление политической работы среди городских рабочих, направлено было и требование Мао перенести центр тяжести партийной работы во фронтовые районы и в тыл врага [3]. Тем самым Мао подтверждал свой старый тезис о решающем значении партийной работы в революционных базах, особенно в Яньани, и в армии. В связи с этим он делал упор на том, что «проблемы, стоящие в Китае, не могут быть решены без вооруженной борьбы». Это тоже не было новостью. Что он имел в виду, говоря о «проблемах, стоящих в Китае», ясно видно из предшествующих рассуждений, в которых Мао сформулировал главную задачу партии — организовать вооруженную борьбу за национальное и социальное освобождение, выступая, в зависимости от обстоятельств, то против внешней, то против внутренней контрреволюции, подверг критике тех, кто не сумел еще этого понять, несмотря на уроки 1927 года и последующих лет, и попрежнему считал центральной задачей политическую работу в гоминьдановских районах. Такая постановка вопроса вновь продемонстрировала, что Мао по-прежнему односторонне ориентируется на крестьянство, армию и в конечном счете на новую гражданскую войну. С этим плохо увязывались его утверждения о длительном сотрудничестве коммунистической партии с гоминьданом после победы над Японией. Он говорил о демократической республике, основанной на трех принципах Сунь Ят-сена,

[1] См. *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения, т. 2, стр. 375.
[2] Там же.
[3] См. там же, стр. 384.

республике, которая не будет ни советской, ни социалистической. Возможно, уже тогда у него зародились идеи, которые он в 1940 году развил в своей работе «О новой демократии». Но здесь не место останавливаться на этом.

Высказывания Мао проливали свет на то, как он себе представлял наилучшую форму длительного сотрудничества при сохранении полной самостоятельности партнеров. Он предложил открытое вступление коммунистов в гоминьдан при сохранении членства в КПК и передачу гоминьдановским властям списков вступивших в гоминьдан коммунистов. Это было совершенно невероятно. Мао превзошел даже Чэнь Ду-сю, чью правооппортунистическую линию он при каждом удобном случае клеймил как чудовищное преступление, а ведь Чэнь Ду-сю в середине 20-х годов категорически отверг подобное требование гоминьдана.

Что заставило Мао выдвинуть такое предложение? Сам он объяснял это тем, что хотел рассеять недоверие гоминьдана, для которого, естественно, проникновение коммунистов не могло остаться тайной, и, согласно решению 6-го пленума, стремился улучшить взаимоотношения между обеими партиями для обеспечения длительного сотрудничества. В действительности же — и это ни для кого в Яньани не было секретом — и после пленума в гоминьдановские районы направлялись сотни и тысячи выпускников кадровых школ частично для непосредственной партийной работы, а частично для внедрения в ряды гоминьдана, в его органы власти и вооруженные силы, а также в «молодежный корпус трех народных принципов Сунь Ятсена». О передаваемых гоминьдану списках в узком кругу говорили с издевкой. Не случайно этот пункт, как и многие другие, не включен в «Избранные произведения» Мао. Там есть только обещание не создавать «своих тайных ячеек в гоминьдане, в его правительственных органах и армии» [1].

Признаюсь, я сначала не мог разобраться во всех этих противоречивых высказываниях Мао, которые доходили до меня лишь в отрывках. С одной стороны, казалось, что Мао Цзэ-дун хочет «обогнать справа» марксистов-ленинцев во главе с Ван Мином, которых он, в 1937 году еще безымянно, а после 1945 года уже называя по именам, клеветни-

[1] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения, т. 2, стр. 372.

чески обвинял в капитулянтстве. С другой стороны, он оставлял себе лазейку для возврата к своей старой сектантской политике, что особенно чувствовалось в его заключительном слове, которое можно было рассматривать как содоклад к его собственному отчетному докладу. Я поверил даже, что его линия победила, но ошибся. Скорее можно сказать, что была сообща выработана единая — по крайней мере внешне — платформа, которую одобрил также и ИККИ.

Эта платформа нашла отражение в решении пленума «О новом этапе развития национальной войны самообороны и единого национального антияпонского фронта», опубликованном в ноябре 1938 года и объявленном во всех партийных организациях. В решении не было никаких выпадов против правого и левого оппортунизма в прошлом, которые занимали так много места в выступлениях Мао, за исключением совершенно справедливого осуждения Чжан Го-тао. Были безоговорочно одобрены политическая линия и конкретная работа Политбюро в период между 5-м и 6-м пленумами и особенно исторический поворот — переход от гражданской войны к единому фронту. В решении никак не отразились ни односторонняя ориентация Мао на крестьянство и армию, ни тем более намеченная им перспектива вооруженной борьбы против «внутренней контрреволюции». В решении содержались трезвый анализ обстановки и конкретные задачи. Неоднократно подчеркивалось, что китайский народ благодаря совместным усилиям гоминьдана и коммунистической партии поднялся под руководством Чан Кай-ши на героическую борьбу и, несмотря на тяжелейшие жертвы в своей справедливой войне, идет по пути национального освобождения и демократического обновления. Окончательная победа, говорилось в решении, будет достигнута в длительной войне, в которой противник сначала предпримет наступление, затем будет остановлен и наконец начнет отступать. Для Китая это означало: оборона — равновесие сил — контрнаступление. Длительная война обусловливает и длительное сотрудничество между гоминьданом и коммунистической партией как главными политическими силами, а также с другими антияпонскими партиями и группировками. В настоящее время война находится в стадии перехода от первого этапа ко второму. В данной ситуации неприятель усиленно вербует предателей для обра-

зования марионеточного правительства, стремясь расколоть китайский народ. Этому необходимо противопоставить еще более сильную поддержку Чан Кай-ши и Национального правительства, еще более тесное сотрудничество между гоминьданом и коммунистической партией и еще более непримиримую борьбу с предателями, пособниками врага и троцкистами.

Затем перечислялись насущные задачи всей китайской нации, выполнение которых позволит превратить слабость в силу и поражение в победу.

В разделе о длительном сотрудничестве между гоминьданом и коммунистической партией, как единственном залоге успеха сопротивления Японии и строительства государства, равно как и борьбы за новую Китайскую республику, основанную на трех принципах Сунь Ят-сена, а также в разделе о роли коммунистической партии в национальной войне вновь употреблялись некоторые формулировки из выступлений Мао Цзэ-дуна. Пленум еще раз торжественно провозгласил, что китайские коммунисты признают три принципа и будут искренне поддерживать Чан Кай-ши и Национальное правительство. Далее следовали пункт о вступлении коммунистов в гоминьдан и в Союз молодежи трех народных принципов как лучшей организационной форме длительного сотрудничества и предложение о передаче списков. Подчеркивалось также, что в данной исторической обстановке невозможна ни диктатура одной партии, ни государственное устройство советского или социалистического типа. В заключение пленум призывал всех коммунистов оберегать политическую и организационную самостоятельность партии, остерегаться левого и правого уклонов и следовать принципам демократического централизма.

На посвященном 6-му пленуму партийном собрании, в котором я участвовал, высказывались сомнения в правильности предложения о передаче гоминьдану списков коммунистов. Секретарь партийной организации, пожав плечами, ответила, что это нельзя понимать буквально. Другие хотели уточнить, что следует понимать под правым и левым уклонами в национально-революционной освободительной войне. В ответ было сказано: «левый уклон» — это революционное нетерпение, которое своим напором может преждевременно взорвать выгодный партии единый национальный фронт, а «правый уклон», наоборот,

означает отказ от всякой самостоятельности партии, превращение пролетариата в придаток буржуазии. Никакого серьезного обсуждения решения, по сути дела, не было.
6-й пленум ЦК принял ряд других постановлений, в основном по организационным вопросам и вопросам агитации. Некоторые из них были опубликованы целиком или частично. Я, к сожалению, запомнил только одно — о созыве в ближайшем будущем VII съезда партии. Как известно, он состоялся только в 1945 году, то есть семь лет спустя после самороспуска Коминтерна, когда Мао Цзэ-дун счел момент подходящим для того, чтобы окончательно свести счеты с марксистами-ленинцами. На пленуме 1938 года они в политическом отношении еще как-то могли противостоять ему, хотя фактически уже тогда он имел в партии и армии такую власть, которая позволяла ему, игнорируя принятые решения, навязывать собственную линию.

* * *

О дальнейшем развитии политических и военных событий в антияпонской войне я мало что могу сказать нового. Большинство фактов известно из соответствующих документов, которые тогда мне были недоступны, и из опубликованных книг. То, что я сам видел и слышал в Яньани, далеко не полностью отражало положение в стране и обстановку в Политбюро ЦК. Однако в 1939 году все явственнее проступали две тенденции, которые были тесно связаны между собой и угрожали единству гоминьдана и всей нации. Это, во-первых, была попытка Японии достичь своих военных целей исключительно политическим путем и, во-вторых, усиливавшаяся напряженность в отношениях между коммунистической партией и гоминьданом. В декабре 1938 года премьер-министр Японии Коноэ выступил с программным заявлением, в котором сказал, что целью политики его правительства является нормализация китайско-японских отношений и установление нового порядка в районе Дальнего Востока при равноправном сотрудничестве Японии, Маньчжоу-го и Китая. Фактически за этим скрывалось не что иное, как идея создания под эгидой Японии и под знаком антикоммунизма «сферы совместного процветания Великой Азии».
В ответ на это «мирное предложение» Коноэ Чан Кай-ши заявил, что подлинным намерением Японии является окончательный захват Китая и полное закабаление китайской

нации под ширмой лицемерного призыва к китайско-японскому сотрудничеству. Поэтому, говорил Чан Кай-ши, нужно продолжать сопротивление до конца. Какими бы мотивами ни руководствовался при этом Чан Кай-ши, его позиция в то время была твердой и ясной.

Однако в гоминьдане, даже в самой верхушке, имелись люди, которые в силу своих антикоммунистических убеждений или по личным мотивам были готовы принять предложение Коноэ. Заместитель Чан Кай-ши в руководстве гоминьдана и в Национальном совете обороны Ван Цзин-вэй в конце декабря 1938 года тайно покинул Чунцин, бежал в Индокитай и из Ханоя прислал телеграмму с требованием заключить мир с Японией. Созванное сразу же чрезвычайное заседание Центрального исполнительного комитета гоминьдана лишило его всех постов и исключило из партии. Я узнал об этом из вторых рук, но через несколько дней факты подтвердились в яньаньской газете, которая резко обрушилась на Ван Цзин-вэя и полностью поддержала позицию Чан Кай-ши. В середине января 1939 года состоялся массовый митинг, на котором выступил Ван Мин. Он охарактеризовал сговор Ван Цзин-вэя с Коноэ как новый вариант антикоммунистического заговора и подчеркнул, что Ван Цзин-вэй действует не в одиночку.

В последнее время во многих местах наблюдается активизация антикоммунистической деятельности, выливающейся порой в вооруженные столкновения. Тем самым, сказал Ван Мин, подрывается единый национальный фронт, ибо тот, кто нападает на коммунистов, объективно помогает японским оккупантам и китайским предателям типа Ван Цзин-вэя. Если Чан Кай-ши в самом деле намерен вести войну сопротивления до конца, он должен принять энергичные меры не только против явных предателей, но и против антикоммунистических капитулянтов и реакционеров. Это, несомненно, было верно. Однако антикоммунизм влиятельных политических деятелей гоминьдана, считал я, помимо всего прочего питается, в известной степени, неизменным стремлением Мао Цзэ-дуна к гегемонии. Гоминьдановские руководители вплоть до самого Чан Кай-ши чувствовали эту постоянную угрозу и соответственно реагировали на это, что, естественно, давало новый стимул антикоммунистическим и капитулянтским реакционным элементам. Разумеется, Ван Мин

не мог открыто затрагивать эту щекотливую тему. Но что происходило в Центральном Комитете, в Политбюро, в его Постоянном комитете, в Военной комиссии? Осуществляли ли они на практике решения 6-го пленума? Очевидно, нет. Во всяком случае, я слышал, что предпринимались организационные мероприятия по расширению сети пунктов связи 8-й и Новой 4-й армий и партийных бюро во всех гоминьдановских районах и что весной 1939 года Чжоу Энь-лай совершил продолжительную инспекционную поездку по юго-восточным провинциям, чтобы дать соответствующие указания на местах.

К тому времени японские милитаристы вновь захватили инициативу и из долины Янцзы бросили на юг мощные войсковые соединения. Это было их последнее в тот период крупное наступление против вооруженных сил гоминьдана. Они преследовали, по-моему, две цели. Во-первых, хотели военным давлением подкрепить политическое предложение Коноэ, а во-вторых, захватив Ухань и Кантон, заполучить в свои руки основные коммуникации между этими городами — железную дорогу через Чанша и шоссе через Наньчан, отрезав, таким образом, восточные и юго-восточные провинции от внутренних западных и юго-западных провинций. Первой цели они вообще не достигли, а второй — только частично. Все же в марте — апреле японцы захватили Наньчан и Чанша — административные центры провинций Цзянси и Хунань.

Учитывая сложившуюся обстановку, Чжоу Энь-лай во время своей инспекционной поездки дал указание Сян Ину развернуть партизанскую войну частью сил Новой 4-й армии в горном районе на стыке провинций Цзянси, Хунань и Хубэй и создать революционную базу, которая с юга могла бы опереться на старые советские районы. Этому благоприятствовали условия местности и политическая обстановка, поскольку в первый советский период здесь происходили революционные бои и можно было рассчитывать на симпатии беднейших слоев населения. Вызывало опасение только то обстоятельство, что военачальники дислоцированных в районе Ухань — Наньчан — Чанша гоминьдановских вооруженных сил, мягко выражаясь, не питали теплых чувств к коммунистам. Поэтому почти неизбежно должны были последовать трения и столкновения, тем более, что сферы компетенции и районы действий, очевидно, не были разграничены.

Сян Ин перенес штаб Новой 4-й армии (а может быть, и провинциальный партийный комитет Цзянси) в уездный город Цзиань, где во время гражданской войны в 1930 году шли упорные бои, и основал новый пункт связи в уездном городе Пинцзяне, километрах в ста северо-восточнее Чанша. В начале июня здесь имел место один из тех инцидентов, которые постоянно происходили между коммунистическими и гоминьдановскими войсками с начала антияпонской войны и особенно участились после 1939 года. Под надуманным предлогом розыска дезертиров гоминьдановцы ворвались в пункт связи и учинили дикую расправу. Одни были убиты на месте, другие живыми зарыты в землю. Так рассказывали в Яньани, и я этому верю, так как такой метод медленной, мучительной казни с давних времен применялся китайскими феодалами и милитаристами. Однажды я своими глазами видел жертву подобной казни. Провокация в Пинцзяне, в отличие от прежних подобных случаев, привела к серьезным последствиям. Она вызвала чрезвычайно резкую перепалку между коммунистической партией и гоминьданом, особенно между Мао Цзэ-дуном и Чан Кай-ши, во время которой обе стороны выдвинули взаимные тяжкие обвинения. В результате прежний коммунистический лозунг «единство и независимость» был заменен новым — «единство и борьба». Важную роль в этом сыграла органическая связь антикоммунизма с капитулянтством, которую особо подчеркивал Ван Мин в своем январском выступлении.

Собственно говоря, обострение разногласий началось еще раньше в связи с 5-м пленумом ЦИК гоминьдана, состоявшимся в январе 1939 года, на котором целью войны «до конца» Чан Кай-ши поставил только восстановление положения на июль 1937 года и призвал «непослушных» коммунистов к порядку, то есть к подчинению Центральному правительству и соблюдению внутреннего мира. Вполне возможно, свое январское выступление Ван Мин направил как раз против этого и подобных заявлений Чан Кай-ши, но мне трудно об этом судить, так как я почти ничего не знал о пленуме ЦИК гоминьдана, за исключением того, что было опубликовано в Яньани. В подробностях мне была известна только телеграмма ЦК КПК пленуму ЦИК гоминьдана с подтверждением стремления крепить единый национальный фронт и оказывать поддержку Чан Кай-ши.

После пинцзянской провокации представители КПК в Чунцине категорически потребовали наказания не только непосредственных участников расправы, но и их подстрекателей и покровителей, в том числе главнокомандующего 27-й армейской группой в Южном Китае и начальника Генерального штаба Национально-революционной армии Хэ Ин-циня, которые прославились своим ярым антикоммунизмом. Однако Чжоу Энь-лаю не удалось добиться наказания даже непосредственных убийц. Более того, Чан Кай-ши предъявил коммунистической партии обвинение в подрывной деятельности против гоминьдана, его органов власти и вооруженных сил не только в Особом районе Шэньси — Ганьсу — Нинся и в самочинно созданных революционных базах, но и по всей стране, а также в том, что коммунистическая партия ставит гоминьдан перед совершившимися фактами, принимает односторонние меры и дает ложную информацию. В связи с этим Чан Кай-ши предложил Мао Цзэ-дуну раз и навсегда решить вопрос — выступает ли коммунистическая партия за общегосударственную систему под его руководством.
Чжоу Энь-лай спешно отправился в Яньань за консультациями в Политбюро. На пути из Сианя в Яньань грузовик, в кабине которого он ехал, был обстрелян бандитами, возможно бывшими миньтуанями. Находившаяся в кузове охрана отбила нападение. В Яньани говорили, что Чжоу Энь-лай при нападении был ранен в руку. И действительно, в то время у него была повреждена рука, но неизвестно, было ли это следствием ранения или неудачного падения с лошади.
Тем временем наступила вторая годовщина начала войны. По этому случаю обе стороны — и гоминьдан, и коммунистическая партия — обнародовали свои программы. Чан Кай-ши выступил с «Посланием к нации», полного текста которого я не читал. Из отрывочной информации, которой я располагал, явствовало, что, по его мнению, соотношение сил изменилось в пользу Китая. Он резко осудил инспирированное японскими агрессорами и китайскими предателями «движение за мир» и любое «взаимное урегулирование» и призвал вести войну до победы (или поражения?). Одновременно в Яньани появился «Манифест Центрального Комитета Коммунистической партии Китая ко второй годовщине вооруженного сопротивления», за которым последовало множество статей почти всех членов Политбюро.

Я обратил внимание, что среди авторов был и Дэн Фа, который после длительного отсутствия снова объявился в Яньани. Вышла и программная статья Мао Цзэ-дуна «Главная опасность в современной обстановке», которая, несомненно в новой редакции, вошла в его «Избранные произведения» под названием «Против капитулянтства». На первый взгляд казалось, что содержание обоих документов совпадало с упомянутыми тремя пунктами послания Чан Кай-ши. Это подтверждалось тем, что, как я помню, в начале манифеста ЦК говорилось о «высоком уважении к генералиссимусу Чан Кай-ши», а в конце — о «поддержке Чан Кай-ши и Национального правительства», «о поддержке трех принципов и сотрудничестве гоминьдана и коммунистической партии в духе подлинного единства». Но внешнее сходство оказалось обманчивым. Хотя на передний план выдвигались заверения в лояльности, однако за ними явно проступало справедливое, по сути, осуждение тенденций ставить борьбу против коммунизма выше войны с Японией. В вводной части манифеста говорилось о том, что два года войны способствовали единству и прогрессу в Китае, что в длительной войне на широком фронте враг был ослаблен как в материальном, так и военном отношении и победа приблизилась. Поэтому Япония пытается, говорилось далее в манифесте, закабалить Китай с помощью политической стратегии «мирного урегулирования», что нашло выражение в заявлении Коноэ. Этот коварный план получил внешнюю и внутреннюю поддержку. Внешнюю — от империалистических держав: Франции, Англии и США, выступивших за созыв Тихоокеанской международной конференции, которая могла быть для Китая только «дальневосточным Мюнхеном». Внутреннюю — со стороны горстки предателей типа Ван Цзин-вэя, открыто стремившихся к союзу с Японией против коммунистов, со стороны реакционных сил гоминьдана, которые саботируют сопротивление Японии и подрывают единый национальный фронт своей клеветой на КПК, провокациями против Пограничного района Шэньси — Ганьсу — Нинся, против 8-й и Новой 4-й армий, их опорных баз и организаций, а также со стороны неустойчивых элементов, покрывающих предателей, капитулянтов и реакционеров. Сговор японских агрессоров, иностранных империалистов и китайских антикоммунистов представлял бы собой главную опасность для единства и победы китай-

ского народа. Поэтому КПК решительно выступала против «мирных переговоров» с Японией, против «дальневосточного Мюнхена», против всех видов капитуляции и против любых попыток расколоть единый национальный фронт под прикрытием антикоммунистических лозунгов. Столь же решительно компартия выступала за полную победу, которая будет достигнута только тогда, когда японские войска будут отброшены за Ялуцзян (пограничная река между Маньчжурией и Кореей), и за новый, демократический Китай, основанный на трех принципах Сунь Ят-сена. Мао Цзэ-дун, из статьи которого я включил соответствующие мысли в краткое изложение содержания манифеста, в некоторых своих формулировках шел значительно дальше. Если Мао раньше различал правых, центристов и левых, то теперь он просто говорил о проповедниках капитулянтского мира и сторонниках войны сопротивления. К первым он относил всех «больших и маленьких ванцзинвэев», которые — он использовал яркий пример из классической китайской оперы — действовали за спиной явных предателей. Это являлось скрытым намеком на Чан Кай-ши, что подтверждается и примечаниями 5 и 6 в «Избранных произведениях» Мао Цзэ-дуна. Именно этих «тайных ванцзинвэев» [1] Мао Цзэ-зун обвинял в создании атмосферы враждебности по отношению к коммунистам и вынашивании планов новой гражданской войны между коммунистической партией и гоминьданом, что привело бы к ликвидации единого фронта и капитуляции перед Японией. Так Мао отвечал на предъявленное ему обвинение, что деятельность коммунистической партии, направленная против гоминьдана, дезорганизует антияпонскую войну. В конце статьи, в отличие от манифеста, Мао призывал не к поддержке Чан Кай-ши и Национального правительства, а лишь к борьбе против капитулянтов и раскольников.

В еще более резком тоне говорил Мао в выступлении на траурном митинге памяти жертв Пинцзяна несколько недель спустя. Он заявил, что преступники действовали по приказу реакционеров. В примечании 4 к этой речи в «Избранных произведениях» объясняется, что он имел в виду «Чан Кай-ши и его подручных» [2]. На свой же риториче-

[1] *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения, т. 3, стр. 40.
[2] Там же, стр. 50.

ский вопрос, почему виновные не понесли наказания, Мао ответил: потому что в Китае нет единства — единства в войне против Японии, единства в сплочении, единства в движении по пути прогресса! «Явные и тайные ванцзинвэи», повторил он, подрывают это единство, пытаются заставить большую часть Китая капитулировать и вызвать в стране внутренний раскол и гражданскую войну.

И действительно, мероприятия Центрального исполнительного комитета гоминьдана «по ограничению деятельности чуждых партий», которые, по словам Мао, были направлены против КПК и других прогрессивных сил, вызвали тревогу. Еще большее опасение внушало введение, как отмечалось во внутрипартийных сообщениях, гоминьданом в районах самой интенсивной деятельности КПК «Закона о круговой поруке и взаимной ответственности», который должен был проводиться в жизнь сетью тайных информаторов и реакционными организациями. Не исключено, что убийства в Пинцзяне явились уже следствием этого закона. Ответ Мао Цзэ-дуна и, надо полагать, всего Политбюро гласил: если существующий закон не действует, а единство подорвано, то мы обязаны поднять народ на восстановление законности и обуздать провокаторов, реакционеров и капитулянтов. И далее: давать отпор там, где мы достаточно сильны, и уходить в подполье там, где пока господствует гоминьдан! Во всем этом отчетливо проявились зачатки распада национального единого фронта, которые позднее, в первой половине 40-х годов, переросли в кровопролитные вооруженные столкновения. Это, по моему убеждению, явилось неизбежным следствием двурушнической политики, которую проводили как Мао Цзэ-дун, так и Чан Кай-ши.

Сложившееся в 1939 году положение, чреватое внутренними конфликтами, оказывало воздействие и на военную обстановку. В Яньани ходили слухи, будто Чан Кай-ши при посредничестве заинтересованных империалистических держав ведет с японскими милитаристами тайные переговоры о перемирии, или, иными словами, намеревается присоединиться к предательской группировке проповедников мира. Я не знаю, была ли в этом хоть крупица правды. Во всяком случае, зловещая Тихоокеанская международная конференция не состоялась и за нее уже не ратовал даже Ван Цзин-вэй, который в январе 1940 года создал в Нанкине направленное против Чан Кай-ши

и официально признанное Японией марионеточное правительство.

С другой стороны, на фронтах между японскими и гоминьдановскими войсками сложилась некая «ничейная позиция», иначе говоря более или менее пассивная конфронтация. Относительное затишье объяснялось, как уже говорилось, наступившим равновесием сил. Равновесию в значительной степени способствовало и то обстоятельство, что как гоминьдан, так и японцы главной задачей считали «очистку» собственного тыла. Гоминьдан усилил свои действия против Новой 4-й армии, а японцы значительно активизировали боевые операции собственных и особенно китайских марионеточных войск против 8-й армии. Теперь уже Мао Цзэ-дун обвинял Чан Кай-ши в уклонении от боевых действий с японцами, хотя сам, в сущности, поступал точно так же, следуя старой партизанской тактике отступления в горы при наступлении противника, а в общем довольствовался отнюдь не активной конфронтацией, которая временами сопровождалась оживленной торговлей с противником в форме легализованной контрабанды. Так на протяжении 1939 года сложились взаимоотношения треугольника — как иронически заметил Бо Гу в одном из своих последних, а может быть, самом последнем разговоре со мной,— когда все воевали против всех: японцы вместе с китайскими предателями и марионетками — против коммунистов и гоминьдана (вернее, против его ядра, руководителем которого все еще считался Чан Кай-ши, ибо до предсказанного Мао Цзэ-дуном большого раскола в гоминьдане дело не дошло); гоминьдан — против японцев и коммунистов; коммунисты — против японцев и гоминьдана.

Конфронтация, которая, согласно теории Мао Цзэ-дуна о трех этапах, должна была явиться переходной стадией к китайскому контрнаступлению, несколько видоизменившись в результате взаимоотношений треугольника, сохранялась фактически вплоть до 1945 года. Японцы после установившегося на фронтах равновесия сил не смогли политическим путем достичь своих военных целей, а китайские вооруженные силы не сумели добиться перевеса сил, необходимого для изгнания оккупантов, в связи с обостряющимся антагонизмом между КПК и гоминьданом. Оба партнера по единому фронту в преддверии междоусобных боев за политическую власть в Китае стремились

прежде всего укрепить собственные позиции. Поэтому гоминьдан вел только показную войну с Японией, готовясь обрушить все силы на КПК. Коммунистическим же вооруженным силам в Северном Китае приходилось отражать все усиливающийся натиск японских и китайских марионеточных войск, которые применяли примерно такую же тактику блокгаузов, что и Чан Кай-ши в 5-м походе против Центрального советского района в 1933—1934 годах. Теперь ее называли «тактикой шелковичного червя», так как разрозненные революционные базы были плотно блокированы. Характерно, что 8-я армия в навязанной противником активной конфронтации прибегла к тактике коротких внезапных ударов, которую Мао Цзэ-дун заклеймил в Цзуньи как «детскую игру в войну». В начале 1940 года под нажимом армейского руководства Мао все-таки решился на «наступление ста полков», которое, однако, столь же мало повлияло на исход войны, как и последующие операции. «Революционные опорные базы» в японском тылу с течением времени начали даже значительно уменьшаться в размерах.

Коренное изменение обстановки было обусловлено, как известно, действием внешних факторов. Это произошло после провала тихоокеанской авантюры Японии — войны против США, Англии и Франции, в результате победы антифашистской коалиции над странами оси, в том числе и на Дальнем Востоке, где наступление советско-монгольских войск в Маньчжурии вынудило к капитуляции Квантунскую армию и японское правительство. Однако это относится к другой главе истории, которая выходит за рамки моих записок.

* * *

Теперь я позволю себе коснуться вопроса о моем положении в Яньани. Это поможет осветить некоторые моменты как в поведении самого Мао Цзэ-дуна, так и в его отношении к кадрам, о чем меня часто расспрашивали в последние годы.

Я уже не раз упоминал о том, что после возвращения Красной армии 1-го фронта из так называемого Восточного похода весной 1936 года меня все реже и реже привлекали к участию в обсуждении и принятии решений по военным вопросам. Ко мне поступала и весьма ограниченная политическая информация. О событиях политической жизни я

узнавал в основном на партсобраниях и партактивах, из бесед, особенно с Бо Гу, который регулярно заходил ко мне во время своих приездов в Баоань или Яньань до моего отъезда. Кроме того, я присутствовал на собраниях партийной ячейки штаба тыла сначала как гость, а затем как член партии.

Я интенсивно занимался преподаванием в Военной академии, преобразованной впоследствии в Антияпонский университет «Канда». С 1938 года, лишившись постоянного переводчика, я сталкивался с большими трудностями, особенно на лекциях для молодых слушателей, прибывших из гоминьдановского Китая. Как-то само собой сложилось, что я читал лекции преимущественно по тактике ветеранам бывшей Красной армии, участникам Великого похода, из которых готовился средний и высший командный состав, проводил с ними семинары, военные игры и занятия на ящике с песком. В этом мне помогал мой бывший второй переводчик, который был назначен начальником методического отдела в университете.

После возобновления в 1936 году радиосвязи с Москвой я неоднократно обращался к Ло Фу с просьбой походатайствовать об отзыве меня в Советский Союз. В сложившихся условиях я считал это необходимым, поскольку уже с 1932 года был военным советником представительства Коминтерна и ЦК КПК. Я так никогда и не узнал, выполнил ли Ло Фу мою просьбу, во всяком случае, при встречах он уклонялся от ответа.

Зимой 1937/38 года с этой же просьбой я обратился к Ван Мину. Раза два мы встречались, и он довольно непринужденно со мной беседовал, в отличие от Чжан Го-тао и других прибывших из Москвы членов ЦК, которые упорно меня избегали. Незадолго до этого Ван Мин был назначен ректором женской академии — весьма странная, на мой взгляд, должность для члена Президиума ИККИ и Политбюро ЦК КПК, который к тому же почти все время находился в Ухане или Чунцине. Да и сам он вряд ли был обрадован таким назначением. Вообще у меня сложилось впечатление, что он чем-то удручен. Я не мог не сочувствовать его положению. Перед ним стояла поистине невыполнимая задача: с одной стороны, ему надлежало проводить линию ИККИ, а с другой — он не должен был подрывать авторитет Мао Цзэ-дуна как руководителя, хотя тот и вел совершенно иную политику.

Ван Мин посоветовал мне не настаивать на отзыве и сказал, что в Советском Союзе меня могут ждать большие неприятности, возможно даже арест... Слова Ван Мина не были для меня новостью. Я частенько читал в «Правде» о «врагах народа». Вероятно, происходили какие-то события, но их внутренние причины были мне неизвестны. Я решил, что обязан, несмотря ни на что, отчитаться в Москве.

Все мои просьбы остались без ответа, и я настроился остаться в Китае надолго, если не навсегда. В 1938 году я как-то зашел к Чэнь Юню, который, как секретарь ЦК, руководил организационным отделом, и попросил перевести меня в члены КПК, чтобы я мог принимать активное участие в партийной жизни. Я попросил также разрешения на брак с певицей Ли Ли-лянь, которая в конце 1937 года прибыла из Шанхая в Яньань вместе с актрисой Цзян Цин, теперешней женой Мао Цзэ-дуна. Разрешение было дано, и я зарегистрировался с Ли Ли-лянь в яньаньском загсе.

Еще задолго до того я приступил к систематическим занятиям китайским языком. К 1938 году я мог довольно свободно объясняться на различные темы. Я старался использовать каждую свободную минуту, чтобы научиться читать и писать. Для этого я пользовался отпечатанным в Яньани букварем для взрослых, который был хорош тем, что содержал множество картинок и латинизированную транскрипцию иероглифов. С молчаливого согласия Ло Жуй-цина я подобрал себе из слушателей Антияпонского университета молодого, образованного китайца, который охотно согласился быть моим учителем. Постепенно я настолько овладел китайским языком, что уже, правда порой не без посторонней помощи, мог читать важные статьи и документы в «Яньань жибао» и в других печатных изданиях и воспринимать на слух лекции, выступления и доклады.

Еще до моего формального приема в КПК Сяо Цзин-гуан сообщил мне о предложении Мао быть военным советником в штабе тыла, в партийной ячейке которого я состоял на учете. Я воспринял это как приказ и неоднократно заходил в штаб, где встречался чаще всего только с Чжу Дэ, который, вопреки обыкновению, находился в довольно мрачном настроении. Работы в штабе для меня не было, да вскоре я понял, что мое сотрудничество там было явно нежелательным. Дело просто было в том, что для получения продовольственного, вещевого и других видов доволь-

ствия я должен был, как и все остальные, где-то числиться. Университет располагался далеко, а штаб тыла был рядом с моей пещерой, поэтому меня туда и прикрепили. Кроме того, там работал переводчик, который переводил мои статьи по вопросам тактики на китайский язык. Вместе с Ма Хай-дэ, который работал в отделе здравоохранения правительства Особого района, охранниками и конюхами мы, жившие в одном пещерном доме, составляли отдельную единицу для получения довольствия в штабе тыла.

Строгая дисциплина и аскетизм, типичные для Красной армии, насколько я мог судить по бывшей Центральной армейской группе, в Яньани постепенно ослабевали. Появились кое-какие светские развлечения.

И в нашей пещере, когда я уже познакомился с Ли Лилянь, частыми гостями в конце недели стали артисты и молодежь, которую приводил весьма общительный Ма Хай-дэ. Мы болтали о том о сем — обычно об искусстве и политике, играли в пинг-понг, иногда даже танцевали. А ведь танцы тогда рассматривались как вредные заморские новшества. Среди гостей несколько раз появлялась и Цзян Цин. Вскоре, однако, ее посещения прекратились. Дело в том, что назревал скандал, который затрагивал интимную жизнь Мао Цзэ-дуна и мог вызвать шум в партийном руководстве. Попытались было втянуть в эту историю и меня. Еще в начале 60-х годов до меня дошли кое-какие сплетни, поэтому я считаю своим долгом рассказать об этом, хотя и с большой неохотой.

Летом или осенью 1937 года в Яньань приехали Агнес Смэдли и жена Эдгара Сноу Элен (а не сам он, как я где-то читал). Агнес Смэдли собирала материал для своей книги о Чжу Дэ, которая вышла на немецком языке в 1958 году под заглавием «Великий путь». Поскольку Смэдли с трудом объяснялась по-китайски, ей порекомендовали в качестве переводчицы некую Лили У, хорошо владевшую английским. Мао Цзэ-дун часто посещал обеих американок и там познакомился с Лили У. При посредничестве Агнес Смэдли они встречались в пещере Ма Хай-дэ. Я об этом даже не подозревал, так как встречи происходили в такое время, когда ни меня, ни, по-видимому, Ма Хай-дэ не бывало дома. Жена Мао — Хэ Цзы-чжэнь, партизанка, проделавшая Великий поход и раненная при бомбежке, узнала об этих свиданиях и закатила ему грандиозный скандал. Зимой 1937/38 года я сам был свидетелем одной такой сцены.

Чтобы избавиться от подозрений Хэ Цзы-чжэнь, Мао придумал маленький трюк. Однажды у меня появилась — в первый и последний раз — Лили У. Пока я размышлял, как бы ее выпроводить, неожиданно нагрянул Сяо Цзингуан, которому якобы нужно было что-то срочно со мной обсудить. Потом оба ушли. Я даже не обратил внимания, кто из них ушел первым. Вот и вся история. Вероятно, Сяо должен был засвидетельствовать, что Лили встречается не с Мао, а со мной. Однако Хэ Цзы-чжэнь провести не удалось. Дело зашло настолько далеко, что Чэнь Юнь организовал по просьбе Мао комиссию ЦК, которая разрешила ему развод. Лили У при этом уже никакой роли не играла. Дело в том, что Мао обратил благосклонное внимание на Цзян Цин, которая первое время после прибытия выступала в яньаньском театре вместе с Ли Ли-лянь. Обе играли и пели как в старых пекинских операх, так и в новых реалистических пьесах. Мао зачастил в театр. Завязалось близкое знакомство. Они встречались за городом, в Академии искусств имени Лу Синя. После развода Мао решил проблему на свой лад. Хэ Цзы-чжэнь отправилась на «лечение» в Советский Союз, а Лили У вернулась в родную провинцию Сычуань. Цзян Цин осенью 1938 года переехала к Мао сначала под видом секретарши, а позднее стала его женой.

Я слышал довольно отрицательные отзывы как об обстоятельствах этого брака, так и о самой Цзян Цин. Бо Гу рассказывал о ее бурном прошлом (под этим он разумел, как сегодня принято говорить, «сладкую жизнь»), о ее подозрительных связях в высших гоминьдановских кругах и ее сомнительном отношении к партии. В самом деле, она, в отличие от всех других членов партии, прибывавших в Яньань из гоминьдановского Китая, не попала в партийную школу, да и вообще ее считали беспартийной. Позже появилась версия, будто в 1932 или 1933 году Кан Шэн принял ее в партию, но все годы она совершенно не участвовала в политической жизни (по другой, более поздней версии, она якобы вела конспиративную работу) и поэтому прошла предварительную проверку. В Яньани за время моего пребывания она никак не проявила себя в политической жизни. Из театра она ушла и вопреки простым яньаньским нравам стала часто появляться на улице в сопровождении четырех телохранителей, гордо восседая в седле, что, естественно, не вызывало к ней симпатий. Впрочем,

довольно об этом. Замечу, кстати, что даже Эдгар Сноу, писавший о Мао Цзэ-дуне только в хвалебном тоне, не мог умолчать об этой неприглядной истории [1].

Богдыханские замашки, пронизывавшие все поведение Мао и свидетельствовавшие, на мой взгляд, о его фактически неуязвимом положении в партийном руководстве, можно проиллюстрировать еще одним небольшим штрихом. Будучи плохим наездником, Мао предпочитал на короткие расстояния ходить пешком, но начиная с 1938 года стал выезжать за город в кем-то пожертвованной санитарной машине. Эта использовавшаяся не по назначению машина была единственной в Яньани, не считая грузовиков, которые время от времени курсировали между Яньанью и Сианем. Никто, кроме Мао, машиной пользоваться не мог. Поэтому, где бы она ни появлялась, везде ее называли «машиной председателя Мао».

В 1938—1939 годах я довольно часто встречался с Мао — либо при чрезвычайных обстоятельствах, как, например, бегство Чжан Го-тао, либо в Антияпонском университете, где мне довелось слушать некоторые из его лекций. Однажды, не помню, по какому поводу, был сделан групповой снимок всех руководящих работников «Канда», причем я сидел рядом с Мао. В целом у меня сложилось впечатление, что после моего перехода в КПК и «ассимиляции» в китайской среде Мао перестал считать меня опасным и даже стал проявлять снисходительное благорасположение. В его глазах я превратился в маловажную фигуру.

Как же я был поражен, когда весной 1939 года в моей пещере неожиданно появился Мао Цзэ-дун в сопровождении Ло Фу и Бо Гу. Битых два часа вели они со мной непринужденную светскую беседу о политической и военной обстановке. Все события рассматривались, разумеется, под углом зрения Мао. Подробности этой беседы выпали у меня из памяти. Разговор шел на китайском языке. Иногда Бо Гу кое-что переводил, если я не сразу схватывал то или иное выражение Мао из-за его хунаньского выговора. Ушли они так же внезапно, как и появились. Только позже после долгих размышлений я пришел к выводу, что этот необычный визит был связан, очевидно, с запросом из Москвы и отзывом меня из Китая.

[1] См. биографические очерки в его книге «Красная звезда над Китаем», стр. 459—460, 467—468.

* * *

С созданием единого национального фронта и началом антияпонской войны границы Шэньси — Ганьсу — Нинся открылись не только для потока китайцев, но и для иностранцев. Все они приезжали как друзья, только трудно было понять, настоящие это друзья или мнимые. Мао Цзэдун ловко использовал их, чтобы довести до сведения влиятельных кругов на Западе свои политические взгляды и намерения или, наоборот, замаскировать и выставить их в выгодном свете. Не со всеми визитерами, особенно из журналистов, я был знаком, тем более что намеренно их сторонился. О некоторых иностранцах уже упоминалось в связи с другими обстоятельствами. Здесь же мне хотелось бы изложить свое общее впечатление об этих людях.

Первые гости — Эдгар Сноу и доктор Джордж Хэйтем (Ма Хай-дэ) — прибыли весной 1936 года. Недавно я где-то прочитал, что их направила секретная служба США. Не знаю, на чем основывается это утверждение. Исходя из своих личных наблюдений, я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть его.

С Эдгаром Сноу я познакомился еще в 1933 году в Пекине (см. стр. 37). Он только в самых общих чертах рассказал мне, каким образом была организована его поездка. Один его китайский друг якобы передал ему приглашение от КПК. Ему представилась желанная возможность поведать миру правду, увиденную собственными глазами, о китайской Красной армии и советских районах. В последнем, переработанном и расширенном, английском издании его книги «Красная звезда над Китаем», вышедшем в 1968 году, приведены подробности этой поездки. Он якобы получил приглашение от неизвестного ему сотрудника Северо-Китайского бюро ЦК, во главе которого тогда стоял Лю Шаоци, написанное симпатическими чернилами, рекомендательное письмо к Мао Цзэ-дуну и адрес явки в Сиане. Там его встретил тот самый пастор Ван, который в свое время и меня переправил через линию гоминьдановской блокады. Ван связал его с Дэн Фа, а тот препроводил Сноу дальше к Чжоу Энь-лаю через Яньань, который был занят в те дни северо-восточной армией, в Пограничный район Шэньси — Ганьсу — Нинся. Чжоу Энь-лай с готовностью предоставил ему широкие возможности для поездок по Пограничному району. Звучит этот рассказ вполне правдоподобно, ибо в противном случае было бы непонятно, как Сноу удалось

проникнуть в советский район и завоевать доверие, если не сказать дружбу, Мао Цзэ-дуна.

По непонятным причинам Сноу до 60-х годов умалчивал о том, что эту поездку он совершил вместе с Ма Хай-дэ и что оба они сначала прибыли в штаб-квартиру армии 1-го фронта в Ганьсу, где Ма остался до конца года, а Сноу уже в июле появился в Баоани. Там он почти полгода собирал сведения по истории китайской Красной армии с момента ее зарождения. Сноу неутомимо расспрашивал всех и каждого. Ему, бегло говорившему по-китайски, это было нетрудно. Он получал любые нужные ему справки, поскольку очень быстро распространились слухи о большой благосклонности к нему Мао Цзэ-дуна. Мао избрал Сноу своим биографом и глашатаем своих идей, каковым Сноу и оставался до своей недавней смерти.

Сноу пытался расспрашивать и меня о Красной армии и коммунистической партии. Однако я отказался удовлетворить его любознательность, как всегда поступал в подобных случаях. Мы обычно встречались на теннисном корте или за карточным столом. Нашими партнерами были Бо Гу, иногда Ло Фу, мой бывший переводчик У Сю-цюань, однорукий полковой комиссар Цай Шу-фань, работавший в Политуправлении армии, и еще несколько знакомых, имена которых я забыл.

Если Эдгар Сноу являлся тайным агентом разведки США, то он снабдил своих шефов бесценной информацией. Хорошо ориентируясь в политических вопросах, являясь знатоком Китая, он в короткое время собрал множество фактов, подкрепленных фотографиями, а также массу сведений о большинстве руководящих деятелей. На основании этих сведений правительство США могло бы составить полную картину о положении в руководстве КПК. Но прежде всего Сноу был журналистом и писателем. Надо отдать ему должное: в этом своем качестве он сделал немало для того, чтобы опровергнуть лживую информацию, которая распространялась в западном мире о китайской Красной армии и советских районах. Сноу ярко описал героизм, связь с народом и высокую политическую сознательность революционных борцов. Сразу же заметил он и внутрипартийный конфликт между марксистами-интернационалистами и мелкобуржуазными националистами, который привел к столь тяжелым последствиям. Являясь глашатаем идей Мао Цзэ-дуна, он, разумеется, принял его сторону и, как

следовало ожидать, превозносил маоистов (с некоторыми незначительными оговорками) как единственных подлинных коммунистов Китая.

В ноябре, незадолго до сианьского конфликта, Сноу уехал. Я его никогда больше не встречал, так как он вернулся в Яньань только после моего отъезда из Китая. Когда в 1964 году в газете «Нойес Дойчланд» появилась моя первая статья по китайскому вопросу, он написал мне из Женевы, куда переселился на постоянное жительство, чтобы идентифицировать меня с Ли Дэ.

С Ма Хай-дэ я встретился только в начале 1937 года, когда в Яньани его вселили в мое жилище. Подданный США, сириец по происхождению, он изучал медицину во Франции и Швейцарии и приехал в Шанхай совсем юным врачом. По его словам, он хотел отдать себя в распоряжение китайской Красной армии. Каким-то образом он встретился с Агнес Смэдли, и та рекомендовала его партийной организации в Шанхае, с которой давно была связана. Кроме того, она познакомила Ма Хай-дэ с Эдгаром Сноу, и они вместе отправились в Особый район Шэньси — Ганьсу — Нинся. Все это мне рассказала сама Агнес Смэдли.

Ма Хай-дэ, которому к моменту прибытия в Яньань было около 25 лет, не говорил по-китайски. Не было у него и опыта врачебной практики. Он хотя и объявлял себя убежденным коммунистом, но в партии не состоял и был неискушенным в политике человеком. Только позднее я познакомил его с основными положениями марксизма. Однако Ма Хай-дэ обладал тремя качествами, выручавшими его в любых обстоятельствах: способность к быстрому восприятию, большой приспособляемостью и юношеской беззаботностью. Очень скоро он стал говорить по-китайски, хотя не умел ни читать, ни писать, через некоторое время вступил в партию, практиковал как врач среди населения и с годами специализировался на борьбе с эпидемиями, столь распространенными в Северо-Западном Китае. У него со всеми сложились хорошие отношения, потому что он никому не делал зла и помогал всюду, где только мог. Так он попал и в яньаньское информационно-телеграфное агентство, где слушал радиопередачи на английском и французском языках. Когда в 1938 году было учреждено информационное агентство в Гонконге, то хотели было даже отправить туда его, но в конце концов предпочли китайца.

Если Ма Хай-дэ в самом деле был шпионом, то вряд ли он мог сообщить что-либо заслуживающее внимания. То, что он снабжал информацией Эдгара Сноу и Агнес Смэдли, было известно и нисколько ему не вредило. В последний раз я слышал о нем в начале 60-х годов. Тогда Ма Хай-дэ жил в Пекине, был женат на китаянке, имел детей и пользовался, как и прежде, общей симпатией. Политического веса он не имел, но у него были прекрасные отношения со всеми вплоть до ближайшего окружения Мао, политику которого он горячо поддерживал. Насколько я его знаю, он, наверняка, благополучно пережил и «культурную революцию».

Как уже говорилось, летом или осенью 1937 года в Яньань приехала Агнес Смэдли вместе с женой Эдгара Сноу Элен. С ними прибыл большой багаж, ящики с книгами, граммофон, пластинки и т. д. Можно было подумать, что Агнес собирается навсегда поселиться в Особом районе Шэньси — Ганьсу — Нинся. Так как Сноу уже опередил ее с биографией Мао, она остановилась на Чжу Дэ. Однако из Чжу Дэ и слова нельзя было вытянуть о критических периодах революционных боев и о внутрипартийных распрях, поэтому ей пришлось в своей книге «Великий путь» эти моменты обойти, а многое вообще черпать из других, часто весьма сомнительных источников. Примерно через год она уехала. Книги, пластинки и прочее она раздарила в Яньани. Элен Сноу, занимавшаяся в основном социально-экономическими исследованиями, уехала еще раньше, пробыв в Яньани всего несколько месяцев.

Мао часто наносил визиты Элен Сноу и Агнес Смэдли. Случалось это и в моем присутствии. Он, однако, насколько мне известно, не разговаривал с ними на серьезные политические темы. Других партийных руководителей — Ло Фу, Бо Гу, Чжоу Энь-лая, не говоря уже о Ван Мине, я никогда не видел в обществе этих женщин.

Агнес Смэдли и Элен Сноу, судя по их высказываниям, явно тяготели к троцкизму. Они обожали Мао, скептически относились к единому национальному фронту, гражданскую войну считали главным двигателем, а яньаньский образ жизни — основной формой общественного развития Китая. Их не смущало, что Мао игнорировал рабочий класс, а важнейшую движущую силу и опору национальной и социальной революции видел в крестьянстве и городской мелкой буржуазии. В разговоре с третьими лицами я

иногда иронически называл их взгляды «видоизмененным троцкизмом».

Зимой 1937/38 года в Яньань прибыл канадский хирург доктор Бетьюн, известный в литературе как «врач трех континентов», с хирургической сестрой. Они привезли необходимое медицинское оборудование. Доктор Бетьюн, не интересовавшийся политикой, сразу же начал решительно добиваться отправки на фронт для организации там действенной санитарной службы, срочно оборудовать крайне необходимые полевые госпитали и внедрять современные методы лечения — переливание крови, антисептику и т. п. Это и составляло главный предмет его многочисленных разговоров с Мао. Через пару месяцев он отправился в 8-ю армию, в Пограничный район Шаньси — Чахар — Хэбэй, но уже без хирургической сестры, которая не выдержала суровых условий и вернулась домой. Доктор Бетьюн проделал на фронте, а точнее, в новых революционных базах поистине титаническую работу. В ноябре 1939 года он умер от заражения крови, которое получил во время операции под вражеским обстрелом. Доктор Бетьюн был похоронен с большими почестями, вполне им заслуженными.

Кстати, почти одновременно с доктором Бетьюном в Яньани появился санитарный отряд гоминьдана из десяти женщин, который, правда, пробыл всего несколько месяцев. Не могу сказать, отправился ли этот отряд к доктору Бетьюну (некоторые обстоятельства как будто подтверждают это предположение) или вернулся обратно в гоминьдановский Китай. В Яньани о нем не осталось ни плохих, ни хороших воспоминаний.

В 1938 году в Яньань прибыла санитарная комиссия Лиги наций. Была построена баня с дезкамерой, заведение, несомненно, нужное, но не сыгравшее существенной роли в крайне бедной службе здравоохранения Пограничного района. Впрочем, члены комиссии, все без исключения европейцы, чувствовали себя скорее туристами. Возможно, кое-кто из них по совместительству выполнял и агентурные задания. Их страсть к фотографированию отчасти подтверждала это.

Совершенно иной была группа врачей из Индии. Она состояла из четырех-пяти опытных врачей, среди которых был хирург доктор Котнис. Через некоторое время он с одним своим коллегой направился в 8-ю армию для работы в новом полевом госпитале. Другие индийские врачи

оборудовали в окрестностях Яньани поликлинику для бойцов и гражданского населения. Они несколько раз приглашали меня к себе. Хотя они и не являлись коммунистами, но придерживались весьма прогрессивных взглядов и в любую минуту готовы были прийти на помощь. Мне показалось, что Мао Цзэ-дун не балует их своим вниманием. Они были полностью предоставлены самим себе и обходились исключительно собственными запасами. Что с ними произошло дальше, мне неизвестно.
Из других иностранцев мне припоминается только рыжеволосый новозеландец, который занимался организацией производственных кооперативов. Он бегло говорил по-китайски, поскольку до прибытия в Яньань делал то же самое в течение многих лет в гоминьдановском Китае. Он подружился с Ма Хай-дэ и усердно стучал в его пещере на портативной пишущей машинке. Он остался в Китае и после победы Народно-освободительной армии. Возможно, это был Реви Аллей, книгу которого «У народа сила», изданную в Пекине в 1954 году, я позже читал.
С 1938 года американцы начали систематически появляться в Яньани, правда в первое время неофициально. Сначала приехала группа буржуазных журналистов, в том числе китаеведов, поездка которых финансировалась фондом Форда. Они получили разрешение свободно разъезжать по Особому району, разумеется, с сопровождающими и переводчиками. Судя по всему, они зондировали почву для прибытия американского военного атташе, который действительно появился с небольшим штатом в 1938 году. Он несколько недель пробыл в Яньани и вел там секретные переговоры. Об их содержании мне ничего не было известно, но, по слухам, задача атташе заключалась в том, чтобы выяснить боеспособность 8-й армии и возможности полного примирения коммунистической партии и гоминьдана, а также тесного сотрудничества с США. Успех его миссии укрепил бы позиции США в Восточной Азии в противовес Японии и одновременно ослабил бы влияние Советского Союза. Военный атташе уехал, как говорится, не солоно хлебавши. Отношения между Мао Цзэ-дуном и его американскими партнерами по переговорам стали прохладными: США снова начали делать ставку исключительно на Чан Кай-ши и гоминьдан. Мао же со своей стороны все больше ориентировался на Советский Союз. Это

не помешало ему, однако, в 1941 году саботировать предложения о координации действий в случае японского нападения на советский Дальний Восток. В 1944 году Мао установил новые, на этот раз официальные, контакты с представителями США. Флирт с американцами был характерен для беспринципной прагматической политики лавирования между империалистическими Соединенными Штатами и социалистическим Советским Союзом, которую проводил Мао, исходя из своего старого тезиса о том, что Китай-де является центром противоречий в мире.
Недавно я прочитал, что первые контакты между маоистским руководством и представителями правительства США, точнее, Пентагона имели место якобы только в 1944 году. Я же абсолютно уверен, что они начались еще в 1938—1939 годах. Только тогда речь шла о секретной миссии, неофициальных контактах, чем, вероятно, и объясняется тот факт, что как китайская, так и американская стороны умалчивали об этом до самого последнего времени.

* * *

Я уже рассказывал о развитии Особого района Шэньси — Ганьсу — Нинся и революционных опорных базах 8-й полевой армии (18-й армейской группы) во время антияпонской войны. Тем не менее в заключение я, не боясь повториться, хотел бы особо выделить некоторые моменты, которые, как мне кажется, и сегодня имеют актуальное значение. Не случайно в последнее время в Пекине раздаются голоса, требующие возврата к так называемому яньаньскому стилю работы. Я усматриваю в этом стремление утвердить некую преемственность между сознательно навязанными Мао Цзэ-дуном методами работы и руководства в условиях жизни того времени и методами нынешней маоистской диктатуры с ее военно-бюрократическим режимом и великодержавно-шовинистической, антисоветской внешней политикой, чтобы придать всему этому налет «революционности». И действительно, такая преемственность существует, но она носит не объективный, а субъективный характер и обусловлена особенностями классовой борьбы и обстановки в Китае, использование которых позволило Мао установить в партии и государстве свою единоличную власть и проводить свою одновременно и утопическую и реакционную политику.

Основные черты так называемого яньаньского стиля работы начали складываться еще во время моего пребывания в Китае. Их можно обобщить четырьмя девизами: самоснабжение, милитаризация, линия масс, национализм.

Местное и региональное самоснабжение было неизбежным следствием тогдашнего тяжелого положения. Северо-Западный Китай издревле был голодным районом. Малочисленное местное население с трудом могло прокормить себя. Поэтому и снабжение Красной армии наталкивалось на трудности, которые преодолевались благодаря продовольствию и потребительским товарам, захваченным во время Восточного похода и других операций. Однако 8-я армия действовала за пределами Шэньси — Ганьсу — Нинся, да она и не могла обеспечить снабжение Особого района, поскольку сама сталкивалась со все возраставшими трудностями. В тот же период из городов, захваченных японскими войсками или находившихся под угрозой захвата, а также из гоминьдановских районов хлынули в Яньань десятки тысяч людей. В конце 30 — начале 40-х годов Пограничный район Шэньси — Ганьсу — Нинся был блокирован гоминьдановскими войсками, а новые революционные опорные базы — японскими оккупантами и китайскими марионеточными войсками. По решению партии и правительства все партийные и правительственные органы, войсковые части и учебные заведения, учреждения и организации обязаны были перейти к самостоятельному производству зерна и овощей для собственного потребления. Для этого использовались, как правило, пустовавшие земли, дававшие весьма скудный урожай. Именно такими методами удалось избежать голодной смерти.

В 60-х годах, хотя положение коренным образом изменилось, маоистское руководство снова прибегло к системе самоснабжения в сельском хозяйстве и промышленности товаров широкого потребления. Однако цель уже была совершенно иной. Это делалось не для того, чтобы устранить острый кризис в снабжении населения, а чтобы использовать государственные средства для расширения военно-промышленного комплекса, куда были брошены также и лучшие научно-технические кадры.

Милитаризация всех областей жизни в 30-е годы опиралась на определенные традиции гражданской войны и прежде всего Великого похода. Если не считать нелегальных партийных организаций в гоминьдановском Китае,

которыми Центральный Комитет долгое время не мог непосредственно руководить, то после ухода из прежних советских районов вся партийная жизнь сосредоточилась исключительно в армии. В этих условиях ни о какой внутрипартийной демократии и демократических формах общественной жизни и говорить не приходилось.

В Пограничном районе Шэньси — Ганьсу — Нинся и новых революционных опорных базах была возможность, по крайней мере в скромных размерах, вернуться к ленинским нормам партийной жизни и ввести демократические методы руководства. Этого сделано не было. Военный стиль работы и армейская военная дисциплина были перенесены из армии в партию и распространены на всю общественную жизнь. Это не касалось только той части местного населения, которое не было связано с военными и гражданскими учреждениями. Партийные и правительственные органы не избирались, а назначались. В последние годы моего пребывания в Китае я был постоянно и тесно связан с первичной партийной организацией, но никогда не был свидетелем каких-либо выборов.

В гражданских учреждениях, в учебных заведениях и других организациях также был введен строгий военный режим. Сотрудники, функционеры, преподаватели, слушатели и даже деятели искусств находились фактически на казарменном положении. Они жили, трудились и учились большей частью в пещерах (которые вырыли сами), причем по строгому распорядку дня. Семейным в конце недели предоставляли отпуск, который попросту называли «либайлю» («суббота»).

В руководящих органах партии и правительства, меньше на самом верху, в Центральном Комитете, зато больше на среднем и низшем уровнях, доминировали командиры и политработники армии. Чаще всего они отвечали за практическую работу и держали в своих руках исполнительную власть. В условиях войны такое положение, безусловно, имело свои преимущества, и мы не воспринимали эти методы работы и руководства как недемократичные, а тем более как антипартийные. Путь от принятия решений до их претворения в жизнь был сокращен и упрощен, что обеспечивало точное и своевременное выполнение поставленных задач. С другой стороны, Мао Цзэ-дун мог все шире опираться на армейские кадры для укрепления своей единоличной власти и проведения своего политического

курса. Доминирующую роль армия, как известно, продолжала играть и в дальнейшем — не только в период антияпонской войны и последовавшей за ней народно-освободительной войны, но даже после победы, в первые годы существования Китайской Народной Республики. В 50-х годах, насколько я могу судить, ее влияние уменьшилось, но с 60-х годов армия, как орудие в руках группы Мао, утвердила свое господство во всех без исключения — от экономики до культуры — областях жизни и стала главной опорой диктаторского режима маоистов.

Разумеется, военно-казарменные методы не могли надолго заменить ни внутрипартийную, ни вообще демократию. И выход был найден и «теоретически обоснован». Была провозглашена так называемая «линия масс», выдвинутая впервые в конце 30-х годов. С ее помощью Мао Цзэ-дун якобы черпал идеи из глубин народа. В действительности же «линия масс» заимствована из военной практики, а точнее — из методов работы армейских политотделов. Принятые наверху решения — партийные и административные — спускались вниз для исполнения так же, как приказы. Их выполнение обеспечивалось административными и дисциплинарными мерами. «Линия масс» состояла, в сущности, только в том, что она обязывала разъяснять членам партии и всему населению, как всегда делалось в армии, приказы, изданные на основе единоличных решений Мао Цзэ-дуна, и обеспечивать их выполнение. Агитация и пропаганда ограничивались тем, что населению — по большей части неграмотному — с помощью простых и броских лозунгов объявлялось о решениях, которые были приняты наверху, и о мероприятиях, в которых ему предстояло участвовать. То же делалось и с помощью театральных представлений с участием танцоров и певцов.

С 60-х годов «линия масс» снова приобретает все более всеобщий характер и развивается в новых формах. Восхваляемая как «высшая форма демократии», она служит тому, чтобы устранить в партии последние следы демократического централизма и подавить в зародыше любую оппозицию внутренней и внешней политике группы Мао Цзэ-дуна. Проведение «линии масс», по сути, не допускает никакой критики снизу. Следовательно, эта «линия» не дает никаких критериев для определения того, соответствует ли диктуемая сверху политика интересам масс, от имени которых выступает Мао Цзэ-дун. Зато это теоретическое

«изобретение» позволяет ему с макиавеллиевским коварством сталкивать друг с другом различные классы общества, слои народа, натравливать друг на друга отдельных лиц и, опираясь то на одних, то на других, избавляться от всех мнимых и действительных противников, круша направо и налево и не щадя своих бывших соратников по борьбе.

Поскольку Мао Цзэ-дун, опираясь на армию, лавировал между классами, его режим приобрел бонапартистские черты. Социальной базой маоизма были и остаются самые отсталые мелкобуржуазно-крестьянские слои, в то время как в рабочем классе он всегда видел только производящий класс, но не класс, призванный историей взять власть в свои руки и в конечном счете освободить человечество.

Мелкобуржуазные слои в качестве основы нового общества, позднее дополненные и усиленные теми кругами национальной буржуазии и даже феодалами и милитаристами, которые решились на антиимпериалистическую войну против Японии, а после победы Народно-освободительной армии над гоминьдановским режимом признали Китайскую Народную Республику, создали весьма питательную почву для процветания идей национализма. Еще в 30-х и 40-х годах Мао Цзэ-дун рассматривал национализм как яркое проявление, как специфическую форму классовой борьбы в Китае. В 60-х годах дальнейшая эволюция его взглядов привела Мао Цзэ-дуна на позиции вполне откровенного великодержавного шовинизма.

Не следует забывать, что население революционных опорных баз в подавляющем большинстве состояло из крестьян и, хотя в меньшей мере, из ремесленников и других представителей мелкой буржуазии. Представителей буржуазии, феодалов, а также рабочего класса было ничтожное меньшинство. Таким же был и социальный состав 8-й армии, в которую сотнями тысяч вливалось это население. Несколько иная картина наблюдалась в Яньани. Сюда направлялись из разных городов десятки тысяч молодых интеллигентов — преподаватели и студенты, чиновники и служащие, художники и писатели, работники других сфер умственного труда, но не рабочие и крестьяне. Всех их объединяло одно патриотическое стремление — освободить родину от японских агрессоров.

Прибывавшие в Яньань интеллигенты в различных высших школах и академиях, важнейшие из которых я уже

называл, проходили трех — шестимесячные курсы обучения, что диктовалось быстро возраставшей потребностью в кадрах. Яньань превратилась в беспримерный учебный центр, а «Канда» — в важнейшее заведение по подготовке кадров. Число слушателей в «Канда» резко возросло — с нескольких сот в 1936 году до нескольких тысяч в 1939 году. Там имелась блестящая возможность ознакомить цвет китайской молодежи с научным социализмом, с основами марксизма-ленинизма. Однако этой возможностью почти не воспользовались. Вместо этого Мао в своих лекциях развивал собственную концепцию политической и военной стратегии и тактики революционной войны, не делая при этом практически никакого различия между борьбой против внутреннего и внешнего врага. Эта концепция в общем и целом совпадала с тем, что говорил Мао на 6-м пленуме ЦК в конце 1938 года, и с содержанием тех работ, которые вошли в его «Избранные произведения».
Когда я, работая над «Записками», внимательно перечитал эти статьи, то не мог отделаться от впечатления, что они утратили некоторые акценты, которые содержались в лекциях Мао. Я их помню довольно хорошо, так как обсуждал в свое время с китайскими друзьями, которые никак не могли увязать содержание лекций с официальными документами ЦК. Во-первых, Мао, как и прежде, в крайне резком тоне огульно обвинял гоминьдан и Чан Кай-ши в измене национальным интересам страны и подчеркивал, что победа над Японией могла быть одержана только в одновременной борьбе против этих враждебных народу «реакционеров». Во-вторых, он всегда твердил, что политические проблемы Китая, как внешние, так и внутренние, могут быть решены только с помощью оружия и что поэтому вооруженные силы следует рассматривать как решающий фактор проведения политики. В-третьих, этот тезис он подкреплял примерами из истории Китайской империи, которая постоянно вела войны и в результате стала столь могущественной. В этой связи он любил цитировать высказывания государственных деятелей и полководцев древности, которым, как он говорил, «стоит подражать». Так, он уже тогда стремился перевести в русло шовинизма истинный патриотизм и оправданные чувства национальной гордости своих слушателей. В речах, а также в беседах вне университета Мао охотно и часто проводил параллели с фактами из истории Китайской феодальной империи, стремясь осо-

бенно подчеркнуть роль, которую играли в ней «великие люди». Он не скрывал своего восхищения Цинь Ши-хуаном, первым императором династии Цинь, который более 2 тысяч лет назад в кровавой 24-летней войне утвердил свою власть над всем Китаем, воздвиг, пожертвовав миллионами человеческих жизней, Великую стену для защиты от нападений кочевников и устроил, пожалуй беспрецедентное в истории, сжигание книг с целью вычеркнуть из истории все, что предшествовало его правлению.
Мао восхвалял также и Чингисхана, который в эпоху раннего средневековья сколотил мировую империю, простиравшуюся от Желтого моря до Европы. Почитание Чингисхана зашло так далеко, что, когда в 1938 году гоминьдановские власти перевозили его мнимую гробницу из Внутренней Монголии в Северо-Западный Китай, чтобы спасти ее от японцев, жителей населенных пунктов Северной Шэньси, находившихся поблизости от дороги, по которой двигался кортеж с гробницей, призвали отдать дань уважения оружию этого монгольского завоевателя. Смешавшись с толпой, я с любопытством наблюдал, как люди по знаку сгибались в поклоне.
Но уж и вовсе идолом Мао Цзэ-дуна, кажется, был Лю Бан, сын крестьянина, ставший полководцем и после гибели династии Цинь основавший династию Хань, от которой до сего дня ведет свое наименование ханьская (китайская) нация. Намекая на то, что при династии Хань «Срединная империя» достигла своего наивысшего расцвета и наибольших размеров, Мао полушутя, полусерьезно (никогда нельзя было понять, чего больше в его высказываниях, если он не доводил мысль до конца) говорил: то, что удалось крестьянскому сыну в старые времена, тем более по плечу крестьянскому народу в новые времена — в XX веке. Я как-то прочитал, что Мао еще в ранней юности восторгался Лю Баном и мечтал последовать его примеру. Не преувеличивая значения этого эпизода из его биографии, я могу вполне думать, что всю свою жизнь Мао остался верен этой мечте.
Как Мао Цзэ-дун представлял себе создание нового «Великого Китая», оставалось его тайной. Лишь много лет спустя я прочитал в английском издании книги Эдгара Сноу «Красная звезда над Китаем» [1], что еще в 1936 году Мао,

[1] См. *Эдгар Сноу.* Красная звезда над Китаем, стр. 110.

отвечая на вопрос автора, сказал, что «непосредственная задача Китая состоит в том, чтобы не только защитить свой суверенитет по эту сторону стены, но и вернуть все утраченные территории». Там же я прочитал, что Индокитай, то есть весь Вьетнам, Лаос и Камбоджа, а также Монгольская Народная Республика были названы Мао членами будущей «китайской федерации». А в 1964 году он, как известно, совершенно открыто заявил о своих притязаниях на советский Дальний Восток. Итак, еще в 30-х годах существовали идеологические и политические зачатки сегодняшнего великодержавного шовинизма, в который перерос мелкобуржуазный национализм Мао.

Идеи Мао нашли благодатную почву среди чуждой пролетариату молодой интеллигенции в Антияпонском университете и других учебных заведениях. Сознание молодежи было затуманено идеями Мао. То немногое, что узнавала она из основ марксизма-ленинизма, преподносилось под предлогом «творческого применения» к условиям Китая в китаизированном, точнее говоря, в маоизированном виде. В плоть и кровь этой молодежи вошел также военный стиль руководства, включавший в себя самоснабжение и «линию масс». Именно из этой молодой интеллигенции выросли впоследствии руководящие кадры, занявшие ключевые посты в партии и армии, государственном аппарате и народном хозяйстве. Неудивительно, что Мао в своей борьбе против марксистов-интернационалистов мог опираться на основную массу этих кадров. Неясна была лишь степень надежности и долговременности этой опоры.

В процессе борьбы и созидательного труда в 40-х и 50-х годах, когда сильное воздействие на умы китайских коммунистов стало оказывать международное коммунистическое движение, когда они ощутили братскую помощь социалистических стран, прежде всего Советского Союза, у многих возникли сомнения в правильности теоретической платформы и практической политики Мао Цзэ-дуна. И он прибег к печально известным «чисткам», вылившимся в так называемую «культурную революцию», которая ударила как по яньаньским кадрам, так и по ветеранам революции.

В один из воскресных дней осенью 1939 года, незадолго до восхода солнца, меня разбудил посыльный из Центрального Комитета. Он передал мне записку от Ло Фу, в которой говорилось: «Немедленно поезжай на аэродром, ты летишь в Москву». Легко представить охватившие меня чувства. После нескольких лет полной изоляции от внешнего мира — и вдруг такое сообщение! С лихорадочной поспешностью я оделся, наспех попрощался с Ли Ли-лянь, которая приехала в отпуск из Академии художеств, и с другими обитателями пещеры, вскочил на своего чахарского пони и галопом помчался на аэродром.

Там в окружении многих видных деятелей стоял Мао Цзэ-дун. Он прибыл проводить Чжоу Энь-лая, который вместе с женой и приемной дочерью тоже летел в Москву. Для него Чан Кай-ши прислал свой личный самолет — американский «дуглас». Самолет стоял наготове, но отлет задерживался. Ко мне подошли проститься мои старые знакомые, узнавшие, что я покидаю Китай. Даже Мао Цзэ-дун пожелал мне счастливого пути. Он сделал это с холодной вежливостью, не сказав ни слова благодарности или признательности. Тем временем на аэродроме появилась Ли Ли-лянь. Она хотела лететь со мной. Я попросил разрешения на ее отъезд у Мао. Он отослал меня к Ло Фу, а тот заявил, что для нее нет визы на въезд в Советский Союз. Вмешался Чжоу Энь-лай и пообещал все уладить в Москве. Не знаю, пытался ли он выполнить свое обещание, но Ли Ли-лянь я уже больше никогда не видел.

Наконец мы вылетели. В Ланьчжоу Чжоу Энь-лай со своей семьей отправился на советский опорный пункт. Меня же У Сю-цюань, руководитель пункта связи коммунистической партии в Ганьсу, мой бывший переводчик, привез в партийную гостиницу. На следующий день советская машина доставила в гостиницу приемную дочь Чжоу Энь-лая, а меня отвезла на опорный пункт. Комендант сказал, что он настоял на этом, так как считает меня военнослужащим Советской Армии. Через несколько дней на советском самолете мы вылетели в Урумчи. Там сразу после нашего прибытия из-за меня опять разгорелся спор у коменданта советского опорного пункта с Чжоу Энь-лаем. На сей раз верх одержал Чжоу, и мы вчетвером перебрались в гостиницу КПК. Дальнейший полет в Москву через Алма-Ату, Ташкент и другие города протекал без всяких проис-

шествий. Наше путешествие продолжалось три недели. Виной тому была капризная осенняя погода.

По прибытии в Москву я неделями отвечал на вопросы, писал отчеты и развернутые докладные. Я чувствовал себя не в своей тарелке, но думал, что это обычная канцелярская процедура. В конце концов мне надо было отчитаться за проделанную в течение семи с половиной лет работу. Однако скоро я понял, что за этим скрывается нечто большее. В декабре я был приглашен на многодневную беседу с представителями КПК, среди которых кроме Чжоу Энь-лая был и младший брат Мао Цзэ-дуна Мао Цзэ-минь. Присутствовали также и некоторые руководящие работники ИККИ. Мао Цзэ-минь предъявил мне нелепые обвинения, которые, правда, не произвели на присутствующих ни малейшего впечатления. «Главным обвинителем» выступал Чжоу Энь-лай. Только теперь я понял, почему в Ланьчжоу и Урумчи он так настаивал на том, чтобы держать меня под «китайским покровительством». В основном он говорил о моей позиции в отношении мятежа 19-й армии Цай Тин-кая в начале 1934 года и о предложенной мною тактике внезапных коротких ударов во время 5-го похода Чан Кай-ши. Что касается фуцзяньских событий, то он вынужден был пойти на попятный, когда я рассказал, как обстояло дело в действительности. В этом вопросе Чжоу пришлось в некоторой степени меня оправдать. По поводу предъявленного мне упрека в «пассивной обороне» Чжоу высказывался крайне осторожно, ибо он сам защищал стратегию изматывания противника в затяжной войне, в то время как я придерживался гибкой тактики, хотя и не по образцам Мао. Ни слова не было сказано о моих разногласиях с Мао из-за его стратегического плана, закончившегося Восточным походом, хотя я об этом в свое время сообщал.

Впоследствии я узнал, что Чжоу Энь-лай и Мао Цзэ-минь получили от Мао Цзэ-дуна задание добиться в Москве не только моего исключения из партии, но и физического уничтожения как врага народа. Самым веским доказательством моей вины для ИККИ должно было послужить «Решение» в Цзуньи, полный текст которого до тех пор, повидимому, не был известен. Однако замысел Мао рухнул. Правда, меня уволили из армии и на долгие годы отстранили от дел, связанных с Китаем. Кроме того, мне порекомендовали не распространяться о моем пребывании

в Китае. Я строго придерживался этой рекомендации. Я верил, однако, что марксистско-интернационалистская линия в конечном счете одержит верх в политике Китая. Эти надежды вплоть до второй сессии VIII съезда КПК в 1958 году имели под собой все основания. И я не считал возможным говорить о тех разногласиях в руководстве КПК, которые имели место в прошлом. Только в 1964 году, когда антисоциалистическая, антисоветская политика правящей маоистской группировки стала ясна всему миру, я выступил в центральном органе СЕПГ «Нойес Дойчланд» со статьей «От чьего имени говорит Мао Цзэ-дун?».

Ни разу я не подвергался в Советском Союзе никаким ограничениям личной свободы, ни тем более репрессиям. Напротив, я спокойно жил и работал в Москве, а во время Великой Отечественной войны занимался ответственной политической работой. Тем не менее травля, организованная Мао Цзэ-дуном против меня, и ее последствия оказали длительное отрицательное влияние на всю мою дальнейшую жизнь. Я слышал также, что в соответствии с пословицей «Метят по мешку, а бьют по ослу» дело, начатое против меня, замышлялось как начало травли целой группы видных работников партии, взявших в 1931 году руководство КПК в свои руки. Мао Цзэ-минь, Линь Бяо и другие сторонники Мао Цзэ-дуна, находившиеся тогда в Москве, плели тайные интриги против Ван Мина, Бо Гу и Чжоу Энь-лая. Но все их усилия оказались тщетными.

Сейчас все это уже не имеет особого значения. Мао Цзэ-дун давно уже разоблачил себя как врага рабочего класса, мирового коммунистического движения и Советского Союза. Поэтому я не стану здесь повторять то, что писал в свое время о некоторых источниках и тенденциях развития маоизма (см. «Хорицонт», 1969, № 38).

Хотелось бы только особо подчеркнуть, что отношение к Советскому Союзу, по моему глубокому убеждению, было и остается мерилом подлинной революционности каждого коммуниста, к какой бы национальности он ни принадлежал и в каких бы обстоятельствах ни находился. Этим я руководствовался и в Китае, неизменно защищая интересы советского народа, воплощенные в политике Советского правительства, как я их понимал, в тяжелейших условиях и полной изоляции. И я горжусь тем, что это испытание выдержал.

* * *

На этом заканчиваются «Записки» о моем пребывании в Китае. Я добросовестно изложил все, что видел и пережил — от политических и военных событий до перипетий личной жизни,— и надеюсь, что мои воспоминания помогут лучше понять истинные причины трагедии китайской революции и Коммунистической партии Китая, истоки которых восходят к далеким 30-м годам.

В основу настоящих «Записок» положена серия статей «От Шанхая до Яньани», опубликованная в 1969 году в еженедельнике «Хорицонт» (№ 23—38), разумеется с соответствующими уточнениями, исправлениями и дополнениями. В то время у меня еще не было почти никаких документов, и мне приходилось полагаться только на свою память. Если учесть, что свыше четверти века я не занимался китайским вопросом, то становится понятным, что мои первые статьи не могли претендовать ни на полноту, ни на точность освещения событий тех лет. Тем не менее я надеюсь, что мне удалось дать достоверную картину основных процессов и тенденций.

При написании данных «Записок» в моем распоряжении уже был документальный материал и соответствующая литература, что позволило перепроверить и дополнить воспоминания. И все-таки, несмотря на все мои старания воссоздать события с исчерпывающей полнотой и достоверностью, вплоть до мельчайших, подчас несущественных подробностей, мне не удалось избежать неясностей, неточностей и пробелов.

Так, например, я упоминаю (стр. 96) свою статью о тактике коротких внезапных ударов. В лондонском журнале «Чайна Куотерли» (1970, № 43) появилась статья «Хуа Фу, пятый поход и совещание в Цзуньи», автор которой некий Ху Цзи-си утверждает, что в военном журнале «Революция и война» под именем Хуа Фу было опубликовано в общей сложности восемь моих статей. Я этого совершенно не знал и не могу допустить, что память изменяет мне до такой степени. Объяснение этому странному факту дает, возможно, примечание 4 к упомянутой статье. Оказывается, имелось два издания журнала «Революция и война». Одно из них принадлежало Политическому управлению китайской Красной армии. Два номера этого издания вышли в августе 1932 года во время совещания в Нинду. Второе издание принадлежало Реввоенсовету Цен-

трального правительства Китайской советской республики. Первый номер второго издания появился в ноябре 1933 года, а девятый, и, видимо, последний,— в сентябре 1934 года. Восемь статей Хуа Фу вышли во втором издании журнала «Революция и война». Действительно, в то время мне приходилось регулярно разрабатывать для Военного совета анализы обстановки и рекомендации, которые, очевидно, и публиковались без моего ведома в этом издании, предназначавшемся для узкого круга военных руководителей. И вполне понятно, что мое китайское имя Ли Дэ, которое можно перевести как «немец Ли», заменили при этом на Хуа Фу («китайский человек»).

Кстати, автор статьи, ссылаясь на документы, в подлинности которых я не сомневаюсь, поскольку сам получил фотокопии и обратные переводы некоторых статей Хуа Фу, довольно убедительно доказывает, что автором стратегии «затяжной войны», которая вменялась мне в вину, был Чжоу Энь-лай. Кроме того, он, обращаясь к соответствующим документам (см. упомянутую статью, примечания 29 и 30 на стр. 38), показывает, что Чжу Дэ и Пэн Дэ-хуай хотя с опозданием, но решительно поддержали тактику коротких внезапных ударов. Это — еще одно свидетельство того, что Мао Цзэ-дун, обвиняя меня в Цзуньи в «пассивной обороне» и «монополизации военного руководства», ставил факты с ног на голову.

Даже один этот пример, которым я и ограничусь, говорит о том, что еще остались вопросы, требующие дальнейшего уточнения. И здесь свое решающее слово скажут историки. Мои воспоминания воссоздают картину, которая сложилась у автора на основе личного восприятия реальных событий. Свидетельства очевидца дадут, возможно, новые отправные точки историкам, которые в основном руководствуются в своих исследованиях официальными документами и взглядами.

Автор настоящей книги ставил перед собой задачу разоблачить маоистских фальсификаторов истории и тем самым внести свою скромную лепту в идеологическую борьбу против маоизма. Под таким углом зрения она и должна восприниматься читателями.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Первая из статей Хуа Фу, упомянутых в настоящей книге, была опубликована в начале апреля 1934 года и, судя по содержанию, служила своего рода введением во втором издании журнала «Революция и война».

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Красная армия Центрального советского района вела успешные бои против гоминьдановских войск и одержала много крупных побед. Эти победы явились результатом умелого сочетания окружения маршевых колонн противника, ударами по его флангам в маневренной войне и развертывания партизанской войны в его тылу. Наглядно проявились главные преимущества революционных войск: высокая подвижность, решительные действия и дерзкие внезапные удары.

Противник получил в прошлом немало горьких уроков. Проводимая им пятая «карательная экспедиция» коренным образом отличается от предыдущих походов. В стратегическом отношении противник полностью отказался от прежней цели — быстро навязать решительное сражение. Теперь он преследует цель постепенно истощить наши людские и материальные ресурсы. Для достижения этой цели он применяет своеобразную, специфическую тактику. Характерной чертой этой тактики является концепция «войны блокгаузов», имеющей целью постепенно сжать кольцо блокады вокруг нашего советского района, лишить нас возможности вести маневренную войну и отрезать наши партизанские отряды, которые ведут боевые действия в его тылу, от главных сил Красной армии. В результате советский район и, следовательно, Красная армия окружены густой сетью укреплений. Противник использует современную военную технику (пулеметы, гранатометы, артиллерию), концентрирует на поле боя мощные огневые средства, поддерживает и усиливает свою слабую пехоту авиацией. Очевидно, что перед лицом этой тактики противника уже недостаточны обычные методы партизанской войны, которые применялись нами в прошлом. Для достижения, вопреки избранной противником новой тактике, решительной победы Красная армия должна овладеть и применять принципы современной военной тактики. Таким образом, наша армия, сохраняя свои прежние преимущества, должна вместе с тем обогатить их новыми методами ведения боевых действий. В существующих условиях новая тактика должна основываться на трех основных положениях:

1. Для ведения партизанских действий высылаются небольшие боевые группы с задачей сковывать, ослаблять и дробить силы противника. Эти группы действуют вместе с местными частями, оперирующими в тылу и на флангах противника, и иногда противостоят противнику с фронта. Они смогут выполнить важные задачи, которые поставлены перед ними, только в том случае, если, опираясь на население, будут вести боевые действия инициативно, стремительно и решительно. Кроме ведения партизанских действий на боевые группы возлагается также задача разрушать автомобильные дороги, инженерные сооружения, укрепления противника, а также отсекать его от укреплений.

2. На главных направлениях наступления противника создается система обороны, которая служит для непосредственной защиты советского района. Она сможет выполнить свою задачу только в том случае, если удастся минимумом людей и оружия (включая боеприпасы) сковать максимум сил противника. Для достижения этой цели в стратегических пунктах сооружаются отдельные бункеры или укрепленные позиции (группы бункеров), способные выдержать бомбардировку и артиллерийский огонь противника. В гористой местности целесообразны маневренные оборонительные бои. В любой обстановке необходимо постоянно использовать специфические особенности наших войск и, прежде всего, присущую красноармейцам способность героически сражаться с врагом. Оборона всегда должна быть активной. Укрепленные позиции удерживаются ограниченным числом бойцов и огневых средств, тогда как главные силы, действуя из засад, рассеивают и уничтожают противника в предполье короткими внезапными ударами и налетами. Пассивная оборона неизбежно ведет к поражению.

3. Главные силы сосредоточиваются на одном направлении, с тем чтобы наносить противнику за пределами зоны укреплений короткие внезапные удары и уничтожать его живую силу. Хотя партизанские действия и оборона необходимы в революционной войне, они тем не менее являются лишь вспомогательными формами борьбы. Решающее значение имеют маневры и внезапные удары главных сил. Только таким путем Красная армия может одержать победу в ходе пятой «карательной экспедиции» и последующих походов противника, а затем перейти в стратегическое наступление.

Вместе с тем необходимо внести изменения и в тактику ведения боевых действий. Противник, как правило, удаляется от своих укреплений на расстояние 10—20 ли (1 ли = 0,5 километра). Нам теперь уже не удается заманить его в глубь нашей территории. Поэтому для нападения на противника надо устраивать засады и

наносить ему уничтожающий удар при его продвижении. Лучше всего атаковать с флангов арьергарды противника, однако можно также молниеносно опрокидывать и его авангарды, но в обоих случаях для полного уничтожения живой силы и захвата вооружения и снаряжения следует отрезать его от исходных позиций. В бой необходимо сразу вводить все силы и средства, с тем чтобы быстро, одним ударом решить его исход.

Все командиры должны овладеть указанными тремя тактическими принципами и хорошо разбираться в вопросах организации боевого охранения, которое необходимо при любом виде боевых действий наших войск. В условиях «войны блокгаузов», когда происходит почти постоянное боевое соприкосновение с противником, который использует современную технику, от этих мер непосредственно зависит успех тактического маневра.

Эти меры включают в себя: разведку посредством лазутчиков и дозорных, головное, боковое и тыловое охранение на марше, полевые заставы вокруг укрепленных позиций, пассивную и активную противовоздушную оборону. Противник использует наши упущения в этой области для неожиданных ночных нападений и воздушных налетов.

Политическая работа в наших войсках и частях противника зачастую ведется так, будто сейчас мирное время. Нам прежде всего необходимо использовать гибкие методы политической работы, особенно в низовых звеньях.

Что касается материального обеспечения, то нам необходимо экономно использовать имеющиеся запасы. Особенно бережливо следует расходовать боеприпасы. Вообще необходимо содержать в полном порядке огневые средства и другие виды вооружения. В этом отношении нам предстоит еще многое сделать.

Новые условия войны требуют от наших красных командиров более энергичных, чем прежде, действий и смелых решений. Они должны уметь быстро и правильно оценивать обстановку, определять численность своих и неприятельских войск, учитывать условия местности в расположении своих и неприятельских войск, а также фактор времени. При этом прежде всего им надлежит научиться быстро принимать твердое решение и без колебаний, неукоснительно проводить его в жизнь. Однако недопустимо, чтобы командиры полагались исключительно на личную храбрость и отвагу, им необходимо сочетать решимость и волю с тактическим искусством. Без этих качеств они не смогут руководить боевыми действиями своих войск в тяжелых условиях современной войны и тем более обеспечить осуществление тактически безукоризненного, гибкого маневра на поле боя.

Политработники должны также уметь быстро оценивать постоянно меняющуюся обстановку и уяснить себе трудные условия боя. Они должны также разбираться в основных принципах военной тактики, чтобы не витать в облаках, а конкретными политическими мерами способствовать достижению победы на поле боя. Журнал «Революция и война» ставит перед собой задачу обучения и совершенствования наших красных командиров и политработников, с тем чтобы они хорошо ориентировались в современной тактике и соответствующих методах политической работы и стали высококвалифицированными красными армейскими кадрами. Большинство наших командиров и политработников — бывшие красноармейцы. У них не было возможности получить систематическое образование, и поэтому они полагаются только на свой практический боевой опыт.

Журнал «Революция и война» должен вооружить их всем богатством знаний, которое дают систематизация и обобщение не только ценного и многостороннего опыта нашей Красной армии, но и всех революционных войн, в особенности гражданской войны в Советском Союзе. Это позволит нашим армейским кадрам повышать свою квалификацию непосредственно на переднем крае, не отрываясь от выполнения своих боевых задач.

Мы призываем наших командиров к активному сотрудничеству, с тем чтобы наш журнал успешно решал эти задачи. Только при слиянии принципов военной и политической работы с каждодневным опытом нашей Красной армии мы сможем решить задачу обучения наших кадров современным методам ведения боевых действий.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

ПЕРЕЧЕНЬ КАРТ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Отто Браун

КИТАЙСКИЕ ЗАПИСКИ

(1932—1939)

Перевод с немецкого
В. А. ЖАВОРОНКОВА,
А. А. ЗВОНОВА,
Ю. МЕДВЕДЕВОЙ

Заведующий редакцией
К. Н. СВАНИДЗЕ

Редактор
Л. С. ОРЛОВА

Младший редактор
Н. К. ДЕНЕЛЬ

Художник
Е. А. ЕЛЕЦКАЯ

Художественный редактор
Г. Д. РАСТОРГУЕВ

Технический редактор
Ю. А. МУХИН

Сдано в набор 11 апреля 1974 г. Подписано в печать 23 сентября 1974 г. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 21.11. Учетно-изд. л. 21.19. Тираж 100 000 (10 001—100 000) экз. Заказ № 3904. Цена в тканевом переплете 1 р. 17 к., в бумажном переплете 1 р. 23 к.

Политиздат. Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

Отто Браун
КИТАЙСКИЕ ЗАПИСКИ